

«Классонята». Родственники Гарденины

Так – «Классонята» – киевские сестры Софья Николаевна Мотовилова и Зинаида Николаевна Некрасова называли между собой детей своей тетки Софьи Ивановны и ее мужа Роберта Эдуардовича Классона – Софью (родилась в 1892-м), Татьяну (в 1896-м), Ивана (в 1899-м), Екатерину (в 1901-м) и Павла (в 1904-м).

Слева направо: Татьяна, Павел, Софья, Екатерина и Иван, ≈1908 г., Москва

Судьба их в начале «линии жизни» была, на первый взгляд, вполне благополучной. Детей обеспеченных родителей обихаживали и учили уму-разуму няня, бонны, гувернантки, домашние учителя. Возможно, лишь отсутствие любви родителей друг к другу, а затем измены отца, случившиеся в Баку, и раздельное проживание супругов несколько омрачали теплую семейную атмосферу.

Через няню Марию Тимофеевну Казакову дети знакомились с сочным простонародным языком. Иван вспоминал, как однажды она, в ответ на жалобы детей по поводу того, что в доме было слишком душно (перетопили печи?), грубовато отреагировала: *«Ишь, дышать им нечем, дышите попой!»* Возможно, от нее же воспринял и потом цитировал уже своим детям весьма практичную рекомендацию: *«Бери пример с царевича Ивана, он на горшок садился рано»* *.

* В неотправленном письме В.А. Бреннеру за 12 апреля 1962 г. И.Р. Классон утверждал, что его окрестили в честь Иоанна Лествичника (который составил и опубликовал в своих трудах «лествицу», т.е. лестницу нравственного самоусовершенствования человека)!

Одно из немногих фото Вани в девчоночьем платье, с няней (Баку, ≈1901 г.)

А Екатерина запомнила следующую сентенцию няни про достававшуюся от старших одежду и обувь: «Сонечка носила, Танечка носила, Ванечка носил, а на тебе, Катенька, все рвется!» Поясним здесь, что в дворянских семьях мальчиков до трех-пяти лет одевали в девчоночье платье, чтобы «обмануть Бога», который прибирал их к себе чаще, чем девочек.

И.Р. Классон в своих черновых записях так тепло отзывался о няне:

Мария Тимофеевна Казакова (урожд. Козлова) родилась еще при крепостном праве, т.е. в 1850-х. Она служила кормилицей несколько раз в семье [Ивана Андреевича и Надежды Кронидовны] Мотовиловых и в семье каретника (из купцов) Серебренникова. Появилась в нашей семье незадолго до моего рождения, как раз по рекомендации маминого двоюродного брата И.А. Мотовилова. Очевидно, у нее был негодный муж: после каждого родов М.Т. сдавала своего ребенка в Воспитательный дом, а сама поступала в кормилицы и очень привязывалась к выкормленным ею детям (а позднее – к своим воспитанникам, когда она нанималась как няня).

Ваня в том же девчоночьем платье, с сестрами Таней и Соней (Баку)

Няня происходила из старообрядческой семьи (крестилась двумя перстами и не любила попов) государственных крестьян, живших в селе Воскресенском на Москвереке (ныне город Воскресенск). Она была неграмотной, в своем детстве не слышала сказок, но она всех своих воспитанников просила ей читать вслух, так что многие сказки запомнила и потом рассказывала следующим поколениям детей, слышала много из старой русской литературы. Однажды Гома (Г.И. Мотовилов) сказал, что няня, оставаясь неграмотной, в сущности стала интеллигентным человеком.

С.Н. Мотовилова в переписке с И.Р. Классоном так вспоминала о контактах с его семьей, когда ее мать Алина Антоновна с детьми жила в Москве:

[П.Э.] Классон у нас бывал или один или с Коробкой, когда тот приезжал из Питера, а тетя Соня у нас, по-моему, не бывала. И я, и [сестра] Зина, мы этого – ее приходов не помнили. Мы ездили к ней в Садовники, там полагалось забавлять Соничку, играть с ней в куклы. Но Классона я здесь никогда не видала. Коробко говорил, что Классону была тяжела домашняя атмосфера, и что он целый день сидел на службе, даже когда там делать было нечего. В моем старом дневнике я как-то читала: приехал Классон, оставил у нас Соничку, а маму увез на своем рысаке.

Я жаловалась, что придется весь вечер играть с Соничкой и затем отвозить ее домой, а я как раз в этот вечер хотела читать о Сен Симоне (здесь и ниже, если особо не отмечено, цитируются документы из ф. 9508 РГАЭ).

В это время Р.Э. Классон работал на Раушской электростанции, значит, эпизод относится к периоду, начиная с августа 1897-го и позже, а Татьяна, родившаяся в октябре 1896-го в Петербурге, была пока такой маленькой, что с ней еще не требовалось играть в куклы.

В более позднем письме, отвечая, по-видимому, на вопросы своего корреспондента (типа, куда это Роберт Эдуардович мог на рысаке увезти Алису Антоновну?, а меня, Ванечку, вы не могли видеть?), С.Н. Мотовилова привела такие подробности:

Весной 1898 года, по окончании [гимназических] экзаменов, я уехала в Германию и вернулась в Петербург только в 1901 году, два года в Германии, год в Англии. Как же я могла Вас видеть, когда Вы родились [только] в 1899 году? И, кроме того, мама с тетей Соней были тогда в ссоре. С Классоном мама не ссорилась. <...> Мама не приезжала к Классону. Она была в Москве у своей подруги [Екатерины] Капканщиковой [(жены купца-миллионщика)], мы жили на Кудринской-Садовой во флигеле, против 4-й гимназии. Тут у нас и бывал очень часто Классон.

<...> Ну так вот, к этим Капканщиковым в Москве и приезжал [в конце 1890-х] Классон, и ехали они с мамой не к Верочке [Пятницкой], а он только подвез маму до Верочкиного дома. Вы были, значит, и богаты. Верочка бывала у Вас, а никто из вас у нее не бывал. И очевидно после приезда тети Сони [из Петербурга с детьми] и она перестала бывать у Классонов.

С.Н. Мотовилова приводила и такой эпизод, о неприличном поведении повзрослевшей Софьи:

Я всегда вспоминаю, как бедная гувернантка, или учительница французского языка [grande] tante Emilie приезжала к бабушке Валерии Францевне в ее имение [Солоновщино в Малороссии] и на все обижалась. Бабушка машинально налила себе первой тарелку супа, а tante Emilie взрывается и говорит: «C'est moi qui suis en visite, madame la generale» [(«Это я у Вас с визитом, я – главная мадам».)] Когда tante Emilie жила в [Мокрой] Бугурне, Ваша Соничка швырнула в нее калошей. Никогда в жизни она не посмела бы сделать это с бабушкой Луизой Францевной. Дети чувствуют отношение взрослых друг к другу.

Последний тезис подтверждался в письме сестры Верочки – Любви Пятницкой из Франции в Киев и воспроизводился в письме сестре Софьи Николаевны – Вере в Лозанну:

<...> Вот Люба пишет, как tante Emilie жила в Бугурне и как все дети ее жалели, потому что тетя Соня вечно над ней насмехалась, и Соничка была с ней очень груба и как-то бросила в нее калошей. Я этого не помню. Верно, это было, когда я уже жила в Веймаре, в 1898-м году. (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

В дальнейшей переписке с И.Р. Классоном С.Н. Мотовилова продолжила эту чувствительную для первого тему:

Вам кажется очень забавным, что Соничка швыряла калошей в tante Emilie и запирала ее на балконе. Нахалка, плохо воспитанная. <...> Я спрашивала Любу Пятницкую, где Соничка могла запереть grande tante Emilie, ведь балкона в Бугурне не было. Она пишет, что инцидент этот помнит, но где он произошел, не знает. Но что Соничка была невыносима в это лето 1898 года. Вас еще на свете не было. Очень грубила tante Emilie. А они – Люба с Верочкой Пятницкой учились ведь в институте и только летом приезжали в Бугурну. А тут сад был громадный, яблок много. Они готовили себе смоквы и пастилы на зиму и клали их сушить на балкон, а Соничка, очевидно назло им, приходила с лейкой и поливала их смоквы и пастилы.

Люба пишет, теперь ей это смешно вспоминать, а тогда они на Соничку очень сердились. Вообще она важничала, в этом году должен был быть плохой урожай, и она (дочь богатого инженера) говорила: «Нам-то это все равно, придется только Вас жалеть».

По Владимиру Далю, смоква – вяленая ягода, большей частью вишня и слива. Скорее всего, в саду у Мотовиловых в Мокрой Бугурне под Симбирском росли не только яблони (из плодов которых можно делать пастилу), но и вишневые и сливовые деревья.

Опять же по воспоминаниям С.Н. Мотовиловой, в 1902-м или 1903-м, когда они пребывали в Петербурге, пришла обрадованная tante Xaverine (она жила на Невском проспекте). И сообщила, что ее приглашала к себе С.И. Классон, которая была проездом в Петербурге и остановилась в Северной гостинице (напротив Николаевского вокзала). Tante Xaverine восхищалась перед Алиной Антоновной и ее дочерьми, как прекрасно по-французски говорят дети Софьи Ивановны. Кажется, Татьяна ей сказала на что-то: «Ah, que c'est bizarre!» («Как это странно!»).

Сохранилось немало писем «Классонят» друг другу и к отцу. Так, маленькая Екатерина пишет еще детским неустановившимся почерком и не всегда грамотно: *«Милый Ваня! Поздравляю тебя с твоими именинами, и с пасхой. Я желаю чтобы ты поскорей выздравел»*. А одна из сестер под диктовку младшего братика записывает: *«Милый Ваня, поздравляю тебя с Ангелом. Папа мне подарил шапку солдатскую, саблю, стадо, а Таня солдатиков, а няня маленького зайчика с яичками*, он мне очень понравился. Мама мне подарила домик, мне очень он понравился. Пава»*.

Это поздравительные послания, без использования почты. Но переписывались Классоны и по-настоящему, когда кто-то из них уезжал из Москвы.

А вот красивая открытка (Христос Воскресе!) за март 1909-го (когда Иван болел скарлатиной и был изолирован от остальных детей):

*Дорогой Ванюша, сыночек! Поздравляю тебя с днем ангела! Желая тебе поскорее выздоравливать. Ты уж прости пожалуйста, что я подарочка тебе не приготовила, очень мне жалко, я тебе потом куплю, как откроются магазины. Павлуше очень понравился [игрушечный] дом, он вчерась ложится спать и говорит: «Как жалко, что Пасха прошла», а я его утешала: «Завтра Аскарловна** придет, тебе подарок принесет». Затем прощай, дорогой Ваня. Павлуша тебя целует и поздравляет. Няня.*

Здесь автор вынужден повиниться перед читателем. Когда он в первый раз расшифровывал текст последней открытки, то «купился» на обращение «сыночек» и решил, что его написала мама Софья Ивановна. Но впоследствии, более внимательно изучив открытку, установил следующие противоречивые признаки: первые три строчки выведены как будто рукой первоклассника – по прописи, а затем письмо продолжил более беглый почерк (под диктовку?); был использован просторечный оборот «вчерась» (который вроде бы не должна употреблять интеллигентная родительница); а также не менее просторечное прозвище учительницы – «Аскарловна». Внизу текста оставалось уже мало места, и потому подпись была выведена двухмиллиметровыми буквами. Автор первоначально принял их за – «мама», а при более внимательном рассмотрении оказалось все-таки – «няня»!

Как видно из сохранившегося любительского фото, в Баку родители устанавливали детям большую рождественскую елку (которую приходилось заказывать в Центральной России?). Сохранились бесхитростные воспоминания И.Р. Классона о «курортно-бакинском периоде» жизни семьи, с множеством занимательных подробностей.

* С пасхальными яйцами, а не с зайчиковыми причиндалами!

** По-видимому, так по-свойски няня обозначила Александру Карловну Шлезингер, учительницу Софьи (см. ниже).

Дорогой Ванюша, сыночек!
 Поздравляю тебя со днём
 ангела! Желаю тебе поскорее
 выздоравливать. Ну уми
 прости пошлость,
 что я подарю тебе
 и приготовила, очень
 люблю тебя, и тебя по
 жалею куклу, и. отк
 иста мазины. Павлину
 очень понравилась до
 отк. вчера ложится спать
 и ложится... К. жалко, что
 "Павлину" а и его ут
 ла. Завтра Аскариный
 день тебе подарю
 и ждёт. Завтра про
 дай другой Ваня Павлину
 тебе и подарю
 и подарю

Предварительный, это 1909 год, когда Ваня был ещё в
 отк. 1909-го года, когда Ваня был ещё в

Открытка от няни, для Ивана, март 1909-го

Открытка от няни, для Ивана, март 1909-го

В 1900-м годовалый Иван подхватил то ли в Боржоме, то ли в Баку дизентерию. Поэтому, начиная с 1901 г., они на лето стали ездить не в Боржом, а на Рижское взморье, по совету московского детского врача Сергея Ивановича Веревкина большею частью в Карлсбад и только одно лето – в Ассерн*.

В Карлсбаде Софья Ивановна снимала большую двухэтажную дачу у заведующего рижской тюрьмой:

Он иногда привлекал подчиненных ему тюремных надзирателей для работы в его довольно большом саду при даче. Наш отец, когда приезжал к нам, в разговоре с мамой называл их «каторжниками», как если бы хозяин дачи эксплуатировал на ней заключенных. <...> В один из проездов через Москву мама показала меня, по поводу экземы, знаменитому детскому врачу Нилу Федоровичу Филатову. И он прописал нафталановую мазь, которая мне очень помогла.

А до этого в Карлсбаде я один раз так расчесал экзему под коленками, что когда она подсохла – при согнутых ногах, то мне было больно выпрямить их, и пришлось полдня сидеть на стульчике, вместе с которым няня переносила меня вслед за петухом (заинтересовавшим меня).

*Дача, где жили Классоны, Карлсбад, 1902 г.
(фото из архива семьи Александровых)*

* Карлсбад (соврем. название – Пумпури) и Ассерн (Асари) – курорты на Рижском взморье.

Ваня и Таня Классон, декабрь 1902 г. (фото из архива семьи Александровых)

И еще милые детали, связанные с семейством врача Веревкина и Карлсбадом:

Сергей Иванович был известным в Москве детским врачом с большой больничной практикой. Его приглашали по телефону, он приезжал в длительно абонированном им экипаже. После осмотра ребенка мать давала ему чистое полотенце и обильно поливала его руки одеколоном (мытья рук водой с мылом после каждого больного он не признавал) и при прощании вручала при рукопожатии 5-рублевый золотой (по покупательной способности около 25 теперешних [советских](#) рублей).

Помню, что в Карлсбаде мы иногда залезали на полуутопленный в земле погреб и палками били крапиву. Однажды в игре Соня очень ловко увернулась от Вани Веревкина, и он обозвал ее «выдрой» – не известным мне тогда словом!

Одно лето у нас служила очень медлительная кухарка, и было принято за обедом, в случае большого перерыва между первым и вторым, чтобы кто-то из детей шел через сад, заглядывал в окно кухни, возвращался и докладывал: «Теперь скоро, уже накладывает котлеты на блюдо».

Ваня на коленях у отца, Баку (любительское фото)

А вот воспоминания И.Р. Классона о своем пребывании в Баку:

Осенью 1903 г. мама с детьми переехала в Москву, и я кое-что из жизни в Баку [уже] помню. В Баку отец с семьей жил сначала в Черном городе (этого я не помню), но вскоре переехал в Белый город – в построенный «Электрической силой» рядом с одноименной электростанцией двухэтажный дом высшего персонала. Наша квартира занимала весь второй этаж. Квартира была огромной, с длинной крытой террасой. В ней имелось больше десяти комнат и две или три ванных. В каком году был обвал штукатурки с потолка*, я не знаю, сам этот случай не помню, но помню, что Соня какое-то время ходила с повязкой на голове. После обвала родители обследовали оштукатуренный потолок во всей квартире и определили, как ненадежное, место слева от входа в кабинете отца. Это я запомнил, так как в то время в Баку приехал председатель или член правления «Электрической силы» [Алексей Августович] Давидов (он был еще директором [Петербургского] Международного банка). За обедом он сказал, что привез для меня подарок, но оставил его в кабинете. Мне велели пойти за ним, однако я быстро вернулся и сказал, что сверток лежит на столе в том месте кабинета, куда мне запрещено заходить. Мне все же позволили, в виде исключения, зайти в запретную зону и взять подарок: отец хорошо разбирался в теории вероятности и больших чисел.

<...> Моя сестра Катя родилась 2 ноября (старого стиля) 1901 г. Отец вспоминал, что в этот день забил самый большой нефтяной фонтан. Я помню, что из окна квартиры был виден пожар в нефтяной цистерне на соседнем участке [с масляным заводом нефтепромышленника] Манташева. Правда, эти цистерны [все-таки] были ограждены от участка «Электрической силы» брандмауэром. Катю называли в честь постоянной маминой акушерки Екатерины Павловны: в 1901 г. ее приглашали в Баку, а в 1904-м – в Карлсбад, где должен был родиться Павел. Крестными Кати были Л.Б. Красин и 9-летняя Софья.

* См. происшествие с обвалом штукатурки в очерке «Особенности Бакинского колорита».

С.И. Классон с Таней, Ваней и Соней (еще Баку?)

Ваня Классон в Баку, ≈1903 г. (фото из архива семьи Александровых)

Ольга Николаевна Тимохович и Соня, Баку, 1902 г.

Соне в Баку было 8-11 лет, и она училась дома. Для этого родители пригласили молодую учительницу (гувернантку) Ольгу Николаевну Тимохович. Она происходила из небогатой офицерской семьи, окончила институт (закрытое женское учебное заведение). Это была первая Сониная учительница немецкого языка.

В результате произношение у моей сестры оказалось испорчено навсегда. Причем еще больше, чем у остальных детей нашей семьи, учившихся у прибалтийских немцев (которые плохо различали звуки «е»: открытое – Bär и закрытое – Meer, Leber, legen).

<...> Однажды отец взял меня с собой на станцию Биби-Эйбат. Там в котельной Леонид Борисович Красин, что-то демонстрируя отцу, потянул вниз какую-то цепь и потом показал, что руки у него стали черными от сажи. Помню, отец повел меня на пристань и стрелял в цель – плававшие в воде перегоревшие электрические лампочки. Он показал мне примыкавшую к пристани крытую купальню, и меня поразило, что вода в ней была зеленой, а не бесцветной.

Меня первый раз, в три или четыре года, возили в театр – на оперу «Снегурочка». Мама заранее рассказала содержание сказки и о том, что в ней Снегурочка растаяла, а в театре живая певица растаять не может и поэтому она опустится под сцену – провалится. Я вспоминал потом, что считал этот момент самым главным в представлении и поэтому все время ждал, когда же она провалится.

Соня и Таня (на заднем плане – Ваня), Баку, 1903 г.

Соня, Баку, 1903 г.

Потом вспомнили, что для детей взяли бутерброды и котлеты, мне в антрактах их предлагали, но я отказывался и попросил есть лишь тогда, когда мы в фаэтоне почти уже доехали до дома.

<...> В те годы, в Баку, я задавал иногда оригинальные вопросы. Например, показывая на свои щеки: «А зачем здесь кожа?». Мне объясняли: чтобы разжевываемая пища не вываливалась из рта! Или: «Когда Христос возносился на небо, его снизу ветром поддувало?» Я видел, что ветер иногда поднимает вверх сухие листья, и вознесение Христа пытался объяснить как естественное *[(физическое)]* явление.

Мы в очерке «Шведско-немецкие корни» уже цитировали письмо Эллы Эдуардовны Александровой – Марии Петровны Коробко за ноябрь 1903 года:

Софья Ивановна чудит! <...> Она осталась в Москве. Говорила она, что хочет совсем разойтись с Робертом и даже денег от него брать не хочет. Начала с того, что наняла квартиру в 2 000 руб., обмобилировала ее роскошно, затратив тысячи; на дверях всегда чудные портьеры, во многих комнатах большие мраморные умывальники, мебель вообще дорогая. Наконец, пишет маме *[(Анне Карловне)]*, что она беременна с сентября *[1903-го Павликом]*, что ей необходимо съездить в Баку к Роберту. Теперь мама в Москве с детьми, а она – в Баку. Уезжая, она говорила няньке, что, вероятно, они все переедут в Баку. <...> Соня поступила в гимназию во 2-й класс.

Но Софья Ивановна с детьми в Баку больше не вернулась, по-видимому, «неверный муж» тогда не дал ей каких-либо гарантий о «своем хорошем поведении» в будущем.

А теперь приведем воспоминания И.Р. Классона о «московско-дачном периоде» 1903-09 годов:

Уже в Москве, когда мне было четыре или пять лет, мне показали балет «Конек-Горбунок», в нем я больше всего был поражен появлением в первом акте двух живых лошадей. В 1906-09 гг. меня с другими детьми возили на оперы «Черевички» и «Садко» в театре Зимины, на детские представления в, кажется, театре Корша. Также возили и в Художественный театр на «Синюю птицу» и однажды, помнится, в партер на «Ревизора».

<...> Зимой 1903/04 года мама и четверо детей с няней жили на Пречистенке – в двухэтажном доме на углу Дурнова (с 1922-го – Барыковского) переулка с паровым отоплением. Паровое отопление сооружалось в 1880-90 годах, оно почти не поддается регулированию. Поэтому затем при строительстве домов стали вводить водяное центральное отопление, которое многие по безграмотности *[тоже]* называют паровым. Мама выбрала квартиру на Пречистенке, так как сама в юности училась в последних классах пансиона мадам Констан и, кажется, хотела отдать туда одиннадцатилетнюю Соню. Но я не помню, состоялось ли это. Помню лишь, что Соня, начиная с какого-то года, училась в «министерской» (то есть 8-классной) гимназии Алферовой в 7-м Ростовском переулке, считавшейся лучшей в Москве. Здесь она дружила с Лилей Штраух. Отец Лили, ее сестры Бибы и брата Максима (Маки) Штраухов был известным в Москве гинекологом. <...>*

Там же, в гимназии Алферовой училась какое-то время и Таня, вместе с дочерью Руперти, известного среди текстильных фабрикантов. <...> В этой же гимназии с 1912 г. училась и Катя. Начальница гимназии Александра Самсоновна Алферова преподавала математику, а ее муж *[Александр Данилович]* – историю и русскую литературу.

* Согласно документам (см. Приложение «Гарденины») Софья Робертовна Классон училась в женской гимназии А.С. Алферовой с мая 1904 г. (поступила по экзамену в 3-й класс) по май 1910 г. (окончила VIII дополнительный класс, с приобретением звания домашней наставницы русского и немецкого языков), а в мае 1911 г. подверглась испытаниям в объеме полного курса мужских гимназий.

4-летний Ваня, уже в матросском костюмчике

2-этажный дом на углу Пречистенки и Барыковского переулка (№15/10, соврем. вид)

У нас жила и учила нас немецкому эстляндская немка из Пернова (Пярну) фрейлейн Пелло. <...> Это была самая симпатичная из всех наших немок, немцев и француженок. Я помню, как в первый день появления фрейлейн у нас я спросил у нее, как по-немецки лошадь, и запомнил – «фэрт» (позже узнал точнее – *das Pferd*).

Уточним здесь «диспозицию» насчет женских гимназий. Как сообщал С.К. Романюк в своей книге «Из истории московских переулков», в главке «Остожье»:

Параллельно 1-му проходит 2-й Обыденский переулок (ранее 2-й Ильинский). <...> В этом же переулке [(отходящем от Остоженки)] находилась еще одна гимназия – частная женская Е.Е. Констан, для которой в глубине участка № 9 в 1903 г. сооружено здание по проекту Л. Херсонского. В 1920-х гг. здесь помещалась школа-коммуна с индустриальным уклоном имени П.Н. Лепешинского.

Выходит, Софья Робертовна Классон проучилась в ней один год, во 2-м классе? Ну а гимназия А.С. Алферовой с 1904-1906 годов (точнее установить не удалось) располагалась в построенном для нее здании в Большом Благовещенском (ныне 7-м Ростовском) переулке. С.Р. Классон сохранила буклет фотографий, который относится к 1910-1911 годам (см. снимки здания гимназии и ее преподавателей).

А вот чем различались обычная и «министерская» гимназии:

Женские гимназии состоят из семи классов с годичным для каждого класса курсом, но для preparing к педагогической деятельности может быть учреждаем при женских гимназиях еще восьмой дополнительный класс, также с годичным, а где окажется возможным, и с двухгодичным курсом учения. (Из положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения, 1870 г.)

Гимназия А.С. Алферовой, Больш. Благовещенский пер. (из буклета С.Р. Классон)

Преподаватели гимназии Алферовой (слева у столика сидит начальница Александра Самсоновна, а справа – ее муж Александр Данилович)

*Мака Штраух в нежном возрасте
(еще не подозревает, что ему придется играть «Лениных»)*

Ну а Максим (Мака) Штраух станет потом известным советским театральным и киноактером, но Иван с ним, по-видимому, уже не пересекался – как станет ясно из дальнейших воспоминаний, «дружбы у нас не получилось». Зато у Ивана Робертовича сохранилось фото совсем уж маленького Маки.

Продолжим воспоминания И.Р. Классона:

В марте 1904-го мне исполнилось пять лет, и помнится, что в ту зиму на Пречистенке я научился читать (по-русски). Тогда же я заболел коклюшем и понимал это так, что есть болезнь «люш», а у меня другая, но похожая – «как люш». Когда мне велели не глотать мокроту, а выплевывать ее, я стал это делать, но – на пол. Тогда мне объяснили, что каждый раз надо подходить к комнатному умывальнику и плевать в него. <...> Мы сначала с няней, а потом с фрейлейн Пелло гуляли по Пречистенке, и я запомнил, что в аптеке на витрине были выставлены стеклянные шары с красной и синей жидкостью. По Пречистенке ходила конка. Перед подъемом от Пречистенских ворот в конку впереди основной пары лошадей впрягалась еще добавочная с фореитором на одной из них. При сильных морозах на мостовой у Пречистенских ворот жгли костры, у которых грелись в перерывах между прохождением конок фореиторы (дрова, очевидно, завозились организованно!).

Зиму 1904/05 года мы жили в доме графа Шереметева в Шереметьевском переулке (ул. Грановского, дом №1/8 на углу с Воздвиженкой). Поднимались в квартиру на гидравлическом подъемнике. Мама считала ее самой сырой и нездоровой. В эту зиму я услышал об убийстве московского генерал-губернатора, дяди Николая II, великого князя Сергея Александровича эсером Каляевым, бросившим бомбу.

На стене у нас висела карта военных действий [с Японией]. Катя слышала, что взрослые перед картой говорили о Корее, и однажды подошла к карте и, водя по ней рукой, сказала: «варенье, варенье, везде варенье». А я этой зимой научился считать до ста.

Весной 1905-го Катя заболела скарлатиной. На время тогдашнего карантина – шесть недель – Штраухи приютили Соню, так что она продолжала учиться в гимназии. А для Тани и меня мама срочно пригласила Ольгу Николаевну Тимохович. И мы с ней поселились в гостинице «Боярский двор», эту гостиницу маме рекомендовала ее старая знакомая Анна Павловна Цветкова. Мама еще кормила грудью Павла и оставила его с няней при себе, только перед каждым кормлением дезинфицировала себя и переодевалась.

В Карлсбаде к нам приезжал отец и учил Соню и меня грести на лодке на реке Аа (этот нижний левый приток Даугавы перед впадением в нее течет почти параллельно морскому побережью, за нешироким сосновым лесом). Я думаю, что как раз в это лето Тане в Риге делали операцию аппендицита, причем шов хирург не зашивал, чтобы выходил гной. За Таней перед операцией приехали по железной дороге в Карлсбад два санитары с корзиной-носилками (санитарных автомобилей еще не было, правда, в Москве ездили конные кареты скорой помощи).

Вечером после похорон Баумана мама и няня видели из окна охотнорядских мясников с ножами, готовившихся напасть на возвращавшуюся с кладбища процессию. Помню, как мама из северной комнаты, где я лежал, видела зарево пожара над Пресней.

В декабре 1905-го я болел брюшным тифом.

Дом №1/8 на углу Шереметьевского переуллка и Воздвиженки (дореволюционное фото)

*Дом №1/8 на углу Шереметьевского переуллка и Воздвиженки
(современный вид, теперь здесь угнездились чиновники столичной мэрии)*

В 1904-м или 1905 г. в Карлсбаде у нас гостила бабушка Анна Карловна со своей киевской внучкой Вале́й (Валерией Петровной Александровой), примерно ровесницей Сони. У нас сохранились групповые фотографии, в том числе с бабушкой и Вале́й. Фотографировала (большим аппаратом на треноге, с матовым стеклом для видоискателя и выдержкой*) мама, которая научилась этому еще в Баку. Лето 1905-го стало последним, что мы были в Карлсбаде.

Зиму 1905/06 года мама с нами жила в большой квартире на пятом этаже в доме Страхового общества [*«Жизнь»*] на Моховой, в котором потом, в советское время была приемная М.И. Калинина. Отец в ту зиму еще работал в Баку, но был у нас проездом в Москве, когда мы сидели вечерами при свечах. Это были дни всеобщей забастовки 1905-го, и Раушская электростанция тоже бастовала.

Что отец действительно в те дни был в Москве, следует из того, как мама позже вспоминала: идя по улице, они слышали слова студентов, после обнародования манифеста 17 октября, какой это большой успех (вскоре, правда, пришлось разочароваться в нем!).

Лето 1906-го мы жили на даче в Териоках, точнее в Келомяках, в Финляндии. <...> К нам приезжал отец и однажды обсуждал с мамой газетную публикацию, как группа кутивших офицеров приказала высечь женщину, презрительно о них отозвавшуюся. Однажды нам стало известно, что в Териоках черносотенец убил члена Государственной думы, сторонника аграрной реформы кадета Герценштейна**.

* В прежних моделях, без механизма выдержки, фотограф на глаз определял продолжительность экспозиции пластинки, снимая на несколько секунд крышку с объектива.

** «Убийство Герценштейна (профессора, члена первой Думы) в Финляндии, затем Иоллоса (тоже члена первой Думы) в Москве, некоторые мелкие убийства в политическом смысле, затем покушения на меня – все это сделано Союзом русского народа при участии и попустительстве агентов полиции и правительства вообще». – С.Ю. Витте. Воспоминания.

Из «Воспоминаний» А.В. Тырковой-Вильямс, чей брат Аркадий участвовал в подготовке убийства Александра II 1 марта 1881 года:

Во Второй Думе [*в 1907 году*] уже не было единодушного настроения Первой Думы [*в 1906 году*]. Между революционерами и кадетами происходили острые стычки. Их политические настроения уже разошлись. Социалисты шли под лозунгом «Революция продолжается». Они руководили непрекращающимися экспроприациями, аграрными беспорядками, убийствами градоначальников, губернаторов, городских, подстрекали и вызывали различные революционные действия. Тяжело было читать газеты. Как сейчас вижу сейчас перед собой «Речь», где в правом углу первой страницы, в сводке событий дня, жирным шрифтом печатался бок о бок подсчет казней [*по приговору военно-полевых судов*] и террористических актов. Тех и других были десятки. Но тогда эти цифры казались чудовищными. Террористы убили в 1906 году 1,5 тысячи человек, а в следующем, 1907-м – в год, когда заседала Вторая Дума, – 2,5 тысячи. С тех пор прошло более 40 лет [*эти воспоминания Ариадна Владимировна писала в 1943-м, в оккупированной Франции*]. По сравнению с тем, что происходит в наше жестокое, страшное время, эти цифры кажутся ничтожными. Но тогда войны, революции, коммунизм еще не иссушили в людях сердечного воображения и жалости. Тогда эти цифры нас терзали как кошмар, тяготили совесть.

Из альбома С.Р. Классон 1906 г.: «Наша дача в Териоках сбоку (снимок О.Н. [Тимохович])»

Мамина подруга Елена Ивановна Климчицкая однажды везла в Петербург [принятое после роспуска Первой Думы и] отпечатанное Выборгское воззвание (вероятно, часть тиража), но не рискнула сразу ехать с ним (или со всем тиражом) и спрятала его на время у нас на даче, потом еще заезжала.

Подруга С.И. Классон Елена Ивановна Климчицкая (С. Петербург)

Слева направо: няня М.Т. Казакова, Екатерина на руках у Александры Карловны Шлезингер?, Татьяна, Иван, фрейлейн Пелло (?), Софья и О.Н. Тимохович, 1904-05 гг.

*Гостиница «Петергоф» страхового общества «Жизнь»
(Моховая ул., д. 7 – современное фото)*

Первым воспоминания И.Р. Классона, чтобы сделать некоторые пояснения. Многие писатели воспроизводили картину с цветными шарами в витринах аптек, добавляя еще к красному и синему цветам (которые запомнил маленький Иван), например, зеленый, но никто не объяснил, какой смысл был в них (кроме украшения витрины). Лишь у дотошного Ю.К. Олеши в «Книге прощания» было отмечено, что эти бутылки (шары) символизировали микстуру!

Упомянутого революционера Н.Э. Баумана хоронили 20 октября 1905 г. на Ваганьковском кладбище, с прохождением процессии от Технического училища через центр. Причем убит он был почти случайно (если так можно сказать по поводу «революционных событий»), не как революционер:

К сожалению, вчерашний день омрачился несколькими весьма прискорбными случаями, виновниками которых являются черносотенцы. Так, в 4 дня, в то время, когда манифестанты с флагами проходили мимо технического училища, какой-то черносотенец произвел выстрел. Пуля попала в ветеринарного врача Баумана. Он убит наповал. Это произвело удручающее впечатление на окружающих. – «Русское Слово», 19 октября 1905 г.

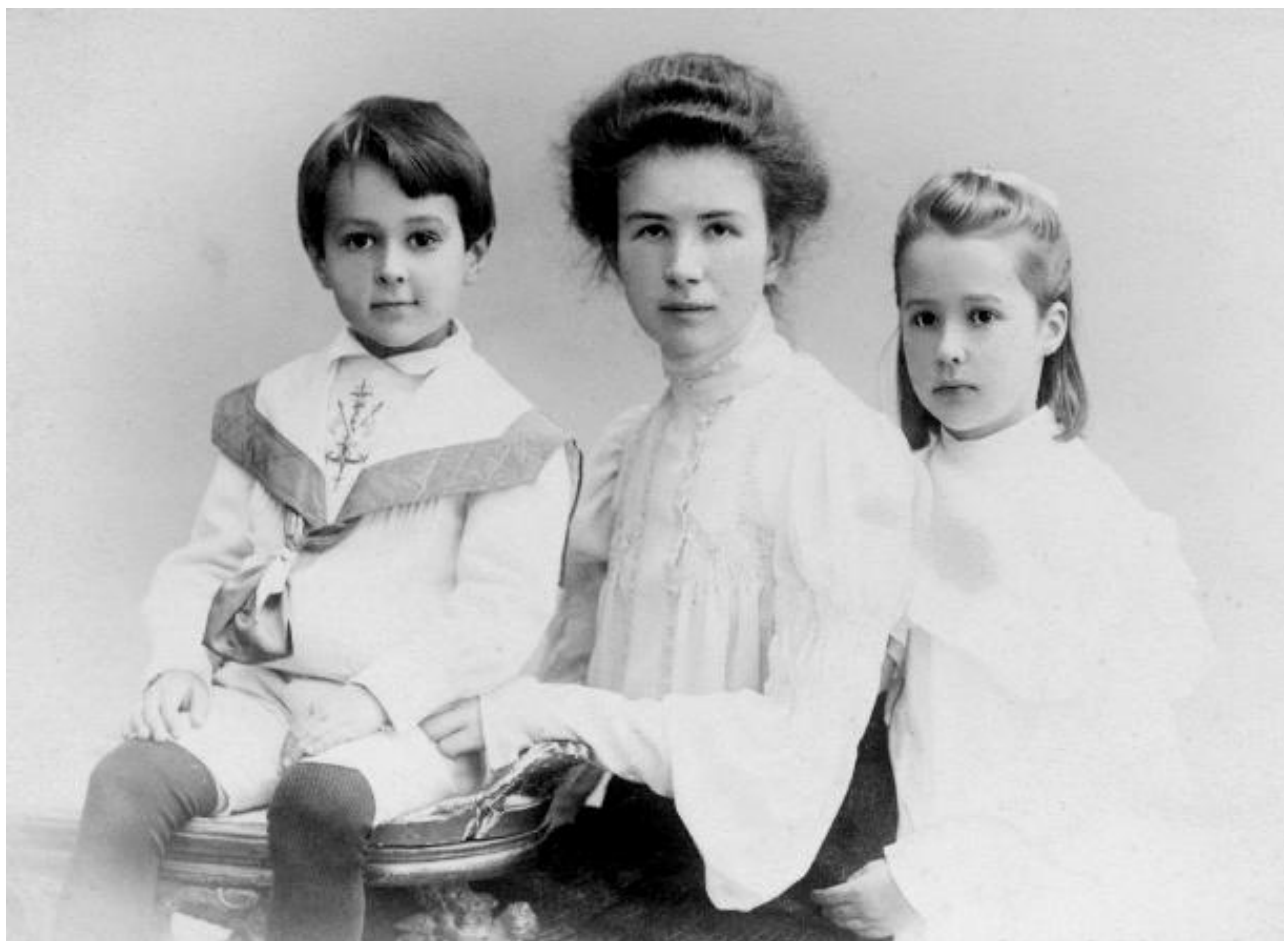
Что касается сюжета с Выборгским воззванием, то речь идет о том, что после роспуска Николаем II 8 июля 1906 г. I Государственной думы две сотни ее депутатов (преимущественно кадеты) на заседании в Выборге призвали крестьян к пассивному сопротивлению царскому правительству – не платить податей и налогов, не являться по призыву на военную службу. В материалах Департамента полиции упоминались подозрительные сношения в 1891 г. Я.П. Коробко, соученика и друга Р.Э. Классона, с «дворянкой Еленой Ивановой Климчицкой» (ф. 102 ГАРФ). К сожалению, «специальное дело» на учительницу Е.А. Климчицкую за 1899 г. утрачено, поэтому нам больше нечего добавить о подруге С.И. Классон.

Продолжим воспоминания И.Р. Классона:

В августе 1906-го отец переехал [из Баку] на работу в Москву и получил большую [служебную] квартиру на втором этаже дома №11 на Садовниках плюс две комнаты с ванной на третьем этаже. Из Териок мы приехали уже в эту квартиру. Отец учил меня чертить на ватмане, на чертежной доске с рейсшиной (мне это пригодилось при поступлении в 1911-м в 3-й класс реального училища в Выборге). Родители пригласили художника Сорохтина давать Соне уроки рисования. Позже он учил рисованию и меня, а потом чистописанию – я отвратительно писал.

Вскоре родители купили пианино и пригласили учительницу БERTY Юльевну – для всех нас кроме [маленького] Павла. Из этого ничего не вышло, и через какое-то время уроки музыки всем, кроме Кати, отменили. Большого добилась фрейлейн Пелло. Она села за пианино, поставила Таню, Катю и меня рядом и стала аккомпанировать по песеннику – «Дети, в школу собирайтесь», «Раз в крещенский вечерок девушки гадали» и напевать, а нам велела подпевать. При крайне слабом музыкальном слухе у всех нас все-таки что-то получалось. Не помню, от кого я слышал «Чижик, чирик, где ты был?», но мне удалось самому подобрать на пианино этот мотив (его в песеннике не было). С тех пор я все-таки запомнил несколько мелодий, хотя воспроизводил их с трудом и, зачастую, фальшивя.

В 1907-м [в 1906-м – МК] отец получил известие о смерти его младшей сестры Эллы, а потом нам прислали из Киева настенную нотницу [(красивый чехол для хранения нот)], собственноручно художественно расписанную тетей Эллой по шелку. Она висела у нас рядом с пианино в гостиной.

Иван и Татьяна, в центре – гувернантка и учительница О.Н. Тимохович, Москва, ≈1906 г.

Отец решил приучить нас к простейшей гимнастике на снарядах. В детской поставили деревянный портал с подвешенными трапецией, кольцами, канатом и шестом. Отец в тот год вместе с Кирпичниковым и еще кем-то из сослуживцев брал уроки фехтования у одного француза. Он же [\[\(француз\)\]](#) показал нам один раз простые упражнения на кольцах, трапеции и лазание по канату. На одних руках, как француз, я не мог, но забираться по канату на руках с ногами научился быстро.

Кажется в 1908-м, мама пригласила для нас учительницу танцев – молодую балерину Большого театра по фамилии Дума, с тапером. Когда мы немного научились более легким танцам и даже кое-как вальсу и мазурке, мама стала устраивать у нас вечеринки, на которых бывали семья Ивана Андреевича Мотовилова и сестры Пятницкие. Кавалеров явно не хватало, и мама попросила фрейлейн Пелло раздобыть их. Она через какое-то время, через эстляндское землячество или просто через общих знакомых, пригласила троих или четверых молодых немцев или эстонцев.

Кроме танцевальных вечеринок родители устраивали даже маскарад – в костюмах, но без масок. На нем Соня танцевала со мной неаполитанский танец тарантеллу. Неожиданно появились два кавалера в масках, которых никто не узнал. Они оказались Н.И. Зауэром, с третьего этажа, и И.П. Чулковым, врачом электростанции, до того не замеченным в наличии юмора. Соня в те годы дружила почему-то уже не с Лилей Штраух, а с другой одноклассницей – Толкачевской, довольно некрасивой, которую совсем не ценили братья [\[Андрей и Георгий\]](#) Мотовиловы.

Таня тогда тоже училась в гимназии Алферовой. В ее классе оказалась сестра Лили Штраух – Биба. Она стала на несколько лет ближайшей Таниной подругой. В те же первые наши годы на Садовниках меня познакомили с Макой Штраухом (он был на год моложе меня). Мы несколько раз встретились у нас и у них, я познакомился с его системой издания платных рукописных журналов, но дружбы у нас не получилось.

Осень 1907-го мама с Соней провели в Санкт-Блазиене (Шварцвальд, Германия). Мама лечилась [от головных болей], а дочь взяла для компании и чтобы она побывала за границей. Соне потом пришлось с трудом догонять пропущенное учение в гимназии.

Летом же 1907-го мы отдыхали в Ловизе – небольшом приморском городе с шведским населением, восточнее Гельсингфорса. <...> Из Ловизы мы с другими дачниками плавали на пароходике на экскурсию на водопад Аберфорс. Когда же к нам приехал отец, то повторили с ним эту экскурсию, уже только своей семьей.

Кроме водопада осмотрели большой лесопильный завод (работавший очевидно на энергии реки). Видели, как один рабочий с помощью механического молота делал из раскаленных железных прутиков гвозди. Инженер, показывавший нам завод, не знал русского и немецкого, и отец говорил с ним по-английски. Я тогда впервые узнал, что отец владеет этим языком. Из Ловизы родители с Соней, Таней и мною съездили в Гельсингфорс. Мы осмотрели город, музеи, парки, жили в гостинице.

Лето 1908-го мы провели в Меррекуле (близ Нарвы) – большом дачном месте, в имении барона Тизенгаузена. По утрам дети дачников на лужайке делали гимнастику под руководством детского врача Унгерн-Штернберга. Мне очень нравилась красивая девочка, хорошая гимнастка Эрна Бранд из петербургской немецкой семьи. У нас жила Александра Карловна Шлезингер, бывшая Сонины учительница. А.К. Шлезингер была очень дружна с Софьей (Софья называла ее – «сокровище»), вместе с ней служила в 1918-20 гг. в Отделе металла ВСНХ. В 1930-х, уже пенсионеркой, бывала у [моей сестры] Екатерины в Телеграфном переулке. Вероятно, умерла во время войны. Лето было дождливым, и я много болел инфлуэнциями. Лечил меня тот же детский врач Унгерн-Штернберг.

С.И. Классон в Санкт-Блазиене, Германия (фото дочери)

К нам однажды приезжал отец. Он с мамой ездил в Выборг – помочь ей выбрать и купить участок для постройки собственной дачи. Мама использовала для этого свою долю наследства от ее отца Ивана Егоровича Мотовилова. И купила участок в Лиханьеми [*Луханиеми*] (40 минут на пароходе от Выборга) площадью 2,6 гектара на берегу моря с сосновым лесом на холме. После чего заключила договор с подрядчиком Павилайненом на постройку к весне 1909-го рубленого дома с восемью комнатами, водопроводом от скважины (которую предстояло пробурить) с ручным насосом, избушкой дворника, пристанью для малых пароходов.

Художник Николай Павлович Сорохтин был потомственным дворянином, в конце 80-х годов XIX века его картины имели успех на московских художественных выставках. Молодая балерина Дума, танцевавшая в Большом театре, конечно, была менее известна, чем Матильда Кшесинская или же Анна Павлова, однако подобные факты говорят о том, что Классоны за ценой не стояли, чтобы культурно развивать своих детей.

Во время советско-финской «зимней» войны 1939-40 года здесь шли ожесточенные бои, так что вряд ли что-нибудь сохранилось от «рубленого», т.е. деревянного, дома с 8-ю комнатами.*

Закончим воспоминания И.Р. Классона о «московско-дачном периоде» 1903-09 годов следующими медицинскими сюжетами:

Зимой 1908/09 года в Москве мне сделали операцию по удалению аденоидов носоглоточной железы. Выполнял ее хирург Зак из Серпуховской больницы. В спальне отца, как самой светлой и не загроможденной комнате, фельдшер [*электростанции*] А.Н. Ефремов сел на стул, посадил меня к себе на колени и крепко держал за руки. Мне велели открыть рот, и хирург ловким движением инструмента моментально отхватил удаляемое и выбросил в таз это подобие губки.

Мама попросила осмотреть нос нашей няни, и хирург предложил тут же удалить у нее полипы. Няня согласилась. Я сидел в сторонке и не видел операции. Но слышал, как няня несколько минут стонала от боли и призывала господ Иисуса Христа, Матерь Божию и святых. А кто-то из взрослых, совершенно зря, приводил няне в пример, что я даже не крикнул – но эти операции весьма различаются.

Весной 1909-го в Москве я заболел скарлатиной, и мама поселилась со мной и домработницей в двух наших комнатах на третьем этаже. Для общения со вторым этажом был установлен местный телефон. По указанию врача Веревкина мама каждый день доводила до кипения в пробирке пробу мочи, чтобы сразу обнаружить [*возможное*] осложнение на почки. Я болел легко, но со свойственной мне мнительностью постоянно себя ощупывал и, между прочим, обнаружил асимметрию на кости подбородка.

* Но, вполне возможно, что хозяйственные финны растащили по бревнышку дачное строение на полуострове Лиханиеми (в 15 км на юго-запад от Выборга) еще задолго до войны 1939-40 года. Из заметки «К судьбе русских дач в Финляндии» в берлинском «Руле» от 18 октября 1925 г.:

Все дачи русских граждан, за малыми исключениями, оставшиеся без присмотра, находятся теперь в ужасном виде. Район особо разрушенных дач лежит между станциями Раяёки [*Раяйоки, ныне российский Белоостров*] и Перкиярви [*ныне российское Кирилловское*]. Дальше от Перкиярви [*в сторону Выборга*] дач значительно меньше, и там <...> не так заметны следы разрушения. На вышеуказанных же дачах расхищено все, что можно было похитить; то, что осталось, представляет собой либо посудный, либо мебельный хлам. Оно изорвано, изломано и валяется в беспорядке.

Такое расхищение имущества русских граждан началось здесь во время восстания красных [*финнов*] и потом продолжалось и после его подавления. <...> В 1922 г. финляндское правительство решило взять все владения русских граждан на учет. К сожалению, этот акт совершен слишком поздно, т.к. кроме разрушенных и пришедших в ветхость дач принимать на учет ничего не пришлось. <...>

Софья Ивановна с детьми, бонной (Адэле?) и няней, 1907 г., Ловиза

Эти и дальнейшие сюжеты свидетельствуют о том, что родители весьма самоотверженно заботились не только об образовании, но и о здоровье своих пятерых детей.

Правда, в 1908-м Роберт Эдуардович опять изменил Софье Ивановне, на сей раз с Евгенией Николаевной Виноградовой-Сомчевской (история любовных походов нашего героя и печальный финиш его отношений с первой женой были уже отражены в очерке «Опять в Первопрестольной»), а осенью 1910-го родители окончательно разъехались. Сие обстоятельство необходимо иметь в виду в дальнейших воспоминаниях их сына Ивана:

После окончания тогдашнего шестинедельного карантина, чтобы вернее избежать заражения остальных детей, мама поехала со мной прямо с третьего этажа дома на Садовниках на Николаевский вокзал и поездом через Петербург в Выборг. <...> Дача была еще не совсем достроена. Один раз мы съездили на нее вместе с подрядчиком, его архитектором и переводчиком, чтобы решить какие-то спорные вопросы. По-видимому, подрядчик все-таки маму обсчитал.

Меня очень поразило, что пришедший в гостиницу наниматься к нам на дачу дворник, пожилой и слабоватый мужчина Эмиль Бергман, договорившись с мамой обо всем устно, потребовал заключения договора. Последний тут же был написан, а в качестве свидетелей пригласили двух гостиничных официантов (тогда говорили – лакеев). В договоре был пункт, что он расторгается без предупреждения при нарушении его условий дворником, например, в случае его пьянства.

*Один из немногих снимков Р.Э. Классона с детьми
(любительское фото Софьи Классон?)*

Вскоре мы переехали на дачу в Лиханьеми. Жена дворника Мина – сильная и очень работающая женщина – стала работать кухаркой. Няня с остальными детьми и горничной приехала несколькими днями позже. Помню, что читал тогда на веранде «Хижину дяди Тома». Вообще я впервые начал читать сам для себя, кажется, на балконе московской квартиры, когда он еще не был перестроен в спальню отца – может быть весной 1907-го, а летом 1907-го в Ловизе читал «Тома Сойера». То есть, если память мне не изменила, я начал читать для собственного удовольствия в восемь лет.

Отец навестил нас летом 1909-го. Мы поплавали с ним на нашей лодке к ближайшим островам (обычно мы плавали с дворником Эмилем). Тогда отец сказал нам, что мы зря боимся подводных камней и не боимся пересаживаться, чтобы грести по очереди. Потому что пересадки в открытой воде очень опасны, так как лодка может опрокинуться, а никто из нас плавать не умел. Отец тогда посоветовал не лить помои в выгребную яму, а сыпать в нее сухой торф. Мама завела на нашем участке небольшой огород и ягодник. Так что мы, дети, впервые увидели, как растет садовая земляника, малина и овощи. Мама нам сказала, что неправильно называть садовую землянику клубникой. Об этом я позже прочитал в книжках по садоводству!

В октябре 1909-го Софья Ивановна отправила старшему сыну в Москву из Берна, где она лечилась от изнурительных головных болей, такое назидательное письмецо:

Милый Ваня! Ты пишешь твоей старой матери такие письма, точно тебе пять или шесть лет. Ведь у тебя же так много материала для писем, и все мне будет интересно – и как ты учишься и чему, и что ты делаешь в свободные часы. Играешь ли ты с Катей и Павлушей или тебе некогда? Весело ли тебе было у Штраух? Какие твои уроки самые интересные? Здесь тоска смертная, двадцать раз тебя спросят, как спала, ходила ли гулять и т.п. Места здесь есть красивые очень, но зелень почти вся уже опала. Когда гуляешь с немками, надоедает их приторное восхищение красотами природы.

Целую тебя и жду от тебя длинного письма, мама

С.И. Классон с трагическим лицом и улыбающийся Иван (на даче в Лиханьеми?)

В январе 1910-го последовало такое элегическое письмо из итальянской Бордигеры:

Милый Ванюша! Эти голые фигуры на камнях очень напоминают мне твою фигурку, когда ты на даче пекся на берегу моря. Но сейчас здесь никакого купания. А у нас шел сейчас град с снегом, и сейчас еще середки листьев у пальм белые от снега и лужайки в саду побелели. Теперь пошел дождь. Здесь есть студент, русский, который, когда рыбаки выкидывают из сетей не нужные им морские звезды и другие морские животные, собирает их и кладет в спирт. Целую тебя. Твоя мама

А в апреле 1910-го Иван получил следующую открытку от мамы:

Милый Ваня! Ты последнюю газету [«[Русские Ведомости](#)»] вышли мне в пятницу на этой неделе, т.е. 16/29 апреля, т.к. я уже теперь решила, что выеду во вторник 20 апреля стар. стиля (т.е. на третий день Пасхи). Сегодня у нас холодно, идет дождь, я сижу в комнате и работаю. Сейчас буду писать [[дворнику](#)] Эмилю [[в Выборг](#)]. Целую всех! Твоя мама

В том же месяце Софья Ивановна прочувствованно написала сыну, уже из Финляндии:

Милый Ваня! Когда я приехала в Выборг ночью и в гостиницу Бельведер, меня сразу привели во 2-й номер, в котором жили мы с тобой, и так живо он мне напомнил наше пребывание в этом номере, что мне все казалось, что и ты тут. Желаю тебе с успехом сдать экзамены.
Целую, мама

Открытка, посланная Софьей Ивановной из Бордигеры сыну Ванюше, январь 1910-го

Сын регулярно получал письма, как мы уже упоминали в очерке «Опять в Первопрестольной», и от отца.

Продолжим воспоминания И.Р. Классона:

<...> Незадолго до отъезда [(весной 1910 г. из Москвы в Лиханьеми для встречи там с мамой, приехавшей из Швейцарии)] мы играли во дворе с девочками Языковыми, но они вдруг перестали показываться, т.к. заболели корью. Мы, четверо, успели от них заразиться и, по приезде на дачу, все, с разницей в несколько дней, заболели. А Соня с нами еще не ехала и заболела корью в Москве.

Она приехала потом в Лиханьеми с молодой медицинской сестрой (Евгенией Дмитриевной Дмитриевой), которая за ней ухаживала во время болезни. Мама привезла из Швейцарии (без пошлины) часы Тане и мне – тогда еще не наручные часы, а для ношения на шнурке или цепочке в кармане.

У нас гостила <...> летом 1910 г. Вера Николаевна Пятницкая. В то же лето 1910 г. была бойкая, средних лет французская учительница. Я помню мелодию и слова французской песни о Мальбруке, т.е. об английском полководце герцоге Марлборо, которую она часто напевала*.

* «Мальбрук в поход собрался...».

Юная Софья Классон, Выборг
(фото из архива семьи Александровых)

<...> [Когда осенью 1910 г. мы жили в Гельсингфорсе в гостинице,] Павлу было шесть лет, в ресторане при гостинице ему впервые стали давать общую для всех еду. До этого его кормили только жидкими или протертыми кушаньями, т.к. иначе он давился. Мы жили в ту зиму у самого Брунспарка. Таня училась в гимназии. Мама нашла знакомую ей [еще с 1880-х] русскую семью и, рассчитывая, что мы проживем в Гельсингфорсе несколько лет, пригласила их старшую сестру Милицу давать уроки шведского языка – маме, Тане и мне. Я с тех пор помню наизусть по-шведски первую страницу начальной книги для чтения. Сыновья той же семьи – ученики старших классов русской гимназии рекомендовали для моего обучения за второй класс гимназиста-репетитора, молодого человека Сеню.

Мама сама учила меня Закону Божию, а кроме того с Таней, Катей и со мною читала по вечерам по-французски и еще для развлечения младших читала вслух по-русски детские французские книжки, главным образом мадам де Сегюр. А я добровольно за зиму прочел курс физики Цингера – Танин учебник, вероятно 5-го класса, причем я еще совершенно не знал алгебры и не понимал формул и уравнений, написанных латинскими буквами, а все остальное усвоил с большим интересом. Мама выписала из Петербурга несколько томов Диккенса, и я тогда с интересом прочел «Дэвида Копперфильда» и «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Павел и няня (на даче в Лиханьеми?)

Немецкому языку меня учил немец из Германии Райнхард Вайкерт – очень основательно по учебнику с грамматикой, склонениями, исключениями, спряжениями правильных и неправильных глаголов и т.д. Я до сих пор помню, как особенно склоняется слово *das Herz* (сердце). Он совершенно не знал русского языка, очевидно не нужного ему в Финляндии. Однажды мама услышала, как он объясняет мне что-то по синтаксису, а я никак не могу понять, что такое *der Satz*. Мама вошла и сказала, что это – «предложение».

Учитель не был ярым сторонником модной тогда системы Берлица – учить иностранному языку разговором, чтением, письмом, но абсолютно без перевода, даже отдельных слов, на родной язык. Поэтому он согласился, что такие отвлеченные понятия, как «предложение», учителю лучше всего переводить ученику (или последнему пользоваться словарем!).

Павел в Гельсингфорсе учился французскому языку у пожилой француженки, тоже не знавшей русского, казалось, успешно: он мог рассказывать наизусть по-французски, что изображено на картинках в любимом в нашей семье учебнике «Алэс». Но он, показывая на индюка на картинке «*La basse-cour*» («птичий двор»), сказал: «*le dindon fait la roue*» и на вопрос, что это значит, ответил: «индюк». То есть Павел не понимал, что это целое предложение: «индюк распускает хвост колесом». Вынужденная система Берлица у нас в семье не привилась. Француженка говорила Павлу: *Pauvre enfant, comme on à mal appris!* [(Бедный ребенок, как ты плохо учишься!)]

Кухарка у нас была местная. От нее в нашу семью вошли такие блюда, как пирог с клюквой, с ревенем, кисель из ревеня*.

* Ревень «переехал» затем на садовый участок от Гидроэнергопроекта в Алабушеве, где он выращивался и варился на кисель в 1950-80-х.

Татьяна, Павел и Екатерина (на даче в Лиханьеми?)

Катя и я каждый день гуляли в Брунспарке, зимой катались на санках, но долго не решались спуститься (или подняться) по скалистому обрыву над дорогой у морского берега. Однажды, уже весной, мы с Катей все же совершили это «восхождение», надев, чтобы не поскользнуться в опасных местах, галоши. Когда в 1924 г. проездом из Котки я был в Хельсинки [(бывш. Гельсингфорсе)], то пешком из центра города очень быстро дошел до Брунспарка и до скалистого обрыва, и он теперь показался мне – снизу – вдвое: и ниже и легче для подъема, чем тогда!

<...> Весной [1911 г.] мама договорилась с молодой учительницей шведской гимнастики, финкой по имени Айно – пригласила ее на лето в Лиханьеми для занятий с нами.

Той [же] весной Соня навестила бабушку Анну Карловну в Киеве. Там она познакомилась с молодым человеком по фамилии Бланк, и он на короткое время приезжал в то лето 1911 г. в Лиханьеми. Он страдал дальтонизмом (листья и ягоды земляники видел в одном цвете). Я тогда впервые узнал о дальтонизме.

Летом 1911 г. [(после переезда из Гельсингфорса)] мама выяснила, что в Выборге нет русской мужской гимназии, а есть реальное училище. Окончание гимназии давало право поступления на любой факультет университетов и во все высшие технические институты. В реальных училищах не преподавали латинский язык, последним классом был не 8-й, как в гимназиях, а 7-й, но окончившие их могли поступать только в технические институты.

Екатерина и Павел (Гельсингфорс или Выборг?)

Все это мне объяснили и поставили вопрос, хочу ли я учиться в гимназии, чтобы потом решать, поступать ли в университет или технический институт (раньше этот вопрос не возникал!). Теперь я охотно согласился учиться в реальном, так как считал себя в будущем инженером, как отец, а не врачом, юристом, учителем или ученым. Так окончательно решилось, что мы поселяемся в Выборге.

Здесь мы прервем воспоминания и поясним – зимой в Гельсингфорсе Иван часто простужался. Поэтому и было решено переехать в Выборг, где климат менее сырой и потому более здоровый.

По-видимому, к этому же периоду (1910 год) относится открытка с видом итальянского Триеста (церковь S. Giusto), посланная любящим отцом Ивану:

В твоём конверте, Ванек, лежали марки, верно приготовленные для наклейки, и я их только случайно нашёл. Посылаю их обратно. Интересно, как пойдут Ваши грядки [[на даче в Лиханьёми](#)] и будете ли Вы есть собственные овощи. Я очень загорел, с тех пор как уехал из Москвы, все синее небо и жара, даже устал от жары. Целую тебя

Открытка с видом Триеста, посланная Робертом Эдуардовичем сыну Ване

В августе 1911-го сестра Софья сообщила Ивану:

Милый братец, сегодня купила тебе «Товарища», завтра пошлю бандеролью вместе с другими книгами. Мы уже играем с Иловайской в теннис. Напиши, как тебе нравится училище. Переехали ли вы в Выборг? Жду от тебя письма, хотя бы и в суворовском виде. Целую, Соня*

В сентябре 1911 г. Софья отправила из Москвы такое письмо Ивану:

Милый братец,

Была очень тронута, когда получила Ваше письмо, потому отвечаю тоже письмом, хотя по справедливости мне нужно было бы ограничиться пятью строчками, но как видишь, написала уже больше этого. Почему ты вдруг стал так мелко писать? Что за микрография?

Недавно узнала два анекдота, которые и посылаю тебе, ибо знаю, что до таковых любитель. 1) Я его вычитала по-немецки и передаю так же, переводить лень. <...> Ежели ты теперь разберешь смысл и соль, то честь тебе и слава. Можешь сообщить Берлицу для нового издания его хрестоматии? 2) Для другого анекдота (русского) нет больше места, потому до другого раза.

Жду от тебя описания твоих соучеников и учителей, как образец не бери Суворова, а скорей Карамзина или твою старшую сестру. Засим, господин реалист и третьеклассник, желаю вам всяческих успехов. Жму вашу руку.

Разбирать записанный по-немецки анекдот оставим будущим исследователям данного фольклора.

А теперь приведем записи И.Р. Классона о выборгском периоде:

Мама неделю возила меня на пароходе в Выборг на вступительные экзамены в 3-й класс реального училища. Самым строгим экзаменатором считался учитель рисования – армянин Нерсесьянц. Во время экзамена – несколько учеников сдавали переэкзаменовки – учитель неоднократно смотрел мой рисунок, поправлял его, и, когда я вышел к маме, она спросила, выдержал ли я. Я ответил: думаю, что да.

* По-видимому, речь идет о книге Николая Ивановича Познякова (1856-1910) «Товарищ (повесть о школьной жизни)».

Но она попросила швейцара пойти узнать результат. Он быстро вернулся и сказал: «Лучше всех – три с минусом!». Была еще одна тройка с двумя минусами, а остальные переэкзаменовщики получили двойки, потом, впрочем, исправили их.

Рискованным для меня был и экзамен по Закону Божию. Я хорошо знал «Священную историю» и все полагавшиеся молитвы, но, по чьей-то ошибке – кроме утренней, вечерней и «к ангелу-хранителю». А поп спросил именно их. Он сам сообщил мне и результат: по «Священной истории» – 4, по молитвам – 2, в среднем – 3.

В середине августа старого стиля (16 августа бывал молебен перед учением, а 17-го, если этот день не был воскресеньем, начинались занятия) мы переехали на городскую квартиру в новом пятиэтажном доме Москвина на рыночной площади в десяти минутах ходьбы от женской гимназии и от реального училища. Вскоре для уроков мне и Тане пригласили учителя немецкого Иоханна Вайкерта – брата гельсингфорского немца, моложе его, бритого, щеголеватого и ярого сторонника системы Берлица.

<...> Здание реального училища выходило на площадь с русской православной церковью. А двор училища примыкал ко двору женской гимназии, и через стену между дворами можно было передавать записки. Маму очень поразило, когда Таня рассказала, что многие старшие гимназистки в большую перемену встречаются на улице с реалистами. Вскоре в училище состоялся вечер, на него пригласили и девочек из женской гимназии. Инспектор организовал для младших классов игры и восклицал при этом: «ловите барышень!» Услышав мой рассказ, мама сказала: «тогда неудивительно, что в старших классах процветает ухаживание».

В России мальчики и девочки обучались раздельно, к тому же никакого полового просвещения в школах не было – в отличие от школ в Германии, где его ввели. Во Франции этот вопрос – вводить или не вводить половое просвещение – дискутировался. В немецком юмористическом журнале тех лет я позже встретил остроту: в немецких школах детей учат, «wie man Kinder kriegt» («как дети появляются на свет»), а во французских школах, очевидно, будут учить, «wie man keine Kinder kriegt» («как не иметь детей»). Хотя в те годы во Франции была очень низкая рождаемость.

В раннем детстве няня нам объясняла, что новорожденных приносит ангел. Еще на Пречистенке [в [Москве](#)] я впервые услышал от Сони и Тани, что девочкам неприлично показываться мальчикам обнаженными. Мама сексуальной темы не любила и, только когда дети спрашивали, давала им минимальные разъяснения. Я помню, когда я в Лиханьеми увидел довольно брюхатую корову, то Александра Карловна [[Шлезингер](#)] объяснила мне, что у нее в животе находится будущий теленок.

Заучивая слова молитвы: «Дух же целомудрия, смиренномудрия и любви даруй мне, рабу твоему», я спросил маму, что такое целомудрие. И она объяснила, что это когда у человека нет влечения к обнаженным телам и к ухаживаниям мужчин за женщинами и женщин за мужчинами.

Еще в Москве я начал собирать почтовые марки. Александра Карловна тогда подарила мне немецкий каталог всех стран с 1850-х по 1900-е годы. Зимой в Выборге я был совершенно помешан на марках и копил деньги, чтобы выписать от той же фирмы в Лейпциге дорогой каталог для коллекции марок, и просил всех вместо подарков дарить мне деньги на каталог*.

* По-видимому, речь идет о кляссере – альбоме для марок (он сохранился в семье Классонов).

Гимназистка Татьяна Классон (Гельсингфорс или Выборг?)

Кстати Александра Карловна рассказывала, что она и обе ее сестры, когда остались [\[после смерти родителей\]](#) втроем, сначала делали друг другу не всегда удачные подарки и потом перешли на дарение денег на праздники, приговаривая: «Da hast du deine drei Rubel, kaufe dir was!» [\[\(«На вот 3 рубля, купи себе что-нибудь!»\)\]](#). Этот каталог я все-таки выписал и получил посылку с ним – в большую перемену, на таможне.

<...> В 3-м классе в Выборге я дружил с одноклассником Володей, сыном офицера, участника обороны Порт-Артура Владимира Алексеевича Высоких*. Я с Соней бывал у них. Соня поддерживала еще знакомство с двумя сестрами Хилдэн (знакомыми по Лиханьему, их отец, швед, занимал должность главного инженера Сайменского канала) и с русской барышней, учительницей на курсах иностранных языков, где преподавал [\[немецкий\]](#) и Вайкерт.

* «Подъехал штабс-капитан Владимир Алексеевич Высоких (рука его еще не совсем поправилась и последствия контузии еще не совсем исчезли, он остался здесь заведовать выздоравливающими крепостными артиллеристами до отправки их в плен или на родину), он ездил на кладбище под «Белым Волком» и под Ляотешанем разыскивать могилу своего брата Николая Алексеевича. Он удручен тем, что могилы брата не нашел, хотя нашел могилы всех других артиллерийских офицеров. Некому было поставить крест с надписью!». – П.Н. Ларенко. Страдные дни Порт-Артура.

Надпись И.Р. Классона на обороте открытки:

«В этом доме [купца Ф. Москвина] на площади Красного Колодца в Выборге мы жили в 1911-12 гг. (с августа по июнь, на 3-м или 4-м этаже?)»

Весной 1912 г. Соня участвовала в деятельности комитета, готовившего, как тогда было принято, однодневную продажу колосков – в помощь голодающим в России.

<...> В Выборге я еще дружил с товарищем по фамилии Менд – из 2-го класса [реального училища]. Я захаживал к нему домой еще осенью 1911 г. Семья его была настолько немецкая, что его сестра носила дома передник (не детский), и я сначала не мог понять, сестра это или горничная. В июне 1912 г. мы еще оставались в Выборге, и я ездил к Менду на дачу, у него оказался репетитор или гувернер из учеников старших классов нашего училища. В памяти у меня осталось, что я воспроизвел свист одной птицы, а репетитор сказал: так это зяблик. Это была моя первая самостоятельная поездка. Впрочем, кажется, Соня дожидалась моего возвращения на пристани в Выборге.

В марте 1912-го Иван получил открытку из Москвы:

Поздравляю тебя Ваня с рождением, сколько же тебе лет, неужели 13? На той неделе я поеду в Берлин и хочу тебе привезти какой-нибудь «топорок» [(подарок)] на рождение. Придумай, что ты хочешь и напиши. Может быть, ты хочешь марок?

Целую всех, будьте здоровы и веселы.

Твой Папа

12 декабря нового стиля 1912 года Коля Менд отправил своему прежнему соученику по реальному училищу такую открытку в Москву:

Дорогой Ваня. Благодарю за письмо и марки. Присылаю тебе открытку, которая впоследствии будет стоить большую цену (смотри на штемпель). Очень прошу тебя прислать и мне 12 декабря [(старого стиля)] открытку. Тогда и я буду иметь карточку, отштемпелеванную тремя [цифрами] 12.

Как можно понять, ребята зациклились на магии повторяющихся чисел – 12.12.12.

Выборг (открытку прислал Ване уже в Москву виборгский знакомый Коля Менд)

Приведем заодно текст открытки, которую сестра Татьяна отправила в апреле 1912-го своему брату по поводу его «помешательства на марках»:

Дорогой Ваня, поздравляю тебя с Пасхой и посылаю марок для твоей коллекции. Если ты непременно хочешь купить большой альбом для марок, то Соня тебе даст денег от меня, но я тебе советую с этим подождать, а лучше купить самих марок, а то в большом альбоме твои марки будут как верблюды в пустыне теряться и ты будешь иметь конюшню без лошадей! Года через два у тебя будет большая коллекция, будет больше смысла покупать альбом. Согласен ты со мной или же все-таки хочешь иметь большой альбом? Решай сам. Мне очень жаль, что не могу приехать на Пасху к Вам – масса работы. Целую тебя, твоя Т.

1 января 1912 г. Софья Ивановна отправила Ивану из Берна, где она лечилась, по-видимому, последнюю открытку (на ней изображены корпуса Lidenhof – Privat-Spital des Roten Kreuzes):

Я отметила крестиком [на фото] дверь [на балкон из] моей бывшей комнаты, в которой я жила около двух лет назад. Там было гораздо лучше, просторно и хорошо. А в этих свинных загонах еще хуже голова кружится.

Сегодня я получила письмо твое и Катинo. Катя описывает, как занималась первый раз с Соней, а ты про то, что Соня познакомилась с твоим <нрзб. – другом Высоких?> и его матерью и что они вас пригласили.

Целую тебя, Ванюшенька

Как упоминалось в очерке «Опять в Первопрестольной», в мае 1912-го С.И. Классон умерла в петербургской лечебнице (ей было всего 48 лет!). Мы уже приводили отрывок из воспоминаний сына Ивана, где он описывал предысторию, приведшую к столь раннему печальному финалу.

Лечебница в Берне («крестиком» отмечен балкон правого корпуса)

Дадим здесь концовку этих воспоминаний:

<...> Осенью 1909-го мы надолго задержались в Лиханьеми. Маме трудно было решиться ехать в Москву и делать вид, что все в порядке. *[Все же, Софья Ивановна решила на этот переезд.]* В Москве она несколько дней не выходила из своей комнаты. Однажды вечером мама, одетая для улицы, пришла в «игральную» (детскую дневную комнату) проститься с нами, так как она уезжала. Таня и Катя почему-то легко попрощались, а я понял, что мама уезжает совсем, заревел и не прощался, а не пускал маму. Мама этого не выдержала и сказала, что не уедет. Папа должен был отвезти маму на Николаевский вокзал, уже наняли извозчика. Они все же поехали, но взяли и меня. Я успокоился, когда мы, сойдя с пролетки у вокзала и немного побродив, снова сели в пролетку и вернулись домой. Мама вскоре уехала лечиться за границу – в Сан-Ремо и Бордигеру на итальянской Ривьере и в Берн в Швейцарии.

Мама нам писала, одно время я по ее просьбе заклеивал и относил в почтовый ящик бандероли с «Русскими ведомостями» для отправки ей за границу. Весной 1910-го мама из-за границы приехала прямо в Лиханьеми *[под Выборгом]*, а дети с няней – из Москвы.

<...> Мама сказала нам о согласованном с отцом решении, что она с нами поселится на зимы вне Москвы, упомянула о мнении отца, что она на детей хорошо влияет. Соня (ей было почти восемнадцать лет) решила остаться в Москве с отцом. У мамы возникла мысль о Ярославле, где жила ее старая подруга Анна Павловна Цветкова.

Мама съездила из Лиханьеми в Ярославль, вернулась разочарованной и выбрала Гельсингфорс, где были русские казенные мужская и женская гимназии и жила одна, знакомая маме с 1880-х, старая русская семья. Петербургский вариант не рассматривался, так как тамошний климат и, особенно, водопроводная вода считались вредными для здоровья. Осенью 1910-го мы переехали в Гельсингфорс, а няня съездила в Москву отобрать *[наши]* вещи для отправки в Гельсингфорс. Там мы несколько дней прожили в гостинице.

<...> Ту зиму в Гельсингфорсе я часто простужался. Мама показала меня хорошему врачу, и он сказал, что мне вреден местный климат, еще более сырой, чем петербургский. Климат Выборга он считал более подходящим для меня. <...> Еще ранней осенью [1911-го, после переезда из Гельсингфорса] нас в Выборге навещил отец. Он остановился в гостинице Бельведер, там мы с ним повидались в его номере. Мама с ним не встречалась.

<...> Самое первое время в Выборге у нас все было благополучно. Но вскоре у мамы начались сильные головные боли (а вообще ни у нее, ни у отца голова никогда не болела). Она несколько раз – в сопровождении нашей горничной Маши, няниной внучатой племянницы – съездила к врачам в Петербург. Сначала мама говорила, что головная боль обычно проходила еще в поезде по дороге в Петербург, а потом в Выборге возобновлялась. Мама стала думать о лечении снова за границей, попросила приехать в Выборг Соню (ей было [в 1911-м] девятнадцать лет), оставила ее старшей в семье и уехала в Берн.

Между тем здоровье мамы ухудшалось, и тогда в конце зимы 1911/12 г. было решено – я думаю, Соней с отцом – попросить [давнюю знакомую по Выборгу,] фру Хенриксон съездить в Берн и привезти маму в Петербург в частную лечебницу. Соня ее там [потом] навещала, приезжая из Выборга.

2 мая старого стиля 1912 года мама умерла в лечебнице. Ей было сорок восемь лет. Мы получили телеграмму о маминей смерти вечером. Соня посадила Катю и меня с собой на диван и сообщила нам об этом. Мы плакали. На другое утро Павел сказал: «Ах да, мама умерла. Как интересно!». Ему было почти восемь лет.

Соня с нами и няней была на панихиде в русской церкви [в Выборге]. На третий день Соня, Таня и приехавший [из Москвы] в Петербург отец похоронили маму на Волковом кладбище. Она перед смертью высказывала желание повидать детей.

Когда я упорно болел в Берлине в 1928-29 годах, то запрашивал в письме Соню, чем болела мама. Не знаю, искренне ли, но она ответила, что мама умерла от разбитого сердца.

Отец после похорон повидал нас в Выборге, быстро вернулся в Москву и уехал в свой очередной шестинедельный отпуск, дав указание, чтобы начатый постройкой дом на «Электропередаче» был готов к его возвращению, что и выполнили почти точно.

<...> В середине июня [1912 года] мы уехали в Москву.

В сих воспоминаниях, как мы видим, упомянута «горничная Маша, нянина внучатая племянница». После прочтения предыдущей версии биографических очерков на автора вышла Ольга Сорокина, правнучка Дмитрия Тимофеевича Козлова, которому няня Мария Тимофеевна Казакова приходилась родной сестрой (значит, до замужества она носила эту фамилию – Козлова). И Ольга Сорокина уверена, что «горничная Маша» – это Мария Ивановна Краснова, тоже ее родственница. Поэтому она прислала фото последней на предмет опознать ее, но, к сожалению, на «семейных фото» горничная Маша не присутствовала...

Отметим, что С.И. Классон, по-видимому, умерла в знаменитой лечебнице для нервно-душевнобольных доктора Фрея на 5-й линии Васильевского острова, в которой ранее содержался ее брат, Александр Иванович Мотовилов.

Мария Ивановна Краснова – горничная Маша?

В 2004-м автор этих строк, когда с женой ездил осматривать Петербург и его пригороды, то добрался и до Волковского кладбища. Ни в администрации кладбища, ни в церкви святого Иова нам не смогли (или не захотели?) показать какие-либо бумаги за 1912 г.: «что вы хотите, ведь с тех пор случились война с немцем, две революции, гражданская война, блокада города в Отечественную войну – все документы утрачены». Действительно, Россию в XX веке накрыли такие глобальные катаклизмы, в которых уничтожались не только документы, но и миллионами гибли люди.

Тем не менее, около двух часов я ходил галсами по кладбищенским дорожкам, пытаясь визуально обнаружить могилу бабушки. Но затем осознал безнадежность сего занятия: чтобы внимательно осмотреть все могилы, потребовалась бы как минимум полная рабочая неделя.

В то же время разговоры с ленинградцами-петербуржцами и двухчасовой осмотр православной части кладбища позволили предположить и другую причину полной недоступности документов столетней давности: кладбищенские власти втихую продают бесхозные могилы новым «питерским». Средний «тариф» составлял в 2004-м около тысячи долларов, ну а дальше, по-видимому, шли наценки за близость к знаменитым могилам и за другие привлекательные особенности.

Бесхозных могил стало особенно много, после того как многие ленинградцы погибли на фронтах или не вернулись из эвакуации или умерли от голода и бомбежек, не оставив потомков. Рачительная администрация Волковского кладбища систематически демонтирует полуразрушенные надгробия бесхозных блокадных могил (они были сделаны по типовому образцу из весьма непрочного бетона) и выкладывает ими дорожки. Эти проходы между могилами так и не были заасфальтированы ни в советское, ни в послесоветское время...

А вот какое варварство совершалось в годы «социалистического строительства» (из книги Александра Кобака и Юрия Пирютко «Исторические кладбища Санкт-Петербурга»):

О состоянии кладбищенского хозяйства шла речь на заседании пленума секции коммунального хозяйства Ленсовета 24 февраля 1928 г. На этот период в городе существовало 46 кладбищ. Одно из них – Лазаревское – считалось музейным и было закрыто для посещения. Площадь 12-ти закрытых для погребения кладбищ составляла 80 гектаров, 34-х действующих – 382. Наиболее активно использовались Преображенское (Обуховское), Успенское (Северное), Богословское, Серафимовское, Волковское, Большеохтинское, Киновиевское и Новодевичье кладбища. Городские коммунальщики решили, что к 1936 г. все кладбища в черте города должны быть закрыты «за переполнением» [Протокол цит. по копии в Архиве ГМГС].

Выступление на пленуме В.М. Федорова дает яркую картину разорения старых городских некрополей. Огромные дорогостоящие надгробия разрушались ради мелких утилитарных целей: «добыча медных, бронзовых и других металлических частей (скобы, стержни, розетки)». Мраморные плиты и доски разбивались «с целью утилизации для особого типа захоронений – «раковин»». Докладчик указывал, что «общим для многих кладбищ отрицательным явлением надо признать множество раскиданных памятников, валяющихся в траве (опрокинуты колонны, обелиски, доски и т.д.). Кроме того, разрушенный вид создают разбитые склепы и усыпальницы...».

Президиум Ленсовета периодически издавал решения об охране кладбищ. Так, например, 18 августа 1928 г. было принято постановление об «обязательном соблюдении Обязательного постановления об охране порядка на кладбищах», предусматривающее расследование дел о хищении памятников, организацию ночных облав «для выявления преступного и хулиганского элемента». Однако сама периодичность принятия подобных постановлений говорит о полной их неэффективности [ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 92. Л. 1].

В июне 1928 г. «Вечерняя красная газета» сообщила, что «начались работы по ремонту ряда кладбищ Ленинграда». Сооружались новые ограды на Смоленском, Митрофаниевском и Преображенском (Фарфоровском) кладбищах, прокладывался дренаж на Смоленском. Газета обещала: «с началом лета Спасо-Преображенское и Лазаревское кладбища превратятся в парки» [Веч. красная газ. 1928. 5 июня]. Работы в основном сводились к «очистке кладбищ от разрушенных памятников и палисадников».

Средства, вырученные от продажи деталей разобранных памятников, шли на нужды Откомхоза. Отсюда прямая заинтересованность в уничтожении возможно большего числа старых надгробий. Кладбища превратились в своеобразные каменоломни, где добывался полированный камень дорогих и редких пород. Газета «Известия» отмечала в 1931 г., что на Волковском «кладбищенская администрация в течение этого лета разобрала несколько сот надгробных памятников и продала свыше 2 000 кубометров бутовой плиты. Бесхозность памятников определяет комиссия, в которую входит зав. кладбищем, сторож и педагог» [Пошлаки на кладбище // Известия. 1931. 22 сент.].

Обстоятельства одинокой смерти Софьи Ивановны стали потрясением не столько для «Классонят», сколько для мотовиловских родственников, среднее поколение которых в результате прекратило свои контакты с Р.Э. Классоном. Соответственно прервались контакты и с «Классонятами».

Вот как весьма нелестно вспоминала об этом С.Н. Мотовилова:

Но хуже всего, по-моему, тети Сонины дочери. Их было три, и Соничка – уже большая. Соничка жила с Классоном в Москве, а тетя Соня с другими детьми, кажется, в Финляндии. Ведь Классон сошелся, еще при жизни тети Сони, с какой-то инженершей. Когда тетя Соня заболела, ее отправили в Швейцарию, это было, по-моему, в 1912-м году, отправили ее с какой-то финкой, и ни одна из ее трех дочерей с ней не поехала!

Затем тетя Соня лежала в лечебнице в Петербурге, совсем одна, а ни одна из ее дочерей к ней не приехала! Ну, Ване-то тогда было всего тринадцать лет [(Татьяне – шестнадцать, а Екатерине – одиннадцать)]. <...> Нда! Таковы дети. (из письма сестре Вере в Лозанну, ф.786 отдела рукописей РГБ)

В другом письме своей сестре Вере престарелая С.Н. Мотовилова пыталась описать судьбу «Классонят» и их родственников, со слов И.Р. Классона. Описание это выглядело, местами, весьма своеобразно. (Хотя в Лозанне сведения были еще более путанные: «Ульянов пишет, что у тети Сони, по-твоему, было только две дочери. Да, когда мы с тетей Соней разошлись, у нее было только две дочери – Соня и Таня, ну, а всего-то у них было пятеро детей – три дочери и два сына. У нас имелась фотография, где они сняты все пятеро в ряд, но сгорела»!)

И это после четырех лет переписки Софьи Николаевны с Иваном Робертовичем (!):

Тетя Соня умерла в 1912 году, одна в Петербурге, в психиатрической лечебнице, а перед этим, тоже одна, лечилась в Швейцарии. Ее дети и Классон были к ней очень бессердечны. Даже очень деликатная Верочка Пятницкая прислала очень резкое письмо Классону и Соничке, что они недостаточно чутки к тете Соне. Это мне Иван Робертович уже теперь рассказал. Когда тетя Соня с Классоном окончательно разъехались, я точно не помню. Соничка была уже взрослая и осталась с Классоном в Москве, а тетя Соня с остальными детьми уехала в Финляндию, где у нее была своя дача.

В детстве Соничка была некрасивой, а потом – очень хорошенькой. В нее был влюблен Гомочка Мотовилов и, что трогательно, до сих пор не может ее забыть, а он уже старик. Все три дочери окончили высшие учебные заведения, Соничка была юристом, но я что-то путаюсь в разных наших Советских учреждениях, где она служила. Она два раза была замужем, оба раза – за ответственными коммунистами. Один ее муж, Богомолов кажется, был Торгпредом в Швеции, но тут уже я начинаю путаться. Вторым муж был неприятный, и после Сониной смерти дети ушли от него.

Кем была Танечка и ее муж – не помню. Знаю, что она очень нуждалась, когда жила в эвакуации во время войны, у нее было два сына. Вернувшись из эвакуации, она умерла. Один ее сын был хороший, другой плохой, дегенеративный. После ее смерти плохой убил хорошего, был приговорен к десяти годам. Сейчас он уже вышел [на свободу].

Третья дочь, Катя, которая и теперь еще жива, была художницей, она училась одновременно и в университете, и в Художественном Институте. Потом университет бросила и [целиком] отдалась одной живописи. Она вышла замуж очень поздно, в тридцать три года, за переводчика Парнаха. Он уже умер.

Им почему-то ужасно интересуется «мальчишка», который ко мне ходит. Мечтал бы получить (т.е. купить) какую-то книгу его стихов, изданную в Париже с иллюстрациями Ларионова и Гончаровой (но ни у Кати, ни у сестер этого Парнаха ее нет). Будто бы этот Парнах был очень выдающийся человек (перевел «Le Feu» Барбюса).^{*} Это мой «мальчик» [Александр Ефимович] так считает. А Ване Классону он не нравился, и его сын (Катин сын) тоже очень не нравится. Он тоже, как и его отец, переводчик и по окончании Вуза был послан на год на Цейлон. Мне казалось, что это карьера, но как будто из этого ничего не вышло.^{**}

Последний сын тети Сони, по-моему, его звали Павел, пропал без вести во время войны. Его семья живет где-то на юге. Он так же, как и Ваня Классон, учился в Германии. В этих пяти детях тети Сони я еще как-то разбираюсь. Ну, а со следующим поколением я уже путаюсь. Один сын Сонички работает в Москве, другая дочь – во Владивостоке.

Ваня Классон женат во второй раз. Сперва был женат на какой-то служащей в Торгпредстве в Берлине, как будто, интеллигентной. Вся ее семья была музыкальна и его любовью к музыке заразила. И он старается развить во мне музыкальные способности, увы, немного поздно, в восемьдесят лет. Почему он с ней разошелся, я ведь спросить не могу, его жена и его дети читают мои письма, раскрывают сразу, чтоб поглядеть, нет ли там иностранных марок. Эта жена (теперешняя), по-видимому, была машинисткой, там где он служил. Украинская крестьянка. Ты знаешь, у нас бесклассовое общество. Как будто бы очень хорошо, но, по-моему, браки из разных классов бывают часто очень несчастны. Другие привычки, другие понятия.

Письма С.Н. Мотовиловой вряд ли привлекали домашних И.Р. Классона (неразборчивый старческий почерк, расплывающиеся чернила на плохой бумаге, не говоря уже о моральном аспекте – «читать чужие письма нехорошо»), а вот конверты, которые были переклеены из швейцарских, с таковыми же марками внутри – таки да! И автор этих строк собрал из них неплохую коллекцию.

Еще в одном письме сестре Вере С.Н. Мотовилова сообщала про Ваню и «вторую жену» Р.Э. Классона:

Ты почему-то считала, что Ваня – сын от второй жены [Р.Э.] Классона. Да никаких детей у Классона от второй жены не было. Она жила отдельно. Женился он на ней лишь тогда, когда его младшему сыну (из пяти детей) было уже двадцать лет [(т.е. в 1924 году)]. И женился он потому, что у этой, его второй жены отняли квартиру (тогда же квартиры отнимали или людей «уплотняли»). Тетя Соня умерла в 1912 году, а женился он (т.е. записался со второй женой, и она переехала к нему) чуть ли не через десять лет [после смерти первой жены].

^{*} В.Я. Парнах (1891–1951), поэт, журналист, танцор, балетмейстер. Перед началом Первой мировой войны, напечатав в Петербурге несколько стихотворений, уехал в Палестину, затем перебрался в Париж и стал студентом Сорбонны. Выходят сборники стихов, отразившие его увлечение футуризмом и сюрреализмом: «Самум» (1919), «Набережная» (1919, на французском языке), «Словодвиг. Слово-динамо» (1920, на русском и французском языках) с иллюстрациями Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, а для книги «Карабкается акробат» (1922) портрет В.Я. Парнаха рисует Пабло Пикассо. – Из Интернета

Анри Барбюс в 1916 г. написал антивоенный роман «Огонь» («Le Feu»).

^{**} Эта тема: «нравится – не нравится» – весьма скользкая. К сожалению, письма И.Р. Классона, приходившие в Киев, утрачены, поскольку их выбросил, в числе другой переписки, В.П. Некрасов. Поэтому мы лишены возможности привести аргументацию московского корреспондента Софьи Николаевны. Как сообщил нам Александр Валентинович Парнах, «причину нелюбви И.Р. ко мне я помню и вполне его оправдываю: я в его присутствии вел себя с мамой несколько развязно». А его дочь Наталья написала из Чикаго: «Я, конечно, ничего не знаю, про то, как Иван Робертович относился к Валентину Яковлевичу, но зато прекрасно помню, как он приходил к нам в гости в Строгино и был с нами очень мил и весел».

Мы постараемся путанные места насчет второй жены Р.Э. Классона, повзрослевших «Классонят» и их детей, по мере возможности, распутать. Но все по порядку...

Далее в своих воспоминаниях И.Р. Классон описывал период, который можно определить как «без мамы, но с папой и, иногда, с мачехой Евгенией Николаевной»:

В середине июня [1912 года] мы уехали [из Выборга] в Москву. Отец с Л.Б. Красиным и мной съездил на «Электропередачу» на один день без ночевки.

Лимузин довез нас до 71-й версты Владимирского шоссе, а оттуда мы проехали около 4 километров в вагончике с лошастью по узкоколейной (600 мм) железной дороге на насыпи, построенной той весной. В доме правления Красин встретил своих (то есть из Московского отделения русского общества Сименс) электромонтеров, занятых монтажом освещения дома.

Вскоре мы переехали на «Электропередачу» на лето. Отец и я поселились в южной комнате второго этажа с балконом-лоджией. Кабинета у отца на «Электропередаче» не было. Со своими сотрудниками он обычно встречался на большой веранде первого этажа, летом служившей и столовой. Там же он принимал гостей и посетителей.

По предложению отца Соня и я учились ездить верхом, а я еще и стрелять в цель из малокалиберной винтовки на расстоянии в 35 м. Позже – с марта 1914 г. отец учил меня стрелять из дробового ружья (подарил его к моему 15-летию). Соня ездила в амазонке на дамском седле на молодой, очень удачной вороной кобылке Муньке (купленной на конный двор «Электропередачи» за 175 руб.) Ее учителем был Валерьян Иванович Богомолов, уже переселившийся из первой палатки в гостиницу и ведавший прокладкой и улучшением грунтовых дорог в [бывшем] имении.

Во время большого болотного и лесного пожара в июле 1912 г. отец отправил нас всех в комнаты при конторе «Электропередачи» в Богородске. В вагонетке до 71-й версты нас провожал Н.И. Зауэр, а оттуда отцовский лимузин отвез нас в Богородск. Соня дня через два съездила на 71-ю версту и рассказывала потом, что помогла там Винтеру делать примочки на его воспалившиеся от дыма глаза. Дней через пять мы все вернулись в дом правления. В середине августа в гости к Винтеру приехала семья Г.Б. Красина, и мы познакомились с Наташей, Митей и Аней. В последующие годы они были нашими – моими, Кати и иногда Павла – ближайшими товарищами на «Электропередаче» и отчасти в Москве.

В тот же день и они, и я уехали в Москву. Меня приняли в 4-й класс частного реального училища Флерова, которое отцу рекомендовал [муж начальницы женской гимназии Александр Данилович] Алферов. Там я учился только первую четверть, так как болел, и врачи рекомендовали прервать занятия до следующего учебного года.

<...> Кстати у меня нет данных, и я не помню точно о годах учебы Сони и Тани. Примерно в 1904 г. Соня (двенадцати лет) поступила в 3-й класс Алферовской гимназии, в 1910 г. (восемнадцати с половиной лет) кончила 8-й класс и гимназию, а осенью 1911 г. поступила на юридическое отделение Высших женских курсов (но не так называемых Герье, а других, где-то у Никитских ворот), хотя тогда женщины ни к какой юридической деятельности не допускались.*

В Выборге, помню, она рассказывала, что в высших учебных заведениях экзаменаторы не говорят «вы выучили», а – «вы хорошо прочли» и тому подобное.

* Высшие женские курсы в Москве находились в здании Политехнического музея (руководил ими проф. Университета Владимир Иванович Герье) и при 3-й мужской гимназии (ул. Б. Лубянка, д. 12 – историческое здание XVIII в. было снесено большевиками для сооружения дома «Динамо»), известные как Лубянские (заведовал курсами директор гимназии Лукьян Осипович Лавровский).

Таня, я думаю, в 1907 г. (почти одиннадцати лет) поступила в Алферовскую гимназию во 2-й класс, в Гельсингфорсе зимой 1910/11 г. училась в 5-м, в Выборге в 6-м, кончила в Москве 8-й класс и гимназию в 1914 г. Я в эту зиму сходил на спектакль в ее гимназии и помню, что она была восьмиклассницей. Затем она поступила на исторический факультет Московских высших женских курсов, которые окончила, вероятно, в 1918 г. Она прошла какие-то курсы экскурсоводов по Кремлю и в 1918-19 гг. водила экскурсии, в том числе для бывших австрийских и немецких военнопленных, возвращавшихся домой через Москву.

В эту зиму 1912/13 г. отец часто брал меня с собой на «Электропередачу». А в Москве он заставлял меня учиться верховой езде в манеже рядом с цирком на Цветном бульваре. Чтобы укрепить мышцы ног, сжимающие бока лошади, учитель-француз требовал, чтобы я первые уроки ездил без стремян.

Отец, вероятно, считал, что присутствие в семье [мачехи] Евгении Николаевны могло бы нас, детей (кроме [уже взрослой] Сони) травмировать, и мы очень редко ее видели или о ней слышали, как о его знакомой. Например, он попросил ее помочь ему купить Кате зимнюю одежду. Во время приступа грудной жабы, когда он оставался дома больше одного дня, Евгения Николаевна его навестила, и я ее впервые увидел. Он приезжал с ней на несколько дней на «Электропередачу», но только не во время наших каникул, а когда нас там не было, то есть в учебное время – осенью и весной.

Наша московская квартира [(на втором этаже дома в Садовниках)] была немного переделана. Гостиную расширили за счет бывшей «классной». «Игральную» превратили в большую столовую. В 1912-14 гг. Соня и Таня жили в двух комнатах на 3-м этаже. Кроме «черной» лестницы к ним сделали внутренний доступ – железную винтовую лестницу в темном коридорчике. Меня поселили в бывшей Сониной комнате в одно окно на север с входом из детской. Бывшая небольшая столовая между передней и кухней стала комнатой для двух горничных.

Богомолов явно ухаживал за Соней. Вскоре после нашего переезда осенью 1912 г. [с «Электропередачи»] в Москву, он заявился к нам в воскресенье, одетый по-городскому: уже перешел с «Электропередачи» в Московскую кабельную сеть «Общества 1886 г.», где работал до того, как ему пришлось отсидеть год [как революционеру в тюрьме] в Миргороде. Потом Соня и он часто встречались, но не у нас.

Как-то зимой Соня и он поехали за город во Влахернскую^{*} – в дом для приезжих при женском монастыре. Но Соня была не одна, а с «шаперон»^{**} – Александрой Карловной [Шлезингер]. А в 1915 г., после немецкого погрома в Москве вся семья (включая и Соню, но без отца) жила в этом доме. Нас отвез туда Валерьян Иванович.

Соня и Богомолов обвенчались в январе 1915 г. (ей было 22 года). Незадолго до этого Богомолов чем-то не угодил Евгении Николаевне, и она и наш отец прекратили знакомство с ним. Так что на свадьбе мы, дети и няня, были, а отца не было. И он к Соне не ходил, и Валерьян Иванович у нас не бывал. Мы, дети, у них бывали, и Соня у нас и отца – тоже.

^{*} Теперь – станция Турист Савеловской ж.д.

^{**} Шаперон – компаньонка, наставница (обычно сопровождающая девушку).

«Классонята», ≈1914 г.

Так продолжалось до начала 1920 года. А в 1920-м – после пяти лет брака Сони с Богомоловым – состоялось примирение с ним нашего отца, и, вероятно, у отца создалось убеждение, что лучше не пытаться влиять на детей в вопросах их личной жизни. По-видимому, отец не пытался отговаривать и Таню от брака с серьезно больным Свенчанским.*

Они венчались в церкви, хотя уже действовал гражданский брак, я был шафером у Тани. Они заняли в квартире на Садовниках две комнаты на север – бывшие Сонины и мамину, но перегородку перенесли.

Для разнообразия приведем выдержки из дневниковых записей Алисы Ивановны Радченко, жены И.И. Радченко (устроившей на «Электропередаче» нечто вроде домашнего детского сада).

* В паспортной книжке С.Р. Классон, выданной Приставом 1-го участка Пятницкой части Московской столичной полиции в декабре 1911 г., в разделе «Перемены, происшедшие в служебном, общественном или семейном положении владельца книжки <...>» имеется следующая запись:

Вышеозначенная владелица книжки София Робертова Классон сего 1915 года 18-го января в Московской Николаевской на Ямах церкви повенчалась первым законным браком с сыном личного почетного гражданина Валерианом Ивановым Богомоловым, 33-х лет, православного вероисповедования. Священник (подпись). Диакон (подпись). Круглая печать.

От января 1913 г.:

Вечером [у нас в поселке на «Электропередаче»] были Софья Робертовна с Ваней. Она ведь тоже юристка. Зашел разговор о необходимости в данный момент для человека высшего образования. Я спорила против этого. По-моему, далеко не всех толкает на это житейская необходимость, еще меньшее число – жажда науки, а большинство – «бонтонность». В интеллигентных семьях теперь так принято и считается чуть ли не позором, если кто-нибудь следует своему какому-нибудь другому призванию или попросту настолько смел, что сознает свое личное равнодушие к наукам, а тем более – враждебное отношение к экзаменам. (ф. 9455 РГАЭ)

И от октября 1913 г.:

Приехали Классонята. Няка* рад разнообразию – от пролетариев к барчукам. Сегодня ведь никто из [местных] детей не пришел – должно быть, из-за воскресенья. Мы и гуляли с Ваней, Катей и Павлушей, причем Няка кокетничал с ними вовсю, показывал им все свои фокусы, был чрезвычайно оживлен и весел. Старшие дети ужасно изводят [девятилетнего] Павлушу, дразнят его за неуклюжесть, трусость и неразвитие физическое, ставят ему в пример [трехлетнего] Няку. Ужасно это неприятно слушать, несмотря на внешнюю благовоспитанность, грызутся как молодые псы.

И.Р. Классон оставил краткие воспоминания и о своей учебе в московском реальном училище:

В августе 1913 г. я поступил в четвертый класс Третьего московского реального училища им. Анатолия Шелапутина (это здание в Трубецком переулке включало также Педагогический институт им. Шелапутина и несколько квартир)** . Окончил его (последним классом был седьмой) в мае 1917 г.

В училище были хорошие учителя. Особенно – по математике, физике и космографии – Николай Владимирович Кашин. Он преподавал и в педагогическом институте в том же здании. Математике в старших классах нас учил Александр Александрович Волков*** .

* Няка – детское прозвище сына Радченко Алексея.

** С 1939 г. – пер. Хользунова. В Большом Трубецком пер. располагались три учебных заведения, учрежденных предпринимателем и благотворителем Павлом Григорьевичем Шелапутиным (1847-1914). Он имел троих взрослых сыновей – Григория, Анатолия, Бориса, которые один за другим погибли. В память о Григории (умер в 1901 г.) в 1902-м была открыта гимназия (д. 18). Именем Анатолия (умер в 1908 г.) в 1910 г. было названо Третье московское реальное училище (д. 16). Педагогический институт (д. 14) был открыт в 1911 г. и назван в честь самого Павла Григорьевича. В институт поступали мужчины, имевшие высшее образование и желавшие стать учителями, гимназия и реальное училище были базой для их практики. Сын Борис умер в 1913-м. В этом комплексе зданий теперь находится Главная военная прокуратура РФ.

*** А.А. Волков (1876-1919) в 1899 г. окончил математическое отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1905-1911 гг. занимал должность приват-доцента того же учебного заведения. В 1911-1916 гг. служил штатным преподавателем 3-го московского реального училища им. А. Шелапутина. С 1916-го – преподаватель Императорского московского технического училища. По состоянию на 1919 г. был профессором Института путей сообщения, Высшего технического училища, 1-го и 2-го МГУ. Являлся членом Партии народной свободы. Был арестован 1 сентября 1919 г. на квартире Н.Н. Щепкина, где чекисты устроили засаду. В докладе Л.Б. Каменева комитету обороны города Москвы о военном заговоре сказано, что у Волкова был найден отрывок частично зашифрованного сообщения. Расстрелян по делу антисоветской организации «Национальный центр». В списке лиц, расстрелянных по постановлению ВЧК, опубликованном 23 сентября 1919, сказано, что Волков "составлял для «Нац. Центра» шифры, которыми «Нац. Центр» пользовался для переписки с Деникиным, а также расшифровывал письма, получаемые «Нац. Центром»". – Из Википедии

*Реальное училище имени Анатолия Шелапутина
(фото начала XX века)*

*4-й класс Московского 3-его Р.У., 1914 г., 3-й слева в 1-м ряду Иван Классон,
4-й слева в последнем ряду – его товарищ на всю жизнь Юрий (Георгий) Синявский*

А начатки высшей математики в седьмом классе нам преподавал директор реального училища, профессор Московского университета Леонид Кузьмич Лахтин^{*}.

Естествознание в старших классах, в том числе химию и анатомию человека, хорошо преподавал молодой...^{**}, у которого всегда получались опыты, их он сам показывал классу.

Немецкий язык преподавал (и был нашим классным руководителем) Эдгар Карлович Гюттич. Французских учителей сменилось несколько, одним из них был молодой француз, которого вскоре призвали на военную службу во Франции. Его сменила молодая русская [учительница]. Историю преподавал Константин Васильевич Сивков^{***}.

Много времени у меня уходило на домашнее чтение по теории и истории русской словесности, которую читал нам Сергей Константинович Сережников, брат известного в Москве руководителя кружка декламации^{****}.

В 7-м классе полагалось изучать законоведение – основные представления о государственном устройстве России и ее законах и судебных устройствах.

Закон Божий у нас преподавал священник (кажется, протоиерей) Николай Иванович Боголюбский, профессор (или преподаватель) Московского университета, имевший с семьей квартиру при университете на Моховой^{*****}. Он, при полной верности православию, был увлеченным почитателем русской классической литературы, и особенно Достоевского.

О главных персонажах этого писателя я впервые узнал на уроках Боголюбского. С его сыном Юрием во всех классах с четвертого по седьмой мы сидели за одной партой. Я раз или два был у него дома.

<...> У Кашина полагалось записывать его уроки-лекции. Запомнились его слова на уроке космографии: «Радиус Земли равен в среднем 6 370 км – запишите и запомните: раз и на всю жизнь!» Кашин поразил нас тем, что на первом своем уроке в четвертом классе (до этого математику преподавал Волков) по журналу называл по очереди всех из сорока одного ученика, каждый вставал, он смотрел на него, делал пометку в своем блокноте и запоминал – фамилию, лицо и место за партой и никогда не ошибался. За исключением учеников, поступивших в класс позже. В начале 1920-х на 1-й Московской [государственной] электростанции Кашин преподавал на курсах для рабочих. Я однажды устроил ему свидание с моим отцом. Помню, что Кашин расспрашивал его о встречах с Лениным.^{*****}

^{*} Л.К. Лахтин (1863-1927) после своей «политической» отставки с поста ректора Московского университета в 1905-м работал затем ординарным профессором на физико-математическом факультете, в 1910-м был назначен директором Третьего реального училища, ему принадлежит ряд работ в области математического анализа, высшей алгебры, теории вероятностей и математической статистики.

^{**} Иван Робертович, уже в преклонных годах, к сожалению, так и не смог вспомнить Ф.И.О. этого преподавателя.

^{***} К.С. Сивков (1882-1959) в 1911 г. стал одним из учредителей и членом правления Московского кооперативного товарищества издательского и печатного дела «Задруга».

^{****} «На радио родился «Речевой квартет» под руководством известного педагога сценической речи и режиссера профессора Василия Константиновича Сережникова. Актер, он в 1913 г. ушел из Театра Корша, где выступал не без успеха, и открыл «Первые московские курсы дикции и декламации В.К. Сережникова». На этих курсах и проходили опыты «коллективного слова». К середине 20-х годов В.К. Сережников возглавлял Государственный институт декламации [(слова)] – был такой в Москве». – Из Интернета

В марте 1921 г. при Государственном институте слова была открыта студия агитационного красноречия, долженствовавшая выпускать умелых агитаторов в пользу «завоеваний большевизма».

^{*****} Н.И. Боголюбский (1856-1926) – воспитанник Московской духовной академии, протоиерей, с 1911 г. профессор богословия Московского университета.

^{*****} Интересные подробности о сем даровитом преподавателе содержатся в статье М.А. Бражникова «Записная книжка» (fiz.1september.ru/article.php?ID=200501706).

*«Реалисты» Иван Классон и Александр Фидлер, февраль 1914 г.
(последний был сыном известного педагога Александра Александровича Фидлера,
после Октябрьского переворота младший Фидлер эмигрировал в Германию)*

Учителя обращались к нам на «ты», за исключением Кашина – во всех четырех классах и Сережникова, который три года говорил нам «ты», но с первого же урока в 7-м стал обращаться на «вы» и ни разу не ошибся!

Катя и я учились дома немецкому с приходящим учителем Сергеем Львовичем Шварцем. Шварц был приглашен к нам на лето и жил в гостинице [на «Электропередаче»]. Моими товарищами были Александр Фидлер, Юрий Синявский и Андрей Боголюбов (сосед по парте). Я ездил поздней осенью к Фидлеру в Быково. Зимой Фидлер и Синявский приезжали на «Электропередачу».

Как мы видим, в Третьем реальном училище был весьма сильный состав преподавателей, включая и профессоров Московского университета. Училище Иван закончил в мае 1917-го, т.е. после Февральской революции.

А вот бытовые воспоминания И.Р. Классона, относящиеся к 1914-19 годам:

В марте 1914 г. мне исполнилось 15 лет, и отец подарил дробовую двустволку 20-го калибра. После чего я убил первую лисицу. Летом 1914-го [учителя] Шварца пригласили к нам на лето, и он жил в гостинице. Зимой 1914/15 года Фидлер перешел в другое реальное училище, но со мной продолжал встречаться.

В 1914-18 годах мы, дети (начиная с 1915 г. без Сони), жили летом большею частью на «Электропередаче». В то же время летом 1913 г. Соня с Таней ездили в Италию и Австрию. В 1914 г. они были на Рижском взморье и возвращались в Москву в первые дни войны. Отец – вместе с Евгенией Николаевной – был в санатории в Киссингене (Германия), когда началась война, получив от цюрихских банкиров деньги золотом, выехал в Геную и оттуда пароходом через Дарданеллы и Босфор в Одессу.

В мае 1915 г. мы четверо – включая Соню, но без Павлуши плавали на пароходе по Волге от Нижнего до Царицына и на другом пароходе – обратно до Нижнего.

В 1916 г. мы с моим товарищем по классу Степой Горбуновым были приглашены в семью третьего нашего товарища Юрия Синявского в Скобелев, где отец Юрия Клавдий Никанорович служил начальником ирригации Ферганской области. Туда мы ехали втроем, а в конце июня я с Горбуновым вернулся в Москву (и привез дыни с базара в Ташкенте).

После с середины лета был на «Электропередаче». Наташа Красина на теннисной площадке познакомила меня с сестрами [Анной и Надеждой] Аллилуевыми (их отец [Сергей Яковлевич] тогда работал на «Электропередаче»).

Скобелевым в 1907-м был назван город Новый Маргелан в честь генерала М.Д. Скобелева, воевавшего в Туркестане и ставшего первым губернатором Ферганской обл. (была создана в 1876 г. на базе Кокандского ханства). С 1924-го – Фергана.

Отметим также, что Иван постоянно писал с дороги письма или отправлял телеграммы своему отцу – информировал его о перемещениях и путешествиях (см. Приложение «Письма И.Р. Классона родственникам и ему от оных, а также его воспоминания»). А с Юрием (Георгием) Синявским он потом дружил (пусть и заочно) всю жизнь.

Приведем некоторые письма, которыми «Классонята» обменивались в это время, а также их «путевые послания» отцу.

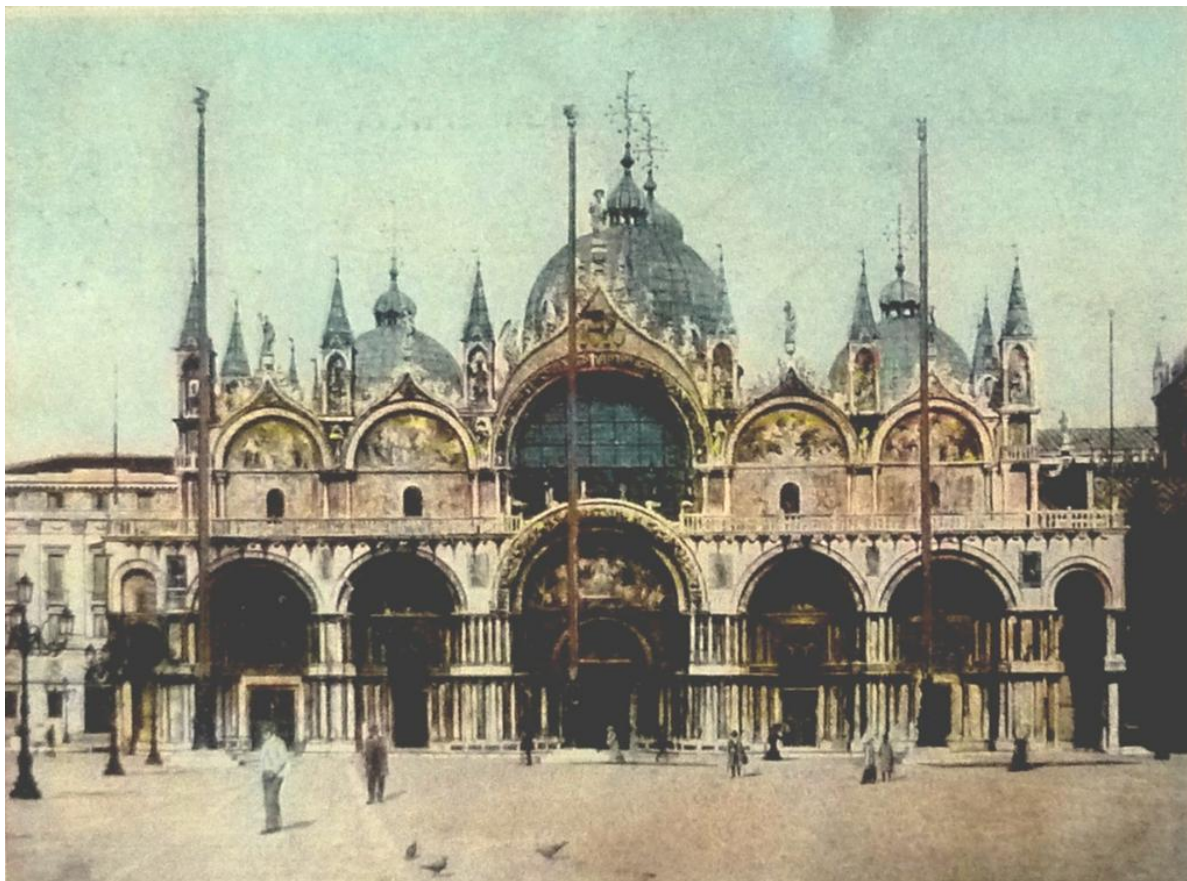
Сохранилась открытка с видом базилики Св. Марка в Венеции, посланная Татьяной в августе 1912-го из той же Венеции отцу в Москву:

Продолжаем следовать Вашим указаниям. Из милого Боцена прибыли [(с Соней)] на купание в «Лидо». Здесь так хорошо, что думаем остаться до конца [отдыха]. Крепко, крепко жму руку. Т.Р.К [(Татьяна Робертовна Классон)]

В апреле 1913-го Софья отправила (из Москвы на «Электропередачу») шутиливо-грозную записку:

Любезный брат! Ежели Вы с первой же оказией не пришлете мне мою панаму, то сверну головы всем птицам. Пока они живы и здоровы, и супруг старушки поправляется, не знаю его имени и отчества. Панама лежит в нижнем ящике того комода, который стоял летом у меня в комнате. Блаженствую оттого, что вас нет.

Твоя благородная старшая сестра

Открытка с видом собора св. Марка, отправленная Таней и Соней отцу

Возможно, что к этому же периоду относится и такая открыточка от заботливого отца:
Здравствуй Ваня. Посылаю тебе еще японских птичек. Надеюсь, что M-lle благополучно довезла птиц и ты их встретил? Целую тебя, твой папа

А в августе 1913-го Иван получил следующее письмо от Софьи, отдыхавшей вместе с Татьяной в Австрии:

Милый братец, Получила сегодня твое письмо, его переслали из Рейхенхалля. Мне кажется, было бы не идеально, если бы ты остался у Никитина*. Потому поприветствуй еще к папе, если не поздно. А когда я вернусь числа 29-го, то с удовольствием обегая все реальное [училище]. Боюсь только, будет уже поздно.

Любезный брат, мы теперь в Боцене, это в Тироле. Здесь я увидела, как растет виноград. Из палок делают такие арки**, и по ним вьется лоза, а кисти свешиваются внутрь. Некоторые переулочки так завиты. Идешь, а над тобой виноград. Кругом Боцена горы с лесом, внизу его нет. В нескольких местах устроены зубчатки и даже воздушная дорога. Вид ее прилагаю. Совсем не страшно ездить, мне было даже жалко, что не страшно, а я уже приготовилась визжать. Таня у меня толстеет и ворчит – ей здесь не нравится. <...> Желаю тебе всего приятного, Соня

P.S. Сургуч у тебя скверный.

Но сестры, похоже, продолжили свой отдых в Боцене. По-видимому, Иван сообщил, что поступает в 3-е Московское реальное училище, и получил по этому случаю такое письмо:

Милый братец, поздравляю тебя с поступлением в реальное, не приемлю возможности, чтобы ты провалился. А т.к. ты целый год не учился, то поступаешь как бы заново, потому и поздравляю. Мы скоро приедем сами, и если кому будет интересно, то расскажем, что делали за границей.

Пока всего хорошего, Соня

* По-видимому, Иван Классон после некоторого выздоровления ходил весной 1913 г. в реальное училище Никитина.

** Изображена трапециевидная арка со свешивающейся виноградной гроздью.

А вот письмо Ивану от другой сестры уже предвоенной, по-видимому, поры – с «Электропередачи»:

31 мая, Болото

Милый Ваня, няня тебя каждый день во сне видит и ждет не дожидается письма, как я ей ни объясняю, что письмо будет идти около [недели], и неизвестно еще, часто [ли] ездит с города [Богородска] почта, и что следовательно раньше начала следующей недели ждать нечего. Но и папа, и Катя, и я замечаем, что тебя нет, и скучаем по тебе время от времени. Я 27-го [мая] сдала устную математику (на 5), в среднем у меня математика сдана на 4, это не блестяще, но [вполне] прилично. На другой день я уехала с папой сюда. Сначала погода была очень хорошая, но вчера уже шел раза два небольшой дождик, а сегодня сыро и холодно. Я играла сегодня в первый раз после зимнего перерыва в теннис, и Катя, и папа нашли, что я сделала успехи. Я намерена не смущаться моим неумением и играть с Катей и Красинскими*. У меня лапка дрожит от успеха. Я поеду около середины июня в Киев, пробуду там с неделю и вернусь с бабушкой [Анной Карловной]. Я живу в большой комнате с новым балконом. Комары нас донимают: время от времени кто-нибудь начинает ожесточенно себя драть, а папа по вечерам бьет комаров на стене книгой (рекомендуется, чтобы книга была без переплета и предпочтительно, чтобы это был «Вестник Европы», т.к. у него и так красная обертка). Вчера положили в самовар шишек для дыма и едва его не распаяли. Надеюсь, все-таки, мы получим от тебя хоть одно подробное письмо с описанием, как ты живешь.

Всего хорошего, Таня

Татьяна и Софья в лазарете, после лета 1914 г.
(фото из архива семьи Александровых)**

* С детьми Г.Б. Красина.

** Из газет за сентябрь 1914 г: «Общество электрического освещения 1886 года предоставило городу помещение для раненых на 100 кроватей с полным оборудованием и содержанием.» «Общество электрического освещения 1886 года оборудовало и открыло лазарет на 100 кроватей, устраивается второй лазарет на 25 коек».

В конце июля 1914-го (уже началась Первая мировая война) после приезда с Рижского взморья, где Татьяна и Софья отдыхали в одном из пансионатов, Иван получил такое письмо:

Любезный братец,

Соня написала вам очень хорошее письмо, но решила не посылать его, а то вы все огорчитесь. Ждем в Москве папу, когда он придет – не знаем, надеемся, что скоро. На болото мы приедем, когда нас повезут на автомобиле, и уже просили об этом Ник. Ив. [Зауэра]. Папин автомобиль чинится, а Малинков в отпуску. Кроме того, автомобили теперь забираются в армию. Ехать на поезде – не хотим: сейчас поезда ходят ужасно неудобно и набиты битком, надо переждать.*

Из Риги мы едва выбрались, и половину дороги пришлось ехать в III классе (с билетами первого). Теперь едут и в коридоре, стоя или сидя на вещах, и на площадках, и в уборной, а было время, когда из Риги уезжали буквально на крышах вагонов. Мы самую панику все-таки переждали. А Штраухи все еще в Риге и не могут выбраться. На поезд в Риге мы с Соней попали почти чудом, думали, что ни за что не попадем. <...>

До свидания, Таня

А сам Р.Э. Классон в начале июля послал детям одновременно две открытки из Копенгагена (чтобы устроить между ними соревнование – какая раньше придет: Ивану в Москву или Екатерине в поселок Электропередачи?), в одной из них написал сыну – «Столько воды видел за эту неделю, сколько ты за всю жизнь [не видел]».

Storsjön, Kastellet och Konstutställningen.

Виды Дании

* По-видимому, шофер Р.Э. Классона.

По-видимому, это московское фото Ивана Классона относится к концу 1917-го

В сентябре 1915-го Софья черкнула Ивану открытку из Царицына (будучи в свадебном путешествии с В.И. Богомоловым?), с конкретным заданием:

Милый братец, потрудись для своей старой сестры и купи мне у Юриста на Моховой те книги, о которых я пишу Тане. Когда у тебя будет время. А Таня наверное совсем разрывается. Посылаю тебе Царев Курган, который тебе понравился.

А в ноябре 1915-го Софья черкнула еще одну открытку:

Милый братец, была подавлена и тронута, получивши от тебя письмо. Спасибо за него. Когда ты ложишься спать, сама скоро проверю. Иду на вас. Пока, будь здоров и весел.

Продолжим воспоминания И.Р. Классона:

Зимой 1916/17 г. я учился в седьмом классе. Учеников в нашем классе было не более двух десятков – против сорока одного в августе 1913 г. Когда случилась Февральская революция, [учитель] Сережников вызвал меня из класса и сказал, что мой отец позвонил по телефону и попросил отпустить меня домой. По пути туда я увидел, как граждане разоружили городского около Москворецкого моста. На другой день Соня с сестрами и мною пошла в центр Москвы, который был полон народа.

Начало лета 1917 г. мои сестры и я провели в Профессорском уголке под Алуштой. До [Февральской] революции он, как и большая часть крымского побережья, был недоступен для евреев. Но теперь из жильцов нашего пансионата Линде не евреями были только мы четверо и один учитель с женой. «Черта оседлости» была снята во время революции явочным порядком. В пансионате я заболел, и врач определил начало туберкулеза легких. Это подтвердили и московские врачи, они рекомендовали провести осень и зиму в Крыму.*

Отец списался с оставшейся на зиму в Ялте Антониной Ивановной Ульман и попросил устроить меня в санаторий. Антонина Ивановна – бывшая туберкулезница с большим опытом – ответила, что поселит меня у себя, в двухэтажном каменном особняке. Я уехал в Ялту в октябре, жил в семье Ульманов.

Это пребывание в Ялте оказалось достаточным для превращения моего туберкулеза в доброкачественную форму. Позже он, может быть, обострялся у меня только в 1924 и 1929 годах в Берлине.

В декабре в отпуск приехал Эдуард Рейнгольдович Ульман. У Ульманов был однажды художник Иван Билибин, он мне очень понравился.

В начале января 1918 г. в Ялте произошла «Октябрьская революция»: после шести дней боев в горах над Ялтой между моряками с пришедшего из Севастополя эсминца «Хаджи-Бей» – и белыми офицерами и крымскими татарами – красные победили **.

В феврале Ульман в Москве исхлопотал телеграмму [управделами СНК В.Д.] Бонч-Бруевича ялтинским властям, чтобы его семью и меня отправили поездом в Москву. Немцы после отказа Троцкого подписать мирное соглашение постепенно, но быстро оккупировали Украину, и Крым вскоре был отрезан.

В конце февраля Ульманы вместе со мной смогли выехать в Москву из Симферополя в одном из последних поездов. Он был страшно переполнен, поэтому уборной пользоваться не получалось. Мы пользовались бутылкой, из которой мочу выливали в окно. А по большой нужде я вылез (только однажды за три дня!) через окно на долгой стоянке поезда в Подольске. <...>

* Удостоверение

13 ноября 1917 г.

Сим удостоверяю, что податель сего Иван Робертович Классон страдает бугорчаткой легких и бронхиальных желез; страдание это подтверждено Рентгеновскими снимками. В начале 1917 г. у Классона на почве обострения процесса появилось общее исхудание, резкое малокровие, длительное лихорадочное состояние; одновременно с этим у Классона появился бугорковый процесс левой пяточной кости, который потребовал, между другими мероприятиями, наложения гипсовой повязки. Консилиум врачей, в коем участвовал и я, нижеподписавшийся, предписал Классону оставить учебные занятия и на продолжительное время уехать для климатического лечения на Юг.

Врач Государственной станции Электрического Освещения

(подпись)

Ф. 9508 РГАЭ

** Особенно ожесточенные бои развернулись в Ялте 9-15 января 1918. 8 января из Севастополя в Ялту прибыл эсминец «Гаджибей» с отрядом морских пехотинцев численностью в 200 человек. В ночь с 8 на 9 января десантники захватили Массандровские казармы, арестовав там военного коменданта Ялты капитана Лукомского. Однако, находившиеся в Ялте 4-й эскадрон 1-го конного полка, отряд тайного исламистского общества «Тан» [из крымских татар] и офицерские отряды отказались сдаться, и с утра 9 января в городе начались уличные бои. К утру 10 января силы противника были выбиты из города и отошли в район Никитского ботанического сада. Эскадронцы и исламисты в ночь с 10 на 11 января перешли в контрнаступление, и, заставив десант отступить на корабли, практически полностью заняли город. На помощь десанту из Севастополя 12 января прибыли три эсминца и авиатранспорт с отрядом морской пехоты. После этого морские пехотинцы при поддержке корабельной артиллерии и гидросамолетов повели наступление из порта в город, очищая квартал за кварталом, и к концу дня 16 января взяли Ялту. – Из Интернета

Когда я из-за туберкулеза уезжал в Ялту, отец велел мне заняться английским языком у мисс Джонсон, домашней учительницы английскому в семье Ульманов. Оказалось, что она перешла от них в семью наиболее известного в Ялте врача-туберкулезника, как раз у которого я лечился (точнее, под наблюдение которого я поступил). Я брал у нее три урока в неделю по одному часу, а в другие три дня выполнял ее домашние задания.

В общем за пять месяцев я настолько научился началам английского языка, что в дальнейшем, беря уроки в течение, кажется, одной зимы у фрау доктор Хелькер в Берлине, посещая занятия в [Высшей] Технической школе (один или два семестра) и побывав даже на одной английской лекции профессора из Эдинбурга – специально для немецких студентов, слабовато знающих английский, читая в дальнейшем английские книги, делая переводы технических статей, я смог (а вначале сомневался) делать и рефераты для советского реферативного журнала «Электротехника и энергетика», так что был в курсе [новостей] заграничной энергетики. Таким образом, я подобно отцу выучился английскому после средней школы и даже больше чем он: художественную литературу отец читал русскую, немецкую и французскую, но не английскую.

Летом 1918 г. я, значительно поправившись, готовился к сдаче вступительного экзамена (тогда не конкурсного) в МВТУ, который осенью и выдержал. В начале зимы меня призвали [на военную службу] и поместили в лазарет. Но дали отсрочку в связи с малокровием.

Я всю зиму и весну [1919-го] занимался в МВТУ. Ходил на лекции Ошуркова по начертательной геометрии и Фортунатова по политической экономии*.

На лекции Жуковского (в шубе) по теоретической механике я вскоре перестал ходить**. Но моя группа в физической лаборатории оказалась упорной. Из-за слабого давления газа в сети нам приходилось проводить в ней не три, а шесть часов, все же мы все необходимые лабораторные работы выполнили.

К сожалению, из-за слабого здоровья и плохого отопления помещений МВТУ Иван, по-видимому, вскоре бросил в нем учебу. Обстоятельств последнего он в своих записях не оставил. Как и своей учебы в Университете, хотя сохранился такой документ за май 1919-го:

От I Московского Государственного Университета дано настоящее свидетельство Ивану Робертовичу Класону в том, что он состоял студентом на математическом отделении физико-математического факультета в течение 1917-1918, 1918-1919 акад. годов; из Университета увольняется по прошению.

Летом 1919-го Иван уже работал на «Электропередаче» по гидроторфу (см. ниже). Здесь стоит привести выдержку из надиктованного Р.Э. Класоном своему секретарю спича, когда сын учился в МВТУ и МГУ. Возможно, в этом спиче обнаруживается и другая причина ухода последнего – весьма слабое практическое обучение в Советской (как и в царской) России студентов-технарей.

* Профессор Борис Михайлович Ошурков (?-1927). «Ученик директора Московского Императорского Технического училища В.И. Гриневецкого инженер Б. Ошурков снял на первых испытаниях нового двигателя своего учителя на Путиловском заводе индикаторные диаграммы, пользуясь которыми он в 1916 г. спроектировал пассажирский тепловоз с осевой формулой 2-3-2 и мощностью 1500 л.с.». – Из Интернета

Алексей Федорович Фортунатов (1856-1925) в 1881 г. окончил Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве. С 1884 г. в качестве экстраординарного, а затем и ординарного приват-доцента читал в этой академии курс сельскохозяйственной экономики. В 1894 г. начал преподавать также в Московском Императорском Техническом училище. – Из Интернета

** Н.Е. Жуковский – «отец русской авиации».

Итак:

<...> Сейчас вопрос о высшем техническом образовании мне представляется чрезвычайно острым. Недавно я видел курс электротехники, который должны изучать нынешние студенты московских высших учебных заведений, и пришел в ужас: целая толстая книга заполнена исключительно математикой, заполнена интегральными и дифференциальными уравнениями, и для того, чтобы постигнуть такую книгу, нужно затратить, по крайней мере, полгода.

Если считать, что в других областях будут предъявлены столь же теоретические курсы и если принять во внимание, что способность студентов воспринимать [знания] не безгранична, то окажется, что у студента голова будет забита всецело уравнениями и не останется ни времени, ни сил для того, чтобы постигнуть то, ради чего изучается самая математика и для чего она является лишь подготовительной ступенью.

Студент за деревьями не увидит леса, за обилием математических формул он не получит представления о материи, не получит представления о той таинственной силе электричества, которой человек пользуется и под влиянием которой, в свою очередь, складывается промышленность и жизнь страны.

<...> Будущие инженеры, независимо от специальности, которую они избирают, должны иметь ясное, определенное понятие о законах термодинамики, должны знать свойства важнейших металлов, а не только одни формулы, которые для него не претворяются в жизнь и не ассоциируются ни с какими физическими представлениями.

В этом отношении наши учебные заведения всегда чрезвычайно грешили. Студенты знали отдельные формулы, даже решали задачи, но не видели связи одной науки с другой, не вникали в сущность науки и не осязали, не чувствовали, так сказать, тех сил, которые они изучали. Студент оканчивал высшее учебное заведение, зная бесконечное количество математических формул, но не имея понятия о великих достижениях инженерного искусства, знакомство с которыми могло бы пробудить в нем столь нужный во всяком деле интерес и энтузиазм в своей специальности.

<...> Вся большая инженерная деятельность последних десятилетий оставалась ему чуждой и незнакомой, он знал лишь свои формулы и, приходя в соприкосновение с действительной жизнью, оказывался совершенно беспомощным и непрактичным, так как он не мог отличить железа от чугуна, антрацита от кокса, и лишь по окончании высшего учебного заведения начинал учиться реальной технике, реальному инженерному делу.

Перейдем теперь к описанию «линий жизни» каждого из «Классонят» (хотя дружные братья и сестры, конечно же, постоянно общались, взаимодействовали и переписывались – между собой и другими родственниками, поэтому такое выделение их «линий жизни», конечно же, несколько условно).

Софья. В 1904-м поступила по экзамену в 3-й класс Московской женской гимназии А.С. Алферовой, каковую закончила в 1909-м с золотой медалью. Гимназия была частной, и за обучение в ней надо было, скорее всего, платить. Вручавшийся выпускникам проспект с фотографиями здания гимназии, снаружи и внутри, коллектива преподавателей позволял предполагать о неплохих условиях обучения. Гимназический аттестат давал «право на получение от Министерства народного просвещения свидетельства на звание учительницы начальных училищ и заниматься обучением на дому».

Тем не менее, Софья тут же поступила в 8-й дополнительный класс той же гимназии А.С. Алферовой для специального изучения русского и немецкого языков. При этом обязательными предметами были, кроме Закона Божьего, педагогика и дидактика, начальное преподавание русского языка и арифметики и сама арифметика. Преподавалась также математическая география. Предметом математической географии, как мы уже ранее поясняли, являлось позиционирование на поверхности Земли, она соприкасалась с геодезией и астрономией. В 1910-м наша героиня окончила этот дополнительный класс «с отличным успехом».

И «посему, на основании установленных правил София Классон, как удовлетворившая всем требованиям Высочайше утвержденного 24 мая 1870 года Положения о женских гимназиях ведомства Министерства Народного Просвещения и учебного плана VIII дополнительного класса женских гимназий, утвержденного г. Министром Народного просвещения 31 августа 1874 года, приобрела звание домашней наставницы русского языка и немецкого языка».

Правда, она в 1911-м была зачем-то проэкзаменована в Испытательном комитете при Управлении Московского учебного округа в объеме полного курса мужских гимназий. При этом Софья «обнаружила следующие познания: в русском языке – хорошие (4), латинском и немецком языках – отличные (5), математике и физике – удовлетворительные (3)».

Воспоминания брата Ивана проясняли эту коллизию (которую мы уже приводили):

Примерно в 1904 г. Соня (двенадцати лет) поступила в 3-й класс Алферовской гимназии, в 1910 г. (семнадцати с половиной лет) кончила 8-й класс и гимназию, а осенью 1911 г. поступила на юридическое отделение Высших женских курсов (но не так называемых Герье, а других, где-то у Никитских ворот), хотя тогда женщины ни к какой юридической деятельности не допускались.*

В Выборге, помню, она рассказывала, что в высших учебных заведениях экзаменаторы не говорят «вы выучили», а – «вы хорошо прочли» и тому подобное. Для поступления именно на юридические курсы Соня должна была сдать экзамены экстерном на аттестат зрелости мужской гимназии. Катя помнит, что Соня эти экзамены сдала. Вероятно, она для этого пропустила 1910/11 учебный год между окончанием гимназии и поступлением на курсы.

Неизвестно, преподавала ли Софья Робертовна в соответствии с полученными ею документами. Отец достаточно зарабатывал, чтобы дочери могли и не работать, по крайней мере, до 1918-го. Зато сохранилось ее фото в форме сестры милосердия, возможно, что какое-то время она работала в госпиталях, скорее всего в столичных.

В 1915-м Софья вышла замуж за Валериана Ивановича Богомолова, который в 1912-м строил на «Электропередаче» дороги, а в 1913-м оказался уже на московском АО «Русский кабельный и металлургическо-прокатный завод». Ранее В.И. Богомолов как революционер отбывал годичное наказание в тюрьме в Миргороде. Оказывается, настоящее его Ф.И.О. было – Карлов Николай Николаевич. Но этот Н.Н. Карлов, по партийной кличке «Черт», при попытке его ареста несколькими полицейскими застрелил пристава и скрылся. В случае поимки ему грозила виселица. Поэтому и пришлось добывать паспорт на имя совсем другого человека, но не умершего, а живого.

* Высшие женские курсы в Москве находились в здании Политехнического музея (руководил ими проф. Университета Владимир Иванович Герье) и при 3-й мужской гимназии (ул. Б. Лубянка, д. 12 – историческое здание XVIII в. было снесено большевиками для сооружения дома «Динамо»), известные как Лубянские (заведовал курсами директор гимназии Лукьян Осипович Лавровский).

Софья Классон (в лазарете Общества 1886 г.?), Москва, 1914-15 гг.

В.И. Богомолов с женой Софьей, 1918 г.

Если читатель заинтересуется этим персонажем, то без труда разыщет соответствующую литературу, мы же вернемся к Софье Робертовне. На «Электропередаче муж учил ее верховой езде. К сожалению, детей у них так и не появилось, и наша героиня рассталась с Валерианом. Как показало продолжение «линии жизни» В.И. Богомолова, у него в позднейших браках тоже не появилось детей. Так что вины Софьи, ставшей впоследствии матерью троих детей, тут не было.

В октябре 1916-го С.Р. Классон-Богомолова прошла зачем-то испытания в Юридической испытательной комиссии при Императорском Московском университете. Предметами испытаний оказались: энциклопедия права, история римского права, история русского права, история философии права, политическая экономия, статистика, государственное право, церковное право, международное право, финансовое право, уголовное право, римское право, гражданское право, уголовный и гражданский процессы, административное и торговое право.

Брат Иван приводил такие воспоминания, относящиеся примерно к 1920-му году. Они, к сожалению, сохранились без начала, но примерно понятно, о чем идет речь. Итак, Софья работала в Отделе металлов ВСНХ, и в нем был перепечатан проект какого-то постановления «руководящих органов», причем машинистка неким образом пропустила несколько букв (заело пишущую ленту? плохо заложила копировальную бумагу?) в слове «промышленность», в результате чего в этом важном документе появился термин, относящийся к феодальному праву, – «ленность». А к проекту постановления прилагалось заключение юрисконсультов.

Софья Классон-Богомолова, Москва, 1916-1918 гг.

Итак:

<...> что здесь своеобразно применен в советских условиях термин из времен феодального строя, когда вассал получал от сюзерена: отношения между ними в исторических трудах называются ленной системой. В заключении, правда, оговаривалось, что существительное «ленность» неизвестно, разъяснялось, как надо понимать это слово в данном постановлении.

Когда Соня увидела заключение юрисконсультов (она до этого не знала об этом деле), то усомнилась и заявила: «А не напутала ли тут машинистка при перепечатке постановления?!» Так и оказалось: было пропущено при перепечатке начало слова «промышленность».

Когда Соня обратилась к Л.Б. Красину по поводу намечаемого перехода ее в Наркомвнешторг и сказала, что ее могли бы рекомендовать такие-то руководящие работники Отдела металла, Леонид Борисович ответил ей: «Не надо, я знаю [классоновскую] породу».

В январе 1922 года брак между супругами Богомоловыми был расторгнут, для чего уже не пришлось писать прошение в какой-нибудь там Синод (где подобные дела при живых муже и жене могли рассматриваться годами). Правда, пришлось обращаться в народный суд Рогожского района, который и вынес «революционное решение»: «церковный брак гр. Богомоловой Софьи Робертовны с гр-м Богомоловым Валерианом Ивановичем, заключенный в 1915 году 18 января в церкви Никола на Ямах, расторгнуть; бракоразведенной супруге оставить фамилию Богомолова».

В трудовой книжке Р.С.Ф.С.Р. за №840 Богомоловой (исправлено на – Гарденина) Софии Робертовны (основная профессия – юристка, грамотен ли – грамотна, образование – окончила Московский Университет) имеется запись, что 8 февраля того же года в загсе Рогожско-Симоновского района уже был зарегистрирован «гражданский брак» с гражданином Сергеем Гардениным, и оба супруга стали носить последнюю фамилию.

Итак, в 1922-м Софья вышла замуж за Сергея Федоровича Гарденина, им было соответственно тридцать и тридцать девять лет. Род Гардениных заслуживает отдельного очерка или даже книги. Здесь же упомянем попутно дореволюционный роман Александра Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889). Хотя литературоведы до сих пор не установили достоверно, по каким обстоятельствам писатель выбрал эту дворянскую фамилию, дал ее родовому поместью своих персонажей, а на зимний период поместил Гардениных пребывать в Петербурге.

Младший брат С.Ф. Гарденина Михаил Федорович, эмигрировавший за границу в связи с большевистским переворотом 1917-го, на склоне жизни оставил короткие, но глубоко выстраданные воспоминания о себе и родственниках (привезенные в 1999-м в Москву его дочерью Мариной).

Вот первая выдержка из этих воспоминаний М.Ф. Гарденина:

Мои старшие сестра и два брата были самых левых убеждений и ввели в дом наш атмосферу революционную и много соответствующую молодежи с крайними революционными убеждениями. Многие мне были известны под псевдонимами. Но среди других [(с настоящими фамилиями)] я помню Егора Сазонова (убившего Плеве), Александра Прокофьева (погибшего в Петербурге в Европейской гостинице, при приготовлении покушения на Охранное отделение), Александра Серебровского, будущего управляющего нефтяными приисками, захваченными большевиками, и многих других революционеров, занимающихся пропагандой среди интеллигенции, рабочих и крестьян.

Я состоял в числе членов большевистского кружка в [Уфимской классической] гимназии [(куда поступил в 1897-м)], и моими старшими, уже активными и революционными деятелями был привлечен к исполнению вспомогательных работ: печатанию прокламаций, приглашением [гимназистов и знакомых] на тайные загородные митинги-массовки и тому подобные услуги. С самого начала меня поразило отношение заправил, заставляющих нас, ничего не понимающих энтузиастов, заниматься рискованными предприятиями, а самим оставаться в тени и непонятное отношение ко всему русскому.

По окончании гимназии я решил, прежде чем выбрать окончательную карьеру, поехать в Петербург, чтобы окончательно решить вопрос о моей будущей деятельности, и для этого решил сначала поступить в Университет на юридический факультет. Моя жизнь в Петербурге была полна кошмарного наблюдения за тем ужасом, который подготавливали России низкие люди, чуждые малейшего патриотизма, и привели к заключению как можно скорее порвать со всей этой революционной сволочью.

Не предвиденная мною судьба подсказала мне выход. Один раз, исполняя очень рискованное революционное поручение, в поезде между Петербургом и Москвой, имел счастье познакомиться со священником, который оказался законоучителем Морского инженерного училища в Кронштадте. Он рассказал подробно о подготовке будущих морских инженеров и кораблестроителей для Морского министерства и дал мне полную картину жизни этого исключительного учебного заведения.

Условия были крайне тяжелые, но считая [эту встречу] Указанием свыше, решил держать конкурсный экзамен на пять вакантных мест на кораблестроительное отделение и таким образом порвать бесповоротно со всем революционным сбродом. (здесь и ниже – из ф. 9508 РГАЭ)

В итоге М.Ф. Гарденин выдержал конкурс в училище, окончил его «со званием корабельного инженера и был произведен Высочайшим приказом в чин подпоручика корпуса корабельных инженеров». К сожалению, на этом он прервал описание своей жизни, которое «слишком длинно». Упомянул лишь, что они с женой бежали в Финляндию из большевистского Петрограда (по льду Финского залива?). Зато в 2014-м автор сих строк вычислил по Интернету, что в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» хранятся более пространные воспоминания М.Ф. Гарденина, и незамедлительно оцифровал их (см. Приложение «Документы и воспоминания Гардениных»).

А вот как Михаил Федорович описывал «линию жизни» одного из своих старших братьев – Сергея:

Был очень способным молодым человеком, любимцем моей матери, прекрасно учился. Начал молодым работать как репетитор и высоко ценился в этом звании среди родителей неуспешных учеников. Блестяще кончил [Уфимскую] гимназию и поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге. На первом же курсе, принимая участие в антиправительственной демонстрации у Казанского собора [3/16 марта 1902 года], был выслан, после ареста, в Уфу и исключен из академии.*

* Из статьи Олега Хлобутова «Из истории рабочего движения в России XIX-XX веков»

(www.hrono.ru/statii/2008/hlbt_rab.html):

Продолжая свою работу, петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» подготовил и провел ряд массовых политических акций. В их числе – демонстрация рабочих и студентов на площади у Казанского собора 4 марта 1901 г., в которой приняли участие около 15 тысяч человек. И это несмотря на то, что стремясь предотвратить проведение этой демонстрации, полицией 1 и 3 марта были арестованы около 120 ее организаторов и пропагандистов. Над демонстрантами были подняты красные знамена с лозунгами «Да здравствует политическая свобода!» и «Долой Временные правила!» (речь шла о царском указе 1899 г. об отдаче в солдаты участников «студенческих беспорядков»).

В Уфе он поступил в большевистскую партию и исключительно занялся революцией. Думаю, что [как раз] в это время свел знакомство с Лениным и подпал под его влияние. В течение года он с целым рядом партийных деятелей занимался пропагандой и распространением большевистских идей среди населения Уфы и ее губернии, был арестован, посажен в тюрьму и осужден на изгнание в Великий Устюг [Вологодской губернии]. Оттуда быстро бежал в Бельгию и проживал в Брюсселе до революции 1905 года, когда по амнистии ему разрешили вернуться на родину.

Он переехал в Уфу, где сначала работал в Губернской управе и собирался поступить в Технологический институт [в Петербурге]. Но наступившая война и революция не дали ему выполнить это желание.

После октябрьской революции он как один из старейших членов партии и лично хорошо знакомый Ленину играл довольно значительную роль в области международных сношений и одно время был советским торговым послом в Стокгольме, уже будучи женатым и имея первого ребенка, сына по имени Андрей. У него некоторое время проживала моя мама, но потом вернулась обратно в Россию. По моим сведениям, пребывание моего брата в Стокгольме было очень тяжелым. Он был отравлен доносами и убран довольно быстро и отозван в Москву, а я потерял всякую связь с ним и его дальнейшей судьбой.

Два раза я имел с ним свидания. Один раз перед [первой мировой] войной он приезжал в Петербург, чтобы записаться на экзамены в Технологический институт. Он очень одобрил мое решение порвать с революцией и заняться деятельностью полезной для Родины. Второй и последний раз я виделся с ним в Берлине, где он уже во время НЭПа сообщил мне, что видел мое досье в Чека и чтобы я даже не мыслил о возвращении на Родину. Все мои дальнейшие попытки связаться с ним или членами его семьи не увенчались успехом, кроме только смутных сведений, что как будто он занимал значительный пост в Государственном банке.

Здесь стоит отметить, что по информации сына Андрея его отец проживал в Бельгии не только до 1905-го, но и в 1914-м, когда эту страну оккупировали немцы, и он, как российский гражданин, попал в концентрационный лагерь под Аахеном. Это подтверждает и немецкая карточка прививок, которые делались Сергею Федоровичу начиная с августа 1915 года. Вернулся С.Ф. Гарденин уже в советскую Россию в 1918-м, вроде бы после заключения Брестского мира.*

Окончание примечания

На разгон демонстрации были брошены полиция, казаки и жандармы. Несколько человек были ими убиты, свыше 100 ранено и более тысячи арестованы. Впоследствии 26 из них были высланы в Сибирь, в административном порядке. С протестом против расправы над демонстрантами выступил «Союз взаимопомощи русских писателей», который подписали 79 его членов, в том числе А.М. Горький, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Д.В. Стасов. Но и через год, 3 марта 1902 г. перед Казанским собором состоялась рабоче-студенческая демонстрация, организованная «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Несмотря на то, что полиция превентивно арестовала около 200 предполагавшихся ее участников, а также блокировала рабочие районы города, на площадь вышли несколько тысяч человек, открыто выдвинувших лозунг «Долой самодержавие!». При разгоне демонстрации полицией было арестовано около 500 человек, более 70 из которых впоследствии были высланы в Восточную Сибирь в административном порядке.

* Имеющиеся в РГБ издания позволяют предположить, что С.Ф. Гарденин вернулся в Россию годом ранее:

Шарль Жид. ...О кооперации: Будущее кооперации: О тех преобразованиях, которые кооперация призвана внести в экономические отношения. Пер. с фр. С. Гарденина, М., 1917;

Шарль Жид. ...Царство потребителя. Двенадцать заповедей кооперации: Речь к рочдэльским пионерам. Пер. с фр. С. Цедербаума и С. Гарденина, М., [1917].

Хотя последняя брошюра была издана первоначально еще в 1914 г., может, это было переиздание? Да и первая брошюра могла попросту задержаться с изданием в 1914-м, из-за начавшейся войны.

По рекомендации Н.К. Крупской, стал работать в отделе Наркомпроса по внешкольному образованию.

В Интернете имеется упоминание о следующей статье:

Гарденин С.Ф. О ликвидации неграмотности. (Доклад члена съезда по внешкольному образованию С.Ф. Гарденина). «Внешк. Образ.». М., 1919. № 4-6, стр. 83-94. (ее текст см. в Приложении «Документы и воспоминания Гардениных»)

Этот съезд проходил 6-19 мая 1919 года в Москве, и на нем с приветственной речью выступил муж Н.К. Крупской – В.И. Ульянов-Ленин.

Затем по ее же, Н.К. Крупской, рекомендации и с согласия В.И. Ульянова-Ленина Сергей Федорович был послан в Хельсинки, а затем и в Стокгольм. Где он, по-видимому, и познакомился с будущей женой. Первым же ребенком в семье Сергея и Софьи Гардениных была Наталья, появившаяся на свет в 1922-м, а Андрей родился в 1924-м.

Согласно черновым записям И.Р. Классона, он «на рождественские каникулы 1922/23 г. ездил недели на две к [\[сестре\]](#) Соне в Стокгольм, где была уже четырехмесячная Наташа, а в июне 1924-го дня на два-три на неофициальные каникулы на Троицу заезжал к ней на дачу под Стокгольмом». Неплохо жили сотрудники советского торгпредства в Швеции, если у них была дача, может быть и не одна.

Приведем документ, выданный С.Ф. Гарденину после его возвращения из Стокгольма:

Народный Комиссариат Внешней и Внутренней торговли [СССР]

16 февраля 1928 г.

Тов. Гарденин Сергей Федорович работал с 15/XI 1920 г. по 20/IV 1922 г. завед. Учетно-Фин. Отд. Торгпредства РСФСР в Финляндии и с 20/IV 1922 г. по 24/XII 1924 г. сначала Уполномоченным НКВТ, а затем Торгпредом СССР в Швеции. Справка дана для представления в Наркомторг РСФСР.

Торгпредом в Финляндию в 1920 году, после заключения Тартусского мира, был назначен Александр Михайлович Игнатъев, член партии с 1903 года. О его славном революционном прошлом можно узнать, в частности, на несколько нетрадиционном в данном случае ресурсе «История русской кухни. Михаил и Пелагея: кулинарный роман» (p-syutkin.livejournal.com/54460.html):

С начала 1900-х годов Александр Игнатъев – один из активных участников революционного движения. Вскоре, бросив учебу, он становится членом Боевой технической группы – своего рода «спецназа» большевистского движения, занимающегося вооруженными акциями, нападениями на банки, транспортировкой взрывчатки и оружия. «Это был настоящий, прирожденный боевик. Именно такие люди нужны были для той новой работы, которую мы развертывали с начала 1905 года», – писал о нем в своих воспоминаниях ветеран РСДРП Н.Е. Буренин.

Нельзя сказать, что родители не догадывались о деятельности сына. Их имение Ах-Ярве в Финляндии стало приютом для многих Сашиных коллег-боевиков. Там тайно складировалось оружие, динамит, предназначенные для перевозки в другие города. <...> Сам же Александр Игнатъев занимался добычей, хранением и транспортом оружия. Он же организовал химическую группу, добывал взрывчатые материалы, руководил изготовлением, хранением и перевозкой бомб.

Окончание примечания

К сожалению, в РГБ отсутствует сборник (25 лет первой революции. Уфа, 1930), посвященный событиям 1905 г., где на стр. 66-77 содержится статья С.Ф. Горденина «Об организации и первом годе работы Уфимского комитета РСДРП, 1902-1903 гг.».

При этом операции были поставлены весьма изобретательно. Одной из самых удачных стала «доставка удобрений». На территории городской бойни в Петербурге сваливалась зола, получавшаяся от сжигания отходов. Оказалось, что она содержит много фосфорной кислоты. Испытав ее как удобрение для лугов, Александр Михайлович получил хорошие результаты и заинтересовал этим соседей-финнов. Спрос на золу был велик, и она отправлялась вагонами из Петербурга в Финляндию. Всему делу был придан коммерческий характер. Со станции в имения шли целые обозы с золой, и никому в голову не приходило подозревать, что вместе с удобрениями была организована доставка оружия.

По-видимому, за прошлые революционные заслуги А.М. Игнатьев и получил престижную номенклатурную должность торгпреда в Финляндии. Деятельность сего совучреждения заслуживает отдельного повествования. Советская торговая делегация, включая управляющего финансовым отделом С.Ф. Гарденина и секретаря делегации С.Р. Богомолу, официально прибыла в Гельсингфорс в середине мая 1921 года и первое время, как это ни странно, жила даже не в гостинице, а в поезде.

Об этом 19 мая поведал берлинский «Руль»:

*Торговые сношения между советской Россией и Финляндией развиваются очень медленно. Пока советская торговая делегация, проживающая все еще в ж.д. поезде, по-видимому, сохраняет выжидательное положение.**

* Годом ранее финские власти предоставили более роскошную резиденцию (но, по-видимому, потом передумали), из заметки в «Руле» от 9 декабря 1920 г.:

По сообщению из Стокгольма, советское правительство назначило членов постоянной торговой делегации в Гельсингфорс. Во главе делегации будет стоять Гуковский. По желанию большевиков, советской делегации будет предоставлен бывший генерал-губернаторский дворец.

Однако в январе 1921 г. торговая делегация не доехала до места службы, как сообщал «Руль» 20 января: *Инцидент с Советской делегацией в Финляндии*

По сообщению из Гельсингфорса, большевистская делегация, ожидавшая вчера в Гельсингфорсе, была задержана на финляндской границе. Финские власти потребовали, чтобы члены делегации, во избежание занесения заразных болезней, выдержали установленный карантин. Делегация отказалась и вернулась обратно в Москву. В Финляндии возникает опасение, что из-за инцидента между Финляндией и советским правительством могут возникнуть осложнения.

Не доехала торговая делегация и в следующем месяце, как сообщал «Руль» 16 февраля 1921 г.:

Осложнения между Финляндией и Сов. Россией

«Dagens Nyheter» сообщают из Гельсингфорса: по сообщению финляндского представителя в Москве, советская делегация отложила свой отъезд в Финляндию, т.к. Финляндия согласилась освободить от карантина только дипломатических представителей, а не членов коммерческой делегации. Советское правительство угрожает Финляндии разрывом дипломатических отношений.

23 февраля «Руль» опубликовал сообщение, согласно которому финляндский Госсовет всего лишь следовал общепризнанным международным принципам, которые допускают карантин для дипломатов. А Сов. Россия в это время была особенно неблагополучна в отношении холеры и тифа. И, несмотря на это, Финляндия сделала исключение для 16 дипломатов во главе с Я.А. Берзиным. Все же сам торгпред А.М. Игнатьев находился в это время в Гельсингфорсе, судя по его интервью финской газете «Kauppalehti».

6 марта «Руль» сообщил:

Из числа прибывших в Гельсингфорс большевистских делегатов, по сообщению «Хандельсблатт», только 8 человек имеют дип. паспорта. Остальные снабжены обыкновенными паспортами. По сообщению той же газеты, только дипломатам разрешено свободно ходить по городу.

25 марта «Руль» поместил заметку о том, что сов. делегация закупила продовольствия на 17 млн. фин. марок (≈8-9 млн. долл.), которое должно было разместиться в 10 вагонах (elibrary.ru/ru/nodes/10025-1921#page/80/mode/inspect/zoom/8) и на этом их бурная деятельность, похоже, закончилась.

«Семейное фото» сотрудников полпредства и торгпредства (на обороте подпись:
С. Гарденин 8 июля 1921 года Гельсингфорс, [5-й слева во 2-м ряду – полпред Я.А. Берзин?])

Окончание примечания

До мая 1921 г. большевики предпринимали определенные попытки обосноваться в Гельсингфорсе и наладить торговлю, но финляндские власти постоянно чинили им препятствия, «на взаимной основе». 15 апреля 1921 г. «Руль» опубликовал беседу с сотрудником, по-видимому, берлинского посольства Финляндии – после того как 11 апреля были прерваны торговые сношения и даже приостановлено ж.-д. сообщение (в передовице «Руля» от 13 апреля, посвященной этому событию, приводились такие примеры неприятия большевиков простыми финнами – «В Гельсингфорсе были случаи, что все посетители ресторана как один покидали его, когда туда входила большевистская делегация, отказывались жить в гостинице, дававшей приют членам делегации, и т.д.»):

Недоразумения Финляндии с большевиками (Беседа)

(zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bimage%5D=3&set%5Bzoom%5D=default&set%5Bdebug%5D=0&set%5Bdouble%5D=0&set%5Bmet%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de%2Ffoai%2F%3Ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3Dc13f2f00-1710-42dd-8ee7-2fc00842a037).

И, в этом же номере, такой материал:

Ликвидация советской торговой делегации в Финляндии

(elibr.shpl.ru/ru/nodes/10025-1921#page/171/mode/inspect/zoom/8)

В том же месяце «взаимная основа» получила новое развитие. Из публикации «Финляндия и Сов. Россия» в «Руле» от 20 апреля становится известно, что совпред Я.А. Берзин вручил ноту, согласно которой отзываются пребывающие в Гельсингфорсе торговые делегаты [Николай Евгеньевич] Буренин и [Сергей Федорович] Гарденин, ибо «их пребывание в Финляндии потеряло всякий смысл» [sic! но, значит, С.Ф. Гарденин приехал еще до майского «массового заезда»? – МК]:

(elibr.shpl.ru/ru/nodes/10025-1921#page/197/mode/inspect/zoom/8)

Софья Богомолова (2-я слева в 1-м ряду) и Сергей Гарденин (1-й справа в 3-м ряду) среди сотрудников советского торгпредства (1-й слева в 1-м ряду, по-видимому, торгпред А.М. Игнатъев), Гельсингфорс, 1921 г.
[выходит, это уже следующий состав? – МК]

А вот информация о персональном составе торговой миссии:

Советская делегация в Финляндии

В Гельсингфорс прибыла советская торговая делегация. Гельсингфорский *[русскоязычный]* «Путь» приводит полный состав сотрудников прибывшей делегации *[из 23 человек]*: Игнатъев Александр Михайлович – уполномоченный; Буренин Николай Евгеньевич – зам. уполномоченного; Гарденин Сергей Федорович – управляющий финансовым отделом; Крит Владимир Александрович – управляющий делами; Богомолова София Робертовна – секретарь делегации; Дудаков Илья Степанович – зав. хозяйством; Брандт Антонина Эдуардовна – пом. секретаря; Штрэнг Аврора Васильевна – иностранная корреспондент; Гроссман Габриэль Юльевна – переводчица; Верещагин Николай Федорович – агент для поручений; Соболев Александр Иванович – бухгалтер; Орлов Ефрем Иванович – счетовод; Менцингер Константин Георгиевич – конторщик; Кирьянов Александр Иванович – казначей; Резцов Валентин Варламович – агент для поручений; Бобрик Александр Александрович – статистик; Соболева Антонина Казимировна – машинистка; Криммер Мария Эдуардовна – машинистка; Карбасников Николай Николаевич – эксперт по бумаге; Покровский Александр Николаевич – эксперт; Болдырев Григорий Иванович – консультант по экономическим вопросам; Горчаков Борис Михайлович – юрисконсульт и Стасов Андрей Дмитриевич – консультант.
 «Руль» (Берлин), 13 мая 1921 г.

Оказывается, когда С.Ф. Гарденин и С.Р. Богомолова только начали служить в Гельсингфорсе, то туда приезжал сам нарком внешней торговли Л.Б. Красин (и он, конечно, разместился в гостинице, а не в поезде). 29 апреля 1921 г. «Руль» в статье «Финляндско-Советские отношения» между прочим сообщал, что для членов совмиссии отведено несколько комнат в отеле «Скандия».

Итак: *«В Гельсингфорс прибыл Красин. При переговорах с финляндским министром торговли он сообщил, что предполагается закупить в Финляндии бумагу и дрова и производить там ремонт паровозов и вагонов».* («Руль», 21 мая 1921 г.)

Однако, как вскоре выяснилось, новые «советские купцы» приехали с пустыми руками, и поэтому заявление Л.Б. Красина оказалось на поверку пустой болтовней:

Советская торговая делегация в Гельсингфорсе заявила, что у нее нет золота для закупки товаров и что она вообще не в состоянии совершить какие-либо торговые сделки. («Руль», 27 мая 1921 г.)

Торговое соглашение между Москвой и Гельсингфорсом было подписано лишь 30 октября 1921 года. Из-за более «горячей» темы – жуткого голода в России тема «Торговля с Финляндией и советская торговая делегация» в этот период (май-октябрь 1921 года) практически ушла на второй план со страниц эмигрантских газет.

Лишь один раз было упомянуто об обращении советской миссии за разрешением построить служебный дом на престижной улице Гельсингфорса, но ей в этом было отказано... Так что, скорее всего, сотрудники торговой делегации все-таки переселились из «ж.-д. поезда» в гостиницу, но продолжали пребывать «на чемоданах». Уже 23 ноября того же года советская торговая делегация была отозвана из Финляндии. При этом С.Ф. Гарденин почему-то числился *«по 20/IV 1922 г. завед. Учетно-Фин. Отд. Торгпредства РСФСР в Финляндии».*

Оказывается, что напоследок «советские купцы» заказали партию продовольствия, судя по краткому перечню, для полноценного питания большевистских вождей и не оплатили ее! Это следует из публикации в берлинском «Руле» за 21 февраля 1922 г.:

Иск к советскому представителю

8 февраля в Гельсингфорском ратгаузском суде началось слушание дело, возбужденное Выборгской фирмой, акц. комп. «Паукконен», против большевистского правительства в лице его торгового представителя в Гельсингфорсе, Игнатьева. Поверенный истца заявил на суде, что еще в ноябре сов. правительство через своего представителя заказало вышеупомянутой фирме ряд товаров (5 000 мешков американской пшеничной муки, 200 мешков кофе и т.п.). Когда товары были доставлены, то большевики отказались платить за них, и фирме пришлось продать заготовленные товары по значительно пониженной цене, понеся при этом убытки в 939 480 [финлянд.] марок [(≈0,5 млн. долл.)]. Суд, как сообщает «Нов. Русс. Жизнь» [(Гельсингфорс)], постановил отложить слушание дела до 15 марта.

Кроме так почти и не начавшейся коммерческой деятельности советское торгпредство в Гельсингфорсе могло бы заниматься, как и все загранучреждения, переправкой денег на нужды Коминтерна (пропаганда коммунистических идей и даже, может быть, доставка оружия), слежкой за «белоэмигрантами» и тому подобными незаконными делами. Действительно, 2 августа 1921 г. в том же «Руле» появилась информашка:

По сообщению из Гельсингфорса, финляндская полиция раскрыла тайную организацию русских и финских рабочих по металлу. Во главе этой организации стоят члены советской миссии и торговой делегации.

Примерно то же самое можно было бы отнести и к советскому торгпредству в Швеции. Вот еще одно его весьма специфическое занятие – содействие в продаже на Западе драгоценностей, которые большевики отобрали у буржуев. В этом, оказывается, поучаствовали Сергей Федорович и Софья Робертовна Гарденины!*

Вот как о сей сделке вспоминал Максим Яковлевич Ларсонс (Лазерсон)** в своей книге «На советской службе. Записки спеца», вышедшей в 1930-м в Париже (coollib.com/b/193776/read):

Через несколько дней после моего поступления на службу [фактический начальник валютного управления Наркомфина И.И.] Шлейфер мне сообщил, что валютное управление уже в течение почти трех месяцев ведет переговоры с голландской группой о продаже большого количества драгоценных камней. Он показал мне соответственный проект договора и просил о моем заключении.

Я заявил ему, что должен лично вести переговоры с голландцами для того, чтобы составить себе точную картину дела. Шлейфер сначала никак не хотел этого понять. Но я категорически отклонил дачу заключения на основании простого проекта договора, заявив вместе с тем, что я согласен взять в свои руки проведение самого договора.

Я вел переговоры с голландцами около двух недель, добился для валютного управления наилучших условий и 28 апреля 1923 г. валютное управление заключило договор с голландцами, согласно которому голландской группе были предоставлены для продажи драгоценные камни и жемчуга, оценочной стоимостью около одиннадцати миллионов голландских гульденов [(~4 млн. долларов)].

<...> Немедленно после заключения договора была учреждена «Комиссия по реализации государственных ценностей», которая между прочим должна была взять на себя контроль над проведением этой сделки в Голландии. Эта комиссия одновременно имела задачей обследовать во Франции, Голландии и Англии имеющийся рынок на драгоценные камни, жемчуг, золотые табакерки, антикварное серебро и т.д.

* Напоминаем: «Тов. Гарденин Сергей Федорович работал <...> с 20/IV 1922 г. по 24/XII 1924 г. сначала Уполномоченным НКВТ, а затем Торгпредом СССР в Швеции». Как соотносить это со «сменой лошадей», согласно публикации «Руля» от 22 июля 1922 г., требует дополнительного исследования:

«Morning Post» телеграфируют из Стокгольма, что большевики меняют состав своей делегации в Швеции. На пути в Стокгольм сейчас находится некий Л. Геллер со штабом в 39 человек, из которых 20 хорошо знают шведский язык, для того, чтобы сменить нынешнюю делегацию. Геллер считается близким к левым коммунистам в Москве. Пока члены новой сов. делегации еще не получили шведских виз.

В то же время, как сообщит 8 августа 1922 г. «Руль», «Сов. представитель в Стокгольме Керженцев отзывается из Швеции за «недостаточную радикальность» и будет замещен своим нынешним секретарем д-ром Геллером, который принимал участие в берлинских совещаниях Красина, Чичерина, Литвинова и Крестинского». Выходит, «новая смена» перемешалась со «старой»?

** Лазерсон (лит. псевдоним «М. Ларсонс») Морис (Моисей) Яковлевич (1879-1952) – финансовый советник при полпреде А.А. Иоффе в Берлине (1918), банковский консультант «железнодорожного проф.» Ю.В. Ломоносова (1920-21), зам начальника валютного управления Наркомфина СССР (1923-24) и его представитель в Лондоне (1924-25), зав коммерческой частью генеральной агентуры Наркомфина СССР в Германии (1925), невозвращенец (1925).

Софья и Сергей Гарденины с первым ребенком – Натальей, Стокгольм, 1922/23 г.

Комиссия состояла из меня, как председателя, и из двух членов. Кроме того к комиссии были прикомандированы в качестве специалистов два русских ювелира Ч. и К., служившие в Гохране. Тов. Д., молодой человек около 23 лет, был предложен Шлейфером в качестве члена комиссии. Что же касается второго члена комиссии, то я решил избрать его лично. Я встретил в Москве хорошо знакомого мне бывш. присяжн. повер. Ф., которого я знал в Петербурге уже с 1911 года. Я знал, что он прежде был социал-демократом и полагал, что он за это время перешел в коммунистическую партию.

Я отыскал его, мои предположения оказались правильными – он был коммунистом – и поэтому к его назначению в качестве члена комиссии препятствий не встречалось. Предстоящая ему работа была интересна и давала ему возможность поехать за границу на 3-4 месяца на хороших условиях. Ф. с радостью согласился. Правительственное учреждение, в котором Ф. служил, так же не делало затруднений, и Ф. был откомандирован и назначен членом комиссии. 14 июня тов. Ф. и ювелир Ч. отправились на аэроплане в Берлин, куда между тем был отослан запроданный товар.

*В июне 1924-го И.Р. Классон побывал у Гардениных в Швеции
(в местечке Фрескати, на прекрасной вилле Fridhem, фото С.Ф. Гарденина?)*

Передача товара должна была совершаться в советском торговом представительстве в Стокгольме. Товар был принят в Стокгольме двумя представителями голландской группы, причем каждый пакет был открываем в отдельности и подвергался самому тщательному осмотру.

Товар был направлен из Москвы в пакетах, снабженных печатью валютного управления и голландской фирмы. При передаче товара, которая имела место в маленьком помещении в торговом представительстве в Стокгольме присутствовали: торгпред СССР в Швеции Гарденин, его жена, занимавший высокий пост в торгпредстве [Карл Иванович] Ландер и два представителя голландской фирмы. Передача длилась несколько дней. <...>

Уточним здесь, что уполномоченный НКВТ С.Ф. Гарденин стал торгпредом лишь в конце августа 1923 г.

Как известно, в 1921-23 годах пост главы советской делегации в Швеции занимал Платон Михайлович Лебедев-Керженцев. Вот что писала берлинская газета «Дни» 15 мая 1923 года о напряженном «морально-политическом климате» вокруг «советских» (из дорожных набросков И. Троцкого «По Скандинавии»):

<...> Не стало в Швеции и дипломатического русского представительства. Последний посланник, представлявший здесь Временное правительство, К.Н. Гулькевич, понимая всю ложность своего положения, бесшумно оставил Швецию, перебравшись в Женеву, где работает в качестве «спеца» по эмигрантским делам при комиссии Нансена. Символизирует здесь бывшую русскую власть генеральный консул Броссэ. Его пребывание в Стокгольме – бельмо на глазу у советской миссии.

Все попытки советских дипломатов выжить Броссэ наталкивались на упорное сопротивление [недавно ушедшего в отставку вместе со своим социалистическим правительством Ельмара] Брантинга, не желавшего, по формальным причинам, удалять бывшего консула, к которому немногие живущие в Швеции русские продолжают обращаться. Документы, которые он выдает, продолжают шведскими властями признаваться. Совершенным особняком стоит здесь советская миссия. Вокруг нее и эмигранты и нео-шведы [(русские, принявшие шведское гражданство)] как бы очертили заколдованный круг, оградясь от всякого с ней общения.

Она морально изолирована. Про ее жизнь мало и неохотно рассказывают*. В настоящее время, с уходом кабинета Брантинга, изолированность советской миссии усугубилась. Консервативный кабинет Трюггера, сменивший социалистическое правительство, обнаруживает очень мало склонности к заключению торгового договора с Москвою. Мелкие шведские промышленники и купцы, группирующиеся вокруг советской миссии и заинтересованные в скорейшем заключении договора, политически мало влиятельны и неспособны ускорить заключение договора. Эта неопределенность, ставящая советскую миссию в невыносимое положение «терпимой» и стоившая сов. полпреду П.М. Керженцеву поста, вследствие его неумения преодолеть сопротивление риксдага, продолжает тяготить и прочих здешних советских дипломатов, остро ощущающих ложность своего положения и свою ненужность.

Чуть ранее, 6 мая 1923 г., «Руль» напечатал ехидную заметку (хотя это и была перепечатка из другой газеты, ее ехидность не снизилась):

Комсомол в Стокгольме. Стокгольмский корреспондент «Echo de Paris» Serge de Chessin сообщает про «комсомольскую Пасху», устроенную в Стокгольме чинами советской торговой делегации во главе с советским chargé d'affaires [(поверенным в делах)] Симановским, которого корреспондент именует «гориллой в человеческом образе», пославшим на смерть собственного брата за то, что он служил в белой армии. Советский дипломат кощунственно отслужил гнуснейшую пародию на пасхальную заутреню. После этого служащие представительства, чекисты и шпионы устроили вместе с советскими дамами невероятную оргию, среди которой Симановский провозглашал тост в честь Карла Маркса. <...>

* Все же еще в сентябре 1921 г. западные СМИ сообщали о роскошном приеме, который Керженцев устроил по случаю годовщины заключения прежнего торгового соглашения с Швецией. Например, берлинский «Руль» 9 сентября 1921 г. напечатал материал «Наши за границей», воспользовавшись публикацией популярной будапештской газеты «Pester Lloyd», из коего следовало, что сей прием обошелся голодающей России в 10 тыс. шведских крон (около 220 тыс. долл. по тогдашнему курсу):

(zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bimage%5D=4&set%5Bzoom%5D=default&set%5Bdebug%5D=0&set%5Bdouble%5D=0&set%5Bmet%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de%2Ffoai%2F%3Ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3D94a47eb5-8769-40a9-9c78-7de7bf00a35e)

Правда, С.Ф. Гарденин вроде бы на некоторое время покинул Стокгольм, и С.Р. Богомолова до него еще не доехала, и в «комсомольской Пасхе» они, выходит, не участвовали. После отзыва П.М. Лебедева-Керженцева пост торгпреда С.Ф. Гарденин, уже служивший в Стокгольме в ранге уполномоченного НКВТ, занял не сразу. Хотя и тут не обошлось без «подковерной борьбы», в Кремле.

7 апреля 1923 г. «Дни» опубликовали такую заметку:

Заместитель Керженцева

По сведениям «Swenska Dagbladet», на место отзываемого из Стокгольма главы сов. торговой делегации намечался Литвинов, но теперь выбор остановился на Викторе Копп, бывшем сов. представителе в Берлине. В советских кругах полагают, что назначение Коппа встретит в шведских правительственных и коммерческих сферах благоприятный прием и будет способствовать укреплению торговых сношений с Швецией.

Все же сей пост (в комплекте с постом полпреда) занял Валериан Валерианович Оболенский-Осинский. 29 августа 1923 г. берлинский «Руль» разместил такую информашку:

Швеция и Сов. Россия

Шеф советской торговой делегации в Стокгольме Осинский посетил министра иностранных дел, которому поставил категорический вопрос: намерена ли Швеция возобновить переговоры с Россией, которую ни в коем случае не может удовлетворить нынешнее положение, когда советское представительство в Швеции пребывает на основании частного договора между шведским Экспортным союзом и русским «Центросоюзом». Министр, по словам газет, дал уклончивый ответ.

Итак, в августе 1923 г. С.Ф. Гарденин пребывал еще в ранге уполномоченного Наркомата внешней торговли... Известие о долгожданном назначении пришло лишь в самом конце этого месяца:

Советские представители

В должности торговых представителей СССР за границей утверждены следующие лица: Юзбашев в Латвии, Федоров в Польше, Стомоняк [(Стомоняков)] в Германии, Гардент [(С.Ф. Гарденин)] в Швеции, Коллонтай в Норвегии, Ломовский в Чехословакии, Левицкий в Австрии, Горчаков в Италии, Шумяцкий в Персии и Золотарев – в Турции.

«Руль», 30 августа 1923 г.

А вот еще одно специфическое занятие шведского торгпреда С.Ф. Гарденина – снабжать Красную армию оружием:

70 тыс. винтовок для Советской России. «Nya Dagligt Allehanda» [(шведская газета «Новая ежедневная всякая всячина»)] сообщает, что из Стокгольма отправлено 70 000 винтовок в советскую Россию. Винтовки изготовлены на шведских заводах и куплены большевиками.

«Руль», 21 ноября 1923 г.

Предположительно, это коллективное фото участников 2-го Всероссийского совещания по внешней торговле, проходившего в Москве в январе 1924 г. (в центре 2-го ряда – Л.Б. Красин, С.Ф. Гарденин – в «3½ ряде», 7-й слева)

11 января 1924 года «Известия» опубликовали подборку анкет-ответов «видных советских чиновников» в связи с проходившим в Москве 2-м Всесоюзным совещанием по внешней торговле. Наряду с Л.Б. Красиным и Б.С. Стомоняковым (Стомоняковым) выступил и С.Ф. Гарденин, торгпред СССР в Швеции (Софья Робертовна с малолетней Наташей, по-видимому, оставалась в Стокгольме):

Я не буду говорить об активном балансе и торговой интервенции, всецело разделяя высказанные здесь на съезде соображения о необходимости всецело поддерживать активность нашего [торгового] баланса. Что же касается сокращения накладных расходов, то в этой области необходимо разделить две группы таких расходов – операционные и организационные. Операционные расходы могут быть понижены в том случае, если средний размер заказов будет повышен. Поэтому было бы желательно каким-либо путем объединить мелкие заказы в крупные партии. Что касается организационных расходов, то здесь подвести какую-либо унификацию невозможно. Строго говоря, наши торгпредства представляют собою технические конторы прежнего типа самых разнообразных специальностей.

Мне известно [от Л.Б. Красина или Б.С. Стомонякова? – МК], что техническая контора Сименс и Шуккерт в Москве начисляла за свою работу 15% комиссионных на стоимость заказов, а мы ограничиваемся 3-5%.

*Для того, чтобы сократить наши накладные расходы, я во всяком случае не считаю необходимым устанавливать унификацию процента; по-моему, можно только выделить массовые биржевые товары, для которых назначить минимальный комиссионный процент, а прочие товары – или разбить по группам или даже расценивать индивидуально.**

Единственным крупным достижением, совершившимся во время пребывания С.Ф. Гарденина в ранге торгпреда, одновременно с взаимным признанием друг друга «де-юре», стало, по-видимому, подписание между СССР и Швецией 15 марта 1924 г. нового торгового соглашения, общего плана (но более высокого ранга, чем прежнее):

*Обе Стороны соглашаются всячески облегчать торговлю между обеими странами. Эта торговля должна производиться в соответствии с законами, действующими в каждой стране. Торговля между обеими странами не будет подвергаться иным ограничениям или иным более высоким пошлинам, чем те, какими облагается торговля со всякой другой страной.***

* К сожалению, в рамках заданного формата «анкет-ответов» С.Ф. Гарденин не смог упомянуть о бескорыстной помощи шведов изголодавшемуся и обносившемуся российскому народу. Будем считать, что за него сделал это берлинский «Руль» в своей публикации «Шведская помощь России» от 10 января 1924 г. (elib.shpl.ru/ru/nodes/10033-936-1084#page/38/mode/inspect/zoom/8).

** Сие соглашение было сначала отвергнуто в шведском риксдаге в мае 1922 г., вот что по этому поводу писал 3 июня корреспондент берлинского «Руля»:

Советские дела (Письмо из Стокгольма)

<...> Ни одна мера за последнее время по внешней политике шведского правительства не вызвала такого единодушного отпора и нападок по всему фронту прессы столицы и страны, как этот пресловутый договор, конечно, впрочем, исключая «Social Demokraten'a», двуликого и изменчивого; тощего подголоска Москвы, субсидируемого III Интернационалом, «[Folkets Dagblad] Politiken» и других подобных «звезд» второстепенной величины.

Председателем комиссии, выработавшей означенный проект, правительством был назначен губернатор госп. Тролле, с советской стороны переговоры велись Керженцевым в сотрудничестве с здешним адвокатом Лео Халлером, служащим у большевиков и, по словам осведомленного «Svenska Dagblad», занимающим ответственный пост... заведующего отделом Чека при советской торговой делегации в Стокгольме. Госп. Тролле обиделся на язвительную критику газеты – «за сдачу позиции Швеции в угоду Кремлю» и заявил, что в случае непринятия палатами [риксдага] договора весь кабинет министров уйдет в отставку. Осторожный [премьер] Брантинг поспешил дипломатически заявить, что сообщение экспансивного губернатора вовсе не соответствует действительности и составляет личное мнение, объясняемое уязвленным самолюбием, но что, конечно, правительство будет защищать проект и что его нужно все-таки принять как «намечающий конкретный выход из заколдованного круга сильнейшей безработицы рабочих страны».

Сам проект содержит неясности, неточности, в нем можно найти немало чисто юридической необоснованности, и все это вместе взятое представляет широкий простор для всевозможных толкований, что, конечно, только на руку новоиспеченным дипломатам большевистской школы. Между прочим, там предусмотрено право каждого члена здешней советской делегации ежемесячно получать, беспошлинно и бесконтрольно, посылки, присылаемые оттуда, весом... до 9 кило. Даже в либеральном англо-советском договоре эта цифра установлена Лондоном в 3 кило, и легко себе представить, какого сорта «посылки» [с агитационной литературой? – МК] из голодающей России будут получать здесь все эти бесчисленные советские «контролеры» и «эксперты», просочившиеся сюда под всякими флагами и вывесками, неизвестно что контролирующие и экспертирующие, число которых уже перевалило солидную цифру в 100 человек, вместо полагаемых по штату... 15-ти!

Конечно, советский посол госп. Керженцев недоволен, даже, более того, угрожает. Он заявил, что «сперва соглашение, а потом уж планы и дальнейшие заказы, и что, в случае непринятия договора, 3 тыс. шведских рабочих, изготавливающих сейчас в Trollbättan паровозы для Советской России, лишатся заработка. Это отсутствие элементарного приличия и такта, эта столь характерная манера обычных чисто советских запугиваний, всегдашнее «или-или» и «поскольку постольку» с неизменным заигрыванием и апелляцией к темным рабочим массам, все это остроумно названо одной столичной газетой «побрякиванием револьвером, скрытым в кармане», «непрошенным разведением своих диктаторских фасонов на чужой почве»...

Ну и так далее. В документе не было сказано ни слова об уже имевшемся в Стокгольме заведении под водительством С.Ф. Гарденина. Лишь 8 октября 1927 г., когда Сергей Федорович давно уже был отозван на родину, СССР и Швеция подписали конвенцию о правовом положении советского торгпредства.

Вернемся к «личной жизни» Гардениных. Как рассказывала Екатерина Робертовна Классон (в передаче ее сына Александра Парнаха): *“Живя в Швеции Софья Робертовна выучила шведский язык и пользовалась им, а Сергей Федорович не хотел учить «этот собачий язык» (так его процитировала моя мама), хотя и был торговым представителем России в этой стране”*.

«Линии жизни» первого и второго мужей Софьи пересеклись лишь один раз, да и то заочно. В феврале 1923-го С.Ф. Гарденин послал из Стокгольма следующую телеграмму Р.Э. Классону: *«Трансформатор Гидроторфу отправлен Ригу 15 февраля моторы готовы пойдут ближайшим пароходом»*. На телеграмму откликнулся помощник Ответственного руководителя Гидроторфа В.И. Богомолов: *«Отправлено ли Ригу вместе трансформатором масло?»* С.Ф. Гарденин тут же послал успокаивающую телеграмму, уже напрямую В.И. Богомолову: *«Одновременно трансформатором отправлены 13 бочек масла»*. Первый муж Софьи проработал в Гидроторфе до лета 1924-го, когда Р.Э. Классону пришлось уволить его вместе с другими сотрудниками, в рамках «сокращения издержек на центральный аппарат». При этом шеф выплатил бывшему своему помощнику трехмесячный оклад в связи с *«необходимостью отметить ответственную работу, выполнявшуюся В.И. Богомоловым с первого дня существования Гидроторфа как государственного учреждения»*.

На что получил от «защитника интересов трудящихся» – Московского районного комитета Союза горнорабочих грозную отповедь: *«О незаконных выдачах вознаграждения – выходного пособия – нами сообщено в НК РКИ. При повторении подобных случаев Мосрайком вынужден будет дела передавать непосредственно прокурору на предмет привлечения виновных к ответственности»* (ф. 758 РГАЭ).

Местная, шведскоязычная газета за 13 октября 1924 г. (вырезка из нее хранится в семье Гардениных) сообщала:

С. Гарденин покидает Стокгольм. Переводы осуществляются как по линии торгпредства, так и советской миссии. В соответствии с [проводимой] политикой в ближайшем будущем произойдет смена главы советского торгпредства в Стокгольме. <...> Преемник пока не назван, но в качестве нового главы торгпредства называют тов. Ф.В. Николаева [правильнее, Акима Максимовича Николаева, он станет замом торгпреда – МК]. Он приехал некоторое время назад из Москвы, где занимал должность члена коллегии почтовой и телеграфной службы. Госп. Гарденин пребывал в Стокгольме с 1921 г., приехав из Финляндии, где служил в советском торгпредстве. Перспективы службы госп. Гарденина еще не определены.*

Окончание примечания

Конечно, чем бы все это ни кончилось, ясно одно, что никакого практического значения этот экономический договор для Советской России иметь не будет. Вряд ли расщедятся местные денежные круги и банки на финансирование пресловутых концессий, особенно теперь, после Гегуи, и потому правая рука Керженцева – юрисконсульт делегации госп. Александров с Халлером, как сообщают местные газеты, отправились паломниками в Москву к с а м о м у [к Ленину? – МК], на предмет получения дальнейших директив и указаний. Ну а пока что услужливые люди стараются вовсю: инженер большевистской делегации госп. Сиглин прочел доклад в стокгольмской сельско-хозяйственной академии о предстоящей грандиозной электрификации всей России. Он поведал о ее великих и богатых милостях, зовя знатных варягов поскорее заполучить сулящие неисчислимые барыши концессии. <...>

* Из информашки «Руля» от 11 октября 1924 г.: «Полпредом сов. союза в Швеции назначен зам наркома почт и телеграфов Довгалецкий. Ему же поручено исполнение обязанностей торгового представителя».

Сергей Федорович с дочкой Наташей в дер. Мартышкино под Ленинградом, 1925 г.

Софья Робертовна с детьми, дер. Мартышкино, лето 1925 г.

С.Ф. Гарденин, после смерти В.И. Ульянова-Ленина и утраты влияния во властной верхушке Н.К. Крупской, с которой был знаком еще до октябрьского переворота 1917-го и вместе с ней работал в конце 1910-х – 1920-м в Наркомпросе, не мог уже занимать важные посты в советской партийно-бюрократической системе (см. его документы в Приложении «Гарденины»). В том числе потому, что он не переоформил свое прежнее членство в РСДРП на – ВКП (б) и поэтому считался беспартийным («оберегая личную свободу, в партию официально не вступил»).

Но, возможно, именно это обстоятельство спасло его от сталинских репрессий. Хотя в жуткие 1930-е Сергея Федоровича вполне могли бы притянуть к какому-нибудь громкому процессу как «белофинского шпиона и/или работавшего на буржуазную Швецию в ущерб интересам СССР». К счастью, он умер естественной смертью в 1949-м.

Но до этого Сергей Федорович испытал не только неуклонное понижение по служебной лестнице (с периодическими увольнениями), но и цепь жутких личных трагедий. В 1930-м при появлении на свет третьего ребенка – Софки от родильной горячки умерла Софья Робертовна, и ее «жизнь после жизни» продолжилась в детях.

Из переписки мужа и жены:

Дорогой Сережа, я родила 9-фунтовую, мордастую девчонку чистокровной гарденинской породы, черноголовую, похожа как 2 капли воды на тебя. Я недовольна, мальчик – лучше. Родила очень шикарно, без одного разрыва и молча.

Но потом устроила бенефис, т.к. было у меня кровотечение, которое никак не могли остановить, и сейчас еще неизвестно, кончилось ли. <...> Обо мне не беспокойся, уход идеальный, масса врачей. Целую, Соня

Дорогая Сонечка. Поздравляю тебя с ребеночком. Детки утром не были удивлены. Заявили, что знают – мама уехала за ребеночком. Целую тебя крепко-крепко. Сергей

Дорогая Сонечка. Детки живы и здоровы. Кушали с аппетитом на завтрак блинчики с повидлом, на обед – пшенную кашу с той же приправой. Я узнал о радостном событии в 8 часов утра, заявился туда – к вам. А пока я шел – ваши дамы звонили ко мне по телефону, но налетели на [8-летнюю] Наташу, чем по-видимому были очень обрадованы (много смеялись). Вернувшись домой получил еще один звонок по телефону из вашего [родильного] дома. О том, что у тебя было сильное кровотечение – мне не сообщили, сказали, что все прошло благополучно.

<...> В тот самый момент, когда ты произвела на свет божий нового младенца, на некоторое время изъят из обращения первый зам Нач. сектора заготовок [Сырьевого управления Наркомторга РСФСР]. А группа – как я тебе уже говорил – получила вторую категорию. Таким образом, мне уйти [со службы] невозможно, и в то же время на меня ложится изрядная нагрузка. Дело очень и очень неприятное.*

<...> Пока, всего наилучшего. Целую тебя крепко-крепко. О том, что девочка, а не мальчик, не горюй, заведем еще мальчика. Сообщил твоим сестрам о радостном событии и получил от них поздравления. Тебя они целуют. Сергей 28 апреля

*Дорогой Сережа, я опять сдрейфила – сильный жар и озноб (morais**). Твоего телефона здесь никто не знает. Смотрела сегодня [врач] Близнянская – все меры приняты. <...> Ребеночек очень хорош. Хочу назвать ее Софка. <...> Только что кончился самый приступ малярии. Взяли на исследование кровь. <...> На меня не рассчитывай, выпустят теперь не скоро, поэтому с пеленками не так спешу. Целую. Девочку кормлю. Соня*

* Похоже, это пресловутый советский эвфемизм понятия – «арестован».

** Сей термин здесь не совсем понятен: по-гречески, moirai (мойры) – три богини судьбы (Клото, Лахезис и Атропос). Возможно, Софья Робертовна намекала на malaria – малярию.

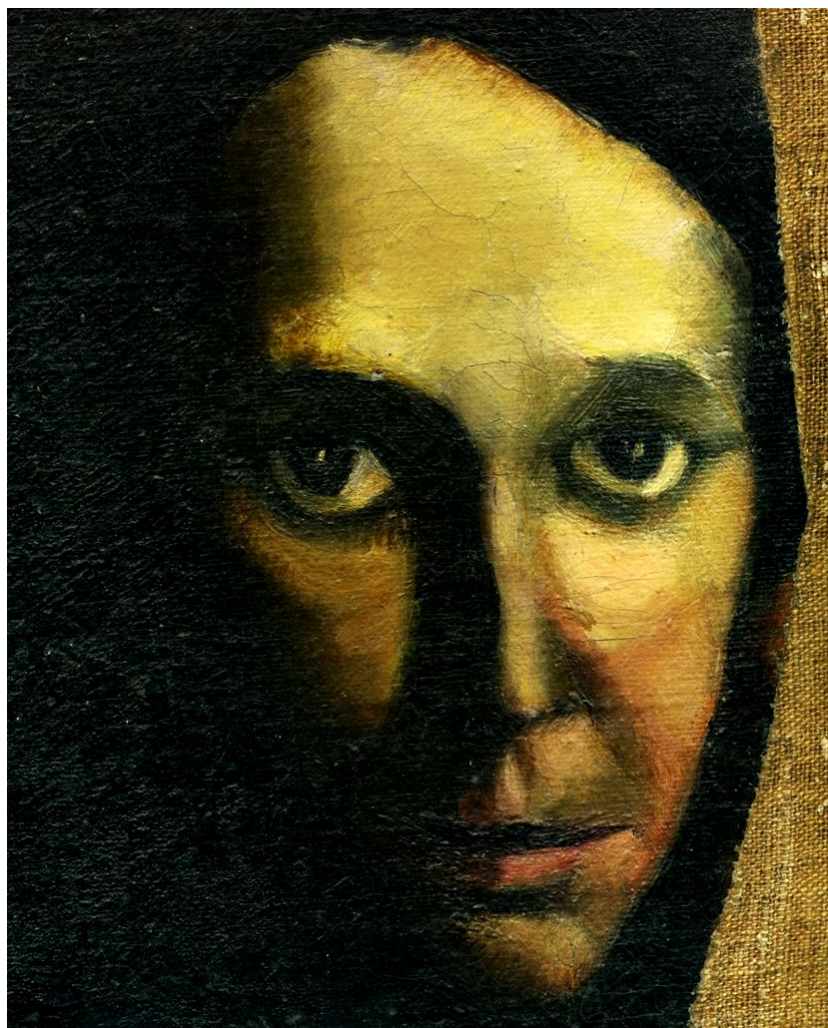

Андрей и Наталья Гарденины, Ленинград, ≈1927 г.

Дорогая моя бедненькая Сонечка. Что же ты так сплеховала? Я все время радовался, как хорошо и бодро ты переносила свое положение. Что это? Невнимательный уход? Может быть, они простудили тебя с постоянно открытыми окнами? <...> Мне очень тревожно и очень жалко тебя. Хуже всего то, что совершенно не представляю себе, насколько это опасно в твоём положении, после потери крови, и как это может отразиться на ребенке. Да и врачи ведь не скажут всей правды. А если и скажут, то что можно сделать, чтобы помочь тебе? <...> Когда ты теперь выйдешь из больницы? Раньше я думал – 5-го мая. А теперь как? В правилах сказано, что с повышенной температурой не выписывают. <...> Сейчас был у [доктора] Близнянской. Она ничего определенного о твоей болезни пока сказать не может. Предполагает малярию. Сегодня будет известен результат анализа крови. Завтра она разрешит мне свидание с тобой. Целую тебя. Сергей

3 мая

Несмотря на «идеальный уход и массу врачей» скоро в газете появилось печальное сообщение: «София Робертовна Гарденина (урожд. Классон) безвременно скончалась после тяжелой болезни, о чем родные извещают родных и знакомых. Вынос тела из квартиры <...> 11 мая».

Сохранившийся фрагмент картины «Мать с ребенком» – как «Портрет Софьи» (кисти сестры Екатерины)

Сын Андрей вспоминал:

О смерти матери [в 1930-м] отец рассказывал мне в 1947-м, после того как я демобилизовался. Я помню, что к нам до войны часто приезжала Екатерина Робертовна, просто в гости.

У отца возникла мысль сделать предложение ей, но он постеснялся ее высказать вслух – боялся обременить родственницу тремя сиротами. А потом жалел – если бы знал, что она выйдет замуж за Парнаха, то все-таки осмелился. Да и Екатерина Робертовна тоже вроде бы была согласна, но, со своей стороны, опять-таки не осмелилась... Отец был крепко сложен, сильный.

А Парнаха он как-то называл то ли клоуном, то ли паяцем – тем не менее, этот персонаж сыграл определенную роль в культурной жизни советского общества. Кому – что. А познакомилась Екатерина Робертовна с Парнахом в каком-то санатории или доме отдыха. (здесь и далее подобные воспоминания – из записей на диктофон автора)

Семейная трагедия С.Ф. Гарденина продолжилась в предвоенные годы. С сыном Андреем все было более или менее благополучно. До войны он окончил среднюю школу. А потом Гарденины уехали в эвакуацию в Курган вместе с трестом Гидроэнергопроект, куда Сергея Федоровича пристроил И.Р. Классон, после увольнения первого из Госплана.

Из Кургана Андрея и призвали в сентябре 1942-го в Советскую Армию (он не успел оформиться на военный завод и получить бронь), направив учиться в Тюмень на бойца противотанковых пехотных частей. Дослужился до сержанта, командира отделения, затем переучивался на бойца войск химзащиты, поскольку возникла угроза применения немцами отравляющих веществ.

Боевое крещение получил лишь в июне 1944-го, при форсировании реки Свирь. Воевал на Карельском фронте командиром отделения отдельного батальона ранцевых огнеметов, уже в чине старшего сержанта. А с апреля 1945-го на базе войск Карельского фронта (командующий маршал К.А. Мерецков) стали формировать 1-й дальневосточный фронт, который в августе начал боевые действия против Японии в Маньчжурии.

Демобилизовавшись в 1947-м, Андрей начал работать токарем, а затем наладчиком, мастером на столичном автозаводе, выпускавшем знаменитые, недорогие «Москвичи». Поступил в Московский заочный машиностроительный институт, но был отчислен после того, как получил «незачет» по контрольной работе «Манифест Коммунистической партии» и два раза не смог сдать экзамен по марксизму-ленинизму, хотя по другим, «нормальным» предметам получил пятерки.

В итоге он устроился на краткие вечерние курсы в Московский автомеханический техникум при заводе, где, по-видимому, преподаватели не так лютовали по этой пресловутой идеологической «науке», которая ближе к начетничеству. Эти курсы Андрей благополучно закончил и, получив среднее техническое образование, стал уже технологом.

Сын сохранил самые теплые воспоминания об отце:

*Сергей Федорович очень любил природу. Каждое лето мы проводили на даче – вместе с тетей Марусей [так родственники звали Марию Федоровну Гарденину-Лесман – МК]. В Ленинград из Стокгольма мы вернулись в конце 1924-го, но вскоре переехали в Москву. Отец работал в каких-то финансовых организациях, а мать – юристом в юридической консультации, и в Ленинграде, и в Москве. Тетя Маруся жила в Ленинграде с сестрой, была замужем за Владиславом Антоновичем Лесманом, скрипачом.**

Мы каждый год снимали на лето дом или избу и даже две избы – для взрослых и для детей. Помню, один год мы отдыхали в Хотькове, под Москвой. Это было перед самой войной – в 1939-м или 1940-м. Мы жили там одни, а отец приезжал на выходные. Он сшил из брезента палатку, и мы в субботу уходили с этой палаткой из деревни в лес, на ночь. У костра жарили колбасу на палочках. Местные жители удивлялись: что за дураки, идут из избы ночевать в лесу в палатке. Так он приучил нас, детей, к лесу.

Любовь С.Ф. Гарденина к природе подтверждал и Александр Парнах, сын Екатерины Робертовны:

Он любил совершать воскресные прогулки по Подмоскovie и иногда брал с собой мою маменьку. При этом она заметила, что он неизменно приводил ее к помойке – это происходило не нарочно, а так получалось. У любого города, поселка и деревни имеется помойка и, зачастую, не одна.

* Эта семейная легенда не совсем верна: скрипачом и музыкантом был его брат Иосиф Антонович, Владислав же Антонович до революции владел в Петербурге типо-литографией. А согласно адресной книге «Весь Петроград-1923» В.А. Лесман-Гарденин числился счетоводом! Его же жена М.Ф. Лесман-Гарденина – учительницей. Другие подробности см. в Приложении «Документы и воспоминания Гардениных».

Один раз, когда мне было десять лет^{*}, и они взяли меня с собой в лес, я очень сильно устал и сказал, что дальше не пойду. Мы все присели, и через несколько минут я почувствовал себя отдохнувшим, затем мы дошли до какого-то ручья и там поели. А пили мы из этого ручья через тростниковую трубочку. Когда вернулись в деревню, то я совсем прибодрился, надел на себя для форсу бинокль и компас, чтобы гордо пройти перед деревенскими ребятами.

А потом вернулся из армии Андрей, и они один раз с Сергеем Федоровичем зашли далеко в лес. В какой-то момент Андрей взял отца на закорки и перенес его через речку или болото. В этом сыновья имеют преимущество перед дочерьми. Когда Екатерина Робертовна лежала в больнице с переломом шейки бедра, то при выписке домой я взял ее на руки и снес по лестнице. И тут она сказала, что в некоторых случаях лучше иметь сына, а не дочь.

А вот дочери Гардениных – Наталья и Софья повели себя, как утверждал их брат Андрей, не как «хорошие советские люди». Наталья уехала на Дальний Восток еще до войны, посчитав, что отец не дает ей «достаточно свободы и денег». Перед этим она через свою двоюродную сестру Елену Владиславовну Лесман познакомилась с какими-то ленинградскими девочками Тусей и Асей. Последние жили «свободно и богато», по-видимому, регулярно получая деньги на карманные расходы от своих состоятельных отцов. Здесь стоит опять подключить воспоминания Михаила Федоровича:

Моя старшая сестра Мария блестяще кончила гимназию [в Уфе] и имела особый дар преподавания. Поэтому с юных лет была буквально завалена уроками с неуспевающими детьми и первое время была главной материальной помощью в домашнем хозяйстве, и скопив немного денег, уехала в Петербург. Здесь она поступила на женские курсы известного левого профессора Лесгафта и вошла в крайне левые круги молодежи, исповедовавшей дикие и несбыточные мечты о переустройстве мира и общей, мировой революции. С этими идеями она вернулась в Уфу и заразила обоих моих старших братьев [Бориса и Сергея] и была первым звеном развала моей семьи.

Она довольно быстро поняла свою ошибку, перешла к религии и предалась теософии. Сошлась с кружком [теософки Елены] Блаватской и всеми ее приверженцами, одно время увлекалась отцом Иоанном Кронштадтским и даже очень интересовалась личностью Распутина, хотя никогда с ним не соприкасалась и не была знакома.

Кончила тем, что после сорока лет вышла замуж за еврея по фамилии Лесман и осталась жить в Петербурге. От своего мужа она имела дочь. Думаю, что она [(сестра Мария)] погибла во время осады [немцами] Петербурга. До [первой мировой] войны она некоторое время жила у меня, пока я был холост, а затем была знакома с моей женой.

Итак, по словам брата Андрея, бывая в Ленинграде, Наталья Гарденина познакомилась с богемным окружением своей кузины Елены Лесман. И в Москве захотела тоже ходить по театрам и концертам. Но у семьи Гардениных никаких финансовых возможностей для этого не было. Они вчетвером жили на одну зарплату отца. А зачастую и зарплаты-то не было, поскольку отца большевики периодически увольняли. Например, в 1938-м его уволили из Госплана. Поэтому Гарденины выживали, занимая у знакомых и родственников. Отцу приходилось даже запирать хлеб в сундук и выдавать детям пайки, предлагая более основательно подпитаться, бесплатно, в школе.

^{*} Значит, это происходило в 1946-м.

Облигация в 25 рублей Государственного внутреннего выигрышного займа 1932 года

Лишь через несколько месяцев И.Р. Классону удалось пристроить своего шурина в Гидроэнергопроект (и то только после того, как был арестован начальник отдела кадров этого треста, см. ниже).

Более того, власти, как известно, нещадно обирали трудовой народ за счет выпуска многочисленных внутренних займов «на индустриализацию», «на оборону» и «на восстановление народного хозяйства». В семье Гардениных случайно сохранилась непогашенная облигация в 25 рублей Государственного внутреннего выигрышного займа 1932 года. Не выигравшие облигации должны были погашаться с 1 апреля 1942 г. по 1 апреля 1952-го, но известно, что за суровое время это было...

В 1938-м арестовали в Ленинграде брата Сергея Федоровича – Бориса, работавшего простым рабочим-химиком. И через два-три месяца расстреляли за мифическую террористическую деятельность, а на самом деле за то, что раньше был меньшевиком. Вполне возможно, что Сергея Федоровича уволили из Госплана в связи с тем, что у него брат «являлся участником к/р эсеровской организации, по заданию которой готовился к совершению диверсионного акта на Кировском заводе».

Михаил Федорович так о нем отзывался:

Мой брат Борис был неудачником всю свою жизнь. Учение ему не давалось, с трудом его перетаскивали из класса в класс и, наконец, после двухлетнего пребывания в пятом классе, его окончательно уволили за полную безуспешность. При помощи мамы он уехал отбывать воинскую повинность в один из гренадерских полков в Москве, корпусом которых командовал мой дядя со стороны мамы, генерал Грудзино. Кончилось это плохо, во время революции 1905 года полк, в котором служил брат, восстал. Восстание подавили, и мой брат, благодаря вмешательству дяди, был только осужден на вечное поселение в николаевский рavelин в Сибири.

Оттуда ему через несколько лет удалось бежать, и до переправки его за границу он некоторое время скрывался у меня на квартире в Петербурге. Вернулся он после революции в 1917 году и жил у нас до нашего бегства в Финляндию. Моя жена была к нему очень привязана и, даже будучи в Бельгии, с ним, до его ареста большевиками, переписывалась. Он был очень добрый человек, по убеждению меньшевик, быстро был арестован большевиками и сослан в Астрахань, где, по-видимому, его довольно быстро ликвидировали.

Невязка между воспоминаниями Михаила Федоровича и его племянника Андрея вполне естественна: первый жил в эмиграции, в Бельгии, и не все сведения об оставшихся за «железным занавесом» родственниках могли до него доходить. Кроме того, Борис Федорович работал в 1920-х не в Астрахани, а в Азнефти (Баку), где был арестован, как меньшевик, и на 3 года лишен права проживать в Москве. Но в 1928-м уже работал в столице «по химической промышленности».

В конце 1930-х большевики решили окончательно ликвидировать своих бывших попутчиков по РСДРП, и Борис Федорович был арестован уже в Ленинграде, в должности рабочего артели «Политкаторжанин». Похоже, его брат Сергей Федорович лишь чудом остался жив и даже не был посажен. И вот в такой жуткой обстановке, опять же – как утверждал брат Андрей, Наталья Гарденина решила «обрести свободу» и уйти из «постылого дома». Из воспоминаний Андрея Сергеевича:

После войны сестры Натальи в Москве уже не было, она еще до войны уехала на Дальний Восток. Она уехала потому, что считала – «отец не дает ей свободы». Не дает ей денег. Она через свою двоюродную сестру Елену Владиславовну Лесман [(родилась в 1924-м)] познакомилась с какими-то ленинградскими девчонками (Тусей и Асей), вот они «жили свободно». То есть – богато.

А мы жили вчетвером на одну зарплату отца, и еще ему временами приходилось увольняться и тогда он вообще нигде не работал. Поэтому жили в это время, занимая у знакомых. Точнее – его увольняли. Когда его уволили из Госплана (кажется, в 1938-м), то, к счастью, не посадили. А брата его Бориса арестовали и через 2 месяца расстреляли в Ленинграде. А отец каким-то образом «удержался», его «только выгнали с работы». Он потом мне объяснял, что это произошло только благодаря протекции Крупской. С другой стороны, у него было трое детей, куда же их девать?

В общем сестра Наталья решила «просто уйти из дома». Она захотела ходить по театрам, а денег-то не было. Поэтому начала продавать кое-какие книги. Помню, была у нас Библия на французском языке – 4 тома, продала. У нее была целая стопка театральных и концертных брошюр и проспектов – где что идет. Отец после смерти матери поручил ей вести домашнее хозяйство – покупать продукты, готовить обеды. Она опять же эти деньги пускала на сторону.

Отец тогда перепоручил ведение домашнего хозяйства мне. Давал деньги, а я вел тетрадь, где записывал все расходы – на крупу, молоко, масло и т.д. И готовил обеды и ужины (в это время, перед самой войной, я еще учился в школе). Я не помню, были ли у Натальи какие-либо «решительные разговоры» с отцом. Она записалась в какую-то геологоразведочную партию и уехала на Дальний Восток. Отец к ней поэтому относился не очень ласково – раз она так себя повела.

Потом началась война, и нас в составе сотрудников Гидроэнергопроекта эвакуировали в Курган. Отец к тому времени уже работал в этом проектно-наладочном институте. Отец, я и Соня жили в здании Митинской МТС. Оттуда, из Кургана меня в 1942-м призвали в армию. Еще до конца войны семья Гардениных вместе с Гидроэнергопроектом вернулась в Москву.

Отец хотел определить Соню в какое-то ремесленное училище, где готовили печатников. Но Соне это занятие не понравилось – там использовался [вредный для здоровья] свинец. И потом она связалась с какой-то компанией, в нашем же Малом Дровяном переулке. С компанией каких-то подростков, которые после войны были «полубезпризорными»: кто воровал, кто еще что [антиобщественное] делал. В результате Соня убежала из дома, жила то ли у каких-то знакомых, то ли еще не поймешь где – но в Москве.

Когда я в 1947-м демобилизовался, Сони еще в семье не было – где-то она бродила. Через какое-то время она все-таки появилась, мы с отцом, конечно, обрадовались. Но эта компания ее опять завлекла. Она утащила у меня полевую сумку (чтобы продать ее), что-то из одежды и еще что-то и опять убежала из дома. Но вскоре ее задержали в Москве как беспризорную. Отец на суд не пошел, сославшись на занятость на работе.

А я был на этом суде. Еще до него разговаривал с судьей – она предлагала взять Соню на поруки. Я готов был сделать это, но здесь требовалось желание именно отца взять ее на поруки. Однако в отношении отца я здесь был совершенно не уверен: у них [все еще] сохранялись между собой ненормальные отношения. Тогда ее выселили из Москвы за 101-й километр – на какие-то полупринудительные работы. Это была не тюрьма, а именно высылка [за бродяжничество]. Тогда Соня и познакомилась с Петей Морозовым, будущим мужем. И затем они уехали под Саратов.

В то же время, как утверждали Парнахи (исходя из рассказов их мамы-свекрови), последней каплей в отношениях отца и дочери Натальи – еще до войны стало обнаружение у последней каких-то неприличных стихов, после чего отец дал ей 30 руб. и попросту выставил за дверь.

Наталья перебралась жить к Екатерине Робертовне, отец, правда, через какое-то время сменил гнев на милость, но уже непокорная дочь отказалась восстанавливать семейные отношения... В 1946-м Наталья Гарденина, вышедшая на Дальнем Востоке замуж за Анатолия Туманова, писала своей добрейшей тетушке:

Моя милая Катеринка!

Сегодня получила от тебя долгожданное письмо и немного разочаровалась – это была всего-навсего открыточка. Скупое. Я ждала большего. Но спасибо и за это.

<...> Большое спасибо за адрес тети Маруси. Напишу ей непременно. Как только буду при деньгах, вышлю тебе рублей 200 на книги. Пусть уж Валентинище постарается раздобыть для меня немного книг.

Здесь в отношении чтения, как я уже писала, неописуемый голод. Сейчас я уже настолько проработала попавшегося мне в руки Пушкина «Сатира и юмор»*, что знаю его наизусть. И как на грех мой муж тоже большой глотатель книг, и мы с ним из-за первоочередности чтения книг иногда ссоримся. Последнее время я не работала, но сейчас трудоспособных иждивенцев сняли со снабжения, и придется, вероятно, работать. Не знаю, как на это согласится Анатолий, я еще с ним не говорила. <...>

Напиши мне, пожалуйста, как живет папа, как он себя чувствует? Ты понимаешь, несколько раз я принималась писать ему, но каждый раз бросала, просто не знаю, как к нему подступиться. Ты пишешь, что он по-прежнему неутомим в ходьбе, значит, еще не совсем поддался времени. Андрею я тоже еще не писала. И как-то опасаясь писать, может, им папа наговорил про меня всякой гадости, и он и злиться со мной не захочет.

* Так в письме было обозначено советское издание А.С. Пушкина, включавшее «Сказку о попе и его работнике Балде» (?!).

Очень печально, что с Софьей такая история приключилась, тем более печально для меня, что я не могу тут ничем помочь. От дяди Вани я уже давно получила открыточку тоже, но еще не писала ему. Мы, по всей вероятности, скоро уедем отсюда. Анатолий просит перевода в другое место. Здесь создавалась невыносимая атмосфера с местным начальством. Так как мы не устраиваем гулянок, ни к кому не ходим с поклонами, не занимаемся сплетнями, то на нас здесь смотрят, как на белых ворон, и пакостят на каждом шагу.

<...> Как поживает Шурик, он, наверное, уже совсем большой. Пусть напишет мне, как он живет, как учится и т.д. Да и сама-то ты пиши поподробнее. Не отделяйся открытками, из которых ничего толком не узнаешь, да не откладывай писания в долгий ящик, а пиши сразу же. Еще раз прошу насчет книг. Мобилизуй на это дело всех – Валентина Яковлевича, дядю Ваню и прочих кого сможешь. А В.Я. передай, что я надеюсь на него, что он как рыцарь и дамский угодник и т.д. и т.п., постарается для меня.

Ну, вот пока и все. Крепко тебя целую, так же и Шурика. В.Я. привет. Анатолий, мой супруг, вам кланяется и шлет привет. Привет дяде Ване, его наследнику [[Андрею](#)] и супруге.

Наташа (ф. 9508 РГАЭ)

Послевоенный период в отношениях с родственниками А.С. Гарденин вспоминал так:

С Наташей же, когда она приезжала с Дальнего Востока в Москву, мы «пересекались». Один раз, когда встретились, она во всех бедах стала винить меня. В том, что я во всем поддерживал отца. И предложила затем помириться. Я ответил ей, что виниться мне не в чем: ты сама ушла из дома, а то, что Соня попала в нехорошую компанию, сама виновата (ведь старшая сестра обязана была отвлечь ее от этого). Отец – отцом, а Наташа была на 8 лет старше Сони и обязана была в какой-то степени заменить ей мать.

Наташа стала валить всю вину на меня, упрекать в том, что именно я себя неправильно вел. Я в свою очередь сказал ей: «неправильно себя вела ты, а поскольку ты уехала, я с тобой и не хотел знаться. Поэтому твои попытки помириться, через признание за мной полной вины, я отвергаю». Характер у Натальи был весьма скверный. Она очень высоко ставила себя, свои интересы. О нашей семье у нее почему-то забот не было. В кого она такая пошла, понять не могу – но так получилось.

В феврале 2011-го автору сих строк, по его запросу, пришел такой ответ из Питера (Натальи Сергеевны уже не было в живых, поэтому за нее заступалась живущая на Дальнем Востоке дочь Елена, а «электронным почтальоном» была их внучка-дочь Екатерина Кондратьева, обучавшаяся и осевшая в Северной Пальмире):

Что касается истории семьи Гардениных, мы обсудили с мамой еще раз данную ситуацию и решили, что не будем продолжать развивать конфликт, в конце концов, каждый имеет право на собственное мнение. У меня есть в планах когда-нибудь в будущем, когда будет побольше свободного времени, написать историю нашей семьи, включая Гарденинскую ветвь, а также все другие влившиеся «ручейки и реки», так что там появится возможность рассказать более полно о своей бабушке, истории ее детства, взаимоотношениях с отцом [[Сергеем Федоровичем](#)], а также историю Софьи Сергеевны. Единственное, в чем мы просили бы Вас внести коррективы – Вы пишете, что Андрей с Наталией встречались после войны, это не так. Андрей категорически отказался встречаться с моей бабушкой, несмотря на ее попытки наладить контакт. В свои приезды в Москву она и звонила ему, и отправляла открытки с предложением о встрече, которые он игнорировал.

Моя мама просила напомнить Вам, что в 1969 г., когда она вместе с Наталией Сергеевной была в Москве, Вы предложили ей (моей маме) пойти к Андрею Сергеевичу, на что она Вам ответила, что не может видеть человека, который отказывается встречаться с ее матерью. Бабушка всю жизнь очень болезненно переживала этот разрыв. Наверное, поэтому я [(Екатерина)] всеми силами стараюсь сохранить взаимоотношения с самыми разными родственниками, несмотря на сложности характеров различных персонажей и наследственную бескомпромиссность.

Формальная невязка между «показаниями свидетелей» легко объяснима: брат и сестра встречались сразу после войны, когда дочери Натальи Сергеевны – Елены еще не было на свете, а затем Андрей Сергеевич, в приезды его сестры с племянницей, уже не видел смысла в этом... Ну, что же, конфликт в семье Гардениных действительно зашел весьма далеко. Стоит здесь лишь отметить, что когда в 1999-м в Москве появились брюссельская Марина Михайловна Гарденина и хельсинкский Кристиан Сундгрэн*, то из саратовской глубинки приезжала и Софья Сергеевна Гарденина-Морозова.

Этот фрагмент фото 1971 года подтверждает – брат Андрей и его младшая сестра Софья остались-таки в добрых отношениях

* Напомним, что отец Марины – Михаил Федорович женился еще в царской России на финской шведке Эмси Сундгрэн, у которой был брат Альберт – отец Кристиана.

*В.А. Башкатова, М.М. Гарденина, К. Сундгрен и С.С. Гарденина-Морозова
(лето 1999-го, московское метро, фото А.С. Гарденина)*

*Встреча М. Классона с Е. Кондратьевой, которую видел ранее лишь 4-летней
(лето 1999 года, гостиница «Интурист», фото К. Сундгрена)*

И все они встречались с московскими Гардениными (Андреем Сергеевичем и его женой Верой Андреевной Башкатовой). Кроме – питерской Екатерины Кондратьевой, тоже приехавшей повидаться, но только со своими зарубежными родственниками.

В то же время Александр Парнах передавал автору сих очерков следующее:

Екатерина Робертовна считала С.Ф. Гарденина виновным в его ссорах с дочерьми, не только с Натальей, но и с Софьей. Отцовство [(в положении вдовца)] давалось ему с трудом. Кроме того, Наташа никак не виновата в том, что Соня ушла из дому, поссорившись с отцом. К тому времени Наташа давно жила отдельно и уже не могла принять в этом участия.

В общем, конфликт (семейная трагедия) оставил глубокие борозды в памяти и душах потомков Гардениных...

Татьяна. Детство второго ребенка в семье Классонов – Тани было описано в воспоминаниях ее уже престарелого брата Ивана (см. выше). И здесь нам особенно нечего добавить, кроме нижеследующего их снимка из нежного детства, сделанного по-видимому в Карлсбаде или в Выборге и сохраненного Валерией Петровной Александровой.

Ваня и Таня (фото из архива семьи Александровых)

Соня и Таня Классоны, фотоателье Отто Ренар, Москва, ≈1899 г.

А вот некоторые снимки из любительских альбомов Татьяны и Софы Ивановны Классон (архив семьи Гардениных).

Таня, Катя и Ваня Классоны, 1906 г.

Таня Классон

Таня Классон

А в семье Классонов сохранилась фото-открытка (позирующие на баркасе Софья и Татьяна, где и в каком году – неизвестно, возможно – во время путешествия по Европе в 1912-м), адресованная Софьей сестре Екатерине:

Милая Катя, как тебе нравятся твои сестры? Таня только боится, что ты отрежешь ее иставишь [в рамку] только меня. Со всеми своими знакомыми познакомила Таню, она тебе про них написала. Игумну 54 года, у него кудри совсем седые. А гимназисту 14 лет. Это кажется тебя больше всего интересовало.

Напрасно ты не читала Heidi, это совсем не глупо, я ее читала лет 13-14-ти и, поверь, была не глупее тебя, а мне понравилось. Целую тебя, Соня*

Софья и Татьяна на пленэре

По-видимому, из того же путешествия Татьяна отправила в июне 1912-го такой привет брату: «Милый Ванюшеноч. Посылаю тебе из Лозанны здание Союзной Палаты с памятником Вильгельму Теллю [(на *лицевой стороне открытки*)]. Не правда ли, очень красивое? Как ты поживаешь, что поделяваешь? Целую тебя, твоя Т.»

И такой: «Милый Ванек, когда я была в Киеве, то хотела тебе послать эту открытку, да не успела, поэтому посылаю теперь. Я очень люблю ездить в этом вагончике, из него к тому же красивый вид на Днепр. Целую тебя, желаю всего хорошего. Т.»

* Речь идет о рассказе «Хайди: годы странствий и учебы» («Heidi: Lehr- und Wanderjahre») швейцарской писательницы Джоанны Спайри (Johanna Spyri), написанном в 1880-м «для детей и тех, кто любит детей».

Лицевая сторона открытки Татьяны Робертовны брату Ивану

Как вспоминал И.Р. Классон, после выхода постановления Совнаркома от 30 октября 1920 года о Гидроторфе Роберт Эдуардович с дочерью Татьяной, в качестве секретаря, 25 января 1921 года отправился в командировку в Германию – заказать машины для добычи торфа гидравлическом способом на «Электропередаче», которые отечественные заводы после гражданской войны и хозяйственной разрухи производить не могли.

И далее Иван Робертович записал:

Таня за границей в 1921-м очень воспряла духом. Отец и Таня виделись в Берлине с семьей Э.Р. Ульмана, эмигрировавшей из Петрограда через Финский залив. Оказалось, что Антонина Ивановна Ульман за границей познакомилась с «христианской наукой», основанной в конце XIX века в США Мери Беккер Эдди и использующей целую систему самовнушения и лечения близких.*

Таня в нашей семье была единственной по настоящему верующей, например, я помню, что она, будучи уже курсисткой, добровольно говела (т.е. во время Великого поста исповедовалась и причащалась). И вот она обратилась в «христианскую науку» и резко воспряла духом.

Осенью или летом 1921 г. она поступила на постоянную работу в Госплан секретарем топливного отдела, начальником которого был Леонид Константинович Рамзин. Я с ней был на вечере в Госплане, один вальс Таня танцевала с Рамзиным. У нее появились новые знакомые – сотрудники Госплана. В том числе Семен Данилович Свенчанский, сын заведующего складом 1-й московской электростанции, и Николай Иванович Веселовский, молодой ученый, одно время дававший уроки нашему брату Павлу. Однажды мы втроем – с Павлом – совершили прогулку пешком на Воробьевы горы.

* Значение этой секты в США видно из названия бостонской газеты «Крисчен Сайенс Монитор», цитируемой в советских газетах наравне с «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». Антонина Ивановна обратила в свою веру и мужа [Эдуарда Рейнгольдовича], и сына [Александра], но он – Аля – говорил мне в начале 1920-х в Берлине, что среди американцев не принято так подчеркивать принадлежность к этой секте, как подчеркивала А.И. – Примеч. И.Р. Классона

Софья и Татьяна в фотоателье

Семен Данилович очень упорно ухаживал за Таней. Он болел туберкулезом легких (гораздо менее доброкачественным, чем перенес в 1917 г. я), но Таня внушила себе, что «работая» по «христианской науке», она вылечит его и согласилась на брак с ним. Он был, мне кажется, недоучившимся студентом МВТУ, но уже преподавал.

Как вспоминали Парнахи, опять же со слов Екатерины Робертовны, Роберт Эдуардович так отзывался об увлечении дочери: «Таня окретинела». Как можно понять, это была игра слов: Christian science (по-французски, Science chrétienne) – упоминавшаяся выше секта, а «кретин» (по-французски, crétin) означает, как известно, патологического дурака. «Линия жизни» Свенчанских закончилась, как мы увидим, весьма печально.

Но сейчас остановимся более подробно на 1920-х. Позволят нам это сделать публикации в «научно-популярном» журнале «Искра», который начал выходить с апреля 1923-го. Семен Данилович быстро угнездился в оном издании (будучи уволен из Госплана?): если в апреле он был «всего лишь» штатным сотрудником редакции, то уже в мае занял должность заведующего отделом техники. И начал печь как пирожки научно-популярные статьи чуть ли не «обо всем на свете», присвоив себе высокое звание инженера! Мы приведем их названия лишь за неполные три года (по 1925 г.), поскольку за этот период заказывали в РГБ подшивки «Искры», в поисках статьи Р.Э. Классона о гидроторфе (но, скорее всего, «пирожки пеклись» обильно и в последующие годы).

Итак:

- Что такое сверхмагистраль (как продолжение статьи, в том же номере, Ф.А. Пермякова «О паровозе, который везет сто вагонов»);
- Современная техника добывания тепла;
- Фрезерование почвы;

- Осцилоскоп – глаз, видящий невидимое;
- Испытание прочности материалов;
- Запасы энергии земного шара;
- Электрификация;
- Нет более Ниагары (о проекте ГЭС, от установленной еще в 1894 г. турбины в 300 л.с. – до уже реализованных 1 млн л.с., а также о проекте монтажа дополнительных 4 турбин по 70 тыс. л.с. каждая);
- Ртутная паровая машина;
- Производство стальных перьев;
- Как заглянуть в стальной рельс;
- Тридцать лет радиотелеграфа;
- Что такое тепловоз.

Более того, неугомонный муж привлек пару раз и свою жену – Татьяну Робертовну, которая написала следующие «геополитические материалы», как сейчас бы выразились:

- Панамский канал;
- Борьба за Нил.

Материал «Панамский канал» заканчивался вполне в стиле риторики правоверного коммуниста-политолога:

Был составлен проект сооружения второго канала, который будет по отношению к существующему дополнительным. Существующий Панамский канал трудно защитить от нападения неприятеля, владеющего всеми современными орудиями нападения. Впрочем, открыто не признается, что новый канал должен иметь значение военное. Напротив, правительство Соединенных Штатов [[Америки](#)] утверждает, что в недалеком будущем существующий канал не будет удовлетворять все разрастающийся транспорт, и необходимо канал расширить.

Но в настоящее время в день через канал проходит всего до 10 судов, а пропускная способность канала – 60 судов. Ясно, что говорить о перегрузке канала не приходится, и что это только предлог. Все дело в том, что канал имеет для Соединенных Штатов очень важное военное значение, давая возможность быстро переводить военный флот из Атлантического океана в Великий, т.е. одним и тем же флотом грозить Европе и Японии. А на подготовку к войне у капиталистического государства деньги всегда найдутся, даже если их и нет на другие расходы.

Статья «Борьба за Нил» была выдержана в том же духе, на сей раз не об американцах-агрессорах, а о таких же англичанах-захватчиках:

В 1882 г. англичане использовали спровоцированное ими брожение среди населения Египта и под предлогом наведения порядка бомбардировали [[с военных кораблей](#)] Александрию и захватили Египет. Захват Египта был вызван желанием держать в своих руках Суэцкий канал и, следовательно, путь в Индию, боязнь за которую – вечный кошмар английских империалистов.

Грабительские стремления Англии проявились ярко и по отношению к Судану – негритянскому государству, расположенному южнее Египта по течению Нила. Судан, освободившийся на короткое время от зависимости от Египта, был с помощью англичан под командованием Китченера снова завоеван египетским правительством.

В настоящее время Англия и Египет якобы совместно владеют Суданом, но нечего и говорить, что только Англия извлекает для себя большие выгоды.

<...> Нелепая политика современных капиталистических правительств, ищущих во всяком деле прежде всего новых возможностей эксплуатации трудящихся, заставляет людей техники и науки и население страны протестовать против осуществления [грандиозного] проекта [стоимостью в четверть миллиарда долларов, или в 50 миллионов советских червонцев по сооружению плотин на Белом и Голубом Ниле, а в дальнейшем и на его истоках, у озер Виктории и Альберта], который сам по себе должен содействовать благосостоянию страны.

Надо думать, что в связи с этим и проект осуществится только тогда, когда рабочие и крестьяне Египта и Судана, в качестве гарантии, что плотина в верховьях Нила предназначена не для порабощения Египта, а для поднятия народного хозяйства обеих стран, прикрепят на ее шлюзах красную звезду.

Журнал «Искра» помещал свою рекламу в «Известиях ВЦИК», например 16 марта 1934 г. таковая рекламировала №2 за этот год, в т.ч. статьи С.Д. Свинчанского «Электрификация» и Т.Р. Классон «Панамский канал». С.Д. Свенчанский привлек так же и других своих родственников – «инженера» В.И. Богомолова, выступившего в 1923-м со статьей «Гидроторф», и «постоянного сотрудника редакции, профессора» Р.Э. Классона, в 1925-м опубликовавшего материал «Торф». Так что недоброжелатели могли бы упрекнуть при случае Семена Даниловича, что он развел в «Искре» семейственность!

А теперь перенесемся в 1940-е годы. Родители вырастили двоих сыновей – Данилу и Семена (названных, как можно понять, в честь деда и отца). Старший сын даже успел повоевать. Татьяна Робертовна, вернувшись из эвакуации (где она пребывала, по-видимому, с младшим сыном) «истощенной» от голода, умерла в 1943-м от воспаления легких.

А один сын вскоре то ли зарезал, то ли зарубил топором ночью в постели другого, чтобы завладеть его продовольственными карточками. Загребел в тюрьму, и больше в Москве не появлялся. По словам А.С. Гарденина, тогда подробно и впрямую об этом ужасном случае родственники между собой говорить стеснялись. Чем кончилась эпопея лечения главы семейства от туберкулеза легких через «христианскую науку» семейное предание тоже умалчивает. Правда, из августовского 1942 года письма И.Р. Классона жене следует, что он уже умер к этому времени (см. ниже).

Племянник Татьяны Робертовны Александр Парнах так вспоминал о своих родственниках (используя, опять-таки, рассказы матери):

Про Свенчанских я кое-что слышал. О Татьяне Робертовне няня как-то сказала другим детям: «Вы уже большие и должны знать – наша Таня не очень умна». В советское время она работала на площади Ногина, наверное, в Госплане.

Она не выговаривала букву «р». Про нее маменька рассказывала так: она пошла в библиотеку, чтобы продлить абонемент на книгу, которую раньше получила.

Библиотекарьша спросила номер карточки и получила ответ: «певый». – «Что-что?» – «Ну, певый, посто певый». – «Сто первый?» – «Да нет, посто певый». Так Татьяна Робертовна и не смогла объясниться с библиотекаршей.

Когда у нас в очередной раз не было денег, то маменька повела меня в гости к одной даме – подкормиться, она сделала мне за столом замечание: «Терпеть не могу, когда чавкают». По-видимому, мы были в гостях как раз у Татьяны Робертовны.

Сеня – младший сын приходил к нам в гости, по-видимому, после работы, усталый. И он со мной то ли поэтому не разговаривал, то ли ему было не интересно со мной общаться. А Данила – старший сын, вернулся с войны и как-то подарил мне штык от трехлинейки. Слава богу, я с этим штыком во дворе не играл. И лишь потом сообразил, что штык – это холодное оружие, за хранение которого, если бы это обнаружилось, можно было бы нажить большие неприятности.

Однажды, когда нас не было дома, пришла некая дама и оставила записку: «Сеня умер, ему пробили голову». И совершил это преступление Данила. Судя по отзывам Екатерины Робертовны, младший сын был положительным персонажем, а старший – отрицательным. Через какое-то время я спросил у маменьки: «А где Даня?» (раньше они приходили к нам в гости, или мы у них бывали). Она ответила, что он работает на какой-то фабрике в Мытищах. А потом еще раз поинтересовался Данилой, оказалось, что он сидит за убийство брата.

В начале 2014 года я обратился с запросом в Центральный архив ФСБ на Свенчанского Даниила Семеновича. Ответ за 15 января того же года был неутешительным:

Ваше обращение, поступившее на официальный сайт электронной почты Центрального архива ФСБ России, рассмотрено. Сообщаем, что Центральный архив ФСБ, Управление ФСБ России по г. Москве и Московской области документальными материалами в отношении Свенчанского Даниила (Даниила) Семеновича не располагают.

Значит, Д.С. Свенчанский «антисоветских высказываний не допускал»... В том же письме зам начальника архива А.П. Черепков посоветовал мне обратиться в Главный информационно-аналитический центр МВД России, что я и не преминул сделать 4 февраля 2014 года. Однако сей запрос, с просьбой предоставить для ознакомления уголовное дело на Д.С. Свенчанского, оказался безуспешным. Действительно, после «Софьи Власьевны» остались миллионы политических дел, которые полагается «хранить вечно», а тут исследователь-любитель (то есть я) интересуется какой-то «уголовной мелочевкой»:

Ваше обращение по вопросу установления сведений биографического характера в отношении Даниила Семеновича Свенчанского в Центре реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации ФКУ «ГИАЦ МВД России» рассмотрено.

Сообщаем, что ФКУ «ГИАЦ МВД России» сведениями о применении политической репрессии, аресте, судимости, нахождении в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении и другими данными в отношении Свенчанского Даниила (Даниила) Семеновича, примерно 1922 года рождения, не располагает.

Заместитель начальника

Э.В. Науметова

Правда, я запрашивал не «сведения биографического характера», а конкретное уголовное дело. По-видимому, оно давно уничтожено, но МВД напрямую признаваться в этом почему-то неудобно, поэтому оно так по-чиновничьи неуклюже изворачивается.

С.Н. Мотовилова, объясняя сестре Вере судьбы «Классонят» в феврале 1963-го, «закруглила» и сей сюжет:

Кем была Таничка и ее муж – не помню. Знаю, что она очень нуждалась, когда жила в эвакуации во время войны, у нее было два сына. Вернувшись из эвакуации, она умерла. Один ее сын был хороший, другой плохой, дегенеративный. После ее смерти плохой убил хорошего, был приговорен к десяти годам. Сейчас он уже вышел [из мест заключения].

Тему Свенчанских затронул пару раз и И.Р. Классон – первый раз еще до войны:

Посылаю тебе книжку Чехова, благо она маленькая и пойдет как письмо. Хотел взять у сестры Тургенева – одну из повестей или романов, которые люблю, и послать тебе бандеролью. Так тебе было бы легче начать читать, чем записываться в библиотеке и т.д. Был на днях у сестры [(Тани)], но к моему прискорбию оказалось, что ее библиотека (почти вся бывшая библиотека нашей семьи в родительском доме) украдена товарищами ее сына для продажи. Хорош сын [Сеня? – МК] – 16 лет, а так распустил слюни! Нет ни Тургенева, ни Гончарова и т.д. (из мартовского письма 1940 года в Батум невесте Анне).

Второй раз, уже вернувшись из эвакуации в Москву:

Дискуссию о харчах и мыле я предпочел бы прекратить – я каждый раз раздражаюсь, когда вспоминаю об этом или когда ты еще что-нибудь добавочно вспоминаешь и пишешь, что были еще мед, варенье и т.п. Об этом надо было вспомнить и сказать мне раньше, м.б. я догадался бы не пускать козла в огород ([Семена Даниловича] Свенчанского). Его домработнице я ни одному слову не верю, я у нее выдрал несколько [граммофонных] пластинок с моими пометками на конвертах, а сначала она утверждала, что пластинки от ее соседки. Часы она, вероятно, продала, а о продовольствии отрицает для затемнения. Если бы его не было, то было бы естественно, чтобы Свенчанский мне написал об этом, но он ни словом не упомянул. Он был очень стар, болен, пил, еще раньше был нечист на руку. Я считаю, что мне еще повезло, что сохранились доха, шапка, валенки, мои ботинки, готовальня, счетная линейка, которые были у Свенчанских, и наша одежда и белье, которые оставались здесь [(в Теплом переулке)]!!

Девка могла все продать после смерти Свенчанского, а он мог все ценное взять и даже мне не сообщить. (из августовского 1942-го года письма жене в Курган)

И в продолжение:

Таня поручает мне: 1) послать ей кое-что [в эвакуацию] из ее вещей; 2) продать ее мебель. То и другое очень трудно осуществить – нет времени, вечером темно и т.д. В позапрошлом воскресенье ездил на ее квартиру, но домоуправление было заперто. В последнее воскресенье <...> еще убирал комнату, улучшил затемнение [окон], все воскресенье ушло. До Таниных дел руки не дошли.

<...> Воскресенье 11-го потратил на Танины и Гарденинские дела. Больше не буду. Своих дел до чорта! (из октябрьских 1942-го года писем жене Анне Гавриловне в Курган)

Иван. Уцелевший при сталинизме старший брат (антисоветских высказываний не допускал, а от призыва имел «броню» как ценный специалист) работал всю жизнь «за себя и за погибшего Павла», но под постоянной угрозой быть арестованным «за вредительство».

Лишь на закате своей жизни Иван Робертович осмелился сделать такие черновые «антисоветские» записи: «когда Лев Давидович Троцкий стал наркомвоенмором и имел отряд личной охраны, то говорили, что при царе была лейб-гвардия, а теперь – гвардия Лейбы»; «сочувствую, но ничем не могу помочь, а и жизнь-то какая!»

По-видимому, из жутких 1930-х пришла и такая запись: «часть [людей] сидит, другие ждут, когда их посадят, и все трясутся». Это высказывание, похоже, стало парафразом реплики конферансье и «сталинского шута» Н.П. Смирнова-Сокольского в 1937-м: «Я получил письмо от брата из деревни, он меня спрашивает, как вы живете в Москве? Я ему ответил: как в автобусе – половина сидит, половина трясетя».

А своим сыновьям Иван Робертович приводил такой пример вроде бы парадоксального поведения советских людей, но вполне оправданного перманентным дефицитом ширпотреба: «Что это там у вас на полке? Утюг? Дайте два!» (оказалось потом, что это цитата «Из записной книжки» Ильи Ильфа, эту и другие понравившиеся ему цитаты отец как-то аккуратно выписал на отдельные листы формата А4 – повесить на стенку?).

У Н.П. Сокольского в том же 1937-м прозвучала и такая реприза: «Я опять получил письмо от брата из деревни и он меня опять спрашивает: как вы живете в Москве? Я ему на сей раз ответил: как в Африке – ходим в одних трусах и едим бананы». По свидетельству артиста театра и кино Евгения Весника, который 14-летним мальчишкой присутствовал на концертах с участием Николая Павловича, в тот год исчезла из торговли верхняя одежда, зато в Москву завезли бананы!

Конечно, тема «антисоветских анекдотов» является неисчерпаемой, сколько можно было бы на этой теме защитить диссертаций! Кстати, по крайней мере, одна такая диссертация появилась в Интернете – «Советский политический анекдот 1918-1953 годов как исторический источник». К сожалению, в качестве «введенного в научный оборот» берлинский «Руль» в ней не просматривается. А зря, например, в феврале 1925-го он опубликовал подборку советских анекдотов, позаимствованных, правда, из неопиоменванного чешского журнала.

Приведем несколько, наиболее характерных:

На заседании Коминтерна: «Хаим, мажь морду ваксой, надо выступить от Африки».

Что говорит Минин Пожарскому, указывая рукой на гроб [(деревянный мавзолей)] Ленина? «Вот где собака зарыта».

В Петербурге воры, дочиста ограбив ювелирный магазин, оставили записку: «Ленин умер, но дело его живет».

В ночь на Светлое Воскресенье семья еврея-нэпмана сидит за ужином. Раздается звон Сорока-Сороков. «Скажи, Натан, почему это так звонят?» «Ах, это русская колония празднует какой-то свой праздник».

День русского интеллигента как парафраз социалистического лозунга «8 часов работай, 8 часов отдыхай, 8 часов спи» – 8 часов (на службе) бойся сокращения, 8 часов (дома) бойся уплотнения, 8 часов (ночью) бойся обыска.

Комиссия по чистке спрашивает студента: «Какое ваше происхождение?» «Сугубо пролетарское». «Кто же ваши родители?» «Одна крестьянка и двое рабочих».

И.Р. Классон в хорошем настроении декламировал не только «дайте ножик, дайте вилку, я зарезу свою милку», но и такие скабрзные частушки (скорее всего, запомнив их опять же от своего бывшего зятя В.И. Богомолова):

В парикмахерской на Пресне

Раздаются голоса:

«Кто последний, я за вами,

Брить на ж..е волоса».

Стоит милый на крыльце,

Моем морду борной,

Потому что пролетел

*Ероплан с уборной.**

* Значительно позже автор сих очерков с удивлением прочитал в рассказе Дмитрия Быкова «Экзорцист-2006» примерно такую же частушку: *Сидит милый у ворот, / Моем морду борною, / Потому что пролетел / Ероплан с уборною!*

А перелистывая эмигрантский «Руль» (Берлин), обнаружил цитату из книжки Софьи Федорченко «Народ на войне» (1923 г.): *Сидит милый на крыльце / С выраженьем на лице.*

Про кратковременную учебу Ивана Классона в Высшем техническом училище остались фрагментарные свидетельства. Из его уже приводившихся воспоминаний (ф. 9508 РГАЭ):

После возвращения [летом 1917 года из Крыма] в Москву у меня заболела левая нога (прикрепление ахиллесова сухожилия к пяточной кости), врачи подозревали костный туберкулез. Я не мог готовиться к конкурсным экзаменам в Техническое училище и поступил на физико-математическое отделение в Университет. <...> Врачи прописали мне зиму [1917/18 года провести] в Крыму (лежать 4 часа в день тепло одетым в шезлонге на балконе), это я потом строго выполнял. <...> Летом 1918-го я на «Электропередаче» усердно готовился к конкурсному приемному экзамену в МВТУ. <...> Летом 1918 г. я, значительно поправившись, готовился к сдаче вступительного экзамена (тогда уже не конкурсного) в МВТУ, который осенью и выдержал.

В начале зимы меня призвали на военную службу, помещали в лазарет и дали отсрочку в связи с малокровием. Я всю зиму и весну 1918/19-го занимался в МВТУ, в частности сдал лабораторные занятия. Ходил на лекции Ошуркова по начертательной геометрии и Фортунатова по политической экономии. На лекции Жуковского (в шубе) по теоретической механике я вскоре перестал ходить. Но моя группа в физической лаборатории оказалась упорной. Из-за слабого давления газа в сети нам приходилось проводить в ней не три, а шесть часов, все же мы все необходимые лабораторные работы выполнили.

Даже в зиму 1920/21 года, когда Иван Классон уже как год-два бросил учебу в Высшем техническом училище и стал работать в Гидроторфе, условия обучения оставались невыносимыми. Из «Специального доклада Гидроторфа В.И. Ульянову-Ленину о работах по обезвоживанию торфа» от 31 декабря 1920 г. (ф. 758 РГАЭ): «Работы [по обезвоживанию торфа], которые мы производили в Московском техническом училище, с тамошними приборами, так же ни к чему не привели, так как в лабораторию приходилось ходить пешком за шесть верст и в конце концов лаборатория замерзла, а с нею замерз наш торф, так что пришлось прекратить опыты».

Иван Робертович оставил такие интересные воспоминания:

Летом 1919 г. я работал практикантом на опытных разработках гидроторфа при «Электропередаче». Осенью 1919 г., будучи в Москве, однажды вечером был у моей старшей сестры Софьи Робертовны и ее мужа Валерьяна Ивановича Богомолова в их квартире на Котельнической набережной. Вскоре к Богомолову позвонил А.М. Горький и сказал, что скоро приедет. Я знал, что они знакомы: Богомолов в 1905 г. был во главе отряда большевиков-грузин, охранявшего Горького, который жил в большом доме страхового общества на углу Воздвиженки и Моховой, от возможного нападения черносотенцев. Ведь в октябре 1905 г. на улице в Москве был убит Н.Э. Бауман.

Горький вскоре приехал на извозчике, что меня поразило, так как это стоило несколько тысяч тогдашних обесцененных рублей и было недоступно советским служащим. Богомолов был зам. нач. Транспортно-материального отдела ВСНХ РСФСР, а моя сестра работала секретарем Отдела металла ВСНХ. <...> За чайным столом Горький говорил о своих отрицательных, [полученных] за последнее время, впечатлениях от простых русских людей. А у меня после моей работы на гидроторфе были гораздо лучшие представления о нравственном облике тамошних рабочих – из крестьян ближайших к «Электропередаче» деревень Васютино, Кузнецы, Буньково. И я спорил с Горьким. Я в то время еще очень мало читал Горького: в 3-м реальном училище в Москве русская литература кончалась Пушкиным, а сам я кончил ее Чеховым. И я тогда говорил с Горьким, не зная его гениальности! Мой отец встретился и говорил с Горьким при показе в Кремле 27 октября 1920 г. фильма «Гидроторф», снятого пасынком Горького Ю.А. Желябужским по инициативе В.И. Богомолова.

Предположим, что убеждение еще незрелого Ивана о «гениальности», конечно же небесталанного, А.М. Пешкова-Горького сформировалось под воздействием массовой советской пропаганды.*

Отец приучал своего старшего сына к «низовой, практической работе», чтобы позднейшие теоретические знания «ложились на хорошо ухоженную почву». Это становится очевидным из такого, например, документа: *«Дано удостоверение Ивану Робертовичу Классону в том, что он состоит сотрудником Главного Торфяного Комитета по добыче торфа гидравлическим способом. Удостоверение действительно по 1 августа 1919 года»* (выдано 31 мая 1919 года).

А в «Таблице процентов от вычисленной по кривой суммы премии для различных лиц» за текущий сезон находим, что Старшему технику при торфососах Классону полагалось 15% от оклада за каждый месяц работы. Из справки, посланной в Главторф Р.Э. Классоном в октябре 1920-го, видно, что молодой сотрудник Главторфа И.Р. Классон получил в качестве премии за прошедший сезон добычи торфа гидравлическим способом на «Электропередаче» 3 пуда 29 фунтов муки и ему еще причиталось 9 пудов и 3 фунта.

В ноябрьском письме Ответственный Руководитель Гидроторфа обращался в Шатурстрой:

Вы предлагали поставить гидроторф при Шатурских разработках на месте, выбранном для этого Ф.А. Постниковым – на болоте, прилегающем с юго-запада к Муромскому озеру. При осмотре этого болота на прошлой неделе В.Г. Мацкевичем и И.Р. Классоном и при изучении зондировочного и нивелирного плана этого болота выяснилось, что это болото неудобно для постановки на нем гидроторфа.

В это время Иван занимал уже должность Старшего техника, Заведующего Опытным полем Гидроторфа. Р.Э. Классон в июле 1921-го в своем письме старому знакомому Н.И. Зауэру в Финляндию отметил: *«Мы, так же как и Вы, стремимся облегчить вес торфососа, и на днях мой сын [Иван] приступает к опытам с моделью 1920 года, чертеж которой Вы, вероятно, видели».*

Сохранился следующий любопытный документ:

Удостоверение, 1 декабря 1919 г.

Гражданин Классон Иван Робертович, работающий при Государственной Электрической Станции «Электропередача» в должности техника Гидроторфа, согласно постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 6 июня 1919 г. считается призванным на действительную военную службу, с оставлением в занимаемой должности Техника Гидроторфа при Государственной Электрической Станции «Электропередача», и не имеет права оставлять по своему усмотрению службу.

* Молодой Иван вряд ли читал журнал для «интеллигентской элиты» «Новый путь» (да и его отец – тоже), где в январе 1904 г. Зинаида Гиппиус выступила с социологическим анализом творчества «пролетарского писателя». Вот как она вспоминала об этом в своем мемуарном очерке «Дмитрий Мережковский»:

Разобрав, с возможным беспристрастием, всю горьковскую литературу, отметив наблюдательность и талантливость, среднюю, писателя, я говорю далее: "... Горький любопытен не как писатель, «горькиада» – не как литературная эпоха. Он важен как пророк нашего времени, и важна его проповедь, его и его учеников".

«<...> Она [(проповедь)] освобождает человека от всего, что он когда-либо имел: от любви, от нравственности, от имуществ, от знания, от красоты, от долга, от семьи, от всякого духовного или даже телесного устремления и, наконец, от всякой активной воли. <...>».

Д.С. [Мережковский] находил тогда мою статью преувеличивающей – не смысл проповеди, но самого «пророка», который, – говорил он, – хоть и многих «малых сил» соблазнил, но не так силен, чтобы соблазнить всех. С этим нельзя было не согласиться, ведь действительно, не он один «со учениками» – творцы русской катастрофы. Но все же катастрофе этой весьма поспособствовал.

В случае увольнения его с указанных работ подлежит передаче в распоряжение Богородского Уездного Военного Комиссариата для отправления в часть Красной Армии.

Военный Комиссар Богородского Военного Комиссариата (подпись)

Начальник Мобилизационного Отдела (подпись)

То есть 20-летний Иван в случае увольнения по каким-либо причинам с данной государственной службы мог запросто загреметь в Красную армию и даже попасть на любой фронт гражданской войны (с Юденичем, Колчаком, Деникиным и т.д.). А поскольку он был «рядовым, необученным», то элементарно мог погибнуть в качестве «пушечного мяса»... Но этого, слава Богу, не случилось. Имеются приблизительные оценки, что в гражданскую войну погибло от расстрелов, ранений и болезней около 15 миллионов россиян.

В августе 1921-го Техник-Инструктор при Шатурских разработках И.Р. Классон отправил в адрес Зав. Шатурским Гидроторфом письмо, из которого следовало, что изобретение отца и его сотрудников применяют на этих разработках весьма неграмотно:

<...> Подавляющее значение в повышенной зольности имеет опускание торфососа при всасывании массы чересчур глубоко. Масштаб засасывания при этом опускании наглядно сейчас виден на откачных трубах (440 мм) против водоема, т.е. трубах, которые были в работе в последний день добычи. В нескольких трубах имеются отложения песка толщиной до 2 сантиметров и более.

Поэтому повторяю заявление, сделанное мною при составлении 2/VIII акта о том, что торф добычи этого сезона на Шатурском Гидроторфе в значительной части является браком в отношении зольности и неравномерности перемешивания торфа залежи разных глубин, и весь является браком в отношении недостаточной переработки. По этому торфу не следует судить о качествах торфа, получаемого гидравлическим способом.

Гидроторф вынужден был отказаться от применения своего способа на Шатуре, поскольку он попал в недружественные руки, а его сотрудники, здесь – И.Р. Классон, правомочны были только фиксировать грубые нарушения технологии добычи.

Из выступления Р.Э. Классона на заседании Комиссии Совнаркома по Гидроторфу в ноябре 1922-го:

Что касается [неудачной] работы на Шатурке, то когда мы получили указание, что шатурский торф плохо горит, нас это не удивило, так как этот торф находился во враждебном нам лагере [Цуторфа], и песку могло намыть хоть 100%. Мы просили разрешить послать нам торф с Электропередачи, где работа была под нашим наблюдением.

Вообще говоря, зольность торфа увеличивается при размыве самых нижних слоев, и наша вина в том, что мы работали недостаточно хищнически и не выбирали торф до дна [залежи]. Наши залежи имеют зольность около 3½%, но если не размывать песка, то получается 2%, так как половина золы вытекает с водою.

В феврале 1922-го Р.Э. Классон обратился в Наркомат Внешней Торговли с письмом: «Управление по делам Гидроторфа при сем препровождает мандат И.Р. Классона <...>, срочно командированного в Берлин вследствие телеграммы В.В. Старкова <...> для приемки и переправки грузов Гидроторфа в Москву».

Однако чекисты и на сей раз не выпустили Ивана за границу, чем навредили делу сортировки и прицельной отправки заграничных грузов еще в Берлине (см. очерк “Гидроторф – «дело государственной важности?»”).

Из июльского 1922 года письма Гидроторфа в ГПУ видно, что Иван не смог в разгар полевого сезона бросить «государственные дела» на «Электропередаче» и мчаться в Москву для оформления долгожданного загранпаспорта:

Управление по добыче торфа гидравлическим способом настоящим удостоверяет, что старший техник И.Р. Классон, Заведующий Опытным полем Гидроторфа, находится в командировке на разработках гидроторфа при Государственной Электрической станции «Электропередача» для руководства работой во время испытания группы машин Комиссией ГУТа и потому не может лично подать заявление и вести дело о своем выезде за границу.

Ввиду всего вышеизложенного Управление Гидроторфа просит Госполитуправление принять упомянутое заявление И.Р. Классона от агента И.П. Егорова.

Иван Робертович всю жизнь хранил различные справки и документы, которые многие люди обычно выбрасывают за ненадобностью (однако для историка они теперь бесценны). Например, копии личной карточки нашего героя в связи с вызовом его в декабре 1919-го и декабре 1920-го на поверочный сбор по приказу Богородского уездного военкомата, где имеются такие экзотические пункты: «в каких **[военных]** кампаниях участвовал», «был ли ранен, контужен или отравлен газами», «принадлежит ли к партии и если да, то к какой», «пользовался ли чужим трудом для извлечения прибыли – до 1918 г. и с 1 января 1918 г.», «занимался ли торговлей – до 1918 г. и после 1 января 1918 г.»

Даже в 1950-м в анкете, которую И.Р. Классону надо было заполнить, работая в Гидроэнергопроекте, проступали такие характерные признаки тоталитарного государства, как подробнейшие вопросы типа «социальное происхождение <...>», «были ли колебания в проведении линии ВКП(б), ВЛКСМ <...>», «состояли ли в других партиях <...>», «если Вы или Ваши ближайшие родственники были под следствием, то когда <...>», «если Вы или Ваши ближайшие родственники были осуждены, <...> – сообщить, когда, за что <...>», «лишались ли Вы или ваши ближайшие родственники права голоса <...>», «были ли Вы или Ваши ближайшие родственники за границей <...>», «имеются ли родственники за границей <...>», «имеете ли Вы родственников или знакомых в иностранных посольствах, миссиях, представительствах, фирмах, или среди иноподданных <...>», «находились ли Вы и ваши ближайшие родственники на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками <...>», «служили ли Вы или Ваши ближайшие родственники в белой армии <...>», «были ли в плену, в окружении или интернированы <...>».

По поводу «были ли Вы или Ваши ближайшие родственники за границей <...>» И.Р. Классон ответил «только за себя», а формально ему необходимо было перечислить также все поездки за границу покойных родителей, покойных сестер и брата, первой жены!

В ответе на вопрос «имеются ли родственники за границей <...>» Иван все-таки скрыл в анкете, что за границей проживала его родственница по линии матери Вера Николаевна Мотовилова-Ульянова, а также брат Михаил его зятя Сергея Федоровича Гарденина.

Очень важная вещь в жизни советского человека – анкета. Вещь, достойная того, чтобы быть воспетой. Будь я сочинителем од, я бы одну из них посвятил этому незаменимому изобретению бюрократического ума. Анкеты бывают разные. Бывают попроще, бывают потруднее, а бывают такие, что черт ногу сломит. Сложность анкеты возрастает соответственно значению места, которое человек хочет при помощи этой анкеты занять. Например, когда я работал плотником, мне при поступлении на работу анкету давали самую простую. Вернее, даже и не анкету, а листок по учету кадров. Я уж точно не помню, но, по-моему, там спрашивали только фамилию, имя-отчество, год рождения, профессию и разряд. А после этого топор в руки, и иди трудись, партия тебе доверяет.

Но чем лучшее место хочет занять тот или иной товарищ, тем меньше партия ему доверяет, тем больше вопросов задает и с тем большим подозрением вглядывается в ответы. Первую подробную анкету мне выдали, когда я поступал в 50-м году в Запорожский аэроклуб. Я не помню уже, сколько там было вопросов, сорок или пятьдесят, но некоторые произвели на меня впечатление и запомнились до сих пор. Несмотря на то, что я родился в 1932 году, то есть через пятнадцать лет после революции, я должен был ответить на вопрос, служил ли я в Белой армии, где, когда и в каком чине. Состоял ли в каких-либо политических партиях. Само собой, есть ли родственники за границей и, если есть, кто они, что они, как можно подробнее.

Почти на все вопросы я отвечал совершенно искренне и правдиво. Нет, в Белой армии не служил, ни в каких политических партиях не состоял, родственников за границей не имею. Впоследствии я, правда, узнал, что один из моих дальних родственников был близким соратником маршала Тито, которого советская печать в то время иначе, как кровавой собакой, не называла, но тогда о существовании этого родственника я даже не подозревал. Пожалуй, только в одном случае я сознательно соврал. На вопрос, находился ли кто-нибудь из родственников под судом, я ответил «нет», хотя точно знал, что мой отец провел в сталинских лагерях пять лет. Короче говоря, мол анкета удовлетворила тех, кто ее читал, и Родина доверила мне управление планером, летавшим со скоростью 65 километров в час. — Владимир Войнович. Наш человек в Стамбуле

Когда Иван учился в Берлине (приехал сюда в сентябре 1922-го, получив наконец-то, после нескольких отказов, разрешение ГПУ на выезд и заграничный паспорт), он много путешествовал во время студенческих каникул. Сохранился ряд фотографий, где он запечатлен в Германии (в том числе на побережье Балтийского моря) и Швейцарии — с 1923-го по 1929 годы. Здесь Иван отдыхал со своей первой женой (бывшей старше его на десять лет).

Иван Классон (фото на студбилет, 1922 г., Берлин)

*Бавария (горное озеро), 1920-е, слева направо –
Глеб Васильевич Старков, Софья Борисовна Фенькэви (родственница И.И. Фенькэви?),
Мария Ивановна Лисовская, Татьяна Васильевна Старкова (фото Ивана Классона)*

В черновиках Иван Робертович записал: «Осенью 1926 г. женился на Марье Ивановне Лисовской, стенографистке торгпредства СССР, брак зарегистрировали в полпредстве СССР в Берлине, и мы жили у фрау д-р Хелькер в Ной-Темпельхофе». То есть у той же хозяйки, у которой он снимал жилплощадь сразу по приезде на учебу.

Однако, через какое-то время молодожены почему-то переселились, из воспоминаний И.Р. Классона: «Одна моя свойственница, пожилая женщина, в 1927 г. лечилась в Карловых Варах [*не мачеха ли это Ивана Евгения Николаевна, которой в то время было 52 года? – МК*].

На обратном пути в Москву – еще в поезде до Берлина – у нее произошел удар (инсульт), отнялись рука и нога. В Берлине она прожила несколько дней у меня с Марьей Ивановной на Регенсбургерштрассе». И еще из черновиков: «Летом 1927 г. ездили с Марией Ивановной в Швейцарию. Жили в Женеве в гостинице, но ежедневно виделись с семьей [*моей*] тетки Иоханны Кристиани».

В другой записи отмечено: «Моя первая жена Марья Ивановна училась в Ксеньинском женском институте в Петербурге. До революции работала в банке. Позже она выучила звуковую систему стенографии и, работая с 1922 г. в Торгпредстве СССР в Берлине стенографисткой, могла записывать речи или диктовки не только по-русски, но также по-немецки и по-французски».

Ксенинский (Ксеньинский) женский институт был основан супругой императора Александра III Марией Федоровной для полусирот благородного происхождения и назван в честь их дочери Ксении. Соответствующий приказ императора о правилах приема в институт пояснял, что полусироты – это «дочери недостаточного состояния генералов, штаб- и обер-офицеров и соответствующих им классных гражданских чинов, которые либо принадлежали к дворянству по рождению, либо приобрели права дворянства потомственного и личного службою».

С 1 июня 1924-го торгпредство СССР в Берлине было на какое-то время закрыто, в связи с известным эксцессом, случившимся 3 мая того же года (см. Приложение “Л.Б. Красин и «сподвижники»”), и оставшихся не у дел его сотрудников числом около тысячи надо было как-то трудоустроить:

Распределение служащих берлинского торгпредства (Москва, 5.6, Роста)

В народном комиссариате Внешторга закончились работы по распределению сотрудников закрытого берлинского торгпредства по другим странам. Для выполнения принятых решений заместитель торгового представителя в Берлине Туров выехал в Берлин. – «Руль» (Берлин), 7 июня 1924 г.

12 июня в той же газете сообщалось, что в рамках закрытия торгпредства под руководством прибывшего в Берлин Турова «200 служащих, преимущественно немцы, уже получили заявление [(уведомление)] о прекращении службы». Правда, конфликт между Германией и СССР будет урегулирован в конце июля того же года, и торгпредство быстро вновь откроется, правда с разделением его на две части, 0,6 площади которого стали «совершенно экстерриториальным», с отдельным входом.

Однако Марья Ивановна, к счастью, уцелела и в СССР не уехала. Об этом можно догадаться из следующей черновой записи И.Р. Классона: «Летом 1927 г. ездили с Марией Ивановной в Швейцарию. Жили в Женеве в гостинице, но ежедневно виделись с семьей моей тетки Иоханны Кристиани». Наиболее полно «ужасы сокращения» были изложены в заметке «В торгпредстве» все того же «Руля» от 19 июня 1924 г.:

В Берлинском торгпредстве не все благополучно. Как это предвиделось, началось сокращение штатов, вызванное обменом мнений между начальником советского торгпредства в Германии Стомоняковым, который в Москве, и руководителями московского внешторга. С одной стороны, увольнение служащих вызвано, очевидно, отсутствием сделок между торгпредством и германскими фирмами, а, с другой стороны, поголовное увольнение немцев-коммунистов, очевидно, находится в тесной связи с обыском в торгпредстве [3 мая берлинской полицией]. 15-го мая всем служащим было официально объявлено, что они условно уволены, причем им предлагалось использовать для отпуска время до предстоящего открытия на случай, если бы они снова были приняты на службу. С 1-го же июня началось фактическое увольнение. До сих пор уволено 200 служащих, и среди них заведующий полиграфическим отделом Харин, уволенный в день его свадьбы. Последнему вменяется в вину бездеятельность, между тем всем известно, что этот старый советский служащий, способный инженер уволен за вольнодумство. Остракизму подвергаются, главным образом, немцы-коммунисты после истории Боценгардта и Лемана, которых большевики обвиняют в провокации, немцам-коммунистам, служащим в торгпредстве, больше не доверяют и в каждом из них видят тайного полицейского агента. Почти все они объявлены неблагонадежными. Среди них, главным образом, и производится чистка. Увольнения начались внезапно, телеграфным распоряжением из Москвы. Ими руководит начальник оперативного отдела [читай, подразделения ГПУ – МК] А.Л. Маковский. В торгпредстве царит паника, тем более что уволенных спецов не впускают в Россию. Уволенные со службы предполагают телеграфно обратиться с жалобой в Москву, к Стомонякову. В высших советских сферах предполагают, что с приездом Стомонякова все будет улажено – в том смысле, что все русские служащие будут приняты назад, а немцы-коммунисты останутся за бортом. Центральный комитет германской коммунистической партии, куда обратились с жалобой уволенные немцы, отказался по этому поводу войти в какие бы то ни было отношения с заместителем Стомонякова, Старковым, как с «представителем буржуазных кругов, находящихся в деловой коалиции с советским правительством» [? – МК].

Непонятно, почему функционеры КПГ отнесли «испытанного большевика» Василия Васильевича Старкова в такую скользкую категорию.*

3 июля 1924 года «Руль» сообщил о запланированном увольнении еще 60 сотрудников берлинского торгпредства и направлении в другие страны Европы – 12 человек, в дополнение к 250-ти ранее уволенным. Из заметки «К русско-германскому конфликту» от 9 июля можно узнать, что всего из торгпредства уже было уволено 270 человек, к 1 августа назначено под увольнение еще 60 сотрудников. Здесь же пояснялось, что 12 направленных в другие страны вошли в общее число уволенных. Например, заведующий электротехническим отделом инженер Заблудовский назначается начальником торгпредства в Дании.

И далее:

Заведующий выпуском бюллетеней советского торгпредства, знаменитый большевик-интернационалист, столь шумевший в Петроградском совдепе Суханов-Гиммер обратился в ЦИК с докладной запиской, в которой указывает на слишком схематичное увольнение сотрудников без разбора, причем отмечает, что было бы необходимо всех этих сотрудников перевести в советскую Россию на соответствующие службы, так как массовое увольнение производит невыгодное впечатление на рабочие массы Германии и дает лишний козырь русской эмиграции, которая заинтересована в дискредитировании советской власти.

Для нас здесь интересен не столько сам тов. Суханов-Гиммер, сколько выпускавший им «Торговый бюллетень, еженедельник торгпредства СССР в Германии».

В №7 за 1925 год И.Р. Классон опубликует свою статью «Об инженерном образовании в Германии» (правда, почему-то анонимно) и получит гонорар в 50 рейхсмарок. Значит, этот бюллетень будет сохранен, как и торгпредство в целом (с уже ужатым персоналом?).

Приведем здесь заодно раздел «Советизация и положение сотрудников» из книги Ю.А. Рапопорта «Советское торгпредство в Берлине. Из воспоминаний беспартийного спеца». Нью-Йорк, 1981, чтобы как-то охарактеризовать «финансовое благополучие» неуволненной Марии Ивановны:

* В какой-то степени на этот вопрос отвечает письмо ставшего в сентябре 1922 г. зам зав отделом регулирования торгпредства и вскоре – управделами С.В. Дмитриевского своему давнему знакомому П.Н. Милюкову от 13 сентября 1932 г. (сие письмо обильно цитирует Владимир Генис во 2-й книге своего эпохального произведения «Неверные слуги режима»):

И сокращение, и чистку аппарата я проводил очень жестко. Вы не можете себе представить, что за Авгиевы конюшни торгпредства за границей – и особенно тогда. Значительнейшая часть «спецов» – это вор на воре, бравшие взятки, принимавшие явно негодные вещи, платившие явно поднятые цены. Ведь подбор работников шел не по качеству, но по «доверительности», т.е. попросту по протекции. У многих были родственники за границей, причем часто бывало так, что родственник, в силу своего родства, устраивался на фирме, принимавшей заказы, и так обделывались дела.

Штат мне удалось сократить почти наполовину. Но чистки до конца довести не удалось. Я споткнулся на требовании удаления Шухгалтера, который, как Вы, может быть, припомните, несколько лет спустя со скандалом покинул торгпредство – и оказалось, что он «заработал» несколько сот тысяч марок [(зам зав техническим отделом торгпредства СССР в Германии Маркус Самуилович Шухгалтер попадет на взяточничестве при поставках бумаги лишь в 1926 г., в том же году он станет «невозвращенцем»)]. Но за ним стояла вся почти верхушка торгпредства. Старков, прежде всего, тогдашний замторгпред. У меня стали портиться отношения со Стомоняковым.

К сожалению, Сергею Васильевичу Дмитриевскому до конца почистить «авгиевы конюшни» берлинского торгпредства не удалось и по чисто личным причинам: у него «открылось легкое», и он был вынужден надолго уехать в отпуск, а по излечении получил предложение от берлинского полпреда Н.Н. Крестинского стать его секретарем...

<...> Начну с материального положения сотрудников.

В первые годы существования торгпредства, совпавшие с инфляцией в Германии, жалование сотрудников назначалось в твердой валюте, в долларах. В абсолютных цифрах это жалование очень скромным. Достаточно сказать, что заведующий отделом получал в годы 1922-23 в среднем 30-40 долларов. Когда в Германии, в начале 1924 года, была стабилизирована марка, и жизнь сразу необычайно вздорожала, оклады были подняты.

Поднятие окладов отразилось благоприятно прежде всего на низших сотрудниках: машинистках, стенографистках, корреспондентах*, счетоводах и даже курьерах. В первые годы после дефляции рядовая немецкая стенографистка получала в торгпредстве в среднем около 400 марок в золоте – оклад, примерно вдвое превышающий соответствующие оклады в немецких учреждениях и предприятиях. Самый последний курьер получал не менее 250 марок. Жалование корреспондентам и счетоводам назначалось в 600-700 марок. Это была, несомненно, очень высокая оплата труда. <...>

Сокращение фонда Бегге [(со 100 тыс. марок в год до 8 тыс. долларов – пособия или больным, прежде всего коммунистам, которые месяцами не выходили из санаторий и из курортов, а также пособия на отпуск)] было одним из участков режима экономии, который воцарился после Ройзенмановской ревизии [в 1926 году] и все больше и больше стал применяться к сотрудникам торгпредства. Началось с того, что стали просто сокращать оклады. Этим занимались долго и со вкусом.

В общем, к концу управления торгпредством Бегге [в 1929 году] все оклады были сокращены, особенно для служащих 2-го ранга, не меньше чем на 20%. Засим пошли вычеты, о которых я уже говорил выше [(«добровольные» займы на восстановление народного хозяйства – 1/12 жалования, или 1 месячный оклад за год, с 1928 г., и 2% членских взносов в профсоюз)]. Уже после ухода Бегге придумали новый вид вычетов: выплату 20% жалования в советской валюте. Это означало, что сотрудник получал попросту говоря на 20% меньше своего оклада.

Если прибавить к этим 20% около 8% на займы, 2% на профсоюз, почти обязательные взносы на постройку квартиры в Москве в кооперативных домах, всякие сборы и поборы – то сотрудник получал на руки не больше 65% своего жалования.

Дальше Ю.А. Рапопорт делал подробный расклад по так называемому «социальному обеспечению» сотрудников торгпредства, описывал зажимы по части отпусков и разработку «правил внутреннего распорядка для сотрудников торгового представительства СССР в Германии».

Кстати, в 1975 году нью-йоркский «Новый журнал» опубликовал так называемые листки из блокнота Ю.А. Рапопорта «В Берлинском торгпредстве», так вот в записи за 11 августа 1929 года он вспомнил:

В личных делах сотрудников торгпредства хранятся копии секретного циркуляра 1921 года. В этом циркуляре сотрудники предупреждались, что в случае перехода в иностранное подданство их родственники в России будут взяты заложниками.

* Оказывается, в торгпредстве существовал отдел печати (для пропаганды в немецких СМИ «успехов в строительстве социализма?»).

Интересующихся отсылаем к оригиналу, который имеется в отделе «Русское зарубежье» РГБ и в фонде-библиотеке «Русское Зарубежье» (как и «Новый журнал»).*

* Мы уже приводили в очерке “Гидроторф – «государственное дело»?” следующее утверждение Ю.А. Рапопорта: «Обволакивание советских хозяйственных органов чекистами получило широкое распространение с того времени как в 1924 году Дзержинский был поставлен во главе ВСНХ, оставив за собой вместе с тем руководство ГПУ. Не избегло этой участи и берлинское торгпредство». Однако, похоже, сие «обволакивание» началось на пару лет раньше, о чем свидетельствует заметка (не того ли же Ю.А. Рапопорта, имевшего доступ к служебным документам в торгпредстве?) в «Руле» за 28 декабря 1922 г.:

В советских кругах. К новому году в советском представительстве предстоит генеральная чистка. По требованию из Москвы решено уволить в первую голову всех служащих из числа эмигрантов. Кроме того, значительно сокращаются штаты торгового представительства и консульской части. Взамен этого расширяется отдел печати, которому отпущены значительные суммы, и местная разведка, т.н. «следователская коллегия». Берлинская разведка будет вести надзор не только за многочисленными советскими служащими, но и за русскими эмигрантскими организациями. Во главе ее назначается и вскоре прибывает в Берлин один из начальников отделов госполитуправления [(ГПУ)], бывший секретарь департамента полиции Зыбин [Зыбин Иван Александрович (1865 – после 1922-го), в 1887 г. поступил в ДП чиновником для письма, с 1902 г. старший пом. делопроизводителя ДП, заведовал отделением шифров (www.hrono.ru/biograf/bio_zh/zhandarmy.php). В советское время И.А. Зыбин преподавал на шифровальном отделении курсов ВЧК в Москве. – Александр Север. 10 мифов о КГБ (litfile.net/web/452810/479000-480000)]. Вместе с Зыбиным приезжает целый штат служащих, преимущественно бывшие жандармы. <...> Ликвидируется и железнодорожная ломоносовская комиссия, переезжающая в феврале месяце в Москву. Ликвидация комиссии вызвана настоятельными указаниями [полпреда] Крестинского. Выяснено, что комиссия «переплатила» лишних 4 миллиона рублей золотом и нанесла существенный ущерб советскому бюджету. Несмотря на это, при ликвидации, проф. Ломоносов решил показать свою щедрость, распорядившись выдать многочисленному штату служащих по 900 шведских крон, по курсу дня, что составило на каждого около 2 миллионов немецких марок.

А вот уже заматеревшее «обволакивание торгпредств чекистами» (из беседы корр. «Руля в № за 21 декабря 1924 г. с финном, сотрудником торгпредства):

<...> – В прошлом году сюда перевели [(в Гельсингфорс)], тоже без лишних разговоров: поезжай и баста. И дернул меня черт сказать: там, говорю, настоящее торгпредство, все партийные, а я не коммунист. Не коммунист? – вали в партию, как раз, говорят, «ленинский набор» идет.

Я счел нужным вспомнить о своем «сменовеховстве».

– Да, но знаете, служение народу, высокие идеалы коммунизма...

– А что мне ваши идеалы, когда душа все не на месте? Вот ведь многие думают: торгпредщики, живут в барском доме на Эспланаде, на автомобилях катаются. А знаете ли вы какие порядки в этом доме?

– Вероятно, хорошие, – уверенно сказал я.

– Очень хорошие. Шпик на шпике сидит, шпиком погоняет. Даны нам хорошие квартиры, но с условием, чтобы все двери и днем и ночью были открыты. Все равно: холостой ли вы или семейный – чуть ли не каждую ночь неожиданно обходит все комнаты чекист, чего-то ищет, всех будит. Все наши письма, газеты, книги тщательно просматриваются. На улицах, в театрах, всюду за каждым из нас следит особый шпион. Если у кого осталась в России семья, ее тоже окружают чекистами. Весело?

– Да, не скучно.

– Платье мы обязаны шить только у портного, специально присланного из России. Обедать – только в торгпредстве. Телефон – общий, возле телефона всегда дежурит чекист. Принимая у себя гостей, я должен заранее сообщить охране, кто именно у меня будет, зачем.

– О вашей нравственности заботятся...

– Не до шуток мне теперь. С удовольствием вернулся бы в Россию, да боюсь. У нас все правдой и неправдой стараются отделаться от командировок в Россию.

– Разве так уж страшно?

– Кому как. За последний год из нашего торгпредства уехало в Петроград четверо, троих арестовали за сношения с эмигрантами. Кроме того, не забудьте, берлинское и все главнейшие торгпредства всегда поддерживали Троцкого. Обвинение в поддержке Троцкого падает и на гельсингфорс. представительство. На днях нам прислали анкету с вопросом: как вы относитесь к выступлениям тов. Троцкого? <...>

Иван Савин, Гельсингфорс

20 июля 1924 г. в «Руле» появилась ободряющая информашка:

Ликвидация германско-советского конфликта. Служащие торгпредства утверждают, что конфликт, вызванный обыском в торгпредстве, можно считать ликвидированным. За последнюю неделю деятельность торгпредства, формально считающегося закрытым, значительно оживилась. На днях возвращается в Берлин [полпред] Н.Н. Крестинский.

26 августа 1924 г. берлинский «Руль» сообщал:

Народный комиссариат иностранных дел представил на утверждение Совнаркома проект об увеличении минимума заработной платы для сотрудников советских учреждений в Германии с 40 долларов до 55 долларов. Проект поддерживается ЦК советских работников.

Все же этот сюжет – чем пробаивалось торгпредство в Берлине и сколько в нем могло работать сотрудников – требует дополнительного исследования. По крайней мере, наркоминдел Г.В. Чичерин 3 мая 1925 года на выездной сессии ЦИК в Тифлисе, в частности, заявил, что отношения между СССР и Германией «носят неизменно дружественный характер, хотя в экономической области часто приходится иметь дело с трениями и недоразумениями. Отрицательные последствия весеннего [(1924 года)] конфликта по поводу инцидента в берлинском торгпредстве все еще чувствуются».

И лишь 12 октября того же 1925 года два государства подписали экономический договор, вкуче с другими важными документами.*

В то же время Москва периодически прочищала мозги заграничным совслужащим с тем, чтобы они не забывали о «Софье Власьевне».

21 января 1926 года берлинский «Руль» дал такую информашку:

Собрание советских служащих

В минувшее воскресенье [17 января] в советском посольстве состоялось собрание представителей заграничных советских служащих, созванных в связи с состоявшимся в Москве коммунистическим съездом [речь идет о XIV съезде РКП(б), прошедшем 18-31 декабря 1925 г. – МК]. На собрании присутствовало до ста делегатов, в числе их находились представители союзов советских служащих во Франции, Англии, Австрии, Чехословакии и Скандинавских государствах. На собрание прибыл делегат из Москвы, сделавший доклад о [политическом] положении. Собрание вынесло резолюцию, присоединившуюся к большинству и осуждающую деятельность Зиновьева.

Окончание примечания

К счастью, совсем молодого еще Ивана Классона и его жену Марью Ивановну «чекистское обволакивание» практически не коснулось, поскольку они снимали комнату в «частном секторе». Не коснулась сия мерзость и его зятя – С.Ф. Гарденина, поскольку он к этому времени занимал важный пост в Стокгольме – торгового представителя и жил на вилле (возможно, там была внешняя охрана).

* Какие-то заказы все же проходили через торгпредство в Берлине, из беседы председателя делегации СССР Я.С. Ганецкого на советско-германских переговорах о заключении торгового договора с председателем делегации Германии П. фон Кернером 28 февраля 1925 г.:

Многие заказы нам выгоднее было бы в этом году передавать Англии, где цены не выше германских, а условия платежа лучше, или во Францию, где и цены благодаря низкому курсу франка ниже. Мы, однако, руководствуясь политическими соображениями, все-таки решили многие заказы, несмотря на менее выгодные условия, передать Германии и этим увеличить наш товарооборот с ней. Этого ни в коем случае нельзя было бы сделать без твердого государственного регулирования.

Выходит, в Берлин согнали делегатов-совслужащих со всей Европы токмо для того, чтобы принять и отослать в Москву одну из многочисленных «резолуций, порицающих уклонистскую деятельность Г.Е. Радомысльского-Зиновьева»? Правда, скорее всего, Марии Ивановне, как рядовой стенографистке, удалось избежать этого сборища по элементарной причине – из-за нехватки мест в зале...

В марте 1924-го Иван встал на учет в качестве «военнообязанного не командного состава, проживающего за границей» в постоянном представительстве СССР в Берлине. Т.е. даже за рубежом любой советский гражданин, в случае призыва или мобилизации согласно распоряжению правительства СССР, обязан был незамедлительно явиться к Полпреду. Вот что писал все тот же эмигрантский «Руль» 23 января 1923 года, т.е. годом ранее:

В советских кругах. На днях из Берлина отправлена в Москву пачка юных граждан РСФСР, достигших соответствующего возраста, на предмет отбывания воинской повинности. Тем, кто отказывался добровольно отправиться в Сов. Россию, было объявлено, что они будут считаться отныне дезертирами и с ними будет поступлено по всей строгости законов РСФСР. Из Берлина затребованы даже советские служащие, из числа военнообязанных. Защита [полпреда] Крестинского и [торгпреда] Стомонякова, доказывавших, что эти молодые люди – «незаменимые работники», не имела успеха.

Кроме того, советская миссия составляет сейчас списки, помимо лиц, родившихся в 1901 году, так же всех мужчин в возрасте от 21 до 45 лет. Регистрация эта производится в срочном порядке по требованию из Москвы. Реввоенсоветом предписано всем советским заграничным представительствам вести точный учет всех военнообязанных и таковые списки представлять каждые три месяца в мобилизационное управление. Одновременно с этим советская заграничная агентура занята добыванием списков приблизительного числа военнообязанных среди эмиграции.

13 марта 1923 г. в «Руле» появился «секретный документ»:

Воинская повинность для советских граждан за границей

Реввоенсовет Республики по соглашению с НКВД постановил привлечь к отбыванию государственной повинности в войсках красной армии и флота всех русско-подданных молодых людей, достигших 20-летнего возраста к 1 февраля 1923 г. и находящихся по временному своему жительству за границей. <...>

Учившийся в Берлине уже 24-летний И.Р. Классон подпадал под этот критерий, но по-видимому «откосил» от призыва, предоставив медсправки о прежнем костном туберкулезе и о болезни глаз. А П.Р. Классон приедет учиться в Германию только в 1925 году, почему он не попал под призыв в самой Советской России, это отдельная история.

Правда, в другой заметке «Руля» – о студентах сменовеховцах (течение в русской эмиграции, выступавшее за примирение и сотрудничество с Советской Россией), которые приехали учиться в Берлин, сообщалось, что им была обещана, после регистрации в советском консульстве и выправления советских паспортов, отсрочка по отбыванию воинской повинности, до окончания высшего учебного заведения за границей. Возможно, такая же поблажка была распространена и на советских студентов...

В июне 1924-го Иван отправил отцу открытку из Гельсингфорса в Москву:

Через час «Ариадна» отходит, еду на ней на Штеттин. О [торфяном] болоте напишу подробно на пароходе. Работает один агрегат, много поломок, один насос высокого давления стоит без мотора – в ремонте, т.ч. имеется лишь 75 кубометров воды высокого давления в час. Мотор торфососа греется – работу прерывают. Работали месяц – добыли примерно 1 000 т воздушно-сухого [торфа], проработают еще месяц. Дожди сильные все время. Поле плохое – неровное и мокрое. Вряд ли высохнет и одна четверть всего.*

А в январе 1925-го – открытку из Берлина в Москву с видом, с высоты птичьего полета, корпусов Высшей технической школы в Шарлоттенбурге:

Получил вчера твое письмо от 9-го (писанное рукой), а сегодня от 7-го, отправленное 8-го (диктованное). Не следует ли тебе принимать, как это ты делал в 1918 г., регулярно бром? Он тогда, в первые месяцы, дал больший успех, чем даже [санаторий в Bad] Nauheim. Если можешь, купи небольшое количество [таких лекарств как] Astm. и Saidin в Москве, т.к. я послать вскоре не могу. Я хожу на лекции и черчу.

Обстоятельный Иван сохранил после своей учебы рабочие тетради, например, такую – «Transformator. T.H. Berlin. Elektromaschinenbau. J. Klasson, M.34891». На обложке приклеена табличка: «Technische Hochschule Berlin. Haupt-Prüfung. Übungsergebnisse Prof. Kloss. 5 Juli 1929. Johann Klasson».

Сохранилась аналогичная, лабораторная тетрадь и по асинхронным моторам. Автор этих строк, сын Ивана Робертовича, когда он умер в 1991-м, при разборе бумаг выбросил лишь несколько чертежей на ватмане, выполненных в Берлине, а эти тетради, как и финансовые документы, свидетельствующие о том, что Johann Klasson честно отработывал получаемые им ежемесячно от МОГЭС 200 червонных рублей, передал в архив.

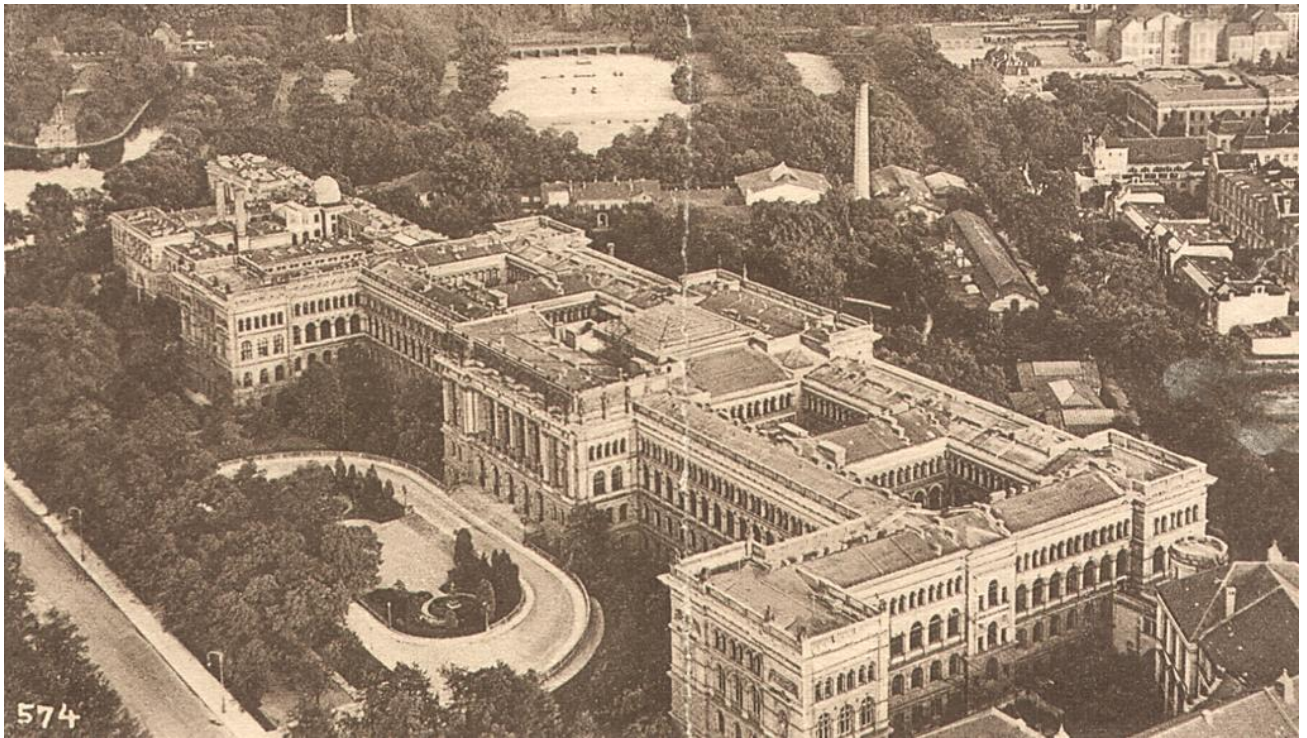
И.Р. Классон оставил довольно любопытные воспоминания о своей учебе:

Оригинальны были лекции по теплотехнике проф. Драве. Он часто очень красочно рассказывал об интересных случаях в своей прежней работе инженера на машиностроительном заводе Эрхард унд Земер в Саарбрюккене в 1900-х годах. Этот завод одновременно с Круппом начал строить двигатели внутреннего сгорания на низкокалорийном газе доменных печей (до этого доменный газ вовсе не использовали, [а выбрасывали в атмосферу]). Это были тихоходные горизонтальные поршневые машины с цилиндрами больших размеров.

Вскоре после установки на металлургических заводах первых таких машин начались аварии с ними. Как правило, лопалось полое чугунное литье, служившее стенкой цилиндра и образывавшее рубашку для его охлаждения водой, причем трещина возникала в углу между цилиндрической и плоской стенками литья, где оно было толще. Аварии особенно часто происходили после воскресного перерыва работы машин. Драве вспоминал: «Мы, наконец, по понедельникам прямо боялись идти на завод, ожидая, что пришли телеграммы о новых авариях с газовыми двигателями!» Такие же аварии происходили и с двигателями [производства] Круппа.

* Из черновых записей И.Р. Классона:

На (неофициальные) каникулы на Троицу в июне 1924 г. дня на 2-3 я езжал к Соне на дачу под Стокгольмом, из Стокгольма плыл в Або на пароходе, ездил в финский Котку, где разрабатывался гидроторф по лицензии Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова, обратно плыл на пароходе «Ариадна» из Хельсинки в Штеттин.

Высшая техническая школа с высоты птичьего полета

Только после этого эмоционального вступления Драве нарисовал на доске разрез цилиндра, показал утолщения литья в углах рубашки, из-за которых охлаждение чугуна в этих местах после остановок машин и нагрев после пуска происходил медленнее, чем в остальном литье, так что создавались температурные напряжения в металле. Драве показал на разрезе, как инженерам удалось изменить форму цилиндра, после чего аварии прекратились.

К работе Драве на заводе Эрхард унд Земер начинающим дипломированным инженером (он учился в Берлине) относился и его рассказ, как он был поражен, увидев, что один техник очень быстро сделал чертеж новой детали. Драве спросил, была ли у него «Vorlage» (готовый образец), а техник ответил обнадеживающе: «Когда Вы, г-н Драве, проработаете десять лет в порядочной фирме, вы это тоже сможете!».

Этот термин «Vorlage» был очень распространен у студентов Берлинской высшей технической школы. Когда я высказал желание делать учебный проект однофазного трансформатора мощностью 5 Мва и напряжением 110 кв (вместо обычного проекта трехфазного трансформатора небольшой мощности), то у ассистента прежде всего возникла мысль, что у меня есть «готовый образец». У меня его не было, и я, конечно, хлебнул горя с проектом сравнительно крупного в то время трансформатора!

Любимым афоризмом Драве были слова «Denken ist Mist!» («думать – это навоз!»). Это утверждение он каждый раз обосновывал или иллюстрировал новым примером из своей инженерной практики. Например, он рассказал, как в одном конструкторском бюро проектировали газогенераторы для нового вида твердого топлива. Сначала решили, что колосники должны вращаться. После не очень удачных испытаний опытного образца сложными размышлениями пришли к выводу, что колосники должны двигаться по мудреной кривой, кажется, по эпициклоиде, что с большой затратой умственного труда было достигнуто в конструктивных чертежах, однако в новом опытном образце процесс газификации шел совсем плохо.

И.Р. Классон в Берлине, ≈1926 г.

Кстати, подобный случай был у Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова: пытаюсь сначала решить проблему торфодобычи на пнистых болотах механическим способом, они построили пеньевой сепаратор, который кое-как работал, но вторая, улучшенная модель совсем не пошла! Тем временем они пришли к гидравлическому способу добычи торфа. Своим афоризмом Драве хотел в грубой, но запоминающейся формулировке внушить студентам, что решать технические задачи надо на основе расчетов, опыта, экспериментов, но не путем отвлеченного мышления.

Кстати, афоризм Драве напоминает современное отрицательное отношение к «волевым решениям»! Мне запомнились многие рассказы Драве. Например, только из них я узнал, что еще в начале XX века в немецкой промышленности работало много чернорабочих-итальянцев. А в наших газетах 1960-х годов часто говорится об итальянских рабочих в ФРГ и Швейцарии, но я не встречал упоминания, что их было много в Германии и до Первой мировой войны!

Многие профессора Берлинской высшей технической школы часто включали в свои лекции остроты, забавные примеры, анекдоты и др. юмористические или поучительные отступления. Кстати, в «Скучной истории» Чехова старый профессор говорит, что, когда в середине лекции он замечает, что внимание слушателей утомлено, он пользуется первым удобным случаем и рассказывает какой-нибудь каламбур.

Это освежает внимание слушателей, и профессор может продолжать лекцию. Веддинг, читавший введение в электротехнику два семестра, два раза в неделю по два часа, двум потокам (летом с 7 час и еще раз ту же лекцию с 9 час утра!), по-видимому, уже много лет повторял одни и те же остроты. Во всяком случае, однажды он повторил их на обеих лекциях, в чем убедился мой товарищ, нарочно пойдя на одну лекцию в 7 и в 9 час!

Иван да Марья (Германия, конец 1920-х)

Орлих своих острот не повторял, даже в тех случаях, когда острота прямо напрашивалась по ходу лекции. Орлих, читавший один семестр электрические измерения и четыре семестра – теоретическую электротехнику, каждый год ездил со студентами на весеннюю Лейпцигскую техническую ярмарку на льготных условиях в вагоне четвертого класса и заранее на одной из своих лекций объявлял о времени и условиях поездки. В первый раз, когда я слушал его в зимнем семестре, он добавил: «конечно, мы поедем в дважды втором классе» («*zwo mal zwoter Klasse*»). Через год я услышал уже другую формулировку: «мы поедем в классе поэтов и мыслителей» («*in der Klasse Dichter und Denker*»).

Второй курс теоретической электротехники я слушал [из-за болезни] повторно и с любопытством ждал, какую из обеих формул применит в этот раз Орлих. Но он сказал: «я думаю, мне не надо вам говорить, что поезд состоит из вагонов только первого класса!»

Очень полезны были лекции профессора Ойген Майера по технической механике. Этот курс читался первые четыре семестра, два раза в неделю по два часа и содержал: статику, кинематику, динамику, сопротивление материалов, гидравлику и начала аэродинамики. Я не знаю, вел ли Майер научную или конструкторскую работу, как Орлих, в лаборатории которого (одновременно с лабораторией Роговского в другой немецкой высшей школе) была разработана первая модель катодного осциллографа, или как Клосс, работавший по расчетам электрических машин у Сименс-Шуккерта, и многие другие профессора.

Но лекции Майера очень хорошо укладывались в голове, а упражнения, которые вели его ассистенты и которые полагалось сдавать в жесткие сроки в течение каждого семестра, укрепляли эти знания и создавали навыки графического решения задач по статике и сопротивлению материалов, причем построение делалось острым карандашом с точностью до 0,1 мм! Майер читал несколько сухо и не импровизировал. Однажды, читая лекцию о трении, он захотел экспромтом вывести условия заклинивания мебельного ящика, при его выдвигании, из его конфигурации и коэффициента трения, но сразу запутался, смутился и отложил вывод до следующей лекции.

Майер за 4 семестра рассказал нам всего один анекдот, зато я, а м.б. и многие студенты запомнили на всю жизнь и этот анекдот и то явление в сопротивлении материалов, которое он пояснял. При изгибе балки в ней возникают два рода напряжений: во-первых, напряжения растяжения и сжатия с максимальными значениями в периферийных волокнах балки и минимальными вдоль ее оси; во-вторых, напряжения среза (скалывания, тангенциальные) с максимальными значениями вдоль оси балки и минимальными в ее периферийных волокнах.

Благодаря этому в расчетах прочности напряжения обоих видов между собой не складываются, а рассчитываются независимо одни от других. Сообщив об этом, Майер сказал: «Это напоминает мне старую историю о браке ночного сторожа и прачки. Это было задолго до введения 8-часового рабочего дня, так что прачка бывала на работе с утра до позднего вечера, а сторож – всю ночь, и они почти не встречались друг с другом. Это был счастливейший брак!»

Овация, устроенная студенческой аудиторией Майеру после этой аналогии (топанием сидя – *Trampeln*), превосходила все овации или одобрения, которые мне пришлось слышать на лекциях в Берлинской школе.* Когда Майер в курсе технической механики читал раздел динамики, он на лекции показал нам опыт, иллюстрирующий сохранение момента количества движения.

Он встал на подставку, легко вращающуюся на шариках вокруг вертикальной оси, и велел медленно его завертеть, при этом он держал гантели в раздвинутых руках. Затем он быстро прижал руки с гантелями к груди. Естественно, скорость его вращения резко возросла. Это было очень убедительно.

На допросах в ленинградском НКВД в 1938-м Павел Робертович сделал следующие важные признания: “Необходимо отметить, что я и мой брат не состояли в союзе советских студентов в Германии, вследствие его засоренности лицами, не имевшими советского гражданства. Г.В. Старков и муж Т.В. Старковой – А. Лунц принимали деятельное участие в союзе советских студентов в Германии. Насколько мне известно, в этом союзе было много белогвардейской эмиграции, конечной целью для которой было получить советский паспорт”.

Поскольку Иван и Павел в этом союзе не состояли, то мы и не будем приводить подробностей его деятельности (которые постоянно отслеживались в том же «Руле»).**

* Младший сын И.Р. Классона (автор сих строк) может подтвердить, что в юности слышал от него не раз предложение про сию счастливую семейную пару!

** Возможно, что П.Р. Классон слухавил: если он имел в виду т.н. Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) в Европе, то оно к концу 1922 г. раскололось, и в этом самом ОРЭСО стали верховодить студенты-«сменовеховцы», ратовавшие за возвращение в СССР. В берлинском «Руле» 22.12.1922 появилась информашка «Съезд сменовеховского студенчества»:

Назначенный на 20 декабря в Берлине съезд сменовеховского студенчества отложен на 27 декабря. Созыв съезда вызвал резкое возмущение в широких кругах эмигрантского студенчества, которое предполагает выступить с протестом против организуемых большевистских нахлебников.

Окончание примечания

Количество сменовеховского студенчества, посылающего своих представителей на съезд, весьма незначительно – и по числу сменовеховских студенческих организаций, образовавшихся в Европе, и по количеству членов, входящих в состав этой организации. Наиболее значительная сменовеховская студенческая организация – это «берлинское объединение русских студентов», число членов которого не превышает 150 человек. <...> На съезде предполагается организация постоянного представительного органа, который должен будет служить противовесом ОРЭСО. <...>

А 29.12.1922 была опубликована заметка «Большевистский студенческий съезд»:

27 декабря в маленьком ресторанчике на Вильмерсдорферштрассе открылся съезд студентов-«сменовеховцев». Съезд этот, в задачи которого входит противодействие эмигрантскому противобольшевистскому движению, немногочислен. Он привлек всего лишь 21 делегата, являющихся представителями небольшого количества студентов. <...> У постороннего человека, уходящего из накуренной комнаты ресторанчика, давшего приют этим будущим сов. чиновникам и прихлебателям, оставалось в душе гадливое ощущение.

Противоположный взгляд на это течение отражен в «современной диссертации» на соискание учен. степени к.и.н. в 2003 году (sic!)

(cheloveknauka.com/molodyozhnye-dvizheniya-i-organizatsii-rossiyskogo-zarubezhya-v-1920-e-1930-e-gody).

Вот фрагмент автореферата сей диссертации, превозносящей «сменовеховское» движение, хотя ни разу не употребившей этот термин, зато стыдливо и даже ненаучно заменившей его «демократическим движением»:

В диссертации на основе анализа архивных документов делается вывод о том, что политические разногласия привели не только к появлению «среднего студента» с неустойчивым мировоззрением, но и к укреплению позиций демократического студенчества, которое увеличилось количественно, окрепло организационно и определилось идейно. Но и его состав был неоднородным. В нем имелись, во-первых, объединения типа «Союз республиканско-демократического студенчества», во-вторых, группы и лица без отчетливой политической ориентации. Но объединяло их следующее: 1) приятие революции; 2) отрицание реставрации династии Романовых; 3) сознание необходимости построения новой России на началах народоправства и демократизма.

<...> Анализ источников позволил сделать вывод о том, что в процессе пребывания в Российском Зарубежье, политическая ориентация юношества изменялась. Постепенно в прошлое уходили старые монархические лозунги, выявлялось стремление к политической разумности, опора в своих изысканиях на реалии жизни, готовность вместе с партийно-интеллектуальной частью русской эмиграции обсуждать перспективы и участвовать в строительстве обновленной России. При этом в юношеской среде усиливались демократические тенденции. Эмигрантская молодежь постепенно осознала, что «Россию освободит не социализм, а демократия, в которую социализм войдет как один из элементов. Не социализм, кое-что уступающий капитализму, а капитализм, кое-что уступающий социализму — таково «ближайшее будущее». Определенная часть юношества освобождалась от старых партийных идеологий, связанных с полным неприятием большевизма как однозначно деструктивного элемента российской действительности, усилился диалогизм ее поведенческой линии с оппонентами.

А собственно берлинские структуры официально назывались так – Русский (Национальный) Студенческий Союз в Германии (один из адресов – Барбароссаштрассе, 8) и Союз русских студентов в Германии (один из адресов – кафе Фридберг, Леонардштрассе, 15). 29.4.1923 г. «Руль» опубликовал письмо от имени Правления первого Союза, в котором оно дезавуировало появившиеся в последнее время в берлинской печати заметки, «часто далекие от истины», и заявляло:

1. Правление Союза, как при самом возникновении Союза, так и теперь, неизменно стоит на страже защиты русской национальной культуры и под этим лозунгом объединяет весьма разнообразно политические мыслящее студенчество в Германии.

2. Как организация, ни к какой политической партии или группе не принадлежащая, Союз в лице Правления, боролся и противится ныне всякой попытке вовлечь его в сферу политических течений и партийных догм. <...>

А вот второй Союз политики, похоже, не чурался. Из «Хроники» «Руля за 13.1.1923:

Правление русского студенческого союза в Германии постановило обратиться ко всем русским общественным организациям с призывом протестовать против происходящего в Москве, по распоряжению сов. правительства, сноса часовен и церквей.

А еще в Берлине существовал Еврейский Студенческий Союз с клубом на Фридрихштрассе, 115, куда мог в принципе захаживать муж Татьяны Старковой – Альберт Максимович Лунц. Имелось также Академическое объединение русских, украинских и грузинских студентов, которое, похоже, так и не обзавелось своим помещением и обычно собиралось на свои мероприятия во Французской гимназии.

Иван с повязкой на глазе (Германия, 1929 г.)

Почему-то Иван Робертович в своих записях-воспоминаниях не зафиксировал такой примечательный факт: оказывается, он летом 1926-го ездил посмотреть на печь Домника для превращения торфа в металлургический кокс, установленную в Германии близ Гамбурга, в 20 км от ст. Баргдехейде по железной дороге Гамбург – Любек.

Об этом сообщил профессор Г.Л. Стадников в примечании к одной из своих статей в книге «Гидроторф», вышедшей в 1927-м:

Так как во время осмотра мною с И.Р. Классоном установки Домника работы не происходили вследствие бывшего перед этим пожара, то схема работы печи составлена со слов Домника. Проф. А.Э. Мозер, видевший печь в работе, сообщил мне, что не хватающее топливо покрывается сжиганием торфа.

История сия началась несколько раньше, как становится понятно из письма Р.Э. Классона в Президиум ВСНХ РСФСР от 20 октября 1924 года:

Я лично воспользовался своей частной поездкой в Германию, откуда только что вернулся, для того чтобы ознакомиться с интересующими меня машинами. Но я совершенно не осматривал установок химического характера, так как я в них все равно слишком мало понимаю, рассчитывая, что таковые будут осмотрены проф. Г.Л. Стадниковым, о командировке которого за границу мы просили Президиум ВСНХ. В командировке проф. Стадникова было отказано, и теперь Гидроторф стоит перед рядом не выясненных для него химических задач, для разрешения которых пришлось бы проделывать длинную и сложную работу, уже давно проделанную техникой [по облагораживанию] бурого угля.

В частности, я предполагал совместно с проф. Стадниковым осмотреть новую, очень интересную печь Домника недалеко от Гамбурга, дающую исключительно жидкую смолу благодаря медленному подогреву торфа и постепенному повышению температуры и утилизации отработанных газов с целью использования тепла, затраченного на процесс перегонки.

Выходит, сын Иван, уже после смерти отца, присоединился ненадолго к направлению работ Гидроторфа по облагораживанию торфа, но зачем? Ведь он учился на инженера-электротехника и потом всю жизнь работал по этой специальности. К сожалению, автор при жизни своего отца – Ивана Робертовича подобными историческими сюжетами совершенно не интересовался и даже в 1995-м, по переезде в Измайлово, выбросил доставшиеся от отца тома книги «Гидроторф» (правда, они имеются в РГБ)... В мае 1930-го Иван, закончив учебу в Высшей технической школе, вернулся из Берлина в Москву. Повидимому, тогда же вернулась и Мария Ивановна, и они продолжили свои отношения.

Как раз в начале 1930-го в берлинском торгпредстве произошла грандиозная чистка и взамен «чуждых» и «разложившихся» элементов были посланы на укрепление его аппарата «коммунисты и проверенные беспартийные рабочие»; всего из 1024 человек было сокращено 393 служащих, а из Москвы прислано 103 новых сотрудника (см. Владимир Генис «Неверные слуги режима». Книга 2). К сожалению, Иван Робертович не оставил каких-либо, даже кратких, воспоминаний об обстоятельствах отъезда из Берлина своей первой жены.

Какое-то время они проживали в пос. Каширской ГРЭС (Московская обл., Каширский район, Терново) в двух комнатах коммунальной квартиры, предоставленной электростанцией. Но их брак оказался бездетным, и в 1940-м они расстались.

Тем не менее в 1950-м Ивану Робертовичу пришлось отчитываться за нее в советской анкете: *“Бывшая моя жена Марья Ивановна Классон родилась в Петербурге в 1888 г., живет в Москве и работает во Всесоюзном объединении «Международная книга»”*.

Иван да Марья (уже в Москве), 1930-е

Из Германии Иван Робертович привез не только хорошие технические знания, но и отличное владение немецким. Иногда, в связи с некоторой грубостью языка Шиллера и Гете, шутил: «jawohl, jawohl, jawohl [(«да, конечно, совершенно верно»)] – залаял как собака».

Племянник И.Р. Классона Александр Парнах так вспоминал о нем и о Марии Ивановне:

В Германии у Ивана Робертовича заболел глаз. Врач сказал ему: «Das ist rheumatisch, – и добавил, – Wir sagen rheumatisch wann wir kennen nicht was es ist» [(«Это – ревматическое. Мы говорим – ревматическое, когда не знаем [истинную] причину заболевания»)]. <...> Нашей дочери Наташе Иван Робертович подарил книжку Пушкина на английском языке с иллюстрациями Билибина. Екатерине Робертовне подарок понравился. Она вспомнила, что рисунки Билибина они рассматривали в детстве. Он также написал Наташе несколько писем на немецком, чтобы она через их чтение тренировалась на этом языке. Иван Робертович, между прочим, знал все [старые] аптеки Москвы и очень интересно рассказывал об их истории и владельцах.

По поводу Марии Ивановны я думаю, что во время их знакомства за границей она работала кем-то вроде секретарши в каком-нибудь нашем торгпредстве. Хотя она происходила из какой-то культурной и образованной семьи, но технического или торгового образования не имела. Партийной Мария Ивановна тоже не была. Когда наша семья в 1943-м вернулась из эвакуации из Чистополя, иногда мы с маменькой (а изредка – и с отцом) ездили к ней в гости в Сиротский переулок.

Помню, что Мария Ивановна показывала нам журнал «Америка», где изображалась война, не такая, какой она была у нас, а менее кровавая, более «глянцева». Мы и дальше навещали бы ее, но она просила Екатерину Робертовну больше не приходить, видимо она никак не могла забыть Ивана Робертовича, а наши визиты усиливали ее тоску из-за разлуки с ним. <...>

Однажды [(в 1940-м)] Иван Робертович написал Марии Ивановне прощальное письмо, которое заканчивалось словами «жму руку, Ваня», вместо обычного – «целую, Ваня». Однако она не обратила на это внимание и не поняла, что письмо – прощальное!

Еще во время учебы Иван опубликовал солидное исследование в Торговом бюллетене торгпредства СССР в Берлине. Поводом к этому послужили следующее обстоятельство.

“В России довольно распространено представление о постановке инженерного образования в Германии, значительно расходящееся с действительностью. Обычно не различаются высшие технические школы <...> с 4-летним курсом и техникумы с 2-2,5-годовым курсом. В России все это называют «германские политехникумы», и обычно считается, что по сравнению с прежними программами русских технологических и политехнических институтов программы германских школ, во-первых, уделяют меньше места теории и больше практике и, во-вторых, эти программы весьма специализированы. То и другое верно в некоторой степени по отношению к техникумам и совершенно неверно по отношению к высшим техническим школам”, – было сказано в преамбуле статьи «Техника и НОТ».

Остается только восхищаться, как студенту удалось сделать такой методически строго выверенный материал, который не каждый магистр педагогических наук мог бы осилить.

Например, в статье разбиралась технология «пошагового», взаимосвязанного получения в вузах теоретических и практических знаний:

В германских высших технических школах центр тяжести лежит в изучении научных основ техники. Обучение технике в узком смысле этого слова происходит в незначительной степени в самой школе. Оно происходит отчасти во время обязательной годовой работы практикантом на заводе до поступления в высшую школу и, главным образом, уже после школы, что облегчается значительной специализацией инженеров в германской промышленности.

В отличие от русских и американских высших технических школ в германских школах нет мастерских. Основам слесарной, кузнечной, литейной, модельной и механической работы студент должен научиться во время года практики на заводе.

Это имеет то преимущество, что этими работами на заводе практикант занимается больше времени, чем он занимался бы ими в школьных мастерских. Конечно, работа в школьных мастерских зато более систематична и приурочена к целям обучения, чем работа практиканта на обычном машиностроительном заводе.

Но в последнее время большинство крупных заводов поставило обучение практикантов весьма основательно и систематично. Siemens, A.E.G., Börsig, Deutsche Werke, M.A.N., Demag и другие крупные предприятия основали заводские школы и ученические мастерские, куда поступают ученики (в возрасте 15 лет), которые через 3 года выпускаются высококвалифицированными рабочими.

В этих же мастерских начинают свою работу и практиканты, годовые и двухгодовые. Однако они проходят в этих мастерских сокращенный по сравнению с учениками курс и переводятся затем (как и старшие ученики) в производственные цехи завода и проходят их последовательно по особой программе, причем от времени до времени они опять возвращаются в ученическую мастерскую.

Кроме того, практиканты слушают лекции, например, по черчению и по технологии металлов в заводской школе. Таким образом, с одной стороны практиканты работают систематически под руководством особых мастеров и меньше мешают в производстве, чем при старой системе непосредственного поступления в цехи, а с другой стороны они знакомятся со всей работой и организацией завода. Это является большим преимуществом перед школьными мастерскими. <...>

А далее разбирались учебные программы, курс за курсом. И опять обращалось внимание на более глубокое усвоение теоретических дисциплин через лабораторные занятия: «В лабораториях студенты лишь в малой степени научаются обращаться с машинами – здесь сущность работы в измерениях при испытании машин и в теоретической обработке протоколов испытаний. Таким образом, и в лабораториях главное внимание обращено на теоретическую сторону».

В связи с «временными продовольственными затруднениями» (в 1960-м, перед Новым годом и на Рождество в Киеве исчезло из продажи масло, мясо) И.Р. Классон вспомнил в письме С.Н. Мотовиловой такую житейскую подробность о перманентной голодной жизни в СССР: “в 1930 г., за 1-2 месяца до моего отъезда из Берлина в Москву я посылал Соне в Москву посылки с мукой, лавочник в Берлине удивлялся, «мы, мол, привыкли считать Россию житницей Европы»”.

И вернувшись в Москву, а затем устроившись на Каширскую ГРЭС, ощутил вместе с Марией Ивановной (а впоследствии и со второй женой – Анной Гавриловной) эту самую полуголодную жизнь «строителей социализма». Некоторым свидетельством таковой является чудом сохранившаяся карточка «ударника Классона» на получение продовольствия в «закрытом распределителе» Каширской ГРЭС.

Еще в Берлине Иван Робертович мог морально себя готовить к возвращению из сытой и благополучной Европы в полуголодную, полуоборванную и злобную Совдепию. И это определение сделано нами вовсе не для красного словца, а горькой правды ради.

Вот какие сведения доходили до Берлина – процитируем те же листки из дневника «В Берлинском торгпредстве» Ю.А. Рапопорта:

Из записи за 11 мая 1929 года

[Полпред] Крестинский вернулся из очередной поездки в Москву. Рассказывал о своих впечатлениях: «Очередей нет. Продукты, которые отпускаются по заборным книжкам, имеются в достаточном количестве: хлеб, масло, яйца. Мало только мяса, да и то начинает появляться. Это подтверждают и беспартийные. Спецеедство перешло через свой кульминационный пункт».

А в эти же самые дни в немецких газетах появились корреспонденции из Москвы, рисующие тамошнее положение в самых мрачных красках.

Из записи за 16 августа 1929 года

Пробывши несколько месяцев в Москве, один спец торгпредства так формулирует свои впечатления о положении дел в советской России. Всех замучили пятилеткой. Каждый трест, каждая организация имеет, так сказать, свою главу в пятилетнем катехизисе и по ней ведет свою работу. Приказано, например, в первый год пятилетки гнать за границу столько-то леса, во 2-й год – вдвое больше и т.д. Вот и гонят вовсю, в порядке «социалистического соревнования». Одни завод старается перещеголять другой. Результаты: лес вывозят сырой, плохо обработанный, покупатели отказываются его принимать или требуют громадных скидок, понижается стандарт, возникают убытки, и начинает бежать «плохая славушка». И так во всем. Мебель в России продают такую, что и смотреть на нее нельзя, платье и обувь рвутся через неделю, зато план выполняется. Другой спец выразился короче: может быть, и вытянут пятилетку, но страна выйдет обескровленной.

Из записи за 29 декабря [сентября или октября? – МК] 1929 года

На днях вернулся из СССР Якубович, проводивший там отпуск. «Москва живет – говорит он с пафосом, – растет, цветет, несмотря на хихикания обывателей. Одежда? Это никого не интересует, приспособились. А еда? Там же обжираются, понимаете – обжираются. Всего есть вдоволь. Муж и жена получают вдвоем 2 фунта хлеба в день. Куда им столько? а берут все-таки.

Если раз в 3-4 дня не выдают яиц, то обыватели уже делают запасы. Нет дома, в котором не было бы 3-х пудов припасенного продовольствия [а где же его хранить, при отсутствии холодильников? – МК]. А продовольствия – сколько угодно. Если бывают заминки, то это – недостаточно правильного подвоза. Теперь взялись за кооперативы [осколки НЭПа? – МК], и эти недостатки будут тоже скоро устранены. А Кисловодск! О, если бы здесь было так на курортах. Я, правда, не имел комнаты, а лишь койку. Но вообще – очень хорошо. А нарзан-то какой!» <...>

Из записи за 29 декабря 1929 года

Приезжие из Москвы так формулируют свои впечатления о пятилетке: «плановое» хозяйство являет собой злейший вид анархии производства, которая так клеймится большевиками в буржуазных странах. Промышленность не увязана с сельским хозяйством, план экспорта – с экспортными возможностями.

Качество экспорта не подгоняется ни к требованиям иностранного рынка, ни к потребности последнего в данных товарах вообще. Все – врозь, все – несогласованно. Лучшие товары отправляют за границу, а на внутреннее употребление остается брак. Уже «низы» начинают кампанию против такой системы. Но их, разумеется, никто не слушает.

Из записи на начало августа 1930 года

<...> [После XVI съезда ВКП(б)*] среди партийцев царит полнейшая подавленность, они не только боятся разговаривать с беспартийными, но и друг с другом. Все сознают, что экономическое положение напряжено на 99%. Весь оборотный капитал брошен в индустриализацию, которой в жертву принесено сельское хозяйство.

В коллективы [(колхозы и совхозы)] не верят, считают, что в их лице созданы многомиллионные кадры потребителей. Так, например, многие колхозы как только они образовались, стали требовать выдачи им сапог и даже ... яиц. Результаты же индустриализации тоже пока плачевны, что сказывается, прежде всего, в низком качестве продукции. Вообще, пятилетка направлена, главным образом, на военные цели. Военная атмосфера пронизывает всю жизнь страны. Катастрофа наступит, когда план индустриализации будет напряжением последних экономических ресурсов выполнен, потому что тогда скажется бесплодность плана: будут фабрики и заводы без сырья, будут электростанции без заводов, которые они должны были бы снабжать [в жизни получилось наоборот: электроэнергия стала жутким дефицитом до конца существования сов. власти – МК], будет плохая продукция. Транспорт изношен, он работает по количеству кило-верст интенсивнее, чем до войны, это верно, но работает неисправно, изнашивается. Вследствие господствующей тенденции к централизации материалы, необходимые для промышленности, перебрасываются с мест производства в центр, а затем снова перевозятся на места, и это без надобности перегружает транспорт. <...>

Интеллигенция подавлена. Идет попросту истребление спецов [(в т.ч. в рамках Шахтинского процесса и процесса Промпартии)]. Продовольственное положение ужасающе, даже в Москве, куда стягивают, сколько возможно. По карточкам выдают только хлеб (по фунту в день), выдают по фунту мяса в неделю, немного сахару, а также картошку (по 7 коп. фунт). Масло, яйца и прочее приходится покупать на вольном рынке по баснословно высоким ценам. Так фунт мыла для стирки стоит 3 рубля пара сапог – 100 руб. и т.д.

Здесь мы также приведем фрагменты заметки «С инженерами неблагополучно» из берлинского «Руля» за 28 февраля 1926 года, которые ярко иллюстрирует ситуацию с инженерами в советской России и отношение к спецам со стороны «рабочего класса» (через 5 лет сия ситуация, как мы можем понять, почти не смягчилась, в отношении того же «спецеества»):

Уничтожив – физически и морально – добрую половину русских технических сил, разрушив – по мере способностей – русскую высшую техническую школу, большевики на восьмом году правления вдруг открыли, что Россия очень нуждается в инженерах, притом в хороших инженерах.

Второе открытие заключалось в том, что теперешние технические школы, комплектуемые рабфаковцами, выпускают весьма неудовлетворительные кадры. И вот, советские пошехонцы стали думать, чем бы помочь горю.

* На этом съезде И.В. Джугашвили-Сталин в своем политическом отчете призвал выполнить 1-ю пятилетку в 4 года и назвал главные задачи развития страны (из Википедии):

1. Создание на Востоке второй угольно-металлургической базы, в рамках чего должны были быть возведены металлургические комбинаты на Урале и в Кузбассе. 2. Создание крупных сельскохозяйственных предприятий. 3. Решение кадровой проблемы. 4. Борьба с бюрократией. 5. Систематическое повышение производительности труда. 6. Проблема снабжения. 7. Упорядочение всего кредитного дела. 8. Создание «солидных» резервов.

Руководитель Главпрофобра – учреждения, ведающего всеми техническими школами, – Ходоровский требует «улучшить оборудование высших школ, повысить уровень подготовки поступающих в них, принять меры к подготовке профессоров и т.д.». Другой спец по техническому образованию – Пятаков согласен, что «студент высшей технической школы учится плохо, учится прежде всего количественно недостаточно, и поэтому приобрести необходимую сумму знаний, приобрести нужные ему навыки в работе и усвоить твердо нужные для промышленности технические методы работы он, разумеется, не сможет».

Однако, по мнению Пятакова, мерами Ходоровского делу не поможешь. Надо «изменить расписание для студента так, чтобы он работал минимум 60 часов в неделю... и только оставшееся время употреблял на партийную и иную работу»...

Если этого не сделать, то «студенты наши будут по-прежнему бессмысленно растрачивать свое время, и благодаря этому мы рискуем получить из числа ближайших выпускников никуда не годных инженеров».

А пока что «Центральный комитет союза строителей решил командировать за границу 30 инженеров-строителей с целью повышения их квалификации и изучения новейших методов строительства. Первая группа в 10 человек выезжает в первых числах марта в Германию». <...> Попутно выясняется, почему безработные русские инженеры (а их в одном Петербурге 2 000) не идут в провинцию на заводы. Оказывается, что «на заводах развито спецеество». Правда, партийный [Уральский областной] комитет нашел, что в плохом отношении к спецам – от которого те бегут, куда могут – виноваты «новые кадры рабочих, пришедших на завод прямо из деревни – старый рабочий вдумчивее относится к специалистам». Но от этого не легче, и комитет решает принять меры для защиты «специалистов». <...>^{*}

Итак, после завершения учебы в Германии Иван работал на Каширской ГРЭС, и здесь весьма ярко проявилось «чувство порядка и организационной дисциплины», привитое ему отцом. Из служебной записки И.Р. Классона заведующему Пылезаводом Каширской ГРЭС А.П. Смирнову (январь 1931-го):

После одного дежурства я чересчур мало знаком с механизмами, чтобы судить о них. Но я могу сообщить Вам о своих наблюдениях об организации. Сколько-нибудь четкая организация отсутствует:

1) в помещении сборки, где сидит моторист, не висит на стене инструкция для моториста, не висит даже списка телефонов, по которым моторист должен звонить в случае неполадок. И действительно моторист не знает, должен ли он в этом случае вызвать дежурного по пылезаводу в конторе пылезавода или звонить на пылезавод или вызывать мастера или Транспортно-техническую контору или обращаться к дежурному ИТР или к дежурному партийцу.

2) считается, что на углеподаче дежурят представители Транстехконторы. Неизвестно, должны ли они работать в контакте с дежурным по пылезаводу, например, должны ли они спрашивать его разрешения на производство ремонта, который останавливает углеподачу на 1 час. Вчера они его, разрешения, не спрашивали.

^{*} В информашке «Руля» от 17 апреля 1926 г., перепечатанной из «Красной газеты», сообщалось, что в связи с развитием основных отраслей электропромышленности требуется 8 тыс. инженеров-электриков, пока же их имеется лишь около 3 тысяч. В то же время, по информации того же «Руля» за 21 декабря 1924 г., в России на 1.06.1924 насчитывалось 6 024 безработных инженера.

Слесаря Транстехконторы работали не по-аварийному – не подготавливали в момент начала ремонта всю работу: инструмент, материалы (даже болты!), а делали сначала одну работу, потом начинали искать сверлилку, потом трансформатор (220/120 в) к ней, потом болты и т.д. Если слесаря Транстехконторы дежурят по 8 часов, то они не должны во время смены все сразу уходить обедать. Нужно ввести на углеподаче жесткое единоначалие и дать определенные инструкции дежурному персоналу.

По-видимому, такое «нахальное послание» беспартийного инженера начальнику-партийцу могло иметь неприятные последствия. Но таковых, похоже, не случилось, и Иван продолжил работать без скандалов. А в феврале 1932-го в Научно-Техническом Бюллетене Инженерно-технической секции Каширской ГЭС была напечатана статья Ив. Классона «Новый щит управления Каширской ГРЭС»:

Главной и наиболее интересной частью нового щита является светящаяся схема с защитой от ошибочных включений – системы венской фирмы Австрийские заводы Броун Бовери. Эта система была разработана и начала применяться совсем недавно. За границей имеется лишь немного щитов управления этой системы. В СССР щит этой системы имеется только на Каширской ГРЭС.

Часть щита КГЭС, снабженная светящейся схемой и защитой от ошибочных включений, управляет всеми генераторами, распределительным устройством 115 кв (открытая подстанция) и генераторной частью распределительного устройства 3 кв.

Светящаяся схема состоит из панелей из матового стекла, которое с задней стороны окрашено зеленой краской и оклеено станиолем. На панелях изображена однолинейная электрическая схема соединений указанных частей станции. Схема составлена из символов, похожих на символы, употребляемые на чертежах, например генератор изображается посредством круга, трансформатор – посредством двух пересекающихся кругов, шины – прямые линии, масляник – квадрат и т.д. <...>

Сия публикация, как мы видим из ее начала, была сугубо технической.

А в 1960-м И.Р. Классон написал статью в стенгазету Гидроэнергопроекта «Белый уголь» к юбилею – 40-летию ГОЭЛРО, где достаточно откровенно высказался о тяжелой обстановке в отечественной энергетике в 1930-е, хотя и на единичном примере:

В 1930-32 гг. я работал на монтаже II очереди Каширской электростанции и близко соприкасался с ее эксплуатацией. Электрическое оборудование I очереди было заграничное, купленное еще во время Первой мировой войны, а также импортированное, главным образом из Франции, уже в конце 1920-х годов, когда завод Электросила осторожно начинал учиться производству крупных турбогенераторов.

Генераторы №5 и №6 по 50 МВт к турбинам Сименса были поставлены Электросилой, но с американскими роторами и немецкими обмотками статоров. Интересно, что в то время французская промышленность строила электроаппараты, не соответствовавшие мировому уровню: выключатели 110 кВ завода Делль включались настолько медленно (до 1,8 сек.), что было невозможно заказать для него автосинхронизатор. Другая французская фирма – Альстом поставила выключатели 3 кВ, являвшиеся копией американских.

Проектирование первых электростанций мощностью 180-200 МВт было новым делом, которое не обходилось без ошибок. Часть аппаратов 3 кВ собственных нужд и почти все кабели 3 кВ не были рассчитаны на тепловое действие коротких замыканий, и при «коротком» в кабеле или за ним концевые муфты взрывались, т.к. расплавлялось олово пайки наконечников жил. <...>

Место для штампа

„Когда речь идет о распределении продовольствия,—думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для поднятия производства“. (Ленин)

Карточка ударника № 1446

Фамилия *Младесов* № _____

Цех *Электростанция* штд. *Монтаж*

Бригада _____

Действ. по „*1-й*“ *сентябрь* 1931 г.

Пом. Зав. отделом по произ. совещ. *Двиг*

1. Передача карточки другому лицу не разрешается.
 2. Утерянная карточка не возобновляется.
 3. За поведение, не достойное звания ударника, карточка отбирается.

Каширская Государственная Электростанция

Карточка ударника для получения продовольствия
в закрытом распределителе Каширской электростанции, 1931 г.

На ЛЭП 110 кВ Кашира – Москва были применены классические соединительные клеммы фирмы Гофман, которые оказались непригодны для сталеалюминиевого провода в условиях больших токов короткого замыкания. Иногда обрывы проводов с аварийными отключениями линий повторялись по несколько раз в сутки.

Совершенно не на высоте была техника безопасности, что привело к ряду смертельных поражений электрическим током и смертельных ожогов электрической дугой.

Подмосковный уголь поступал по железной дороге с перебоями, а зимой смерзался в вагонах, бункерах и т.д., так что иногда **[существенно]** снижалась нагрузка станции.

Как известно, ленинский принцип ведущей роли электрификации в подъеме народного хозяйства уже в те годы был нарушен, и опережение энергетики не обеспечивалось до середины 1950-х годов. На щите управления Каширской ГРЭС по частотомерам было наглядно видно, как дважды в сутки, во время максимумов нагрузки, частота в системе Мосэнерго из-за дефицита мощности садилась на несколько герц. Нижний предел шкалы был 45 Гц, и **[даже]** его иногда не хватало.

Однажды на станцию приехал инженер МОГЭС (или уже Мосэнерго?) А.Б. Крикунчик, только что вернувшийся из Берлина, где он изучал технику в энергосистеме Беваг. (Ныне, уже много лет главный электрик Теплоэнергопроекта.) Придя на щит (не во время максимума нагрузки), он ставил нам в пример станции Беваг, где вся шкала частотомеров отводилась гораздо более узкому диапазону, что позволяло вести вручную интегральное регулирование частоты, необходимое для питания **[и задания достаточно точного времени]** частотных электрических часов.

Однако частые тяжелые аварии, происходившие из-за вроде бы недостаточного опыта проектирования, власти через несколько лет уже расценивали как «вредительство», и наш герой вполне мог попасть под арест и следствие, если бы вовремя не уволился из эксплуатации. Некоторые примеры «вредительства» энергетиков МОГЭС-Мосэнерго мы уже приводили в очерке «Под большевиками».

Наиболее абсурдное обвинение власти обрушили на энергетиков в 1936 г., когда в Колонном зале Дома союзов проходил судебный процесс по делу т.н. «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Из-за сильной грозы произошла авария в Мосэнерго, и во время процесса погас свет. Тогдашний секретарь МГК Н.С. Хрущев на одной из партконференций сообщил, что в результате были разоблачены «вредители-энергетики», которые признались в связях с германской разведкой! (А.Н. Поликарпов. Никита Хрущев: начало карьеры. / Неизвестная Россия. XX век, т. III, 1993)

В приведенном ниже «расстрельном списке» можно идентифицировать большую группу этих «вредителей», арестованных в конце 1936-го и расстрелянных 7 июня 1937 года.

Приведем еще для обоснования своего, может быть и спорного, тезиса сюжет о том, как сослуживец Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова – Ф.А. Рязанов (знавший и И.Р. Классона) дважды счастливо избежал второго своего ареста (первый, напомним, случился по «делу Мосэнерго» в рамках широкого «процесса по Промпартии»):

*Летом 1936 г. неожиданно приказом Главэнерго я [(занимая должность зам гл. инженера московской ТЭЦ-11)] был командирован на работу в Уралэнерго на Кизеловскую ГРЭС. Когда я позвонил начальнику Главэнерго К.П. Ловину и выразил сожаление и недовольство этим откомандированием, Ловин ответил: «Поверьте, Федор Алексеевич, что так нужно». <...> Я был назначен заместителем главного инженера. На станции, сжигающей угольную пыль, положение было очень тяжелое. Котлы и вспомогательное оборудование были сильно изношены, нуждались в капитальном ремонте, а из-за острого недостатка электроэнергии в системе Уралэнерго ни одного котла не разрешали вывести в капитальный ремонт.**

Позволяли только останавливать тот или иной котел для ремонта с вечера субботы до утра понедельника – всего максимум на 40 часов. За этот срок можно было лишь залатать наиболее опасные дыры. Почти каждую ночь проводились ремонты шаровых мельниц и другого котельного оборудования.

Спать приходилось очень мало, и то каждую минуту ждешь, что позвонят по телефону и сообщат о выходе из строя какого-либо оборудования.

<...> Я серьезно указывал на необходимость останавливать по очереди котлы для капитального ремонта; в противном случае следует ожидать в ближайшем будущем больших аварий и очень большого недоотпуска электроэнергии. Но радикальных мер не принималось и останавливать котлы на требуемый для ремонта срок не разрешали.

В конце декабря [1936 г.] в системе Уралэнерго случилась большая авария, повлекшая за собой выключение почти всех заводов области. На Кизеловской ГРЭС в понедельник по расписанию должна была к 14 час. включена остановленная на воскресенье турбина. В 13 час. 30 мин. турбина была уже на оборотах, и я решил пойти пообедать. Только успел дойти [до столовой], как сообщили, что с турбиной авария.

<...> Турбину включили с запозданием на час. Оказалось, что как раз в это время произошел ряд аварий и на других станциях и в высоковольтных сетях. В связи с этими авариями [главк] Уралэнерго издал грозный приказ. Относительно меня было сказано, что я направляюсь в распоряжение Главэнерго [(в Москву)].

* И это летом, когда, при снижении спроса со стороны потребителей, только и ремонтировать энергетическое оборудование!

Это было очень неожиданно и удивительно и для меня, и для всех инженеров станции, но я был весьма доволен и быстро уехал.

<...> Вскоре я узнал, что через три недели после моего отъезда из КизелГРЭС на станции было арестовано очень много инженеров и техников. А через несколько лет ко мне в Центрэнергомонт приехал из КизелГРЭС по каким-то делам начальник технического отдела этой станции. <...> Естественно, разговор зашел о событиях на станции в январе 1937 г. Он рассказал, что было арестовано почти все начальство станции. Мое неожиданное откомандирование в Москву, оказывается, было вызвано тем, что меня пожалели. Кто «пожалел», он не знал.

Только в марте 1967 г. при разговоре с П.Г. Грудинским о [начальнике Главэнерго] Ловине <...> Петр Григорьевич сказал мне, что «пожалел» меня тогда Ловин. Грудинский находился у него в кабинете, когда Ловин давал распоряжение в Уралэнерго о немедленном откомандировании в Москву меня и главного инженера Уралэнерго. Несомненно, этим Казимир Петрович спас меня от второго ареста.

В свете этого мне кажется, что и удивившее многих инженеров и меня согласие Ловина на оставление мною работы в системе Главэнерго следует объяснить так же его желанием не подвергать меня опасности второго ареста. Дело в том, что через несколько месяцев после моего ухода из системы Главэнерго [в трест «Тепло и Сила», переименованный затем в Центроэнергомонт,] было арестовано много инженеров во главе с К.П. Ловиным. (ф. 9592 РГАЭ)

На Кизеловской ГРЭС в 1937-38 гг. арестовали шесть человек: гл. инженера В.Б. Зайченкова, мастера моторно-кабельного хозяйства И.И. Тиша, начальника тепломонтажа К.К. Хватова, зав. хим. лабораторией Л.С. Посулько, зам. нач. производственно-технического отдела В.А. Кабанова, прораба электромонтажа П.В. Механошина. Все они за «вредительскую деятельность», направленную на срыв электроснабжения промышленности Урала, были приговорены к расстрелу... А арестованный в Главэнерго К.П. Ловин умер в лагере в 1938 г., в 1956-м был посмертно реабилитирован.

«Софья Власьевна» арестовывала и расстреливала инженеров-энергетиков не только на Урале, но и в Москве и Подмосковье:

Старшинов Алексей Иванович. Род. 1903, г. Москва, русский, б/п, обр. высшее, гл. инженер ГЭС им. Классона, прож.: пос. Электropередача при ГЭС им. Классона. Арест. 20.12.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1956 реабилитирован.

Теряев Михаил Афанасьевич. Род. 1902, дер. Ветрица Орловской губ., Малоархангельского уезда, русский, б/п, обр. высшее, инженер сектора эксплуатации Мосэнерго, прож.: г. Москва, Спиридоньевский пер., 12-2. Арест. 19.11.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1957 реабилитирован.

Экле Виктор Георгиевич. Род. 1901, г. Москва, русский, б/п, обр. высшее, ст. инженер Центральной службы [релейной] защиты Мосэнерго, прож.: г. Москва, Садовническая ул., 31-29. Арест. 3.11.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Яворский Владимир Владимирович. Род. 1907, г. Киев, украинец, б/п, руководитель группы по перенапряжению высоковольтных сетей Мосэнерго, прож.: г. Москва, Садовническая ул., 31-104. Арест. 21.12.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Андреев Глеб Константинович. Род. 1904, г. Москва, русский, б/п, обр. высшее, ст. инженер высоковольтных сетей Мосэнерго, прож.: г. Москва, Зубовский б-р, 15-24. Арест. 31.08.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в антисоветской тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1956 реабилитирован.

Бирюков Александр Иванович. Род. 1896, г. Москва, русский, б/п, обр. высшее, диспетчер Мосэнерго, прож.: г. Москва, ул. Садовническая, 31-6. Арест. 13.09.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Виноградский Юрий Николаевич. Род. 1902, г. Ленинград, русский, б/п, обр. высшее, диспетчер технического отдела высоковольтных сетей Мосэнерго, прож.: г. Москва, ул. Ленивка, 6-9. Арест. 13.12.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в антисоветской тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1956 реабилитирован.

Гробивкер (он же Грабивкер) Иосиф Петрович. Род. 1902, г. Бердичев, УССР, еврей, б/п, обр. высшее, гл. инженер высоковольтных сетей Мосэнерго, прож.: Московская обл., станция Подлипки, пос. Калинино, ул. Молотова, 17а-7. Арест. 14.12.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Дубровин Николай Александрович. Род. 1903, г. Москва, русский, б/п, обр. высшее, диспетчер Мосэнерго, прож.: г. Москва, ул. 1-я Мещанская, 33-12. Арест. 31.08.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Майзель Виталий Львович. Род. 1901, г. Витебск, еврей, б/п, обр. высшее, диспетчер Мосэнерго, прож.: г. Москва, ул. Садовническая, 31-32. Арест. 3.11.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Медалье Владимир Андреевич. Род. 1891, г. Москва, русский, б/п, обр. высшее, зам. гл. инженера высоковольтных сетей Мосэнерго, прож.: г. Москва, Раушская наб., 31-101. Арест. 13.12.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Немолякин Владимир Иванович. Род. 1900, г. Темрюк Кубанской обл., русский, б/п, ст. инженер электроцеха 1-й МГЭС, прож.: г. Москва, Садовническая ул., 11-22. Арест. 26.08.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1956 реабилитирован.

Отрадин Федор Николаевич. Род. 1901, с. Б. Поляны Рязанского р-на Московской обл., русский, б/п, обр. высшее, ст. инженер службы линий высоковольтных сетей Мосэнерго, прож.: г. Москва, ул. Воровского, 20-20. Арест. 26.11.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в антисоветской тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1956 реабилитирован.

Писарев Анатолий Николаевич. Род. 1885, г. Сызрань, русский, б/п, обр. высшее, ст. инженер сектора эксплуатации Мосэнерго, прож.: г. Москва, Старо-Пименовский пер., 76-47. Арест. 26.11.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Пономарев Василий Александрович. Род. 1901, с. Семиндяево Калязинского (Каляевского) р-на Калининской обл., русский, б/п, обр. высшее, инженер по трансформаторному хозяйству Мосэнерго, прож.: г. Москва, Б. Рогожский пер., 3/5-22. Арест. 20.11.1936. Приговорен ВКВС 7.06.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 7.06.1937. Определением ВКВС от 28.05.1955 реабилитирован.

Андрианов [Адрианов] Николай Павлович. Род. 1887, г. Нежин Черниговской губ.; русский, б/п, обр. высшее, зам. управляющего Мосэнерго, прож.: г. Москва, угол Кривоколенного и Телеграфного переулков, 16/11-31. Арест. 17.10.1936. Приговорен ВКВС 3.08.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 3.08.1937. Реабилитирован 28.05.1955.

Барсуков Борис Алексеевич. Род. 1890, с. Жуковка Масальского уезда Калужской губ.; русский, б/п, обр. высшее, зав. электроотдела Мосэнерго, прож.: г. Москва, Крапивенский пер., 1а-2. Арест. 2.10.1936. Приговорен ВКВС 3.08.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 3.08.1937. Реабилитирован 28.05.1956.

Кашталев Владимир Саввич. Род. 1897, г. Калуга; русский, б/п, обр. высшее, нач. центральной [релейной] защиты Мосэнерго, прож.: г. Москва, ул. Пятницкая, 8-5. Арест. 31.08.1936. Приговорен ВКВС 3.08.1937, обв.: участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 3.08.1937. Реабилитирован 28.05.1955.

Алмазов-Марголис Самсон Израилевич. Род. 1902, г. Белосток (Польша), еврей, член ВКП(б), обр. высшее, зам. управляющего Мосэнерго, прож.: г. Москва, Гоголевский б-р, 27-6. Арест. 30.04.1937. Приговорен ВКВС 14.09.1937, обв.: участие в к.-р. вредительской организации. Расстрелян 14.09.1937. Определением ВКВС от 12.11.1955 реабилитирован.

(приведенный здесь расстрельный список энергетиков далеко не полон...)

Ну и, наконец, печальное завершение «линии жизни» даровитого студента-практиканта Р.Э. Классона — В.Д. Кирпичникова. Как удалось установить Ф.А. Рязанову после войны, по документам и рассказам родственников, его бывший патрон блестяще наладил капризничавшее импортное оборудование на теплоэлектроцентрали Березниковского химзавода.

За это нарком тяжелой промышленности Г.К. (Серго) Орджоникидзе наградил его в 1933-м квартирой в Москве, орденом Ленина и роскошным «черным с красным лимузином Бьюик», который приехал в Березники на железнодорожной платформе. О последнем изумительном факте В.Д. Кирпичников сам писал своей падчерице в Москву (письмо хранится в ф. 9592 РГАЭ).

Однако после самоубийства Г.К. Орджоникидзе, в феврале 1937-го, уже в марте В.Д. Кирпичникова арестовали вместе с главным инженером Березниковской ТЭЦ В.А. Капеллером и в сентябре их обоих расстреляли.

Из воспоминаний Ф.А. Рязанова (1971 год) о «второй посадке» В.Д. Кирпичникова:

Переписка и свидания с ним были запрещены, но в течение нескольких месяцев он содержался в Бутырской тюрьме и от его сына и падчерицы принимались для него денежные переводы, причем в двойном размере. Затем прием передач прекратился, и никто из родственников и знакомых ничего о нем не мог узнать.

После ареста Виктора Дмитриевича [созданный им] «Турбокотелстрой» был ликвидирован и турбокотел незаслуженно забыт. И только в сороковых годах за границей и несколько позднее у нас стала осуществляться идея блочности установки оборудования. Ряд же других, заложенных в турбокотле идей, таких как снижение расхода на собственные нужды электростанции при помощи регулировки частоты, автоматизация собственных нужд, ждут своего осуществления и поныне.*

И все это отставание от передовой энергетической техники и уничтожение инженерных кадров может быть предъявлено историками и политиками «самому справедливому в мире строю».

Выше мы приводили, если можно так выразиться, «аргументацию сбоку». А в начале 2012-го автор сих строк решил заново пересерстить в РГАЭ фонд 9508, и в нем удалось обнаружить непосредственные свидетельства Ивана Робертовича о «вредительстве» энергетиков и неверии многих в оное (записаны в мае 1975-го):

В 1928 году проходил Шахтинский процесс (я еще учился в Берлине). После того как в начале мая 1930-го я приехал в Москву, видел старых товарищей, а потом (в конце лета или осенью 1930 года) начались аресты могэсовцев ([В.Д.] Кирпичникова, [В.И.] Яновицкого, [Б.А.] Барсукова, [И.Г.] Тихомирова, гл. инженера Шатуры [Б.Д.] Мухина), у меня возникли большие сомнения в истинности их обвинений и показаний.

Был арестован Илья Гаврилович Тихомиров – гл. инженер Каширской электростанции. На митинге об этом один из мастеров-электриков рядом со мной говорил Н.И. Красильникову, что он не верит в вину Тихомирова. Красильников сказал ему: молчите, дал понять, что его высказывания неуместны. Очень неглупый техник Д.Г. Точилин вскоре упомянул презрительно-иронически о «херре Кирпичникове», т.е. тогда он еще считал вредительство фактом. Той осенью мои товарищи в Москве рассказывали, что Шахтинский процесс вызывал большие сомнения.

В конце 1930-го меня принимали в профсоюз на заседании цехкома [Каширской ГРЭС]. Выступил в мою поддержку один старый могэсовский рабочий (я его не знал, м.б. он был с Шатуры или Каширы) и сказал, что мой отец «был изобретателем гидроторфа и умер безо всякого вредительства».

Я помню, что с недоверием относился к газетным сообщениям о «разоблачениях вредителей» и в частности к статье А.М. Горького в «Правде» от 15 ноября 1930 года «Если враг не сдается, его уничтожают» [(«Если враг не сдается, его истребляют» // «Известия», 15 ноября 1930 года)].

Вскоре (зимой 1930/31 года или позже?) на Каширской электростанции появились арестованные ранее могэсовцы: П.Г. Грудинский (до того начальник технического отдела Правления МОГЭС) стал заместителем Н.И. Красильникова – заведующего электротехническим отделом эксплуатации станции; Б. Дм. Мухин, до того гл. инженер Шатурской электростанции (я познакомился с ним на Шатуре еще в 1920-м и 1921-м), стал главным инженером Каширской станции.

* В 1934 г. В.Д. Кирпичников возглавил организованное по его предложению бюро «Турбокотелстрой» Наркомтяжпрома СССР.

Кажется, на Кашире стал работать и Б.В. Крылов. Б.А. Барсуков приезжал на Каширу осенью 1931-го или зимой 1931/32 года – снова как член Правления МОГЭСа.

Мы тогда уже знали, что из арестованных около 50-ти могэсовцев и ленинградских энергетиков сознались во вредительстве во время следствия (открытого процесса не было) все кроме двоих – Н.Н. Вашкова и Д.И. Верещагина. Уже в 1970-х я узнал, что не признался во вредительстве так же и Н.И. Языков. Он был, оказывается, вскоре выпущен в результате обращения к А.С. Енукидзе.

В конце лета 1964-го я был на даче у Ф.А. Рязанова – передал ему книгу М.О. Каменецкого и просил написать на нее рецензию в журнал «Электричество». <...> Рязанов тогда рассказал мне, что первое время после ареста он не признавал себя виновным, пока об этом не узнал [ранее его арестованный] Кирпичников, сидевший в том же коридоре [внутренней тюрьмы на Лубянке], и не дал совет Рязанову – сознаться. Я тогда посоветовал Рязанову обязательно написать и сдать в ЦГАНХ СССР воспоминания. Он очень скоро их написал, показывал мне, [реабилитированному] Грудинскому. Вскоре они даже были опубликованы, но сокращенные и тщательно выхолощенные от малейшего упоминания о вредительстве, арестах и последующей реабилитации в 1950-х.

Я и позже наблюдал, что для настоящих пролетариев факт ареста, как вредителя, еще не был безусловным доказательством вины последнего.

Например, когда в середине 1930-х я был в числе других инженеров Каширской станции, бригадир кабельщиков Чекушкин сказал: «Такой-то (и назвал фамилию своего прораба Яловецкого) – это ладно-то, но Николай Иванович Красильников, ведь он чист как стеклышко!»

Несколько позже – после ссылки на о. Амдерму Красильникова его мать показала мне письмо от сына, которое он смог отправить по пути в ссылку без цензуры. Он писал, что сознался во вредительстве, так как не мог выдержать нескольких суток без сна при ярких лампах, но заклинал ее верить, что он ни в чем не виноват.* Большинство товарищей по работе арестованных не верили в их вину.

На этом фоне представляются недобросовестными или крайне непорядочными высказывания поздней осенью 1930 года Кржижановского в докладе «Вредительство в энергетике» (Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике. Стенограмма доклада в Комакадемии на собрании инженеров и техников коммунистов 19 и 23 ноября 1930 г. и прений по докладу. М.–Л., 1931) и А.М. Горького в статье «Если враг не сдается, его уничтожают/истребляют»:

“За тринадцать лет, работая над строительством своего государства с небольшим количеством честных, искренно преданных ему специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих товарищей и даже самую науку, работая в атмосфере ненависти мировой буржуазии, в змеином шипении «механических граждан», которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых он [(рабочий класс)] сам еще не имеет ясного представления, — в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии.

* Возможно, что по поводу именно этого Николая Ивановича Красильникова появилась такая запись на сайте «Мемориала» – «Жертвы политических репрессий в СССР»:

Красильников Николай Иванович. Родился в 1903 г., образование высшее. Инженер-электрик. Приговорен: Тр. ОГПУ 22 апреля 1933 г., обв.:58-6, 9, 11. Приговор: 5 лет ИТЛ. Начало срока – 19.03.1933. В заключении в Вайгачской экспедиции ОГПУ. – Источник: Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

На сайте «Музея Мосэнерго» данные по Н.И. Красильникову отсутствуют.

*<...> Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, – против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют”.**

И Кржижановский, и Горький имели широкий круг друзей и знакомых – партийцев и старых интеллигентов, могли сделать должные выводы уже из Шахтинского процесса, а не торопиться лизнуть задницу тогдашнему руководству.

Вскоре после пуска Днепрогэс Винтер рассказал, как официальная доктрина о вредительстве мешала решать важнейшие вопросы развития электроэнергетики, которые нормально должны были решаться на основе технико-экономических расчетов. Он привел пример, что Госплан не мог решить, соединять ли Днепрогэс с энергосистемой Донбасса. Это соединение спроектировали на напряжении 220 кВ, но оно должно было быть осуществлено несколько позже, чем вся Днепровская система (включая Днепропетровск и Кривой Рог) – на напряжении 150 кВ.

*Однако когда оказалось, что одни «вредители» до ареста были за ЛЭП Днепр – Донбасс, а другие против, то «решающие товарищи» растерялись. Ведь априори считалось, что вся деятельность всех вредителей была вредна! Все же, после некоторой задержки, ЛЭП Днепр – Донбасс была построена, и это, несомненно, было правильным решением.***

Нашей семье аресты в начале 1930-х миновали. Станция «Электропередача», названная именем Р.Э. Классона после его смерти в 1926-м, продолжала и продолжает носить его имя. В то же время портрет Р.Э. Классона в зале заседаний Правления МОГЭС (Управления Мосэнерго), который я видел в мае-июне 1930 года, когда работал до Каширы в Техническом отделе Правления МОГЭС, был, по-видимому, в конце 1930-го снят.

Однако главный врач поликлиники 1-й МГЭС и МОГЭС М.А. Бурштейн имел гражданское мужество сохранить тогда на стене против входа в свой кабинет портрет Р.Э. Классона. Сохранение названия станции имени Р.Э. Классона в сущности не означало сохранения признания руководством страны его заслуг. <...> Валериан Иванович Богомолов сообщил в начале 1930-х нам, детям Р.Э. Классона, со слов тоже старого, как и он, большевика Эйсмонта, тогда еще не репрессированного, что в Политбюро рассматривался вопрос, был бы вредителем Р.Э. Классон, если бы он дожил до 1930-х, и было решено, что был бы!!

* Здесь И.Р. Классон не добрался до «Ленинки», чтобы разыскать первоисточники и выписать из них цитаты; мы теперь легко выполнили эту работу по Интернету (см. выше и в данном месте). Что касается доклада Г.М. Кржижановского о «вредительстве в энергетике», то мы его разместили в Приложении «Действующие лица», в статье по данному персонажу.

** Процесс над «вредителями» (дело Промпартии) проходил в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. и пространно (целыми полосами!) освещался, например, в «Правде».

Из документа «О плане электрификации Донбасса на пятилетие 1928/29-1932/33 г.» (Постановление Президиума ВСНХ Украинской ССР), от 30 октября 1928 г.:

Отметить, что замена сооружения другой электроцентрали в Донбассе – Зуевской электропередачей Днепрострой – Донбасс не обеспечивает в потребном количестве его электроснабжения и будет нерентабельна в связи с наличием в Донбассе большого количества топлива, как-то: антрацитного штыба. Поэтому отметить, что постройку электропередачи Днепрострой – Донбасс необходимо будет решительно отклонить по крайней мере на первый период работы Днепровской гидроцентрали и что электроснабжение Донбасса необходимо базировать главным образом на его тепловых электроцентралях.

<...> Выдающийся химик топлива Г.Л. Стадников рассказывал мне, что когда его физическим воздействием заставили сознаться во «вредительстве», он написал в своих показаниях, что выдал секретные данные по торфу Италии.

При этом он имел в виду, что в будущем мало-мальски грамотный инженер или экономист заметит абсурдность этого показания. Ведь торф – низкокалорийное топливо, которое экономически не выдержало бы экспорта из СССР в Италию. А в Италии совершенно нет своего, природного торфа!

<...> Винтер мог добиваться через Сталина исправления ряда перегибов и нарушений законности. В самом начале строительства Днепровской ГЭС там был вмешивавшийся во всё и страшно мешавший, назначенный центром парторг, называвший себя «товарищем Икс». Винтер поехал из Запорожья в Москву, обратился к И.В. Сталину, а когда вернулся в Запорожье, «товарища Икс» там уже не было.

*После арестов ближайших сотрудников Винтера по Шатуре – Б.Д. Мухина, Р.Р. Вагнера, позже М.М. Карпова и других Винтер добивался быстрого направления их на работу к нему!** Всего труднее Винтеру было помочь арестованной Наталье Германовне Красиной, дочери жены Винтера Екатерины Васильевны Красиной, но все же во время войны Александр Васильевич вместе с Екатериной Васильевной навестили Наталью Германовну в тюрьме на Урале, а в середине 1940-х Винтер добился ее освобождения!

Но вернемся к трудовой «линии жизни» Ивана Робертовича. Итак, в 1932-м, по окончании монтажа нового щита управления Каширской ГРЭС, он «по собственному желанию, с разрешения администрации», уволился (по-другому советские люди менять тогда работу не могли) и перешел в Московское отделение Средволгостроя, в отдел энерговооружения.** Проектировал электрификацию совхозов и временной тепловой электростанции на строительстве Камской ГЭС. Получал он тогда на должности инженера-электрика 600 руб. в месяц. Сохранилась служебная записка, в которой инженер И.Р. Классон предполагал следующую конъюнктуру и соответственно предлагал следующее:

В 1934 году, после получения более выгодных условий кредита для советского импорта из США или других стран, часть потребности СССР в электрическом голом [(т.е. в неизолированном)] и изолированном проводе и кабеле будет покрываться продукцией, изготовленной из импортного сырья. Если это так, то:

Предлагаю импортировать в 1934 г. в качестве сырья для электрического голого и изолированного провода и кабеля только медь. Как видно из приводимой ниже справки о ценах на медь и алюминий на мировом рынке, при имеющемся в настоящее время (декабрь 1933, январь 1934) соотношении цен затрата валюты на импорт меди будет по крайней мере на 27% меньше, чем при импорте алюминия.

* То есть до вынесения «лагерного» или «расстрельного» приговора!

** Увольнение советских людей (в частности, инженеров) с одной работы и переход на какую-либо другую – это отдельная тема, которую мы здесь затронем только «от печки»:

Рабство инженеров

«Красная Газета» сообщает, что в ближайшие дни советские власти рассмотрят вопрос об организации учета и распределения инженерно-технических работников на советских предприятиях. После этого распределения инженеры будут прикреплены к предприятиям, и будет издано специальное постановление, воспреещающее в советской печати помещать объявления с предложением мест для инженеров и техников. Советские тресты, фабрики и заводы будут лишены права приглашать на службу каких-либо специалистов, так как будет создана специальная комиссия по учету и распределению инженеров и техников. – «Возрождение» (Париж), 17 сентября 1930 г.

Для новых воздушных линий передачи напряжением 161 киловольт (Днепрэнерго) и 220 киловольт (Свирская ГРЭС – Ленинград) я предлагаю применять голый медный провод. Для этого следует теперь же начать подготовку производства этого провода на одном из советских кабельных заводов. Если же окажется, что поставить производство голого медного провода в этом году невозможно, то я предлагаю произвести сравнительную калькуляцию двух вариантов:

а) импорт алюминия и изготовление из него стале-алюминиевого провода для линий передачи напряжением 161 кв и 220 кв,

б) импорт для этих линий готового голого медного провода (изготавливаемого несколькими мировыми электротехническими фирмами).

<...> При сравнении выгодности применения медных и алюминиевых проводов следует иметь в виду не только капитальные затраты, но и более долгий срок службы медного провода по сравнению с алюминиевым, а также совершенно разные условия амортизации того и другого. Старая электролитическая медь стоит столько же, сколько и новая <...>, а старый алюминий, напротив только треть цены нового <...>.

В общем, молодой инженер сделал технико-экономический и конъюнктурный анализ конкретного сектора – проводов для линий электропередачи (с привлечением зарубежной литературы на немецком языке). Судьба сего предложения нам неизвестна. Но дело не в этом: была проделана работа за целый отдел Госплана. Собственно он лишь продолжил линию, начатую его отцом – радеть, прежде всего, о пользе для народного хозяйства России-СССР.

А вот еще фрагмент воспоминаний Ивана Робертовича, которые мы объединили под парадоксальным названием «О несчастных случаях на электростанциях и об отхожих местах» (из разрозненных листов машинописи под шифром «ММ» – «мои мемуары»):

У отца было очень ясное представление об опасности несчастных случаев и о важности их предупреждения. Я только от него узнал, что в поездах надо предпочитать ехать сидя спиной вперед по движению: при крушениях, в менее пострадавших вагонах у многих пассажиров бывают переломы ног ниже колена, так как при резкой остановке едущие лицом вперед (что большинство предпочитают!) по инерции ударяются этим местом ног о противоположную скамейку. Конечно, и других травм у ехавших спиной вперед бывает меньше, чем у ехавших лицом вперед.

Отец по-настоящему заботился о предупреждении несчастных случаев на электрических станциях. При реконструкции энергохозяйства Охтинского завода он составил и ввел в действие «Меры предосторожности при обращении с токами высокого напряжения, вероятно, первые в России правила безопасности в эксплуатации электрических установок. В Баку на станциях «Электрической силы» произошло два смертельных случая: при взрыве гремучего газа в помещении аккумуляторной батареи <...> и от электрического напряжения 120 вольт (редкий случай). Я уверен, что на Московской электростанции и на «Электропередаче» отец проводил обязательность применения правил безопасности. Я знаю только об одном смертельном случае на 1-й Московской станции: погиб в котле от низкого напряжения 120 вольт переносной электрической лампы помощник котельного мастера Удалов. На этой работе полагалось (как и теперь) питать переносные лампы пониженным в целях безопасности напряжением (теперь – 12 вольт!). Это случилось в 1921 г., во время командировки отца за границу по делам Гидроторфа. М.б. поэтому я не слышал от отца о причинах нарушения требования о пониженном напряжении.

Когда я в июле 1930 г. начал работать на Каширской станции, то узнал, что там уже произошел смертельный несчастный случай на низком напряжении [110 или 220 В]. В 1931 г. на моем участке монтажа вторичной коммутации в распределительном устройстве [собственных нужд] 3 кВ вошла по ошибке в ячейку под напряжением, коснулась шин и от ожогов вольтовой дуги умерла молодая девушка, всего несколько месяцев проработавшая у нас после окончания средней школы. Я ее назначил в бригаду опытного бригадира, работавшую в распреедустройстве, чтобы она не имела дела с австрийскими монтерами, как остальные бригады участка: хотел избежать конфликта, если бы за ней один из них начал ухаживать. Я считаю, что в этом случае был виноват заведующий электроцехом монтажного отдела К.Г. Шлегель, имевший большой опыт работы еще на «Электропередаче», а м.б. и на Шатуре.

Он не мог не знать, что на монтаже Каширской станции не соблюдаются уже действовавшие в системе МОГЭС правила безопасности. Они были внедрены на монтаже Каширы лишь после этого смертельного случая: ввели отнимавшую много времени и внимания систему допусков монтажников дежурными по эксплуатации – заявки, записи, картонные «допуски», привод на место работы. Этот несчастный случай произошел, когда я месяц болел острым суставным ревматизмом в Москве, но мог бы произойти и при мне!

Позже, когда я работал от Гидроэнергопроекта на пуске и наладке электрической части гидростанций, я постоянно сталкивался с недопустимым (точнее – наплевательским!) отношением к правилам безопасности, особенно на всех временных электрических установках, начиная с временного освещения [напряжением 110 или 220 В] «на соплях».

Однако приехав на строительство Камской ГЭС (когда наша бригада уже вела наладку), я с изумлением узнал, что все освещение собственно станции уже не временное, а постоянное – на пониженном напряжении 12 В, т.е. соответствующее правилам безопасности в особых условиях подводной ГЭС. Оказалось, что <...>*

Одна моя свойственница, пожилая женщина, в 1927 г. лечилась в Карловых Варах. На обратном пути в Москву – еще в поезде до Берлина – у нее произошел удар (инсульт), отнялись рука и нога.** В Берлине она прожила несколько дней у меня с Марьей Ивановной на Регенсбургерштрассе. Ее наблюдал врач, у которого я тогда лечился.

Для ухода за больной пригласили медицинскую сестру – пожилую немку, вдову русского врача Иосилевского, который до 1914 г. имел в Берлине пансион для русских больных, приезжавших консультироваться у немецких профессоров и лечиться в немецких санаториях. Когда наша больная потребовала, чтобы к ней пригласили профессора, медсестра сказала мне: «Herr Klasson, sie kennen die russischen Juden nicht, sie wollen unbedingt sich von Professoren behandelt lassen!» («Господин Классон, она не знакома с русскими евреями [(врачами в Берлине)], она хочет пригласить непременно профессора!»). Пригласили профессора Крамера. По тому, как он осматривал больную, медсестра подтвердила, что это был настоящий невропатолог. Через месяц или два после возвращения больной в Москву я был в Берлине у своего врача и он спросил меня о состоянии той больной, а я ответил, что ей и в Москве удалось найти профессора-невропатолога и тоже Крамера!

Из разговоров с Иосилевской меня поразило, что она живет одиноко в Берлине на случайные заработки медицинской сестры, когда ее замужняя дочь живет в Советском Союзе.

* Утрачена страница машинописи.

** Если это мачеха Ивана – Евгения Николаевна Классон, то в 1927 г. ей было 52 года. В 1945 г. ее «постигло тяжелое несчастье – кровоизлияние в оболочку мозга». Значит, это был повторный инсульт.

Оказалось, что однажды она поехала к ним, но не могла привыкнуть к условиям жизни, в частности к уборным, резко отличавшимся от таковых, чистых в Германии. И она сказала себе: поезжай-ка ты домой в Берлин, у тебя там, по крайней мере, будет чистая уборная (dein reines Klosett!). И она вернулась. (Чистые уборные я, кроме Германии, видел в Финляндии, Дании, Швеции, Швейцарии.) Моя свояченица Зоя Ивановна Лисовская в начале 1920-х годов работала в Таллине, потом в Берлине, но в 1924 г. ее откомандировали в Москву, и там она первое время жила в гостинице. Так, когда она приходила в уборную, ее рвало.

Когда я в 1930-х и 1940-х годах много бывал в командировках на строящихся или уже эксплуатируемых гидростанциях, у меня до рвоты дело не доходило, но помню, что на Аджарис-Цкальской ГЭС в 1939 г. я жил в квартире с другими жильцами и меня возмущало, как кто-то постоянно использовал не центральную часть унитаза, а его борт. Но однажды в этой уборной не шла вода, и я пошел открыть водопроводный кран в стояке уборной на первом этаже. А там нагажено было уже не на борт унитаза, а на подоконник над ним. Я вспомнил тогда не только Иосилевскую, но и древнее изречение: «Все относительно!».

С января 1935-го И.Р. Классон, работая в Гидростройпроекте (в который был реорганизован годом ранее упомянутый выше Средволгострой), стал получать оклад в 621 руб. «в связи с отменой карточной системы по хлебу, муке и крупе в размере 21 руб. в месяц». В этом же 1935-м Гидростройпроект был в свою очередь реорганизован – в трест Гидроэнергопроект (Гидэп, сокращенно).

Чтобы была понятна специфика дальнейшей деятельности нашего героя, приведем отрывок из служебной автобиографии:

В 1937 г. перешел с проектных работ на пуско-наладочные в электрической части гидростанций. Бюро пуско-наладочных работ (БПНР) вело также работы по организации эксплуатации и подготовке гидростанций к сдаче в промышленную эксплуатацию. В 1937-40 гг. работал в выездных бригадах БПНР на НиваГЭС II, Аджарис-Цкальской ГЭС (в Грузии), Комсомольской ГЭС Чирчикского каскада, 2-й очереди Кондопожской ГЭС – большей частью руководителем бригад. Был экспертом в правительственных комиссиях по обследованию канала Москва – Волга в 1939 г. и приемке Аджарис-Цкальской ГЭС в промышленную эксплуатацию в 1939/40 году.

С 1941 г. работал в бригаде БПНР на Тавакской ГЭС Чирчикского каскада, с началом войны был переведен в филиал Ленгидэпа в Перми, в 1942-м – в БПНР эвакуированного в Курган Гидроэнергопроекта. В августе 1942 г. откомандирован в Москву и снова был на пуско-наладочных работах: в 1943 г. на Юрюзанской временной тепловой станции, в 1943/44 г. при восстановлении Баксанской ГЭС и Докшукинской ТЭЦ [обе – в Кабардино-Балкарии], в 1946 и 1947 гг. при восстановлении Свирской и Днепровской ГЭС. В 1943 г. назначен и.о. начальника БПНР, а в 1945 г. – его начальником.

В 1945 г. в Гидэпе на базе БПНР было создано Управление автоматики, телемеханики и пуско-наладочных работ (УАПНР). Был и.о. главного инженера, а с 1946 г. главным инженером УАПНР, вскоре при реорганизации треста в институт Гидроэнергопроект ставшего его отделением – ОАТН.

Некоторые живописные бытовые подробности этой деятельности отражены в письмах Ивана невесте, а потом жене Анне. А вот его же страшный и одновременно забавный сюжет, который мы обозначили как “О команде «ложись!» на гидростанции”:

Машинное здание Аджарис-Цкальской ГЭС лежит по одну сторону идущего вдоль реки Аджарис-Цкали шоссе, а открытая подстанция и щит управления – по другую сторону этого шоссе.

Эксплуатационники заявили правительственной комиссии, что это расположение создает большие неудобства в их работе и просили принять решение – построить под шоссе между обоими зданиями туннель. Главным доводом эксплуатационников был случай, когда во время учебной тревоги ПВО дежурный инженер станции не мог пройти из одного здания в другое, т.к. стоило ему выйти наружу, как дежурный охраны станции кричал ему: «ложись!» и [целкая затвором] заставлял ложиться. Этот довод не убедил правительственную комиссию: затраты на туннель даже длиной всего в несколько десятков метров представлялись неоправданными, а вопрос о команде «ложись!» – организационным, а не строительным моментом. Вскоре после войны я встретил в министерстве инженера Хораву, и он рассказал мне, что позже туннель все же построили.

История знакомства Ивана Классона со своей второй женой – Анной Позигун (матерью автора этих строк) довольно подробно зафиксирована в их «почтовом романе».

В апреле 1939-го мой отец, после свидания в Батумском ботаническом саду, написал моей матери (по служебному адресу – Батуми, управление АЦГЭСсестростроя, т.е. организации, прокладывавшей ЛЭП к/от Аджарис-Цкальской ГЭС): «Многоуважаемая Анна Гавриловна, вчера вы все не понимали, чего я пристаю. Кажется, я так и не смог объяснить вам этого. Вы смутили меня вашим стремлением поскорее уйти. Мы с вами мало знакомы, но вы мне очень понравились, и поэтому я хочу познакомиться с вами больше. Это я говорил вам еще в декабре [1938 г.] <...>».

В августе 1939-го Иван написал из Москвы в Батуми: «Очень тронут, что вы назвали себя моим другом!! Этого я никак не ожидал. Почему такая перемена?? Не потому ли, что на таком расстоянии я вам не страшен, и вы уверены, что я в Батуми больше не появлюсь?»

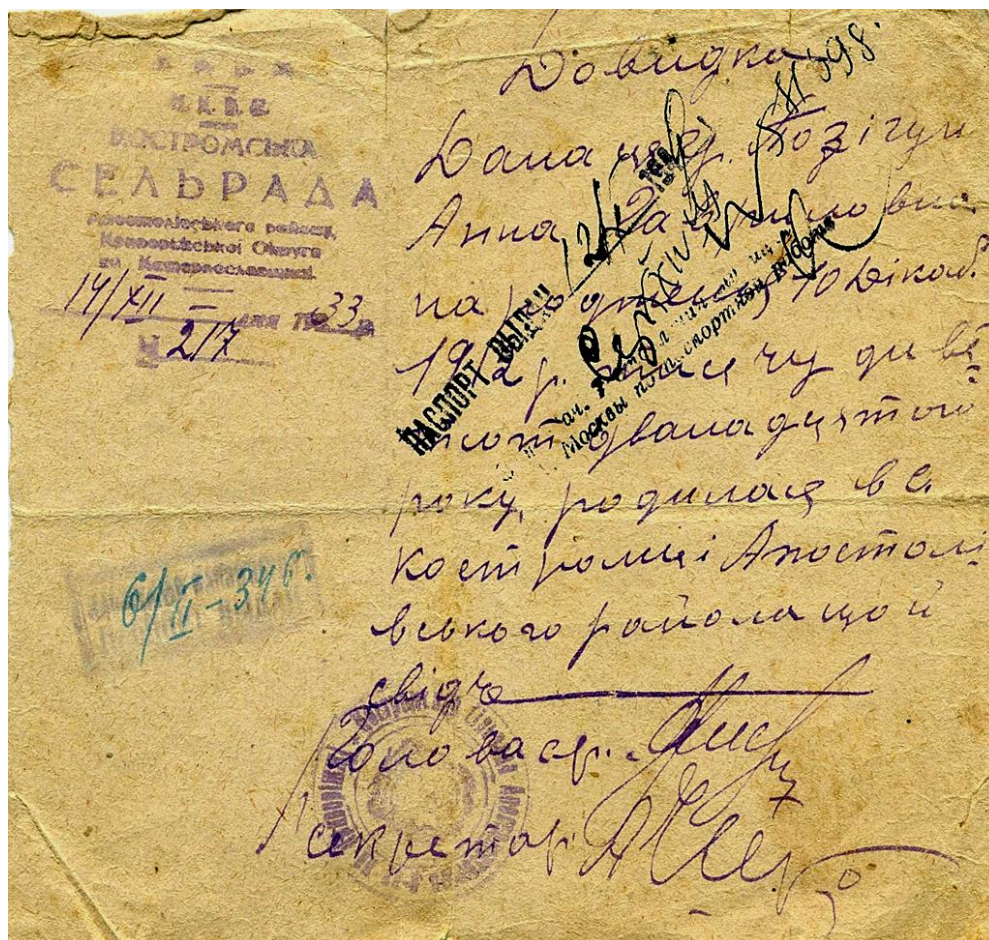
Пленившая сердце Ивана Анна (слева) с подругой Алисой (?), Батуми, ≈1940

Из июньского письма следовало, что мои будущие родители встречались раньше в Батуми по служебной линии: «<...> Мне за последние два месяца в Махунцети пришлось очень много писать, гораздо больше, чем в прошлом году. И вот, когда я потом проверял и исправлял все это после машинописи, то вспомнил, как приятно проверять было напечатанное вами. [Мой сослуживец] Квятковский <...> тоже возмущался, как можно было вас уволить, а слабую машинистку оставить <...>».

Итак, Иван познакомился в Аджарии с симпатичной машинисткой Анной Позигун. Судя по фамилии она была украинкой, но как оказалась на Северном Кавказе? Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что 21-летней Анне удалось получить в начале 1934 г. паспорт (по справке, выданной сельрадой Костромки в Криворожской округе в конце 1933-го).

Как известно, крестьяне могли оформить этот документ с весьма большим трудом. Хотя в профсоюзных и трудовых книжках А.Г. Позигун указывалось, что она, имея среднее образование, работала по найму уже с 1930 г. В частности, с 1931-го занимала должности контролера на Ленинской шахте в Тквибульугле, а затем машинистки в Тквибульском Тресте, после чего с 1934-го по 1937-й служила в Чиатурском Маргантресте.

В 1937-м Анна вернулась на Украину, поработала в Криворожстрое и Южтяжстрое и в 1938-м опять уехала на Кавказ, поступив все той же машинисткой на строительство Аджарис-Цкальской гидростанции (чья контора, по-видимому, и располагалась в Батуми). Ну, а после планового увольнения с этой стройки была трудоустроена в соседней организации АЦГЭСсетьстрой.

Справка из Костромської сельрады на Позігун Анну Гавриловну,
с отметкой о выдаче паспорта 6.2.1934 г.

Кстати, во время выборов Анна входила в участковую избирательную комиссию по участку №12 (Калининский) от первичной организации Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству (Осоавиахим) Ацгэссетьстроа (чтобы быстро и качественно печатать на машинке протоколы избиркома?). А в 1939-м она была направлена делегатом на конференцию выборов Постройкома Ацгэссетьстроа. Так что пока свободная от семьи Анна «общественной работы не чуралась».

Из анкеты, которую И.Р. Классон заполнил в 1950-м, работая в Гидроэнергопроекте, становится известным, что отец Анны Гавриил Тарасович Позигун родился в 1880 г. (или 1878-м?, а со слов последнего на допросе в Кривом Роге 23 марта 1931 г. – в 1877 году) в селе Костромка Апостоловского уезда Екатеринославской губернии (в советское время эту губернию переименовали в Днепропетровскую обл.). Мать – Евдокия Васильевна Чирченко, год и место рождения неизвестны.

Оба родителя Анны Позигун были крестьянами, по-видимому, крепкими. Гавриил Тарасович владел деревенским домом до 1932-го, Евдокия Васильевна в этом же году умерла. Печальное время для Украины – коллективизация, раскулачивание, голод... Г.Т. Позигун в 1950-м работал бухгалтером в колхозе «Расцвет» Семипалатинской обл. – выходит, в начале 1930-х был выслан в Казахстан?

Однако в 2012-м автор сих строк случайно обнаружил в РГАЭ «чужое» письмо Анне Гавриловне, которое ранее проигнорировал.

Из написанных карандашом и несколько вытершихся от времени строк можно было разобрать, что автор сего письма, некий В.С. Калашников, был освобожден из УхтаПечлага в январе 1934-го и незадолго до этого случайно встретил там же «Вашего Папу», который просил передать привет дочери и даже некое письмо!*

Значит, Гавриил Тарасович перед Казахстаном посидел и в лагерях!! В.С. Калашников, направлявшийся в Кутаис, извинялся за то, что, измученный тяжелой дорогой, не завез письмо отца лично дочери Анне и отправил уже почтой из одного Кутаиса (в бумагах последней оно, к сожалению, обнаружено не было – как и другие отцовские письма, которые могли быть написаны уже на свободе), но на всякий случай дублировал:

А теперь несколько слов напишу за Вашего папу. На вид папа, хотя он мне сказал, что ему 56 л., но ему больше нельзя дать как 40 л., немного похож на Тараса Шевченко, усы большие, <нрзб.>, настоящий украинец, работает в канцелярии, как видно, живет ничего. Бодрый, ну на душе что-то конечно знает, что тихо скучает и все не мило. Но делать нечего, время все <нрзб. – вылечит?>. Говорили мы с ним очень мало, встретились на [моем] отъезде. Беспокоится конечно о детях. Чтобы что-нибудь передать Вам на словах, ничего особого он мне не поручил...

После принятия Политбюро ВКП(б) 30 января 1930 г. постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и утверждения 4 февраля 1930 г. Президиумом ЦИК СССР (во главе «добрым дедушкой» М.И. Калининым) секретной инструкции по организации ссылки на севера, «в чистое поле» были высланы несколько миллионов «кулаков» (с семьями). Лишь в 1947 г. оставшиеся в живых около 80 тысяч ссыльных были восстановлены в гражданских правах.

“Сколько всего погибло крестьян [в СССР]? В официальной статистике таких цифр нет. Есть цифры уменьшения числа крестьянских дворов: с 25,4 миллиона в 1930 г. до 19 миллионов в 1937-м, т.е. почти на 6 миллионов [? – МК].

* В.С. Калашников жил с семьей до и после лагерей по адресу: г. Кутаис, ул. Чавчавадзе, 12-й пер., дом 6.

*Есть цифры выселенных. В.М. Молотов на старости лет осмелился поправить вождя: «Сталин говорил, что мы выселили 10 миллионов. На самом деле мы выселили 20 миллионов, и тем самым «коллективизацию мы провели успешно»». (Гавриил Попов. Ликвидировать как класс, «Московский комсомолец», 22 сентября 2000 г.)**

В 2012-м автор сих строк сообразил вдруг, по примеру прежнего запроса об архивном уголовном деле на своего дядю Павла Робертовича Классона, сделать аналогичный запрос в ФСБ РФ. И вот что я получил в ответ:

Ваше обращение от 18.06.2012 г. рассмотрено.

Сообщаем, что Центральный архив ФСБ России, Управление ФСБ России по Республике Коми, Управление Службы безопасности Украины в Днепропетровской области, Департамент Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Восточно-Казахстанской области документальными материалами в отношении Позигуна Гавриила (Гаврилы) Тарасовича, Чирченко Евдокии Васильевны не располагают.

По сведениям архива МВД по Республике Коми Позигун Гаврил Тарасович, 1877 г.р., уроженец Херсонской губернии. По постановлению тройки ПП ОГПУ Севкрая от 25.11.1932 г. осужден к 5 годам лишения свободы (статья на карточке написана неразборчиво). 09.12.1932 г. из Котласлага Коми АССР прибыл в Ухтижемлаг Коми АССР, освобожден 09.09.1936 г. Личное дело заключенного уничтожено.

По информации, полученной из ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», Позигун Гавриил Тарасович, 1877 г.р., уроженец с. Костромка Апостоловского района УССР, арестован 09.03.1931 г. По постановлению тройки при ПП ГПУ УССР от 22.05.1931 г. (статья не указана) осужден к 5 годам лишения свободы. Реабилитирован по Указу от 16.01.1989 года [[«О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 годов и начала 50-х годов»](#)]. Второй раз осужден 25.11.1932 г. тройкой ПП ОГПУ Северо-Кавказского края (статья не указана) УК СССР к 5 годам лишения свободы.

Для поиска сведений о месте хранения архивного уголовного дела на Позигуна Г.Т. рекомендуем обратиться в Службу безопасности Украины (01034, г. Киев, ул. Владимирская, д. 33).

ПП ГПУ – это региональное полномочное представительство Главного политического управления (бывшего ЧК). Сначала автор сих строк скоропалительно предположил, что в местных и центральном архивах МВД царит жуткий информационный разнбой: один и тот же человек (маловероятно, чтобы было два Гавриила Тарасовича Позигуна, родившихся на Украине в 1877-м) значится появившимся на свет в Херсонской губернии и в Днепропетровской области (Екатеринославской губернии, в с. Костромка, Апостоловского района). Кроме того, как мог Г.Т. Позигун быть осужден в 1932-м «тройкой при ПП Северо-Кавказского края», когда он в это время мотал срока в Коми АССР? Однако, как позже выяснилось, село Костромка до 1919 г. входило в состав Херсонской губернии, поэтому формально Г.Т. Позигун являлся уроженцем последней, хотя и проживал уже при «Софье Власьевне» в Екатеринославской (Днепропетровской области).

* Поправим здесь уважаемого экономиста Г.Х. Попова (или же небрежных сотрудников редакции «МК»?): по данным Davies R.W. The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture 1929-1930 (Cambridge, 1980, P. 441-443) в течение всего 1930 г. крестьянских хозяйств было **25,5 миллиона**, а в июне 1937-го стало **19,9**. То есть их число уменьшилось за этот период действительно почти на 6 миллионов.

Тем не менее, и на том спасибо, как говорится. Теперь можно и дальше попробовать покопать – послал запрос в Службу безопасности Украины... И довольно скоро получил из Киева архивное уголовное дело на деда (изучать его можно было, как и раньше, в Управлении ФСБ по Москве и области), которое позволило совершить мне два открытия!

Во-первых, «крепкий крестьянин» или, с точки зрения большевиков, «кулак» Г.Т. Позигун почему-то проходил по делу военно-повстанческой контрреволюционной организации работников Юстиции и административно-хозяйственных учреждений Криворожья, связанной с масштабной Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организацией «Весна»!!

В книге киевского историка Ярослава Тинченко «Голгофа русского офицерства в СССР 1930-1931 годы» можно найти объяснение этой замысловатой конструкции чекистов:

Что может быть общего между малограмотным крестьянином, недовольным аграрной политикой большевиков, и боевым царским генералом, видным советским военспецом, разгромившим Колчака и Врангеля? А может ли вообще между ними быть что-то общее? Оказывается – может!

Именно это доказало в 1931 году руководство ОГПУ, обвинив бывшего помощника Фрунзе [(а ныне [военного руководителя Киевского политехнического института и главного военрука Киева](#))] Владимира Александровича Ольдерогге в «руководстве контрреволюционным заговором». Ему, в частности, вменялась в вину «подготовка восстания», «антисоветская деятельность» и прочая белиберда.

<...> После повальных арестов бывших белых офицеров в Москве в августе – сентябре 1930 года директива об уничтожении белогвардейцев была спущена и в Киев. А в ноябре на Украину пришло еще одно задание – старательно вычистить кадры Украинского военного округа.

Итак, теперь у ОГПУ УССР было сразу три задания: добить недовольных в крестьянской среде, уничтожить бывших белогвардейцев и арестовать военспецов. А может, можно как-то объединить все эти дела вместе? И руководство ОГПУ Украины успешно выполнило эту задачу.

Как следует из официальной версии, в начале 1930 года Конотопским отделом ОГПУ была начата агентурная разработка «Весна» по делу «группировки кулаков» села Головеньки и хутора Чечель Борзненского района Конотопского округа. Руководителями «группировки» были представлены крестьяне Яков Шкробат с сыном Сергеем, Иван Василенко с сыном Алексеем, а в Чечеле – Кирилл Заруба, женатый на бывшей помещице хутора Евдокии Никифоровне Шкляревской.

Арестованные К. Заруба и А. Василенко на допросах «признались» в «контрреволюционных деяниях» и назвали руководителями мнимой организации бывших белых офицеров Н.С. Белявского, Я.А. Олейника, Тодоровича, лесничего П.С. Универсала, а также бывших помещиков В.В. Косенко и Е.Н. Шкляревскую.

1 и 2 августа 1930 года указанные «предводители» были арестованы, Олейнику и Тодоровичу удалось скрыться, хотя потом их все равно поймали. Теперь следователи взялись за новую порцию подследственных, которые «признались», что являются не каким-нибудь «контрреволюционным сборищем», а... «Левобережным штабом Повстанческих войск».

В полученных следователями «признаниях» значилось, что сей штаб кроме Борзненского района якобы охватывал всю Черниговщину, распространяя свое влияние на 7-ю Черниговскую территориальную дивизию (бывшие офицеры частенько весело проводили время с военспецами этой дивизии). Ну а дальше начались повальные аресты «повстанцев» – в основном открыто высказывавших свое недовольство политикой советской власти крестьян.

Только на Борзненщине было арестовано около тысячи таких повстанцев, руководимых «Борзненским штабом повстанческих войск». <...> Добавим, что подавляющее большинство арестованных крестьян было расстреляно. В это же время подобная «контрреволюционная организация» была выявлена и в Березанском районе (дело «Беглецы»). «Руководителями» ее были названы сотрудник промышленной милиции Терещенко и бывший казачий полковник И.А. Дубров-Добржанский. Здесь было арестовано 59 человек – в основном «кулаков», «бывших бандитов» и офицеров.

Далее Ярослав Тинченко, плотно поработавший в архиве Службы безопасности Украины, описывает аресты, процессы и расстрелы в ряде других городов. Но Кривой Рог, к сожалению, оказался вне поля его внимания.

В то же время в уголовном деле на Г.Т. Позигуна имеется справка по номерам персональных «криворожских дел» и их фигурантам, где перечисляется около двадцати человек, проходивших по пресловутому делу так называемой «военно-повстанческой контрреволюционной организации работников Юстиции и административно-хозяйственных учреждений Криворожья». И в этой справке упоминался Александр Иванович Колесников. А в материалах собственно дела на Г.Т. Позигуна он (с небольшой вариацией фамилии – Колесник) оказался вербовщиком в повстанческую организацию недовольных «Софьей Власьевной» в селе Костромка!

Из «чистосердечных показаний» Гавриила Тарасовича за 21 апреля 1931 года, записанных полуграмотным следователем:

Признаю себя членом контрреволюционной повстанческой организации, ставящей перед собой цели свержения Соввласти, путем вооруженного восстания о чем и даю настоящее показание.

Примерно в конце ноября м-ца или начале декабря 1930 года я зашел к учителю Колеснику Александру Ивановичу попросить у последнего книгу для чтения, он мне начал говорить о том что я – Позигун обижен соввластью, тем, что моих 3-х сыновей выслали, наложили много хлеба, который не в силе выполнить, а так же займ индустриализации. Затем начал говорить о том, что необходимо что-нибудь предпринимать, что надо организовать.

Я спросил: как же организовать, он ответил что существует такая организация в которую ты тоже можешь вступить, я спросил Колесника что же эта организация может сделать, он ответил что подготавливает восстание против Соввласти, говоря, что все уже подготовлено, намечены командиры и имеется оружие, ожидается только всеобщий сигнал и будем вставать. Тогда я сказал Колеснику что я подумаю. На этом наш разговор был окончен и я ушел.

Примерно недели через 2-3 я отнес книгу Колеснику, последний меня спросил в отношении содержания книги, а затем спросил моего согласия в отношении вступления в организацию, доказывая мне, что организация сильная и их много, а так же нет чего бояться потому, что эта организация так построена, что если я тебя вербую, то ты только меня знаешь, а кого ты завербуешь, то только ты и будешь знать. Когда я дал свое согласие вступить в эту организацию, Колесник мне поручил производить вербовку говоря: если найдешь подходящего человека, беря курс на кулаков и недовольных Соввластью то вербуй. В отношении руководителей организации Колесник мне сказал, что уже распределены из б. фельдфебелей и унтер офицеров, так что по сигналу они будут на своих местах. В отношении совещаний и других членов организации Колесник мне не говорил.

Виновным в принадлежности к контр. революционной повстанческой организации себя признаю, о чем дал свое чистосердечное признание, обещаю в будущем быть преданным Соввласти гр-ном. Прошу Соввласть о смягчении меры наказания. (это несколько более грамотный, чем рукописный, машинописный вариант протокола допроса)

Поскольку 54-летний Г.Т. Позигун сделал «чистосердечное признание», то получил от Судебной Тройки при Коллегии ГПУ УССР «всего лишь» пять лет лагерей в Северном крае.

А обвинялся он по весьма серьезным статьям – 54-11 (контрреволюционная деятельность) и 54-2 (вооруженное восстание) – УК УССР за 1927 год! За что многих обвиняемых и расстреливали!!!

А вот и второе открытие! Гавриил Тарасович вскользь упомянул о своих троих сыновьях, которые, оказывается, уже были высланы к весне 1931-го!! В справке Костромковского Сельского совета, Голова последнего указывал на то, что два сына – Олександр и Грицько были участниками подпольной организации С.В.У. (Спилки Визволення Украйны, или Союза Освобождения Украйны), а третий сын – «Позигун Говрило связан с шовинизмом». Поэтому автор этих строк в очередной раз запросил Киев – не могли бы они прислать в Москву архивные дела на моих неожиданно открытых дядьев...

Киев ответил мне, что «в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины архивные уголовные дела на семью Позигуна Г.Т. отсутствуют. Учитывая, что по Вашим данным сыновья Позигуна Г.Т. подвергались административным репрессиям (ссылке, депортации и т.п.), которые в 20-30 гг. XX века осуществляли также органы рабоче-крестьянской милиции, для дальнейшего поиска необходимой информации рекомендуем обратиться в Министерство внутренних дел Украины (ул. Богомольца, 10, г. Киев, 01024, Украина) и Главный информационно-аналитический центр МВД РФ (ул. Новочеремушkinsкая, 67, г. Москва, 117418)».

Фото из альбома А.Г. Позигун с лаконичной надписью – «2/VI-38 г.». По-видимому, это и есть сестра Мария с мужем Бушковским

В общем, подумал я тогда, есть еще перспективы для установления подробностей печальной судьбы моих троих дядей... Однако в декабре 2012-го Департамент режимно-секретного и документального обеспечения МВД Украины прислал мне неутешительный ответ:

Уважаемый Михаил Иванович! Ваше заявление относительно розыска сведений о членах семьи Позигуна Гавриила Тарасовича и Чирченко Евдокии Васильевны рассмотрено в Государственном архиве МВД Украины. Информировем, что в МВД Украины и ГУМВД Украины в Днепропетровской области нет сведений о принудительном выселении и месте хранения архивных дел на членов семьи Позигуна Г.Т. и Чирченко Е.В., поэтому установить их судьбу не представляется возможным.

В общем «Софья Власьевна» загубила крепкую семью крестьян, а документы по «принудительному выселению» и «рассадке по концентрационным лагерям» ее членов, кроме главы Гавриила Тарасовича уничтожила. Мне представляется, что даже этого «единичного примера» вполне достаточно для характеристики социализма-коммунизма как бесчеловечного режима, который больше не имеет совершенно прав на реализацию где-либо еще на Земле.

На момент ареста (9 марта 1931 г.) в семье Гавриила Тарасовича было только четыре души: кроме него самого (1877 года рождения), еще жена Евдокия Васильевна 45-ти лет, дочь Анна Гавриловна 18-ти лет и дочь Мария Гавриловна 16-ти лет. Но крепкое ранее хозяйство большевики к тому времени уже разорили.

Вот как начинался цитировавшийся выше документ:

Протокол допроса

Позигуна Гавриила Тарасовича, 1877 г. рождения, с. Костромка, Апостоловского района, крестьянин-кулак, имущество продано за невыплату хлебозаготовки, украинец, гр. УССР, образование нисшее, окончил 2-х классную министерскую школу, хлебопашец, под следствием и судом не был, б/партийный, в прошлом крестьянин-кулак, б. волостной писарь.

21 апреля 1931 г.

До революции служил в с. Костромке сельским писарем, с 1907 по 1913 г., с 1913 г. по 13 сентября 1914 г. – волостным писарем в с. Костромке, одновременно имел 21 десятину собственной земли, которую здавал в аренду крестьянам, так же имел 1 корову; лошадей и с/хоз инвентарь не имел.

В 1914 г. по мобилизации был призван в старую армию где прослужил до октября м-ца 1917 года писарем при 139 пехотном полку. По возвращению из старой армии я был приглашен председателем Костромского Волисполкома на должность секретаря – Волисполкома, где проработал до августа м-ца 1920 г., после чего начал заниматься сельским хозяйством, одновременно принимал участие в общественных организациях на выборных должностях.

Надельной земли имел 16 дес., лошадей 1-2, коров – 1, овец – 5, бричка и веялка. С/хоз налог платил в 1929/30 г. 31 руб., в 1930/31 г. 13 руб. 06 коп. В 1930 году мне был доведен план ко двору по хлебозаготовке в количестве 700 пудов за невыполнение которых имущество распродано.

Сканы оригиналов вышеупомянутых документов находятся в Приложении «Документы по Позигунам».

В конце 1950-х Гавриил Тарасович вместе с какой-то своей родственницей (второй дочерью, Марией?) приезжал к Классонам на садоводческий участок в Алабушеве под Москвой, о чем автор этих строк помнит весьма смутно. Я в детстве отчаянно стеснялся новых людей, поэтому утром, после приезда накануне поздно вечером родственников, долго лежал на раскладушке и притворялся, что сплю. В общем, никаких подробностей об общении с дедом Гавриилом я привести не могу...

А жаль! Да и отец почему-то не сфотографировал всех нас на свой стереофотоаппарат «Спутник» (снимал по два кадра 6 x 6 см, но можно было, не стаскивая с одного из объективов крышку, делать одиночные снимки). Или он его еще не приобрел?

В 1960-м московские Классоны получили телеграмму из Георгиевки (СМП – Семипалатинской области?): «Отец умер 1 апреля. Бушковская». По-видимому, сестра Анны Гавриловны Мария вышла замуж за некоего Бушковского, и они вместе жили там, где ее отец так и осел после лагерей (или он к ним переселился после выхода на пенсию?)...

Писем Гавриила Тарасовича в семье Классонов почему-то не сохранилось. Имеются лишь косвенные признаки оных.

Например, жена Анна писала в марте 1941-го из Москвы мужу Ивану, который находился в командировке в Кондопоге:

Получила письмо от отца, очень жалеет меня, что я все время болею, и советует серьезно полечиться. Пишет, что племянник мой уже бежит и говорит, пишет также, что сестра плохо его воспитывает, все его капризы выполняет. Мне кажется, что отец прав. <далее следовал текст, вымаранный Анной>

Иван, в ответ, недоумевает:

<...> Я не понял о твоём отце и племяннике. Разве твоя сестра [Мария] живет в том же городе, что и отец? Или она была у него проездом?

Или вот еще, в письме Ивана из Москвы Анне в Курган, декабрь 1942-го:

Дорогая Анечка, почему отец тебе с февраля не писал? Объяснил ли он это?

В другом письме из Москвы в Курган Иван советует Анне «*копить денег для поездки в столицу или же в Жангиз Тобе [к отцу? – МК]*». В общем, Жангизтобе и Георгиевка (Семипалатинская обл.) находятся в нескольких десятках километрах друг от друга, т.е. совсем рядом. А райцентр Жарма (под которым находился совхоз «Расцвет», где в 1950-м работал бухгалтером Гавриил Тарасович) – чуть в стороне от Жангизтобе, но тоже на левой стороне притока Иртыша реки Чар, Георгиевка же – на правой.

Но вернемся к истории знакомства Ивана Робертовича со «второй женщиной». В сентябре 1939-го, находясь в с. Махунцети (Грузия), он отправил такое письмо: «*Многоуважаемая Анна Гавриловна, несмотря на ваше молчание, я не отказался от намерения вас увидеть. Я собираюсь на днях быть в Батуми для работы на подстанции. <...> Не будьте так скупы и уделите мне немного времени!*»

В декабре 1939-го «почтовый роман», похоже, несколько продвинулся: «*Дорогая Анна Гавриловна, спасибо за письмо, получил его здесь [в Махунцети], его мне переслали из Москвы. <...> Желаю вам всего хорошего в 1940 году. Ваше письмо меня очень тронуло.*»

В это же время Анна Гавриловна получила отрицательный ответ из Тбилиси, с курсов «Стенотипист» (по-видимому, послав перед этим запрос о своем желании не только печатать на машинке, но и стенографировать): «*В ответ на Ваше письмо сообщаем, что заочного отделения курсов стенографии у нас нет. Нет их и в Москве. Обучение производится только очным порядком.*»

В апреле 1940-го Иван Робертович еще находился «между двумя женщинами», хотя и несколько продвинулся в отношениях со второй:

Дорогая Аня, третьего дня получил твое письмо от 25 марта. Спасибо. Хотел в тот же день ответить, но не смог, т.к. был занят до часа ночи: теща сломала ногу, и я, как пришел домой, так и возился с вызовом врача, аптекой и перевозкой тещи в больницу. Она держалась мужественно, а Марья Ивановна еще дополнительно страшно расстроилась. А я нет. Жалею ее только отвлеченно. Ты пишешь, что не веришь мне, будто я бодро настроен, а наоборот видишь, что я очень расстроен. Ты недооцениваешь моей деревянности, благодаря которой горе даже близких мне людей меня мало трогает. <...> Вот это – что я никак не могу поскорее соединиться с тобой – меня действительно расстраивает, но пока ничего сделать не могу.

При этом «первая женщина» уже была предупреждена о скором расставании (из февральского письма за 1940-й из Батуми в Батуми):

Брось и думать о том, чтобы меня прогнать. Я уже написал в Москву о случившемся и намечаемом мною. Восстановить мой старый брак уже нельзя.

И из мартовского письма (из Москвы в Батуми):

Я живу на старой квартире, т.к. теща больна, и мы решили отложить сообщение ей о нашем разводе. Кроме того Марья Ивановна (моя б. жена) не хотела, чтобы я съехал с квартиры теперь же. Она на меня очень обижена, ей очень тяжело, но со мной не поссорилась, подлецом меня не считает, а что я страшный эгоист, я и сам знаю.

Но для перехода «от Марии Ивановны к Анне Гавриловне» существовали «некоторые препятствия» (из мартовского письма в Батуми):

Меня огорчает последняя фраза твоего письма, что ты и так несчастна, что меня любишь! Как же так, ведь это же не несчастная любовь, а наоборот я тебя сначала полюбил, и ты меня прогоняла, а теперь вдруг несчастна! «Не гневи бога», прикидываясь несчастной! Или тебя так расстроила ссора с сестрой [Марией]? Я полагаю, что она против твоего брака со мной из-за разницы в возрасте или из-за недостаточного моего заработка?

Следом обстоятельный жених телеграфировал в Батуми: «Выезжайте конце апреля желательно 25 Тбилиси Москвы скорым мягким закажите городской станции Батуми заранее плацкарту Москвы телеграфьте Сиротский 17/40 дату отхода Тбилиси номер поезда вагона справляйтесь ежедневно телеграммах целую Иван». Вскоре он вынужден был уехать от Марии Ивановны с тещей (проживали они в Сиротском переулке), не дождавшись размена жилплощади, и снять комнату сначала в пос. Валентиновка (май), а затем – в пос. Новые горки рядом со ст. Болшево Ярославской ж.д. (июнь – октябрь).

В октябре 1940-го И.Р. Классон, находясь в очередном отпуске, вынужден был отказаться, несмотря на свою служебную самоотверженность, явиться в Гидроэнергопроект и оформить командировку на один месяц, на очередную стройку: «к сожалению не могу выйти на работу до истечения предоставленного мне отпуска, так как должен использовать его для окончания оформления и для осуществления обмена моей жилой площади в Москве. Иначе я рискую потерять эту площадь».

Времена кстати были весьма суровые. По Гидроэнергопроекту (как и по всем советским учреждениям) действовал приказ: в случае если командированный через два часа после прихода поезда не явится на службу, он будет отдан под суд. После размена жилплощади молодожены переселились из Болшева в Теплый переулок (ныне ул. Тимура Фрунзе).

По-видимому, на этом фото изображены сотрудники управления АЦГЭСсестроря, прикомандированный И.Р. Классон – 4-й слева в последнем ряду, А.Г. Позигун – крайняя справа в 3-м ряду (Батум, 1939 г.)

Иван постоянно пытался поднять культурный уровень Анны. Из мартовского 1940-го года письма из Москвы в Батуми:

Пиши мне, что ты делаешь в свободное время, видела ли «По щучьему велению» и еще что видела в кино? Читала ли что-нибудь? Читаешь ли газету? «Развернула» ли работу кружка изящных искусств? Стыдись, если не развернула. Свободное время у тебя есть – ведь ты не тратишь время на трамваи, как москвичи.

И из другого подобного письма:

Хотел взять у сестры [Тани] Тургенева – одну из повестей или романов, которые люблю, и послать тебе бандероль. Так тебе было бы легче начать читать, чем записываться в библиотеке и т.д. Но был на днях у Тани, однако к моему прискорбию оказалось, что ее библиотека (почти вся бывшая библиотека нашей семьи в родительском доме) украдена товарищами ее сына для продажи. Хорош сын – 16 лет, а так распустил слюни! Нет ни Тургенева, ни Гончарова и т.д.

Из декабрьского письма (из Кондопоги в Москву):

У тебя, Аня, мало фантазии, поэтому тебе и скучно, а времени у тебя много, ты могла бы выкидывать всякие экстравагантности – например, поехать познакомиться с [Сергеем Федоровичем] Гардениным и его детьми. С [его дочерью] Наташей у тебя м.б. даже установился бы контакт. А у тебя не хватает инициативы даже, чтобы к [моей сестре] Тане съездить.

*<...> Я еще с Чирчика писал тебе, что не «*meine Johann*», а «*mein Johann*». *Meine* – моя, *mein* – мой и мое. Ты по-прежнему «пишеш», а не «пишешь». Во втором лице [глагола] единственного числа пишется мягкий знак!*

Из той же Кондопоги наш уже умудренный жизнью герой так поучал свою молодую жену:

Чтобы нервы были лучше, надо регулярно заниматься умственно, а ты этого по-видимому не делаешь. Пожалуйста, учись не меньше двух часов в день. И читай беллетристику не меньше часа. <...> Если ты всерьез так недовольна моими командировками, то здесь выход один – я должен перейти из этого бюро в другое бюро или отдел Гидроэнергопроекта. Это мы можем обсудить в Москве, но просто писать мне обвинения и прочее, пока я в отъезде и работаю вообще на разъездной работе – неразумно.

Имей в виду, что моя работа в Москве означала бы сокращение заработка. Так ты во время моего отсутствия получаешь всю мою зарплату, и у меня еще может что-то остаться от суточных. Из полочки 7-го декабря, пожалуйста, отложи 100 руб., которые я должен Сергею Федоровичу Гарденину. Может быть, [моя сестра] Катя познакомит тебя с ним, и ты отдашь ему эти 100 руб.? С другой стороны я сам предпочел бы ездить меньше и т.д.

В следующем письме заботливый муж, не вылезавший из длительных командировок, обозначил больше двух десятков спектаклей, опер и фильмов, которые его жена должна посмотреть (а также сходить в цирк) и далее развернул такую диспозицию:

Из этого следует, что ты не можешь ждать, когда пойдешь со мной, а надо начать тебе и одной ходить или с другими компаньонами или компаньонками! Начинать с дневного кино и с дневных представлений в воскресенье в Малом театре. Ведь против моих поездок ты больше не возражаешь – очевидно, очень отдыхаешь от меня, особенно одна на кровати. А раз я буду много ездить, то тебе надо использовать и это время без меня в Москве для посещения театров и пр. А то вдруг меня через какое-то время переведут на периферию, и окажется, что ты Москвы почти и не успела повидать!

Забегая вперед, отметим, что уже переставший ездить в длительные командировки Иван так и не смог приучить жену к регулярным посещениям не только театров и концертов, но даже кино!

В 1961-м он жаловался своей киевской родственнице С.Н. Мотовиловой:

Я веду очень уединенную жизнь: жена сама ни с кем почти не встречается, не хочет, чтобы я кого-нибудь звал к себе, даже попрекает меня, что я хожу на выставки (а я считаю, что это как раз моя заслуга, что я в последнее время, начиная с октября [1960-го], был на нескольких выставках, я Вам писал).

Недавно я с сыновьями (жена не пошла, хотя я взял билет и для нее, правда, не предупредив) смотрел английский фильм «Банковый билет в миллион фунтов [стерлингов]» по Марку Твену. Так она меня до сих пор попрекает этим! Правда, я ко всем этим утрировкам давно привык, не «переживаю» их, но все же это мешает.

В 1941-м Ивану Робертовичу с женой действительно пришлось ретироваться из Москвы, из-за наступления немца, который вплотную подошел к столице. Но пока еще мирное время, и Анна настаивает на том, чтобы муж сменил работу, связанную с регулярными и длительными командировками.

Из письма последнего из Кондопоги в январе 1941-го:

Я не понимаю, как твой совет перестать ездить в командировки вытекает из того, что ты убедилась в невозможных условиях в Лефортове. Ведь, если я перейду в Гидэп'е на проектирование, я должен буду тухнуть в этом террариуме в Лефортове! А так часть времени в Москве я могу работать в лаборатории. Пока мне не следует переходить на другую работу. Дальше будет видно.

«Террариум» в Гидэпе рано или поздно начнет, как мы увидим ниже, весьма основательно покусывать нашего героя.

В том же январе 1941-го продолжилось заочное «промывание мозгов» Анны (пока не имевшей детей и не работавшей, начала служить лаборантом и затем машинисткой в Гидроэнергопроекте лишь в марте 1942-го, в эвакуации):

Итак я хотел бы, чтобы

1) ты начала пользоваться телефоном, когда это надо, а на первое время просто для пробы – позвони Тане и Антонине Максимилиановне [Розенберг-Старковой];*

2) ты не простужалась;

3) отвезла бы Тане том Тургенева;

4) писала бы мне не реже одного раза в два дня и опускала бы письма в ящик не позже, как на другой день утром;

5) занималась бы регулярно ежедневно один-два часа немецким языком (купи пластинки с руководством) и кроме того полчаса-час – русской грамматикой, правописанием и т.д.

<...> Писать «Mein Johann» можно, но не принято. Принято «mein lieber Johann» или «lieber Johann». Почему в прилагательном lieb в этом случае окончание «-er» – разберись сама по учебнику. Вообще давай своему мозгу какую-нибудь работу. Если тебя больше интересует алгебра или геометрия, чем грамматика, то занимайся этими науками! Но обязательно чему-нибудь учись. Я настаиваю на том, чтобы ты видела людей и развлекалась. Теперь после выдержки можешь все-таки съездить к Кате и отдельно к Старковым. Обязательно сходи в концерт – вполне можно одной”.

Но молодая жена упорно обращалась к мужу: «Mein Johan» и «Mein Johann», хотя кое-какие его предписания и пыталась выполнять. Из ее мартовских 1941-го года писем:

Сегодня получила от тебя Грамматику, большое тебе спасибо. Вчера: убирала комнату, занималась, купалась, читала «Безмятежную тумбу» [И. Ильфа и Е. Петрова]. Сегодня ездила в Универмаг. Купила себе две пары трико (теплых), чулки шелковые стального цвета – 9 руб., пластинки: «Взяв бы я бандуру» и на другой стороне «Гречаныны», поет Паторжинский, надеюсь, тебе понравится; «Ночь в Мадриде», увертюра, музыка Глинки; «Сказки Венского леса», вальс, музыка Штрауса; «Тысяча и одна ночь» Штрауса; «Жизнь артиста».

<...> Пока все. Буду писать аккуратно, также сообщать о своих занятиях, как обещала. Сейчас займусь грамматикой, потом немецким. <...> Какая замечательная вещь «Ночь в Мадриде» и остальные, которые я купила. Когда долго не слушаешь, то после упиваешься музыкой. Я дня четыре не заводила патефон, завела сегодня, слушая «Ночь в Мадриде», у меня настроение поднялось на 100%. <...> Пока что я очень довольна грамматикой, особенно 1-м, 2-м и 3-м склонением существительных.

* В эти годы у подавляющего большинства москвичей домашних телефонов не имелось, надо было ходить к уличным аппаратам или же в почтовые отделения.

В то же время Анна выдвигала и свои требования:

Du schreibst nicht – was machst du in Leningrad, was machst du am Abend [(«*Ты ничего не пишешь – чем ты занят в Ленинграде, что ты делаешь по вечерам*»)] и т.д. Пожалуйста, не ограничивайся несколькими словами и пиши письма, в которых было бы не меньше 56 строчек, в каждой строке по 15 слов (раз в три дня), в противном случае буду отсылать тебе их обратно.

В 1941-м молодожены какое-то время совместно проживали, когда муж был в длительной командировке на Тавакской ГЭС Чирчикского каскада, в пос. Таваксай (Узбекистан).

Это, понятно, следует не из переписки, а из сохранившейся фотографии одноэтажного дома на несколько квартир, на обороте которой пожилой уже Иван Робертович написал: «Чирчикская ГЭС. Таваксай. 1941. В этом доме мы жили, И.Р. и А.Г.». Однако на самом деле на Чирчике строились две гидростанции, первая из которых получила наименование Комсомольская, а вторая – Таваксайская (Тавакская). Как раз в июле 1941-го была пущена последняя гидростанция, соответственно перед этим И.Р. Классон занимался на ней наладкой систем релейной защиты и автоматики. Комсомольская же ГЭС под Чирчиком была пущена еще в сентябре 1940-го, где Иван пребывал в командировке с августа по сентябрь этого года и писал Анне письма на станцию Болшево под Москвой.

Здесь мы отвлечемся ненадолго от семейных отношений наших родителей и отметим такой, казалось бы, неожиданный, пристальный интерес Ивана Робертовича к «политике». Как известно, в зиму 1939/40 года Сталин напал на Финляндию, каковое событие получило название «зимней войны». Так вот, отец, оказывается, следил за ее ходом и потом отметил на карте в Большой энциклопедии под ред. С.Н. Южакова результаты оной: сколько территорий большевики оттяпали у финнов.

Карта Севера России в Большой энциклопедии под ред. С.Н. Южакова с пометами И.Р. Классона

Примерно то же самое отец делал на картах Российской империи во время войны 1941-45 годов. Приведем лишь один пример – пометы на карте Южной России во время наступления советских войск.

Из других документов следует, что молодожены зарегистрировали свой брак в Москве лишь в марте 1944-го, через месяц после рождения первенца. Выходит, до этого они жили гражданским браком, и обстоятельный Иван ждал, когда же у «второй женщины» появится первый ребенок?

После эвакуации из Москвы Ивану и Анне пришлось элементарно выживать (из июльского 1942-го года письма из Кургана в Белозерский район Челябинской обл.):

Дорогая Аня, ни одного письма от тебя не получил и никто из родных Вашей бригады ничего не получил (насколько знаю)!! Вчера в газете Красный Курган напечатано постановление СНК СССР и ЦК об уборке урожая. Там прямо сказано (как я и ожидал), что мобилизованных из городского населения, прибывших на прополочные работы, оставить в колхозах и совхозах на все время уборки.

Так что ты застрянешь минимум до сентября (если так долго смогут всех вас использовать!). М.б. тебя сюда вызовет спецотдел, если я поеду в Москву, как мне обещали. Но ведь с твоим вызовом может и не выйти!

<...> О рытье и вывозе (на корове!) картошки с наших соток я думаю договориться из половины или из трети с хозяйкой Федосьей Андреевной (м.б. при участии-руководстве Гарденина или Аллы Сергеевны Захаровой!) Нельзя будет оставлять нашу картошку, если все свою уже выкопают, то нашу украдут. А тебя может к тому времени еще не быть [[в Кургане](#)]! 14 и 15 [[июля](#)] разрыхлил тяпкой почти половину всей картошечной площади (12 рядов из 26!), 14-го кроме того поливал.

Времени совсем нет! Еще простыню не зашил, только подтяжки зашил. Ложусь в одиннадцатом часу, встаю в шестом, не успеваю. Масло, рис, пшеницу, муку (я добавил два раза по 900 г) возьму в Москву полностью. Получил сообщения и советы брать в Москву как можно больше харчей. Картошка там стоит около 60 руб., яйцо 15 руб. [[десяток](#)], молоко 40 руб. Здесь картошка 17-20 руб. (скоро буду опять покупать!).

Я подсаживал невзошедшую картошку. Молоко у [[коровы](#)] Аллы [[Сергеевны](#)] вчера прекратилось, пока воздержусь, тем более что яйца стали тухнуть! Бульон два дня давали. Но он теперь уже к утру протухает!! От обмазки [[комнаты](#)] навозом развелись мушки, которые все засиживают! Усиленно сушу комнату, но она сохнет медленно. Уголь еще не перевозил. Для керосина у хозяйки нет бидона! Разбилась у нее при наводнении бутылка!

Как можно понять из последующей переписки, Иван был один, без жены откомандирован обратно в столицу (правда, по его собственному желанию). Из октябрьского письма за 1942 год в Курган:

При твоём стремлении в Москву ты, вероятно, не представляешь себе, насколько финансово нам было бы трудно здесь вдвоем. Кроме того не представляешь себе, что зимой у нас будет очень скудное отопление, ограниченное расходование электроэнергии, газ уже теперь идет не каждый день или не весь день и т.д. Я буду в Рыбинске и других командировках, а тебе пришлось бы мерзнуть и сидеть без горячей пищи в «Теплом» переулке.

В Кургане ты все-таки так или иначе топливный вопрос решишь. Так что мужайся и не ропщи на нашу разлуку, свое одиночество и т.д. Меня здесь [[посылками](#)] подкармливай! Барахло меняй и продавай!

И опять о желательности перезимовать Анне в Кургане (из декабрьского письма):

Вопрос о твоём приезде в Москву не так прост. Здесь ты не гарантирована от мобилизации на дровозаготовки (в этом году в конце лета и осенью было мобилизовано очень много женщин).

В любом месте тебя могут мобилизовать в зенитные части и т.п. В этом случае обязательно возьми с собой все масло, сахар и т.д., которые у тебя есть. Вещи для продажи передай Гарденину. Остальное ему же или на склад – расписку вышли мне.

Из декабрьского 1942 г. письма в Курган:

Я не помню, чтобы я писал Гарденину, что отказываюсь от муки. Во всяком случае, сейчас я не намерен отказываться от присылки тобой муки, пшеницы, гороха, масла. Если у тебя с посылкой не будет выходить в чемоданах едущих [в Москву], то попытайся упаковать в ящик или тюк для сдачи в багаж с едущим.

При этом надо иметь в виду, что харчи в багаж не принимают, а только «домашние вещи» и одежду. Харчи не должны прощупываться в тюке, греметь (картошка) или булькать при потряхиваниях и т.п.

<...> С вызовом тебя и переездом не так просто, как ты думаешь. Кроме того, повторяю, жизнь в Москве очень дорога. Картошка – 50 руб. за килограмм, мясо 350-400, молоко 60 руб. или дороже, капуста 35 руб., морковь 50 руб., лук 90 (я привез лука из Ярославля по 35 руб.) и т.д. Дома не топят пока совсем, т.к. не окончен ремонт радиаторов. В моей комнате около +5°, когда несколько часов работает электрическая плитка, то доходит до 9°. При этом от варки сыро. На кухне бывало ниже нуля. Домоуправление и представитель района обещают в декабре отопление пустить.

Среди бумаг обстоятельного И.Р. Классона сохранилось ответное письмо главного инженера Главгидроэнергостроя А. Беякова за декабрь 1942-го:

Ознакомившись с Вашим предложением о строительстве в г. Горьком гидроаккумулирующей электростанции вместо малых гидростанций, считаю возможным сообщить нижеследующее.

Проводимые в текущем году Гидроэнергопроектом проектно-изыскательские работы по водотокам Горьковской области ставят целью выявить возможность строительства гидростанций, имеющих своим назначением увеличение выработки энергии и мощности Горьковской энергосистемы. Гидроаккумулирующая же электростанция, способствуя только покрытию дефицита мощности в системе, потребует увеличения выработки энергии тепловых станций, что не является целесообразным в настоящих условиях, учитывая напряженное положение с топливом.

Необходимо также отметить, что в настоящий момент при уплотненном суточном графике нагрузки ощущается наиболее острая потребность в увеличении выработки энергии Горьковской системы. Поэтому считаю преждевременным вести проработку вопроса о строительстве гидроаккумулирующей станции в Горьком.

Выходит, Иван Робертович в очередной раз проявил государственную озабоченность в связи с нехваткой пиковых мощностей в вечно дефицитной плановой экономике? С большими трудностями в постсоветской России была введена в строй Загорская ГАЭС (под Сергиевым Посадом). Киевская ГАЭС, выстроенная на общесоветские средства, отошла к независимой Украине. А проекты Горьковской (Нижегородской), Саратовской (Балаковской) ГАЭС до сих пор пребывают на бумаге.

В 1943-м Анна все-таки вернулась в Москву из эвакуации. А Иван ездил в кратковременные командировки – на Рыбинскую и Угличскую ГЭС. Поэтому письма за этот год отсутствуют. Правда, сохранилась открытка в Курган за октябрь 1942 г., с перипетиями первой поездки на строительство Рыбинской ГЭС:

Перед уходом поезда [из Ярославля] вдруг оказалось, что мест в нем нет и [билеты] не компостируют. До Рыбинска всего два с половиной часа езды. Сел без компостера в тамбур вагона. Когда прошел контроль (билет-то у меня был транзитный), вошел в вагон, лег на третью полку, немного поспал.

В Рыбинске тащился с вещами до перевоза [через Волгу] километра три, попал в двенадцатом часу ночи при луне в поселок ГЭС, звонил директору, думал уже, что буду ночевать на улице. Но к часу ночи меня пустили в клуб, спал на сцене на столе, покрывался пальто и занавесом. Замерз, две ночи не высыпался. Вчера дали мне отдельную комнату с центральным отоплением, но без освещения. Сегодня высыпался и буду отсыпаться, пока нет света. С питанием благополучно.

Сохранился еще один любопытный документ, имеющий отношение к «оборонным делам». Правда, немец был уже давно отброшен от Москвы, однако тыловые вояки неустанно проявляли кипучую деятельность:

Приписной листок

2 августа 1943 г.

Классону И.Р., проживающего Теплый пер., 18, кв. 13

На основании постановления СНК Союза ССР от 2-го июля 1941 г. №1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» Вы зачисляетесь в пожарную команду в качестве бойца при д/у 145 и обязаны явиться по сигналу Воздушной и Химической тревоги на установленный для Вашего формирования сборный пункт, а также для прохождения боевой подготовки и несения дежурства.

В случае неявки без уважительных причин будете привлечены к судебной ответственности в соответствии с указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22.VI-41 г. и Постановлением пленума Верховного Суда Союза ССР от 26.VI-41 г. №25/10/5.

За Начальника МПВО Фрунзенского района капитан

Исаков

Среди семейных преданий не сохранилось свидетельств того, чтобы инженер И.Р. Классон лазал по крышам домов, относившихся к домоуправлению 145, и тушил вражеские зажигательные бомбы...

В январе 1944-го И.Р. Классон оказался на Баксанской ГЭС под Нальчиком и весьма беспокоился по поводу рождения своего первенца и отсутствия «светской жизни» у жены:

Очень хотел бы тебе чем-нибудь помочь, но что же я могу сделать, когда ты с октября [1943-го], когда тебе это было еще легче, не захотела видеть людей, живешь как в лесу! Еще раз тебя прошу, сходи в воскресенье, в светлое время к [врачу] Бурштейну, к Кате, к Евгении Николаевне.

Кате напиши открытку, м.б. она к тебе придет. Я ей телеграфировал недавно, чтобы она тебя навестила. <...> Я беспокоюсь о твоём здоровье, в последнем письме ты писала, что 27-го врач м.б. решит положить тебя в больницу.

6 февраля 1944 года у Ивана родился, наконец-то, сын Андрей. Семейное предание гласит, что счастливый отец, уже вернувшись в Москву и вынося из дома мусор в ведре, поскакал по ступенькам как молодой – через ступеньку на вторую и в результате сверзился с лестницы, сломав себе нос. Из-за этой травмы у него остались до конца жизни горбинка и перекошенный несколько на сторону нос.

Из еще одного январского письма за 1944-й:

Дорогая Анечка, сегодня мы едем на три-пять дней в Докшукино, затем возвращаемся сюда, делаем последнее испытание и около 3 февраля выезжаем в Москву. Так что около 8-го буду в Москве. Думаю, что в худшем случае приеду 11-го, но пока твердо рассчитываю на 8-е. <...> Вчера опять был торжественный митинг с участием правительства Кабардино-Балкарской Республики – по поводу полученной строителями приветственной телеграммы Сталина. Это имеет большое значение. Целую тебя крепко. Скоро увидимся.

Счастливым И.Р. Классон обзавелся уже двумя наследниками – Андреем и Михаилом, 1949 г.

В 1946-м счастливый отец писал жене из Свири: *«Целую тебя крепко. Будь осторожна, чтобы Андрей не попал на напряжение на левой или особенно правой розетке! Твой Иван».*

А в 1948-м появился на свет и второй сын, т.е. автор этих строк. Сам я смутно помню, как отец выносил меня маленького, завернув в одеяло (было мне три или четыре года?), показывать салют. По-видимому, уже в Измайлове, а не в Теплом переулке.

И.Р. Классон так красочно описывал один из многочисленных эпизодов своей непростой жизни «перманентно командированного» (скорее всего, она не отличалась простотой все годы его работы «под большевиками»):

Во время банкета в январе 1944 г. по поводу пуска первого восстановленного агрегата Баксанской ГЭС <...> [мой коллега] Квятковский познакомился с директором Докшукинского ацетона-бутилового завода (до войны это был спирто-водочный завод). Он предложил нам провести на электростанции завода пусковые испытания восстановленного турбогенератора. Его пуск должен был скоро состояться.

Директор обещал нам, что завод не только оплатит нашу работу – нашей организации, но нам еще выдадут добавочный паек (на Баксане мы приобрели, чтобы взять в Москву, несколько кило фасоли и немного меда, но этого было маловато в качестве заработка натурой за четыре месяца, так что добавка из Докшукина была нам очень кстати!). Это было согласовано, за нами прислали машину, и мы поехали на несколько дней в Докшукино, где и сделали минимум наладочных работ по электрической части.

При отъезде обратно на Баксанскую ГЭС Квятковский получил у заместителя директора завода записку к начальнику вокзала в Нальчике – на тот случай, если нам не удастся получить «броню» Кабардинского Совнаркома на железнодорожные билеты: мы должны были через несколько дней ехать в Москву. Но броню Совнаркома мы все же получили, и, когда приехали на вокзал, я остался с вещами на перроне, а Квятковский пошел к начальнику вокзала и вернулся только с одним билетом, во втором ему было отказано, несмотря на броню! Единственный билет он отдал мне, так как я боялся еще задержаться: жена должна была родить вскоре нашего первенца!

Уже во время посадки Квятковский решил все же еще раз попробовать уговорить начальника вокзала, пошел к нему и с малой надеждой показал записку с бывшего спирто-водочного завода. Это произвело магическое действие: ему тут же выдали второй билет, но, главное, начальник вокзала упрекал Квятковского: зачем тот обращался к нему с броней Совнаркома, а не дал сразу записку [с бывшего спирто-водочного завода]?!

А вот его уже изустное анекдотическое описание лапидарного начала застольного общения коллег в продолжительной поездке. До отправления поезда: «Взял?» – «Взял!». Через некоторое время после отправления (допустим, когда проводница уже собрала билеты): «Ну, доставай!». И лапидарное же описание эпизода сражения-награждения времен империалистической войны: «Засели мы в траншею...; ему дан бант, а мне – на шею!» (от кого Иван Робертович это слышал, неизвестно, может быть от шурина В.И. Богомолова?). Здесь автор должен в очередной раз повиниться перед читателем. Конечно, и автор тоже проходил в школе «Горе от ума» А.С. Грибоедова, но в советской школе нажимали больше на характеристики «положительных и отрицательных героев», а не на прелести поэтического языка, индивидуальные черты живых людей и все такое. Поэтому автор совершенно забыл, а Александр Парнах справедливо напомнил – это «Горе от ума» А.С. Грибоедова и 1813 год:

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом

В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок!

Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:

Ему дан с бантом, мне на шею.*

* Из примечаний к «Горе от ума» литературоведа Н.К. Пиксанова:

Царские ордена прикреплялись к ленте присвоенного данному ордену цвета. Низшие ордена (IV и III степени) носились в петлице и лента могла завязываться бантом; высшие (I и II степени) – на шее. Согласно любезному разъяснению В.М. Глинки (Государственный Эрмитаж), — «с бантом» — несомненно, орден Владимира 4-й степени, а «на шею» — почти бесспорно Анны 2-й степени: Владимира 4-й [степени] Скалозуб уже, очевидно, имел — согласно старшинству орденов. Если бы ему дали Владимира 3-й степени, это нарушило бы принятую последовательность награждений.

В декабре 1945-го пермская корреспондентша по фамилии вроде бы Деликаева (очень уж «кудрявый» почерк у нее был) прислала И.Р. Классону такое ответное письмо (из которого следует, что она получила весьма обстоятельную его корреспонденцию):

Очень рада вместе с Вами, что лаборатория так бурно растет, а еще больше за то, что хоть один да попал из МЭТа, что было очень нежелательно со стороны наркоматовских работников. Уверена, что со следующего выпуска вы получите гораздо больше. Кстати говоря, меня очень интересует, сейчас Вы преподаете в МЭТе или нет? Я кое-кого спрашивала об этом, но так и не написали. А это письмо я писала наугад, ибо думала, что лаборатория, а следовательно и Вы, переменили место своего нахождения.*

<...> Вы спрашиваете: с чем я сталкиваюсь по электротехнике? Даже не могу сказать определенно, ибо работа очень разнообразная. В основном, конечно, промышленные предприятия. Обследование, контроль за выполнением предписаний энергоинспекции, экспертиза таких проектов и т.д. Сейчас составили план обследований на 46 г., и я просто пришла в ужас. Крупные металлургические заводы, бумажная промышленность и целый ряд других предприятий. Я не знаю, как смогу справиться с такой трудной задачей. У нас работает много мужчин, но большинство из них – по мелким предприятиям. В общем, работа не нравится мне, потому что видишь очень много, а знаешь – почти ничего <...>.

А пуск Камской ГЭС будет очень не скоро. Сейчас там еще ничего нет. У нас была конференция Академии Наук, где [гидротехник Борис Капитонович] Александров делал доклад (он составил проект Камской ГЭС). Доклад был очень интересный, но я не слышала, потому что трудно было попасть <...>. Мне интересно, как сейчас в Москве с освещением. Слышала, будто бы целые районы выключают, а титанами и другими нагревательными приборами, конечно, пользоваться нельзя.

В 1949-м И.Р. Классон, примерно через год после рождения второго ребенка, написал заявление на имя министра электростанций СССР Д.Г. Жимерина с просьбой предоставить ему из ресурсов министерства небольшую отдельную квартиру. Ведь его семья из четырех человек проживала в это время в комнате площадью всего 10 квадратных метров. И то ли в конце 1950-го, то ли в самом начале 1951-го он получил-таки две комнаты на разных этажах в одной «коммунальной» квартире (на две семьи) дома Гидроэнергопроекта в Измайлове!

Этот двухэтажный шлакоблочный дом в конце 1940-х построили, по-видимому, пленные немцы. В 2000-х его снесли за ветхостью. Вскоре Гидроэнергопроект возвел рядом уже пятиэтажный кирпичный дом, и счастливому главе семейства досталась в нем уже отдельная двухкомнатная квартира!! Правда, без горячей воды, но с газовой колонкой. А теперь пробежимся по «линии жизни» нашего героя, выбирая исключительно эпизоды отношений с «замечательными советскими сослуживцами».

* Московский энергетический техникум.

Ордер на жилплощадь в 2-х этажном шлакоблочном доме, 1950 г.

В декабре 1940-го Иван в письме жене из Кондопоги так описал очередной «напряг»:

Получил письмо от [моего сослуживца] Сиротинского, которое отравило мне сегодняшний день — он опять повторяет, что все работники нашего Бюро [пуско-наладочных работ] (очевидно, подразумеваюсь и я) его эксплуатировали, жили на его счет и т.д. Мне было бы наиболее правильно уйти из Бюро, чтобы не портить себе нервы на работе с человеком, от которого в любую минуту можно ждать всяческой грубости, гнусности и т.д., когда наше начальство слабо и не может держать его в узде. Однако осуществить это (уход) трудно, а м.б. и невозможно. Мне приходится на работе не только заботиться об интересах дела, но еще и о том, чтобы меньше дать возможности Сиротинскому выступить против меня со всякими упреками и т.д.

В апреле 1941-го «напряг» продолжался (из письма из Кондопоги):

Получил письма Архангельского и Жорняка, которые приводят меня в уныние по поводу беспорядков у меня на службе и скверного отношения ко мне Елфимова и Сиротинского. Дело еще осложняется тем, что Сиротинский жалуется мне на Елфимова и т.д., а сам через него проводит свою линию, идущую мне и другим в ущерб. С удовольствием расстался бы со всей этой компанией.

В 1951-м возник, по-видимому, очередной конфликт работающего И.Р. Классона с «интриганами» в Гидроэнергопроекте. Сохранился черновик его (главного инженера Отделения автоматики, телемеханики и пуско-наладочных работ, или ОАТН) заявления директору А.Н. Вознесенскому, в котором вполне зримо проявляется чувство собственного достоинства:

Вчера 22 мая после очередных выпадов против меня начальника ОАТН т. Карпушкина И.К. в присутствии нескольких начальников секторов и одного главного специалиста, я сказал т. Карпушкину, что прошу его не выставять меня постоянно на посмеище и что я на это дальше не согласен.

Т. Карпушкин предложил мне в таком случае «освободить это место» для другого, так как я боюсь всякой работы и срываю все сроки. Я не считаю нужным подробно опровергать это вздорное обвинение.

Я проработал в системе Средволгостроя-Гидроэнергопроекта 18 лет, за последние 8 лет при моем участии коллектив БПИР-УАПНР-УАТН вырос с трех до 140 человек, объем и диапазон работ неуклонно и быстро росли, и основная техническая линия организации все время была правильной, как в пуско-наладочных работах, так и в автоматике, телемеханике, в организации эксплуатации гидростанций и в деле развития опытных и методических работ.

<...> Ввиду совершенно иной оценки моей деятельности т. Карпушкиным, а также ввиду совершенно разных взглядов у нас по ряду основных для ОАТН вопросов, в том числе целесообразности произвольного выдвижения на высшие должности (иногда сразу на две ступени) молодых инженеров и техников, обладающих недостаточными знаниями, а также неудовлетворительно справлявшихся с работой на предыдущей должности, моя дальнейшая работа в руководстве ОАТН совместно с И.К. Карпушкиным невозможна. Прошу Вашего решения.

Кроме внутреннего конфликта возникла внешняя угроза. Из заявления директору Гидроэнергопроекта А.Н. Вознесенскому в октябре 1951-го:

Еще раз прошу вас о срочном решении вопроса руководства ОАТН. Затянувшееся ненормальное положение весьма вредно отражается на деле и уже привело к уходу ряда работников среднего состава.

Главгидроэнергомонтаж поднял вопрос о передаче наладочных организаций Ленгидэп'а и Мосгидэп'а наладочному участку, который намечено организовать в электро-монтажном управлении Главгидроэнергомонтажа. Это организация В.А. Неймана, созданная при разделе главков на основе монтажного управления Свирьстроя. <...> Задачи этого участка – по номенклатуре работ – естественно должны быть уже, чем задача пуско-наладочных организаций Гидроэнергопроекта. В случае усиления и распространения агрессии т. Неймана и Главгидроэнергомонтажа необходимо напомнить, что ОАТН организовано, развивалось и существует на основании трех постановлений Правительства СССР (ссылка на них).

Поэтому я полагаю, что вопрос о ликвидации ОАТН или о передаче его из Гидроэнергопроекта или об отнятии у Гидроэнергопроекта наладочных функций – может решаться только Советом Министров.

Внутренний конфликт перерос вскоре в войну. Из заявления И.Р. Классона от 4 ноября 1951 г.:

Затянувшееся ненормальное положение весьма вредно отражается на деле, уже привело к уходу ряда работников и к намерению уйти из ОАТН еще большего числа работников, причем из старшего состава.

<...> В совершенно исключительное положение т. Карпушкиным поставлен сектор днепровских и узбекских работ. Начальнику сектора т. Цизину устным решением т. Карпушкина было предоставлено право подписи за главного инженера ОАТН технических проектов телемеханизации объектов Днепроэнерго.*

От тов. Карпушкина удалось в 1952-м избавиться, и его место занял молодой инженер по фамилии Разуваев.

Через пару лет, в марте 1955 г., И.Р. Классон набросал развернутые тезисы, для разговора с давно знавшим его В.Ф. Ярошем, заместителем директора Гидроэнергопроекта, из которых мы приведем лишь такие выводы:

* Т.е. за И.Р. Классона!

Между прочим, сотрудники Гидроэнергопроекта Израиль Григорьевич Цизин и Александр Захарович Лосятинский получили Сталинскую премию 2-й степени по итогам работы в 1950 г. за «автоматизацию и телемеханизацию Узбекской и Московской энергосистем» (опубликовано в газете «Правда» 16 марта 1951 г.)!

Как Вы знаете, во времена Карпушкина в ОАТН было нетерпимое положение – «избиение» [кадров] им и рядом [других] руководящих сотрудников. После ухода Карпушкина в октябре 1952 г. сначала, в основном, положение в ОАТН было почти нормальное или, по крайней мере, терпимое. <...> С июля или августа [1953 г.] – после возвращения Разуваева из Румынии, а Лосятинского из Китая – в ОАТН начались эксцессы. Причина – те же самые старые, центробежные (проще сказать, узкоэгоистические, карьеристские) силы быстро активизировались, сообразив, что молодой директор имеет недостаточный административный опыт и крайне нетвердый характер.

Дальше все шло кресчендо (чем дальше в лес, тем больше дров). Сейчас положение такое: имеются беспринципные группировки, которые по отдельным, важным по мнению этих деятелей вопросам временами объединяются в широкие, уже вовсе беспринципные блоки. Директор в своей деятельности скован (чтобы не сказать – подавлен) этими деятелями. Это положение крайне вредно для дела.

Через день Иван Робертович обновил свои тезисы «к разговору с В.Ф. Ярошем» и они уже выглядели как крик «инженерской души»:

Характерным для ненормального положения (проще сказать, состояния склоки между руководящими работниками и довольно далеко зашедшей кампании по техническому и частично организационному развалу организации в личных интересах 3-4 недобросовестных сотрудников) является также положение главного инженера за последний месяц:

а) активная кампания, по-видимому, проводимая указанными «центробежными» сотрудниками (т.е. организаторами склоки и попыток развала) за снятие меня с работы (я сужу по выступлению стенной газеты по поводу двух вопросов, значимости выведенного яйца; по тону открытых выступлений в последнее время тт. Арсона и частично Цизина, по совершенно разнузданному тону высказываний Цизина в более узком кругу, по вопросу, заданному мне работником лаборатории, правда ли, что я ухожу в технический отдел института, об этом, мол, говорят широкие массы);

б) в лучшем случае, нейтралитет со стороны директора [ОАТН Разуваева] и секретаря партийной организации [Арсона].

Я считаю, что при любом решении или любом отношении к вопросу о снятии меня с работы директор, партийная и профсоюзная организация, в интересах дела и сохранения работоспособности организации, не должны допускать длительных обсуждений этого вопроса и муссирования коридорных слухов, полагаю, например, недопустимым частные высказывания членов партбюро на эту тему, учитывая, что эти высказывания быстро становятся более или менее широко известными.

Я сам совершенно не согласен с предложением о снятии меня с работы, считаю это предложение весьма вредным с точки зрения интересов дела, сохранения работоспособного коллектива и, я бы сказал, даже с точки зрения узких интересов института Гидроэнергопроект, как организации (об интересах дела, совпадающих с широкими, а не узкими интересами Гидэпа я уже сказал).

Кроме того, я считаю, что предложение о снятии меня с работы мною не заслужено: ни всей моей работой, как техника с 1919 г. и как инженера с 1930 г., ни моей работой в Средволгострое – Гидростройпроекте – Гидроэнергопроекте с 1932 г., ни, и это главное, моей работой в наладочной организации Гидроэнергопроекта с начала ее организации – 1937 г. и руководства ею с 1943 г. и руководящей работы в УАПНР-ОАТН с 1945 года.

Подробнее [сказать] о наладочных работах, выполненных во всех случаях хорошо и отлично и без аварий впоследствии (а это немало дело при большом числе объектов), об автоматизации, о телемеханизации – были некоторые перегибы, но вину я делю с другими руководителями. Я временами сдавал в работе по причине болезней (довольно тяжелые болезни, хотя и краткие по длительности бюллетеней, я перенес в 1950-м и в 1951 г.) и иногда оказывался не на должной высоте в отношении дачи отпора Карпушкину в 1951-52 годах, однако этим большинство ведущих деятелей ОАТН грешило в гораздо большей степени, чем я, все-таки совершенно открытый конфликт с Карпушкиным у меня длился с июня 1951 г. до его ухода в сентябре-октябре 1952 г. (т.е. 1¼ года из 2½ лет его дежурства в ОАТН).

Сейчас я здоров и вполне работоспособен (особенно после возвращения из отпуска с 15 февраля). Со всеми основными организационными и техническими вопросами я справляюсь, причем наиболее важные из них я ставлю вовремя и по своей инициативе. Поэтому я вовсе не намерен идти навстречу мастерам «ловить рыбу в мутной воде» и не буду облегчать их задачу добровольным уходом.

Если дело пойдет дальше, то я потребую, чтобы причины такого предложения (конкретные обвинения в мой адрес, причем не 2-7-летней давности, а актуальные) были мне открыто предъявлены, и намерен использовать свое право защиты моего имени как инженера в любой инстанции.

Если я не увижу серьезных обвинений и серьезных предложений (не случайных и земляческих, приятельских и т.д.) кандидатур на должность главного инженера ОАТН, то я не пойду, как пошел Карпушкин, на компромисс «освобождения ввиду перехода на другую работу». Для этого у меня нет тех причин, которые были у Карпушкина.

Но «беспринципные блоки» продолжали задавать тон в ОАТН (начальство института предпочло закрывать глаза на это?), и Иван Робертович в мае 1955-го был вынужден перейти в «отстойный» технический отдел Гидроэнергопроекта.

В 1960-м И.Р. Классон написал заметку в стенгазету «Белый уголь» института по случаю 40-летия плана ГОЭЛРО, которую мы уже частично цитировали (о тяжелом освоении несовершенной техники, из-за отсутствия опыта проектирования мощных электростанций). А здесь приведем поразительные его мысли насчет зрелого социализма и планирования:

Как это все далеко от настоящего времени! В большинстве советских энергосистем имеются достаточные резервы по мощности. Уже несколько лет назад внезапный выход из строя крупной тепловой станции в Южной системе, из-за рухнувшей эстакады топливоподачи, не вызвал отключений потребителей – [оперативно подключившегося] резерва хватило. Электрификация всей страны – уже не политический лозунг, а предмет планирования с конкретными сроками [реализации].

Советские заводы строят теперь электрическое оборудование любых параметров, а когда аппараты и машины заказываются за границей, например трансформаторы и выключатели 500 кВ во Франции, то это способствует созданию советскими заводами в порядке конкуренции лучших и, главное, более легких и дешевых конструкций. Заграничные фирмы с гордостью показывают на выставках аппараты на высшее в мире рабочее напряжение, которые они изготавливают по советским заказам.

И каким недопустимым анахронизмом является сейчас электроснабжение сельского хозяйства, когда оно еженедельно отключается на сутки для профилактических ремонтов, что исключает применение электроудоя, не способствует внедрению электроизгородей и т.д., т.е. прямо противодействует повышению производительности труда в животноводстве.*

План ГОЭЛРО был первым в мире конкретным планом развития народного хозяйства, еще не привязанным к срокам, но осуществляемым всей мощью крепнущего социалистического государства. Сама комиссия ГОЭЛРО – по тематике, направленности и кадрам – явилась в значительной степени преемницей ЦЭС (Центрального электротехнического совета), основанного Л.Б. Красиным еще в 1918 году. За ГОЭЛРО у нас последовали организация Госплана, пятилетки, текущая [хрущевская] 7-летка, 20-летний план, аналогичные планы в социалистических и нейтралистских странах. Американский экономист Ст. Чейз писал в 1927 г. про первую пятилетку: «Этот эксперимент так велик, имеет такое громадное значение и так смел, что никто ...не может его игнорировать, ...он научит нас многому совершенно новому».

Национализация энергетики, государственное планирование и строительство ее в ряде западно-европейских и нейтралистских стран, несомненно оправдавшие себя, являются не такими уже далекими следствиями плана ГОЭЛРО. Наконец, [пакет законов] «Нью Дил» Франклина Рузвельта был попыткой применить действенное государственное планирование в капиталистических условиях. От него в США до сих пор сохранилось большое государственное гидроэнергостроительство.

То есть, по нашему герою, если, путем более тщательного планирования, ликвидировать «отдельные, досадные недостатки» в народном хозяйстве, то социализм еще покажет капитализму (пусть и перенявшему элементы государственного планирования)!

По-видимому, Иван Робертович, забыв о критической записке своего отца «В ГОЭЛРО» (1920 г.), стал приверженцем «самого справедливого строя на земле». Хотя уничтожающие (тогда еще для военного коммунизма) тезисы из этого документа он в 1963-м приведет в приложении к книге М.О. Каменецкого «Р.Э. Классон». Однако критиковать и тем более осмеивать сию позицию мы, разумеется, не можем. Ведь многие советские люди вполне искренне и от всей души «строили коммунизм»...

В начале 1959-го у И.Р. Классона завязалась переписка с дальней киевской родственницей, уже известной нам С.Н. Мотовиловой. Вот как она, достаточно безапелляционно, описывала историю о том, как потомки Классона и Мотовиловых «заново познакомились» в письме сестре Вере в Лозанну:

Неизвестно почему [моя сестра] Зина теперь совершенно не интересуется ни нашими родственниками, ни бывшими знакомыми. Как я ни прошу ее, когда она бывает в Москве, позвонить <...> Классонятам – она не хочет.

*Классон умер в 1926-м году, и мне хотелось знать, что случилось со всеми тети Сониными детьми. Зина уперлась и им не звонила и не писала. <...> Ну, так я, наконец, от тети Анютиной внучки**, которая живет под Москвой, получила адрес Кати Классон, это их младшая дочь – художница.*

* О еженедельных профилактических отключениях с.-х. эл. сетей на Украине и в Московской обл. 25 ноября 1960 г. писали «Известия» в статье Будзко, Краснова и Дубинского «Электричество на фермы». – Примеч. И.Р. Классона

** Речь идет о все той же вездесущей «бедной родственнице» Елене Игнатович.

Но эта свинья Катя четыре месяца мне не отвечала. Пишет ей семидесятивосьмилетняя старуха, а она даже ответить не может! К ней пошла тети Анютина внучка, а она[, *оказывается,*] передала мое письмо своему брату – Ване Классону, старшему сыну тети Сони.

Он сейчас же ответил. Рассказал мне все о своей семье. Из пяти детей тети Сони в живых осталось только двое – Катя и Ваня, последнему уже шестьдесят лет! Он, как и его отец, инженер-электрик. И так досадно, что Зина не хотела узнавать о них, в 1926-м году он был в командировке в Киеве и, знай, что мы здесь, побывал бы у нас. (здесь и ниже подобные письма – из ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Напомним, что в 1926 году И.Р. Классон учился в Высшей технической школе в Берлине, а мог быть в Киеве в 1946-м или 1947-м, когда он в должности начальника Бюро пуско-наладочных работ Гидроэнергопроекта участвовал в восстановлении и пуске Днепровской ГЭС, поврежденной сначала своими, а затем взорванной и немцами.

Зато в воспоминаниях обстоятельного Ивана Робертовича история о том, как потомки Р.Э. Классона и Мотовиловых «заново познакомились» при посредстве Елены Игнатович, методично собиравшей подаяние со своих «богатых родственников», звучит действительно трогательно:

После смерти в 1912 г. нашей матери отец получил от Веры Николаевны Пятницкой письмо, в котором она обвиняла его в этой смерти. Постепенно наша семья теряла из виду маминых родственников.

Но в начале 1920-х мама младшая сестра Вера Ивановна Мотовилова с дочерью Ниной приехала из освобожденного от оккупации Врангелем Крыма в Киев к Алине Антоновне Мотовиловой и написала нашему отцу просьбу о помощи. Наша сестра Таня послала Вере Ивановне посылку со старыми носильными вещами. Это им немного помогло. В 1923 г. Алина Антоновна была в Москве, и наш отец вместе с ней навестил больную Веру Николаевну Пятницкую.

Когда наша сестра Соня была за границей – в 1920-21 г. в Финляндии, а в 1922-24 гг. в Швеции – и потом с 1924 г. до конца 1920-х в Ленинграде, наша семья не виделась и с жившими в Москве детьми Ивана Андреевича Мотовилова. Наши связи с родными нашей матери (а позже – и отца!) начали восстанавливаться почти через сорок лет неожиданным путем.

Летом 1958 г. в Москву откуда-то с периферии (по-прежнему, «из провинции»!) приехала с малым сыном наша (моя и Кати) двоюродная племянница – внучка маминой сестры Анны Ивановны, по мужу Гельшерт – Елена Александровна Игнатович, очень энергичная в личных делах молодая женщина. Она стала разыскивать родственников, имея в памяти только две фамилии – Мотовиловы и Классон, которые могла слышать от своей бабушки или в семье Алины Антоновны, где она жила в начале войны в Киеве.

Сначала – через справочный киоск или по телефону 09 или в телефонной книге – нашла мой адрес, поехала по нему. Но я с семьей был в Алабушеве, кто-то из моих соседей по дому в Москве объяснил ей дорогу. Она поехала в Алабушево, но, по-видимому, не нашла территории нашего садового кооператива, не говоря уже о нашем участке и доме, и вернулась в Москву.

И поехала по второму адресу на фамилию Классон – нашей мачехи Евгении Николаевны, умершей еще в 1952 г. Там она застала Георгия Александровича Ландау (писателя-юмориста, автора пьес для детского театра) – последнего (неофициального) мужа Евгении Николаевны, бывшего на восемь лет ее моложе. Он сказал, что кроме меня в Москве живет и моя сестра, но он не знает ее адреса.

Его должен знать Александр Васильевич Винтер (после смерти нашего отца в 1926 г. Винтер, строитель Шатурской электростанции, предоставил моей сестре Кате комнату в доме Шатурстроя в Кривоколенном переулке, он сам тоже получил квартиру в этом доме, но в 1930-х переехал в дом Днепростроя в Большом Девятинском переулке).

Адрес Винтера быстро установили, Игнатович поехала к нему, но оказалось, что Винтер постоянно живет не в московской квартире, а на кооперативной даче в Усове. Она поехала туда, но пришла настолько поздно, что дворник дачи Винтера ее к нему не пустил, а оставил ночевать у себя в сторожке. Утром он доложил Винтеру и его приемной дочери Анне Германовне Красиной о посетительнице. Ей дали Катин адрес, несколько пар аристократически заштопанных Анной Германовной чулок и 300 руб. старыми деньгами (которые ни Катя, ни я Винтеру не вернули).

Лена с сыном появилась у Кати и недели две у нее жила. Катя вскоре уезжала в отпуск и не могла оставлять Лену без себя в коммунальной квартире. Но к этому времени инициативная Лена уже узнала адрес нашего троюродного брата, скульптора Георгия Ивановича Мотовилова, нашла его и жила в его студии, пока его жена не выставила ее окончательно. Вскоре она написала в Киев своей двоюродной тетке, нашей двоюродной сестре Софье Николаевне Мотовиловой о своем пребывании в Москве и сообщила ей Катин адрес. Катя, получив письмо от Софьи Николаевны, но, не разобравшись в родстве, отложила письмо до меня.

Я был в ту зиму в отпуске в Ессентуках, а, вернувшись в Москву, увиделся с Катей не скоро – лишь на «мальчишнике» у себя, на другой день, после того как в марте 1959 г. на моей работе отмечали мое шестидесятилетие. Катя привезла мне письмо Софьи Николаевны. Я, вместо Кати и месяца через четыре после письма Софьи Николаевны, ответил ей, и мы переписывались семь лет – до ее смерти в феврале 1966 г. Когда ее сестра Зинаида Николаевна бывала в Москве, Софья Николаевна просила меня с ней повидаться – так началось возобновление моих связей с родными нашей матери.

В 1963 г. мой сын Андрей был призван на военную службу на флоте и учился в специальной школе в Киеве. Я его там навестил в июне 1964 г. и впервые встретился с Софьей Николаевной в ее комнате в коммунальной квартире, куда меня привела Зинаида Николаевна.

На меня очень тяжелое впечатление произвели условия, в которых жила Софья Николаевна, созданные в значительной степени ею самой. Она почти не выходила из комнаты и не встречалась с соседями, готовила себе в комнате на электрической плитке. Я немного помог ей, починив две электроплитки и заплатив по счету за электроэнергию. Я ночевал у Некрасовых, но видел их только первые сутки, так как на другой день они уехали в дом отдыха под Ленинградом [\[\(в Комарово\)\]](#).

Софья Николаевна иногда пересылала мне – при условии возврата – письма наших двоюродных сестер: Марии Михайловны Володиной, урожд. Гельшерт (Тамбов) и Нины Соломоновны Мотовиловой (Ленинград), а также мужа другой сестры Софьи Николаевны, Веры – Николая Алексеевича Ульянова, замечательного человека и ученого, профессора геологии Лозаннского университета (Швейцария).

Прервемся здесь на цитировании И.Р. Классона и поясним, что дом Шатурстроя, где жила его сестра Екатерина, располагался на углу Телеграфного (Архангельского) и Кривоколенного переулков. Поэтому и так, и эдак можно привязывать его расположение. А.Г. Красину, дочь Германа Борисовича и Екатерины Васильевны (бывшей во втором браке за А.В. Винтером и скончавшейся в 1947-м), допустимо было величать и как приемную дочь, и как падчерицу Александра Васильевича. Последний умер в 1958-м, а его падчерица-приемная дочь – в 1980-м.

Что касается 300 руб. старыми деньгами, которые ни Екатерина Робертовна, ни Иван Робертович А.В. Винтеру не вернули, то расскажем, кстати, такую историю. В 2008-м автор этих строк, протирая бронзовый профиль на памятнике академику на Новодевичьем кладбище (за могилой никто из его родственников уже не ухаживал, как и сотрудники ЭНИН им. Кржижановского, где он когда-то работал заместителем директора), обнаружил, что его железное крепление практически «сгнило» (из-за разрушительного действия, под влиянием кислотных дождевых осадков, гальванической пары – железо-бронза!).

Местный умелец взялся приварить бронзовые штыри к бронзовому же профилю за 10 000 руб. (мимо кассы конторы кладбища, но это отдельная тема – про «левачество при капитализме в государственных и муниципальных учреждениях») и уверил, что барельеф теперь продержится как минимум сотню лет. Будем считать, что Классоны А.В. Винтеру таким оригинальным способом долг вернули!

Я тут упомянул про то, что сотрудники ЭНИНа забыли про могилу своего бывшего начальника А.В. Винтера, и это не является расхожей фразой. В 2007-м, когда журналистов пригласили в дом-музей Г.М. Кржижановского в связи со 135-летием со дня его рождения, после официальной части был устроен, как водится, скромный банкет. Я пришел на это мероприятие вместе с Михаилом Борисовичем Аграновичем, и он познакомил меня с тогдашним ученым секретарем ЭНИНа.

И тут мне пришла в голову мысль: почему бы сотрудникам института не организовать шефство над ныне «бесхозной» могилой их бывшего начальника. С одной мыслью я поделился за банкетным столом с новым знакомым, он охотно согласился на мое предложение и обещал передать его своему руководству.

Продолжение моих походов на Новодевичье кладбище показало, что ЭНИН так и не организовал шефство над могилой А.В. Винтера. В декабре 2013-го новый заведующий музея-квартиры Г.М. Кржижановского Василий Игоревич Федякин пригласил меня на запись передачи для радио «Культура» – «План ГОЭЛРО и Г.М. Кржижановский как человек».

После записи выступлений двух сотрудников ЭНИН, включая нового ученого секретаря, рассказа «внучатого племянника» Глеба Львовича Подвойского о своем «двоюродном дедушке» и моих «двух капель дегтя» в бочку меда в отношении «безупречного во всех отношениях» Глеба Максимилиановича я обратился к сему ученому секретарю с предложением все-таки организовать шефство (или же провести решение руководства института о регулярном перечислении небольших средств на уход силами рабочих кладбища).

Очередной «ученый секретарь» повел себя вполне традиционно: он выразил недоумение по поводу того, что на государственном Новодевичьем кладбище родственникам почему-то надо ухаживать за могилами. Я ему объяснил, что администрация кладбища получает достаточные средства на поддержание дорог и дорожек в приличном состоянии, а за самими могилами все же требуется уход именно со стороны родственников (они же могут нанимать работников кладбища за отдельную плату). Тогда сей «ученый секретарь» опять же вполне традиционно заинтересовался: а неужели у Александра Васильевича не осталось потомков? Я опять же объяснил, что семья А.В. Винтера, кроме него самого, состояла из жены Екатерины Васильевны Красиной-Винтер и его приемной дочери Анны Германовны. Своих детей у А.В. Винтера не было.

А когда я в 2008-м обратился в администрацию Новодевичьего кладбища в связи с расшатавшимся бронзовым профилем, то получил телефон какой-то дальней родственницы то ли А.В. Винтера, то ли А.Г. Красиной, который был по-видимому записан при похоронах последней в 1980-м. За три десятка лет эта родственница, похоже, сама успела помереть. В общем, ее телефон не отвечал...

Все это я и объяснил очередному «ученому секретарю» ЭНИНа, он традиционно заявил, что ничего не может обещать, но попробует. По-видимому, это была скрытая форма отказа. Вот так в ЭНИНе поддерживают «благодарную память» о своих бывших начальниках: на словах поют дифирамбы тому же Г.М. Кржижановскому (за могилой которого действительно не нужно ухаживать, поскольку урна с его прахом была в 1959-м замурована в Кремлевской стене), а когда доходит до конкретного дела, то не желают им утруждаться... На следующий день я отправил на адрес электронной почты, указанной на сайте ЭНИНа (enin.su), следующее предложение:

18 декабря с.г. в музее-квартире Г.М. Кржижановского я пересекся с вашим ученым секретарем и предложил ему (как и в 2007-м – предыдущему ученому секретарю, который это предложение замотал) организовать шефство над могилой бывш. зам директора ЭНИН А.В. Винтера на Новодевичьем кладбище.

Шефство может быть реализовано в двух вариантах: 1) периодические выезды (весной и в начале осени) сотрудников ЭНИН (в первую очередь начинающих – для воспитания преемственности кадров института и укрепления «благодарной памяти») для протирки памятника А.В. Винтеру и мраморной плиты Е.В. Красиной-Винтер, а также уборки опавших листьев и выдиранья сорняков; 2) назначение и перечисление небольшой ежегодной платы в администрацию кладбища (как это сделала, например, Лидия Федосеева-Шукшина для ухода за могилой мужа Василия Шукшина – это, можно сказать, идеал ухода).

Прошу продублировать сие предложение руководству института, поскольку я опасюсь, что и нынешний ученый секретарь может замотать оное.

Однако электронный почтовик прислал мне уведомление, что сей адрес уже недействителен. Тогда я оставил свое предложение, в ужатом виде, которое необходимо было вместиť в 500 знаков, уже непосредственно на сайте ЭНИНа. Реакции не последовало – ни формальной («спасибо, мы обязательно изучим ваше предложение»), ни тем более по существу («с января 2014-го ЭНИН установит шефство над могилой А.А. Винтера»)...

Продолжим цитировать И.Р. Классона:

После смерти Софьи Николаевны у меня возникла переписка с обеими двоюродными сестрами и с Ульяновым. Последнему я регулярно посылал «Огонек», что раньше делала в течение многих лет Софья Николаевна. Ульянов скончался в июне 1977 г. в возрасте девяноста шести лет. Я получил обратно с пометкой на трех языках Швейцарии – «умер» свою последнюю бандероль ему, но еще раньше получил письмо о его смерти от его давней ученицы [Валентины Андрусовой] – из русской семьи – жившей в Чехословакии, но каждое лето навещавшей свою сестру в Лозанне.

Теперь я пытаюсь организовать пересылку из Лозанны в отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина писем Софьи Николаевны сестре и зятю в Лозанну за несколько десятилетий, ее рукописей и документов семьи Мотовиловых, оставшихся после смерти Ульянова. Ученица Ульянова написала мне, что среди этих писем были и письма от Игнатович, что подтверждает ее энергию. Кстати, Софья Николаевна считала, что Лена тем больше ненавидела (и особенно дурно отзывалась о них) тех из своих родственников, которые больше всего ее благодетельствовали, и что Катя была исключением, о ней Игнатович написала очень положительно.

В Москве я познакомился со старшей сестрой Софьи Николаевны – Зинаидой Николаевной и ее сыном Виктором (и уже потом заезжал к ним в Киеве). По инициативе Зинаиды Николаевны познакомился со старшим сыном старого товарища Роберта Эдуардовича академика АН УССР Леонида Николаевича Яснопольского – Сергеем Леонидовичем и его женой, бывшей моей сослуживицей по Гидроэнергопроекту.

От Софьи Николаевны я узнал, что в Москве живет младший сын (в детстве – Толя) младшей сестры моего отца. У Яснопольского, знавшего его еще по Киеву, узнал его адрес и побывал у Анатолия Петровича Александрова весной 1964 г. (заодно передал ему книжку Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон»). И увидел, впервые после 1913 г., его сестру Валерию Петровну, которую знал еще по Карлсбаду, когда она приезжала к нам с бабушкой Анной Карловной.

Относительно судьбы архива лозаннских Ульяновых можно отметить, что он, похоже, был разделен самой жизнью на две части. В своей эмигрантской повести «По обе стороны Стены» (1978-79 гг.) В.П. Некрасов упоминал:

Через год после дядиной смерти неизвестный молодой человек привез мне в Париж довольно солидную картонку <...>. В ней оказались письма. С швейцарскими и русскими марками – Вильгельм Телль на первых, и скучные, с двуглавым орлом вторые – романовской серии с императорами тогда еще не было. Внутри конвертов изящные, несегодняшние почерка. Содержание тоже в общем не совсем сегодняшнее.

До сих пор я к этим письмам не прикасался. Только рассортировал. Как-то боязно окунаться в чужую жизнь, хотя и родительскую.

Каким образом и кем архив В.Н. и Н.А. Ульяновых был разделен в Лозанне на две части, можно только догадываться... По крайней мере, через полгода после смерти Н.А. Ульянова И.Р. Классон в декабре 1977-го предложил «принять часть архива» отделу рукописей «Ленинки». Выходит, он был в курсе того, что другая часть архива Ульяновых уже предназначалась В.П. Некрасову?

Отметим также, что весьма энергичная Е.А. Игнатович одолжила и у И.Р. Классона довольно крупную сумму и затем несколько лет отдавала этот долг небольшими порциями. Может быть, до конца и не вернула его. Но не это важно. Важно, что предприимчивая Елена Александровна, выполняя свою цель – «занять бабок и пожить на халяву у богатых московских родственников», случайно связала их с другими Мотовиловыми, разбросанными по Советскому Союзу и даже, косвенно, с В.Н. Мотовиловой и Н.А. Ульяновым, оказавшимися в Швейцарии.

В самом начале 1990-х Е.А. Игнатович с семьей, уже как «беженка из Ферганы» (в 1989-м там произошли погромы), получила визу в США и улетела туда с дочерью Ольгой и кошкой (на последнюю надо было получить особое, ветеринарное разрешение). Автор этих строк с братом Андреем провожали их со съемной московской квартиры в аэропорт Шереметьево-2. А ее сын Игорь улетел в Америку, по-видимому, позже, уже после того как ликвидировал свой бизнес в Москве. Е.А. Игнатович прислала А.И. Классону, кажется, единственное письмо о том, как устраивалась – должна была получить гражданство США и оформить пенсию. После чего ее следы затерялись на американских просторах...

Но вернемся к И.Р. Классону. В августе 1959 года С.Н. Мотовилова делилась с лозаннской сестрой Верой:

Ваня Классон приглашает меня приехать к нему на лето, у него какой-то сад и домишко под Москвой, где он провел сам электричество и теперь очень волнуется, какой у него будет урожай фруктов. По письмам он симпатичен, но тетя Соня и Классон были такие умные, а у него это что-то незаметно.

*Иван Робертович и Анна Гавриловна читают в Алабушеве советскую газету
(убогая обстановка фазенды так и лезет в глаза!)*

Я, конечно, ехать к нему на лето отказалась (вспомнила tante Emilie и сестру Классона). Зато я просила Зину пригласить его, Классона, на несколько дней, когда они *[будут в доме отдыха]* на Ирпене. Но, очевидно, ее приживалка или Вика этого не хотели, и Зина пришла в такое бешенство, что неделю после этого ко мне не приходила. А этот Ваня перешел на пенсию (ему шестьдесят лет, и было тринадцать, когда тетя Соня умерла) и охотно приехал бы на неделю. Но я не знаю, кто теперь у Зины в квартире живет.

<...> Сейчас у Зины какое-то злобное отношение ко всем нашим родственникам. Почему – не знаю. Тети Анютина дочка Маша (из всей семьи тети Анюты осталась она одна) страшно нуждалась (муж ее умер десять лет тому назад), а Зина ни за что не хотела ей ничего посылать. Я посылала Маше *[в Тамбов]* посылки из вещей, которые Зина приносила, и Зина злобно говорила: «Я нарочно приношу тебе все рваное, чтоб ты Машеньке не могла послать». Ну, что делать, я посылала рваное. Можно подумать, что Зина не пережила эти годы страшной нужды или все сразу забыла!

Оставим все эти «бешенства и рваные вещи» без комментариев: не нам, смертным, судить уже бессмертных предков. Но пока киевско-московские связи укрепить – от писем к живому общению – не удавалось...

В сентябре 1959-го С.Н. Мотовилова сообщала сестре Вере:

На днях я получила письма почти от всех наших родственников, <...> от Вани Классона. Я тебе писала, что он перешел на пенсию (ему шестьдесят лет) и страшно увлекается своим садом и домом где-то под Москвой. Делал к дому <...> фундамент, провел электричество. По письмам он симпатичный, но какой-то наивный, ни на кого из Мотовиловых и Классона не похож.

«Развитой социализм»: ремонт крыши халупы в Алабушеве хозспособом

<...> Сейчас его семья переехала в Москву, так как у его сыновей началось учение. А он еще увлекается «утеплением» своего дома и сбором фруктов и овощей. По-моему, у него что-то немецкое, очевидно, со стороны Классона.

Отметим, что впечатление о наивности, не очень большом уме И.Р. Классона и другие выводы С.Н. Мотовиловой были пока достаточно поверхностными. Просто ее корреспондент был по горло занят не только переводами и рефератами (пенсии в 120 рублей на четыре рта явно не хватало), но и обустройством в Алабушеве садового участка и «летнего домика», редактированием книги о своем отце, воспитанием сыновей. Поэтому ему не всегда удавалось прочесть всё то, что киевский корреспондент, имевший кучу свободного времени, настоятельно рекомендовал, и поделиться с ней такими же пространными переживаниями...

Однако из его черновых набросков к ответу на письмо С.Н. Мотовиловой «о культе личности» удалось извлечь следующие, вполне фундаментальные рассуждения (датируемые, правда, после 1961 года, когда прошел XXII съезд КПСС):

Мне представляется, что на XX и XXII съездах слишком много Rücksicht [(внимания)] принималось в отношении того, а как народ воспримет разоблачение т.н. культа личности Сталина, а сейчас – разоблачение его самого.

И в то же время за эти последние 5 или, вернее, 8 лет совершенно недостаточно делалось и делается в отношении:

а) воспитания честности;

б) проведения настоящей демократии, начиная с управления колхозами; в) выявления общественного мнения (в конституции обещаны референдумы, пока наши выборы и «стихийные» митинги, которые в нужное время выносят нужные требования, вероятно дальше от референдумов и от демократии, чем любые выборы и любые проявления общественного времени от Гостомысла до 1917 года);

г) приближения нашего государства в отношении гражданского и уголовного права к условиям т.н. правового государства.

А это очень важно, чтобы народ верил государству в любом вопросе, особенно правовом, и как раз этого сейчас и нет. Сейчас опять разрешено колхозникам держать коров, даже больше одной, их продают даже в кредит, но их мало кто теперь разводит, т.к. не верят, что через год, два или три не будет опять приглашения сдать их в колхоз.

О честности: меня очень поразило в заключительном слове Н.С. Хрущева то, что он говорил о Сванидзе: «...Сталин не понял, что Алеша Сванидзе просто был честным человеком» (цитирую по памяти).

А вообще в газетах и в практике административной, партийной и тому подобной работы у нас до сих пор на вопросы честности обращали меньше внимания, чем на что-либо. Считается, что если начальник крал по своей должности, то его можно исправить, если объявить ему строгий выговор, а если он проявил раскаяние, например, сдал дачу, построенную из казенного материала, то даже можно заменить строгий выговор простым (а при простом выговоре якобы можно продолжать занимать ответственную должность, как, например, начальника главка, с которой при строгом выговоре пришлось бы расстаться)!!

Т.е. все это отношение к воровству (уже не говоря о нечестности в форме лжи) находится за гранью фантастики. Так что же, предполагается, что можно вступить в коммунизм, минуя стадию честности при социализме (как Монголия вошла в социализм прямо из феодализма!), т.е. признания общественным мнением честности первым условием кодекса морали, первым условием порядочности человека вообще?!

Я думаю, что нечестные поступки, особенно кражи и т.п., помимо судебного преследования, должны наказываться по административной линии и общественным линиям строже, чем нарушения дисциплины, невыполнение плана и т.д.

А ведь бóльшая часть других критериев кодекса морали (которые и в программе КПСС поставлены впереди честности) не так легко проверяются на деле, как честность! Ведь пользовался же генерал Власов полным доверием власти, пока не сдался немцам в окружении (см. Эренбурга в №1 «Нового мира» за 1963 г.). Отделы кадров (вероятно, и в стеклянной конторке – см. там же второй рассказ Солженицына) меньше всего интересуются дельностью и честностью!

Следом киевский корреспондент сделал еще один вывод – И.Р. Классон слишком практичен (поэтому, по-видимому, весьма приземлен и «мало интересен», повторим, что это было весьма поверхностным впечатлением):

<...> Ужасно все Мотовиловы непрактичны. А вот Ваня Классон, по-моему, несколько напоминает свою тетку [Иоганну] Кристиани. Помнишь, как мы с мамой ездили к ним на vendange [(сбор винограда)], и она заставляла меня лазить на деревья [собрать яблоки и груши], чтоб ее муж не упал. Потом обругала меня «дурой», я, кажется, плохо чистила картошку?

«Строителям социализма», конечно же, в условиях тотального дефицита товаров приходилось все время отчаянно крутиться и «доставать» оные, когда их «выбрасывали» на прилавок. Ну, а Алабушево позволяло иметь хоть какие-то свои продукты (молодую картошку, яблоки, вишни, черноплодную рябину, землянику, смородину, крыжовник)... Один раз мать купила двух кроликов, автор сих строк к ним привязался, кормил их. А потом из одного кролика она сделала похлебку (которую я не мог есть), второй кролик сообразил незадолго до этого убежать (правда, скорее всего, его тоже съели – уже собаки).

В июле 1960-го И.Р. Классон получил письмо от своего киевского корреспондента с таким откликом: *«Я очень рада за Вашего старшего сына, что он получил похвальную грамоту за работу в совхозе. Похвала всегда поднимает дух. И кроме того школьные отметки отнюдь не являются оценкой знаний, а часто – лишь благорасположением начальства. <...> Надеюсь, что Вы вылечите Ваше зрение. У меня болели глаза с детства, а затем заболевали вновь, как только делался упадок питания».*

Выходит, у И.Р. Классона болезнь глаз стала уже хронической, со времен учебы в Берлине?

В конце 1959-го – начале 1960-го Иван Робертович дважды запрашивал своих родственников, судя по письмам Софьи Николаевны в Лозанну, о судьбе Кристиани:

Я сегодня весь день писала Ване Классону, получила от него длинное письмо. <...> Ваня Классон спрашивает о Кристиани и их детях. Нельзя узнать? Может, Ульянов узнает?

<...> У Классона, оказывается, была еще одна сестра, замужем за каким-то Киевским судебским. У них было трое детей, два сына и дочь. Один из сыновей теперь профессор в Ленинграде, а другой – академик по атомной энергии. Талантливая семья. А о детях или дочерях Кристиани Ульянов ничего не узнал? Это Ваня Классон все просит.

Судя опять-таки по письмам С.Н. Мотовиловой, Н.А. Ульянов не смог или не захотел разыскивать, у себя в Швейцарии, потомков Иоганны (тетки И.Р. Классона) и Гектора Кристиани, с которыми Иван и Павел Классоны встречались в 1920-х будучи на учебе в Германии. Что касается «Киевского судебного» – Петра Александрова, то с его детьми Валерией и Анатолием Иван Робертович все-таки в Москве познакомился (при заочном «подталкивании» Софьи Николаевны), а вот с профессором Борисом Александровым в Ленинграде – по-видимому, нет.

В январе 1960-го Иван Робертович вместе со своим старым знакомым по службе Михаилом Эммануиловичем Хейфицем отправил в инстанции, в том числе зампреду Совмина А.Н. Косыгину «рационализаторское предложение по экономии энергии». «Рацуха» заключалась в том, чтобы перевести освещение в подъездах многоэтажных домов в темное время на автоматику. При этом два инженера-электрика ссылались на давно уже освоенную (еще в начале 1900-х!) подобную практику на Западе. Там многие коллективные дома оснащены кнопками, нажатие которых включает освещение в подъездах не более чем на 3-5 минут. Этого времени вполне достаточно, чтобы жильцы могли подняться к себе в квартиру.

И.Р. Классон и М.Э. Хейфиц не только выполнили полноценный технико-экономический расчет, который был по силам лишь, пожалуй, целому отделу Госплана СССР, но и мимоходом затронули немаловажную психологическую тему в плановой экономике – стихийную недисциплинированность советского человека, на примере дворников:

Освещение лестниц включается [сейчас] дворниками через полчаса после захода солнца и отключается за полчаса до восхода солнца. Однако летом в наиболее длинные дни дворники гасят освещение не раньше 5 ч 30 мин (осторожное предположение; несомненно, часть дворников гасит освещение еще позже!).

При системе кнопочного включения дворники будут вечером с наступлением темноты переключать освещение с кнопочного включения, на котором оно оставалось весь день, на длительное горение. Затем в 22 часа дворники будут переключать освещение на кнопочное включение. Утром зимой, когда большая часть жильцов выходит из квартир и спускается по лестнице, времени автомата будет достаточно, чтобы спуститься даже с 7-го этажа, не прибегая к повторному нажиму кнопок.

Кнопки должны ставиться на высоту 1,3 м, чтобы дети-первоклассники могли доставать до них. Длительное горение освещения утром в темное время декабря и января до 8.30-8.40 нежелательно, так как это время относится к началу утреннего максимума энергосистемы. Опыт покажет, целесообразно ли совсем отключать лестничное освещение на светлое время дня.

Неповоротливая и неинновационная советская экономика так и не внедрила эту технологию, которая сулила окупиться тогда меньше чем за 5 лет. Такая же российская экономика тоже пока не может похвастаться подобной инновацией (при подорожавшем топливе окупающейся всего за пару лет), отстав от Запада уже на целый век! В новых домах свет отключается централизованно, из диспетчерской ЖЭКа, а ночью он все равно горит непрерывно.

В старых домах он или горит круглосуточно или же некоторые сознательные жильцы отключают его днем вручную, а ночью он опять же горит непрерывно.

Кстати, в письме писателю Борису Галину за май 1965 г. И.Р. Классон с горечью отмечал «некоторые советские парадоксальные условия», на самом деле имманентно присущие плановой экономике:

Судя по тому, как быстро разошлись микротиражи биографий Л.Б. Красина, Р.Э. Классона, воспоминаний о Н.И. Вавилове, книги «Сделаем Россию электрической» (Госэнергоиздат, 1961), как раскупаются номера «Нового мира» с мемуарами Эренбурга и др., – у читателей сейчас большой интерес к не примитивной биографической и мемуарной литературе.

Но ни один писатель или журналист не пытается использовать опубликованные в книге Каменецкого иногда очень интересные и, главное, и сейчас сохранившие (благодаря некоторым советским парадоксальным условиям) актуальность наблюдения, характеристики, обобщения, предложения Р.Э. Классона – в современной актуальной, публицистической статье или статьях! Или в публицистической, критической статье о книге Каменецкого. Чтобы не быть голословным, назову для примера только несколько наблюдений и мыслей РЭК, «перекликающихся» с современностью:

Высказывания РЭК	Страницы в книге М.О. Каменецкого	Современность (или недавнее прошлое)
«учение о благодати»	195, последний абзац	«некомпетентный волюнтаризм» в вопросах: с.х., планового хозяйства, организации, биологии, дипломатии, юстиции и литературы
«...людей, обладающих организационным талантом, очень мало, особенно в России...»	206, наверху	Состояние, ярко изображенное в статье Терещенко (подвергнутой «заговору молчания») в 20-х числах марта 1964 в «Известиях» [*]

^{*} В 1964-м И.Р. Классон приобрел брошюру Валерия Ивановича Терещенко «Организация и управление (опыт США)», вышедшую в издательстве «Экономика». Автор 30 лет прожил в США!

<i>Вред бесчисленных комиссий и коллегиального решения технических вопросов</i>	<i>196-199</i>	<i>В любой газете</i>
<i>Необходимость производить к тракторам запасные части в изобилии</i>	<i>161</i>	<i>Недостаток запчастей – хроническая болезнь, начавшаяся одновременно с массовым производством в СССР</i>

Вернемся к переписке с Киевом. С.Н. Мотовилова периодически укоряла И.Р. Классона, нахватавшегося от отца «студенческих словечек»:

Что у Вас за вульгарное выражение – «харчи»? В наше время «харчи» были для «людей», для «застолтий» и для «господ» так не говорили. А Машенька [Володина из Тамбова] пишет «пара часов». Почему пара? Или про свою дочь, что она «кушает».

Или:

Вам не нравится мой язык, да и мне Ваш не очень нравится. Что за мужицкие выражения «сноха», «харчи» и пр. или вульгарнейшее выражение «обже» – бабенка. «Обже» я даже не поняла, французское objet – предмет. Что у Роберта Эдуардовича были до конца жизни выражения слишком «Studentenhaft»: «как ему сказал доктор-какушер» – это уже я Вам писала.

Переписка Киева и Москвы прерывалась до декабря 1960-го:

Получила длинное письмо от Вани Классона. Не писал так долго, так как у него была срочная работа по реферированию одной книги, т.е. аннотация к ней и рефераты отдельных статей. Он пенсионер <...>, но пенсия выдается на одного человека, а у него жена и двое детей, двенадцати и шестнадцати лет, приходится подрабатывать.

В марте 1961-го появилось, по-видимому, первое свидетельство эпизодических контактов нашего героя с сестрой прежнего киевского корреспондента – Зинаидой Николаевной Некрасовой:

Милый Ваня! Поздравляю Вас с днем рождения и желаю всего наилучшего: здоровья и успехов во «всех видах» деятельности! Очень жалею, что не видела Вас, когда была в Москве [в ноябре 1960-го] – приезжала повидать [сына] Вику, возвращавшегося из Америки. Весной, вернее летом (май-июнь), верно, будем в Ялте, т.ч. поедем прямо (без заезда в Москву).

В том же месяце в Лозанну ушел очередной «краткий отчет о деятельности» московского корреспондента С.Н. Мотовиловой:

<...> Автор биографии Классона, Каменецкий, умер. Гос[энерго]издат, который ее выпускает, прислал для прочтения Ване. Тот впервые прочел статью Плехановой о Классоне и Коробке. Плехановой удалось прочитать протокол жандармского допроса и Классона и Коробки, почему они были у Плеханова. Ну, что они дураки, будут жандармам рассказывать, для чего они к Плеханову ездили и о чем с ним говорили. Ну, они валяли дурака, они много говорили о бедственном положении Плеханова и Засулич.

Негодующая Плеханова назвала эту статью, кажется, «знатные иностранцы у Плеханова». Что-то в этом роде. Обвиняет Классона в трусости перед жандармами. Ну, Ваня, конечно, всем этим очень огорчен. Проверить по протоколу этого допроса в Жандармском Управлении нельзя, он пропал. Возможно, сама же Плеханова его и уничтожила?

Сохранившиеся, к счастью, протоколы допросов в Жандармском Управлении мы цитировали в очерке «Марксистский дух еще не выветрился». Можно лишь предположить, что при большевиках к царским архивам допускались лишь свои, особо доверенные «историки», но никак не «люди с улицы».

Такая же обстоятельность, как и в профессиональной работе, проявлялась и в общественной деятельности Ивана Робертовича. Например, при подготовке к публикации книги Марка Оскаровича Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон», уже после кончины автора. Отец, по сути, стал соавтором этой книги и выполнил титаническую работу по ее редактированию, а зачастую и дописыванию/переписыванию, дополнил приложениями с выступлением Н.К. Крупской на вечере памяти Р.Э. Классона, его газетными публикациями в 1920-х, перепиской с В.И. Ульяновым-Лениным.

Здесь стоит отметить, что биография М.О. Каменецкого получилась достаточно сухой, с сильным техническим уклоном. Поэтому Иван Робертович и пытался издать следом (но безуспешно) более человеческую повесть о своем отце.

А ведь был и другой вариант, с известным писателем Даниилом Граниным, но Каменецкий «перебежал» ему дорогу:

Есть у нас писатель Гранин. Он инженер-электрик, но сейчас не работает как инженер, а только как писатель. Это большой приятель Вики. Если у Вас есть в библиотеке его книга «Искатели», прочти! Он несколько раз писал о Классоне в статьях. Ну, и вот я ему предложила, отчего бы ему не написать книгу о Классоне? Зина предупреждала меня: Гранин на письма не отвечает, но мне он сейчас же ответил. Эта мысль ему очень понравилась, просил дать адрес сына Классона.

Я его письмо переслала Ване Классону, а тот ответил мне, что из этого ничего не выйдет, так как уже три писателя пишут биографии Классона!*

<...> Гранин – это тоже Викин приятель. Эта его вещь «Искатели» была экранизирована, но неудачно, по-моему. А роман неплохой. Он инженер-электрик, несколько раз в своих статьях упоминал с большим уважением Классона. Я, еще не зная, что уже два писателя готовят биографию Классона, написала Гранину, не сделает ли он ее? Он очень охотно откликнулся. Я дала ему адрес сына Классона, но из этого ничего не вышло. Он, вероятно, узнал, что двое писателей уже это делают.

Гранин подарил Вике книгу и после этого стал мне противен. Очевидно, писал [посвящение] спяна, что-то вроде того, что он особенно любит Вику после бутылки коньяка. Я тебе посылала его книгу «После свадьбы». Ты не написала, понравилась ли она тебе. (из писем С.Н. Мотовиловой сестре Вере)

В марте 1962-го Иван Робертович, работая над книгой покойного уже Каменецкого, оставил такие «Подстрочные примечания к первому абзацу статьи РЭК «О массовом производстве» (но в книгу они не попали):

*В середине 1920-х (после 1923 года), когда в Германии была введена твердая валюта и началась реконструкция промышленности на средства, которые поступали из США по планам Дауэса и Юнга**, имело место массовое паломничество немецких инженеров в США для ознакомления с передовыми американскими технологиями производства.*

* По-видимому, кроме ленинградского биографа М.О. Каменецкого Р.Э. Классон мог упомянуть Бориса Галина с вылизывающими В.И. Ульянова-Ленина произведениями «Строитель нового мира» (вышла в 1960 г.) и «Азарт юности» (1970 г.) и Тамару Леонтьеву с не менее восторженной, но неряшливой фактологически книгой «Вторая программа. Документальная повесть» (о ГОЭЛРО, вышла в 1970 -м).

** В ноябре 1923 г. под руководством американского генерала Дауэса и английского финансиста Г. Мак-Кензера начала работать комиссия экспертов по определению платежеспособности Германии, В августе 1924 г. на Лондонской конференции Европе и Германии был продиктован уже сам план Дауэса. 30 августа 1924 г. вышел закон о денежной реформе, и с этого дня план вступил в силу. Теперь Дауэс объявил: в ближайшие 5 лет Германия выкладывает «на бочку» по 1,5 млрд марок золотом, потом — по 2,5. Контроль над немецкой военной промышленностью резко ослабевал, а под право контроля немецких железных дорог и банков Штаты давали Веймарской республике первый кредит в 200 млн долл. на восстановление экономики. В июне 1929 г. на очередной Парижской конференции директивы Дауэса заменили планом 55-летнего американского финансиста Оуэна Д. Юнга.

После одной из таких поездок профессор Берлинской Высшей технической школы отметил в своем докладе, что, в отличие западно-европейских обычаев, в Америке в то время было принято показывать заводы посетителям: «Нам вообще все показывали, но если мы говорили, что работаем в такой-то области, то в этой области американцы показывали нам уже абсолютно все, во всех деталях!»

Очевидно, такая деловая этика, существовавшая в США в течение нескольких десятилетий, так же как и ряд объективных причин (высокий уровень заработной платы, большой внутренний рынок без таможенных барьеров, отсутствие феодальных пережитков в с.х., длительный процесс освоения новых земель в средних и западных штатах, золотая лихорадка в Калифорнии и затем на Юконе, отсутствие внутренних войн после 1860-х, позднее вступление США в 1-ю мировую войну) способствовали быстрому прогрессу народного хозяйства.

В 1913-14 годах Э.Р. Ульман рассказывал Классону, что на Петербургской станции «Общества 1886 г.» он применял такой метод комплектования автогаража. Приобретались дешевые автомобили американского производства, часть деталей быстро выходила из строя и заменялась новыми, изготовленными в мастерских гаража из дорогой бронзы, должным образом закаленной стали и т.п. После этого американские машины могли надежно работать несколько лет. Экономически это было оправдано по сравнению с покупкой более дорогих автомобилей европейского производства.

Интересно, что Форд в начале своей деятельности применял этот же метод наблюдения, какие части выходят из строя при длительной работе нескольких автомобилей, – как наиболее простой способ выявления того, что изготавливать из более прочных или износостойких материалов или более надежной конструкции.

Но вернемся к переписке с С.Н. Мотовиловой. В марте 1961-го И.Р. Классон получил теплое поздравление от своей киевской родственницы, которое обыгрывало его повседневные заботы:

*С днем рожденья поздравляю,
Всего лучшего желаю.
Насладиться Вашим садом
Обнести его фасадом
Чтобы фрукты в нем родились
Рефераты же «плодились»
Чтобы дети, Вам на радость,
По-немецки говорили,
Чтоб за их отметки в школе
Вы совсем их не пилили
Чтобы глаз Вам излечили
Эскулапы, а потом
Чтобы стали вполне зрячим
И всех видели «насквозь»
И в прямом и переносном
Не решали б «на авось».*

Окончание примечания

<...> Германия к 1988 г. она, по плану Юнга, должна была выплатить 112 «золотых» млрд по такому вот графику: до 1966 — по 2 млрд в год, после 1966 — по 1,6-1,7 млрд... Вот как долго Новый Свет намеревался экономически доить свою новую «дойную корову»... – Из Интернета

*Что ж еще Вам пожелать
Погреб есть, холодильник куплен
Рифмы ради: дом облуплен
Нет, в поэты не гожусь я
Нет таланта, хоть убей
А поэтому стремлюсь я
Кончить стих сей поскорей.*

Правда, в свою очередь, Иван Робертович, похоже, «оскандалился» в феврале 1962-го, поздравив своего киевского корреспондента. Вот какая реакция была у С.Н. Мотовиловой:

В понедельник [19 февраля], день моего рождения, в 6 часов вечера, только мы сели с моей единственной гостей, старухой восьмидесяти двух лет, пить чай, мне принесли Вашу бандероль с Цвейгом и письмо от Маши Володиной. С интересом раскрываю книгу, чтоб прочесть Ваше посвящение, и читаю «сумасшедшей Мотовиловой».*

Впечатление такое, точно мне в лицо плюнули. Я просто поражена. Вот тебе «чуткость и деликатность!». Вы можете это думать, говорить за глаза, но сказать это, да еще в день рождения восьмидесятиоднолетней старухе!?

<...> У меня была соседка, рассматривая мои альбомы, она говорила: «В молодости вы были красивой, а теперь настоящая обезьяна». Я находила, что она могла это думать про себя, а не говорить мне в лицо.

В апреле 1961-го обнаружилось еще и такое занятие И.Р. Классона вместе с женой. Из письма С.Н. Мотовиловой в Лозанну: «<...> Мои воспоминания перепечатала жена Вани Классона, а он их проверяет. Так что теперь их, экземпляров, у меня много. По-моему, он интересуется у меня только теми воспоминаниями, где есть о Классоне».

Аккуратный почерк И.Р. Классона узнаваем во вписанных от руки в машинопись иностранных названиях, сейчас эти воспоминания С.Н. Мотовиловой хранятся в отделе рукописей РГБ.

В июле того же года в Лозанну ушел такой отчет:

*<...> Все Ванино письмо – описание его сада, сколько будет яблок, сколько было земляники, ну и т.п. Что-то они строят. Лепят (как украинскую хату) сарай. Его жена ведь украинская крестьянка. Жалобы на старшего сына, который не выдержал переэкзаменовки по геометрии. В умственном отношении он, сам Ваня, конечно, гораздо ниже и тети Сони и Классона. Я послала ему обе книги, которые ты мне присылала: *Le lion* и *Les féeries dans l'île*. Обе ему понравились, но читал он их по полгода и даже больше каждую. Потом вернул мне. А его сестре Kate *Les féeries dans l'île*, не понравились.*

В этом письме речь идет о произведениях – «Лев» и «Мир чудесного на острове». Похоже, что это «Рассказы о животных» Джеральда Даррела (но почему-то на французском). В то же время вывод о низком умственном развитии И.Р. Классона, конечно же, необъективен. Повторим, он был занят сверх меры житейскими делами и подработкой и не всегда мог отдаваться плотному чтению той литературы, которую рекомендовала и даже присылала ему С.Н. Мотовилова, и подробно описывать ей свои впечатления. В октябре того же года киевский корреспондент И.Р. Классона позволил себе иронический тон в своем отчете в Лозанну: «Письма меня очень развлекают, а Ваня Классон меня даже трогает. <...> Пишет о всех своих будничных делах. Вдруг внеочередное письмо от него: достал доски для расширения своей веранды [[в Алабушеве](#)]. Спешит сообщить мне о своей радости».

* Речь шла о биографии О. Бальзака, написанной С. Цвейгом.

В декабре старший сын Андрей завалил свою учебу в средней школе, и заботливый отец вынужден был принять срочные меры:

Страшно волновался, что его сын, уже в последнем, десятом классе получил четыре двойки. Подумаешь, какая беда! [П.Э.] Классон в двух классах по два года сидел, и [революционер-народник Н.А.] Морозов тоже в своих воспоминаниях пишет, что на второй год остался в пятом классе, а, кажется, оба достаточно одаренные были. Ну, все-таки, Ваня своего сына взял из общеобразовательной школы и устроил в какое-то техническое училище, где из него через десять месяцев должен выйти электромонтер.

В начале января 1962-го о своем московском родственнике вспомнила сестра С.Н. Мотовиловой – Зинаида Николаевна:

Милый Ваня! Поздравляю и я Вас с Новым годом, желаю всяких успехов на любом из «поприщ», на которых Вы «трудитесь» (как принято теперь говорить, вместо «работаете»). Надеюсь, что когда мы будем в Москве в январе (перед отъездом в Малеевку), Вы опять к нам зайдете и на этот раз пригласите меня к себе и познакомите со всеми членами Вашей семьи! А м.б. и дачу свою покажете? Итак, до скорого свидания в Москве.

Пригласить киевскую родственницу в Измайлово, чтобы познакомить ее со своей семьей, у И.Р. Классона не получилось. Скорее всего, этому воспротивилась жена Анна Гавриловна, не любившая гостей.

А желание посмотреть «дачу» в Алабушеве, где зимой надо топить печку целый день, чтобы она прогрелась хотя бы до 10⁰С, свидетельствует о полном незнании Зинаидой Николаевной жизни «простого народа», пусть и семьи инженера. В Алабушеве у отца имелся летний домик из досок, с теплоизоляцией из минеральной ваты, из «удобств» было только электричество, воду зимой надо было носить из колодца или топить из снега, а туалет «типа сортир» находился в 30 метрах от дома.

В 1962-м описание трогательных контактов С.Н. Мотовиловой с московским корреспондентом в письмах в Лозанну продолжилось:

Ты знаешь, он просто мое утешение, пишет мне длинное письмо, делится своей работой над биографией [П.Э.] Классона, своими впечатлениями от той или иной статьи. Советуется о том, что включить в биографию. Реагирует на всякие мелочи, которые я ему рассказываю. Вот, например, такая мелочь: открываю его письмо, и высыплются три марки. Зачем мне три новых марки? Ну, а в письме приписка: «Посылаю три разных марки, которые наклеите на Ваше письмо или бандероль Вере Николаевне». Мелочь, но в ней чувствуется какое-то внимание, деликатность. <...> Пришло письмо Вани Классона в 14 страниц. И в начале: «Это еще не поздравление». Он знает, что я не люблю получать поздравление «заранее», а мое рождение – завтра [(19 февраля)]. Ты знаешь, ни у тети Сони, ни у Классона особенной чуткости не было.

В феврале 1962-го И.Р. Классон получил такой ценный методический совет от С.Н. Мотовиловой: «Если Вы думаете писать свои воспоминания (Вы написали, что расскажете о Вашей няньке), то принимайтесь, как только кончите биографию Классона. Воспоминания надо писать лет в пятьдесят, когда свежа еще память. Вы уже опоздали».

Тем не менее, кое-что про «няньку» (и не только про нее) И.Р. Классон вспомнил и оставил в записях, пусть и черновых. Ими мы уже воспользовались и еще не раз к ним обратимся.

В начале марта Иван Робертович получил приглашение навестить киевских родственников:

Милый Ваня! Мы приехали из Малеевки два дня назад. Я хотела бы Вас видеть, т.к. мы, верно, не пробудем долго в Москве. Когда Вы сможете к нам прийти? Позвоните по № Д-2-21-32 [Лунгиным] и скажите, когда Вы будете свободны? Если нас не будет дома, то нам передадут. Итак, до скорого свидания.

Зина

(Приписка И.Р. Классона: был 10.03.62, видел обоих).

Продолжим описание деятельности московского корреспондента (в письмах в Лозанну):

Вчера [(6 июня)] получила тридцать второе письмо в этом году от Вани Классона. Он заканчивает биографию Роберта Эдуардовича, и ему уже опять прислали перевод с английского по его специальности – электричеству. Оба его сына с женой живут в их «садики».

<...> Сегодня [(18 декабря)] получила письмо от Вани Классона (шестидесятое в этом году). Он был, наконец, у Зины [(т.е. встретился с ней на квартире Лунгиных в Москве)]. Занимались они, главным образом, семейными воспоминаниями: когда умерли их дедушка Иван Егорович и бабушка Луиза Францевна. Ваня, оказывается, не знал, что мама [Алина Антоновна] была племянницей Луизы Францевны и вышла замуж за своего кузена. Ваня пишет: «Виктор Платонович уже виделся [в Париже] с мужем Веры Николаевны. Это, вероятно, Вам доставит удовольствие».

В ноябре И.Р. Классон получил открытку и от З.Н. Некрасовой. В ней давался адрес Семена Львовича Лунгина, который жил на Кутузовском проспекте:

Милый Ваня! Я опять в Москве и хочу Вас видеть. Когда сможете – зайдите, но заранее позвоните, чтобы я была дома. [Сын] Вика полетел на кинофестиваль в Восточную Германию, а я осталась его ждать у Лунгиных. А потом он поедет во Францию и Италию. До скорого свидания.

А в новогодней открытке начала января 1963-го Зинаида Николаевна выражала легкое недоумение в связи с невозможностью дозвониться до московского родственника:

Милый Ваня! Я звоню уже 2-й раз! Отвечает [ваш телефон] долгими звонками, затем кто-то подходит, я прошу «Ивана Робертовича» и... в ответ короткие звонки – мой «собеседник» исчезает! Мы все еще в Москве: Вика вернулся из Франции, где пробыл целый месяц! Очень доволен поездкой и встречами в разных учреждениях и на разных приемах. Если это письмо дойдет до Вас, то позвоните и приходите.

Здесь остается только предположить, что уже сильно пожилая Зинаида Николаевна сослепу неправильно записала номер телефона Ивана Робертовича, а потревоженный ею случайный московский абонент оказался невежей.

В 1963-м переписка И.Р. Классона и С.Н. Мотовиловой продолжилась и вот как она разнообразно отражалась в письмах в Лозанну:

Милая Вера. <...> Но, все-таки, нельзя ли немного подробнее писать о себе, о Вашей жизни? Ведь рассказывает же Ваня Классон о своей жизни, ссорах с женой, о своих сыновьях. Сейчас у них, кажется, маленькая семейная драма.

<...> Ваня мне пишет про старшего сына, которому минуло девятнадцать лет, о его учении. О перестановке мебели в их квартире, очевидно, потому, что сыновья в одной комнате «грызлись», как он пишет. И вот младшего сына, его любимца, перевели в его комнату.

Ваня рекомендует мне массу книг о Красине. Он страшно горд своей сестрой Соней. Когда они жили в Выборге, и Соничке было, как его сыну теперь, девятнадцать лет, она была так апломбиста, что Роберт Эдуардович говорил: «У Сони больше апломба, чем у моего коллеги, Петербургского директора Ульмана».

Когда Соня в 1920 г. перешла из ВСНХ в Наркомвнешторг, то она сказала Красину: «Вам может меня рекомендовать такой-то (деятель ВСНХ)». А он ответил: «Это не нужно, я знаю породу». Действительно, в Соне наиболее резко из всех нас, Geschwister'ов [(братьев и сестер)], сочетались способности и матери и отца. В частности Соня работала «быстро и хорошо». А я ее не любила. И тетя Соня и Классон были выдающимися людьми, но «апломба» у них никогда не было.

<...> Ваня Классон очень любит своего младшего сына и очень негодует всегда на старшего – он «инфантилен» и проч. В этом году он должен будет идти отбывать воинскую повинность. Подумай только, четыре года! Его зачислили в подводники, а моряки и подводники отбывают не три года, как другие, а целых четыре. Он в этом году кончает десятый класс в вечерней школе, а уже год как служит электротехником.

Ваня Классон ходил просить, чтоб ему дали кончить школу. Они [в военкомате] сказали, что, конечно, дадут, но это, по-моему, (сказать, что я в этом много понимала, не могу). Увидев интеллигентного отца, они стали говорить, что сыну лучше идти в военное училище. Очевидно, им нужны офицеры.

<...> Не знаю, чем это кончится у старшего сына. А младшего он хочет перевести в какую-то математическую школу, туда большой наплыв, из его класса идут четыре мальчика. Сперва будет какое-то собеседование, а потом решат, кого принять. Мне этот мальчик не очень симпатичен.

К ним должен был придти, с женой и детьми, Соничкин сын [Андрей]. Он у них обычно не бывает. Служит на каком-то заводе техником и только теперь кончил заочный Вуз на инженера, а ему уже тридцать восемь лет. Ну, и мальчишка, сын Ивана Робертовича, заявил, что он уйдет из дома, он не любит родственников. Потом сказал, что он не выйдет из своей комнаты. Как [мой племянник] Вика.

<...> Ваня Классон (и, говорит, и Роберт Эдуардович тоже) очень любит немецкого юмориста Буша. Пошлость невероятная! Вот, например, жена ночью ушла танцевать, возвращается утром, лезет в окно, а ее муж выливает на нее [ночной] горшок с мочой. Ну, что тут может быть остроумного?

<...> Теперь новый корреспондент у меня – Андрюша Классон. Он очень доволен своей службой [в матросской школе в Киеве], какая она у него – не знаю. И специальность, говорит, хорошая, а какая специальность – не знаю. Но очень приятно, когда человеку все приятно.

<...> Вчера получила письмо от Андрюши Классона (внука тети Сони). Прислал свою фотографию в парадной матросской форме. Он, по-моему, красив, тип [лица] – не русский, а скорее итальянский. Но [умеет] какой-то печальный вид. Он в семье считался неудачником, плохо учился. А [его младший] брат хорошо учится и все соображает (им Ваня гордится). По-моему, плохо, когда одного хвалят в семье, а другого бранят.

Здесь автор должен отметить, что он начисто забыл, из-за чего «грызся» со старшим братом, как и самих этих фактов. Что касается «маленьких семейных драм», то родители, естественно, не посвящали в них детей.

Но смутно помнится, что оные доходили иногда чуть ли не до рукоприкладства – в памяти осталась сцена: отец и мать на кухне бурно разговаривают, я вхожу и застаю отца с поднятой ногой и прижатым к груди бедром. Был готов отразить, без рук, нападение матери?

В ноябре 1963-го И.Р. Классон получил открытку от З.Н. Некрасовой:

Милый Ваня! Пишу Вам, узнав от [сестры] Сони, что Ваш сын отбывает свою воинскую повинность в Киеве. Я прошу ему передать, что по праздникам и воскресеньям он может приходить к нам, если захочет (и у него нет более интересных знакомых): Крещатик, 15, кв. 10. Да и книги может брать у нас читать, если захочет.

Последняя фраза опять-таки говорит о незнании Зинаидой Николаевной жизненных реалий: каких-либо условий для чтения книг в матросской школе не было (хотя в ней наверняка имелась так называемая Ленинская комната), там в основном, в свободное от службы время, бухали...

В 1964-м обстоятельный Иван Робертович отправил такое письмо в Киев (с использованием «сильных выражений»):

Дорогие Зинаида Николаевна и Софья Николаевна, я очень благодарен Зинаиде Николаевне за повторное и настойчивое приглашение в Киев с любезным предоставлением крова, а Софье Николаевне за напоминания, чтобы я обязательно последовал этому приглашению. Но не могу, не знаю, будут ли у Андрюши «увольнения» в июне, не знаю точно, до каких пор он будет в Киеве.

А, главное, нет времени и денег, причем денег не в прямом смысле – в кармане, а в смысле возможности включить расходы на поездку, так сказать, в план и смету (хотя бы мысленную!). Все дело в том, что ленинградское издательство, как я уже писал С.Н., самым наглым и откровенным образом меня обсчитало за мою долю работы в книге Каменецкого «РЭК» – обсчитало больше чем наполовину. Собираюсь завтра снова советоваться со знакомым юристом, какой путь жалобы избрать. Молча дарить им эти деньги (около 200 руб.) совершенно не намерен.

Эта ленинградская сволочь воспользовалась тем, что московский директор (ленинградское отделение ему подчинено) ушел на пенсию в апреле, вскоре после того как сказал мне, что он дал в Ленинград указание, чтобы мне ответили и заплатили. А они из хитрости вообще ни разу на мои требования заплатить, как следовало, не ответили и не написали.

<...> Андрюшу надо было бы мне повидать и сделать ему внушение, чтобы он не пил совсем, учитывая большую опасность питья в его условиях и при его крайне слабом характере. Но все это внушение именно при этом его характере и сохранении его теперешнего окружения и, очевидно, почти полном отсутствии в [матросской] школе дисциплины – совершенно бесполезно!

Я решил действовать проще, написал ему популярное ругательное письмо и отказался выполнить его просьбу о досрочной присылке денег. Ведь он все равно большую часть их пропьет, раз их школу или часть так распустили и таково настроение его окружения. <...>

Ну, довольно на эту противную (поскольку я бессилён, даже если бы и поехал в Киев и повидал бы Андрея, не имеющего «царя в голове») тему. Не помню, насколько толково я написал уже С.Н. о юбилее на электростанции имени Р.Э. Классона. Очень малоинтересно было торжественное юбилейное заседание, за немногими исключениями – отдельные места в выступлениях трех профессоров, которые все в [19]10-х или [19]20-х годах работали на «Электропередаче», один из них (племянник Зинаиды Павловны Кржижановской-Невзоровой Голубцов) даже член-корр. АН СССР.

Совсем скучно оказалось на банкете, который был со строгим местничеством и продолжался с 10 час. до 2-х (я ушел в 12-м часу, т.к. не пил, из-за хрипоты и опасения, что она все-таки связана с какой-то простудой). Интересен был концерт между торжественным заседанием и банкетом.

А вот на другой день я провел время интересно. Был в двух школах на встрече-беседе, кончившейся чаем, тоже с местничеством, хотя и за маленькими столиками. Например, я сидел с учительницей, директором школы и директором станции (он шеф школы, с ним я сидел и на банкете накануне и знал, что он ничего интересного не скажет).

А вот следы разнообразной переписки С.Н. Мотовиловой и И.Р. Классона в том же 1964-м (опять-таки, в письмах сестре Вере):

Пришла открытка от Вани Классона и, наконец, книга с биографией [Р.Э.] Классона. Умер он в 1926 году и только через тридцать восемь лет выходит его биография, когда его ближайшие друзья и соратники умерли, а многие могли бы о нем рассказать. Портрет его абсолютно на него не похож. <...>

Мне нравится его замечание, что для инженера важно его знание дела, а не партийность. Многие из людей, которые работали в Баку у него (и Красин, и Кржижановский, и Радченко, и Аллилуев – отец жены Сталина), и много других – были нелегальными и полулегальными. Красин-то был сам очень талантливый инженер, ну а другие, всякая малознающая мелкота, как партийцы, стали во главе всяких высших над Классоном учреждений и начали вмешиваться в его дела, ничего не понимая и тормозя его работу. Мне, например, нравится, когда он просит послать для закупок [оборудования для гидроторфа] за границей одного знающего инженера, а не комиссию [из чиновников] всяких высших учреждений. Ужасная волокита у нас всюду, а Классон был деловой человек.

<...> Иван Робертович страшно много значения придает этой книге. Купил уже больше 50 экземпляров и разослал разным лицам. Прислал мне заказ, чтоб я еще купила в Киеве. Мы с Зиной зашли в пять магазинов, последний – технической книги.

Книги Электроиздата* всюду есть, но этой книги нигде нет. К счастью, оказалось еще несколько экземпляров в магазине, где работает моя знакомая.

Справедливости ради стоит отметить, что автор биографии М.О. Каменецкий обращался к личности Р.Э. Классона и раньше, опубликовав в 1936 г. статью «Инженер Классон» в журнале «Техника – молодежи», а в 1951-м книгу «Первые русские электростанции».

В мае 1964-го З.Н. Некрасова прислала в Москву такую открытку:

Милый Ваня! Спасибо за то, что прислали мне рукопись на белой бумаге (а не на желтой!). Всего хорошего желаю Вам и всем Вашим! Ваш сын, найдя Пассаж – Крещатик, №15, не сумел найти номер квартиры – №10, но вполне удовлетворился, найдя в Пассаже какого-то нужного ему писателя, и больше не пытался разыскать нашу квартиру, хоть у нее и сидят целыми днями 3 лифтерши. У нас стоит все время холодная и дождливая погода!

P.S. М.б. Вы сами соберетесь приехать в Киев и остановитесь у нас, и я таким образом и сына Вашего увижу и к Соне Вас провожу.

И вот, наконец, произошло «историческое событие»! В июле 1964-го встретились два пожилых родственника, никогда не видавшие друг друга:

<...> Приехал в Киев на три дня Ваня Классон. Заказал себе номер в гостинице, но теперь же масса туристов, все занято, должен был остановиться у Зины. <...> В субботу Зина привела его ко мне. Ты же знаешь, я его ведь никогда не видала. Помнила его детские [фото]портреты.

* Небольшая неточность – Госэнергоиздат, позже был переименован в «Энергию».

И вот мое впечатление – Зина входит с каким-то старым, жалким евреем маленького роста и спрашивает: «Ты узнаешь?» Мало ли у нас знакомых евреев было! И оказалось, это Ваня Классон! Я [бесцеремонно] говорю: «До чего у Вас еврейский тип!» Ни на тетю Соню, ни на [Р.Э.] Классона совсем не похож, ни на дядю Пашу, ни на Кристиани. Это мое впечатление. А [моей знакомой] Еве [Пятигорской] и той даме, которая у меня [шефствует], очень понравился.

<...> Классон был у меня три раза. <...> Он считает, что он похож на дедушку Ивана Егоровича. А Ева нашла, что Ваня Классон похож на меня, и вообще эти дамы нашли, что он «интересный мужчина». Этого выражения я совсем не понимаю.

Все-таки у И.Р. Классона была скорее итальянская внешность – от своей бабушки Луизы Францевны: черные волосы, смуглая кожа, худощавая фигура, средний рост (167-168 см). Ну а Софья Николаевна, которая всю жизнь общалась в Киеве с евреями (а из итальянцев видела только одного – переводчика Витторио Страда), поэтому скорее всего и приняла своего московского родственника за оный типаж.

После визита И.Р. Классона в Киев их переписка продолжилась (следы чего видны опять-таки в письмах сестре Вере в Лозанну):

[Мой «тимуровец»] Александр Ефимович все еще в Москве. Звонит по вечерам Ване Классону и разговаривает с ним по телефону по часу! А у Вани Классона ведь в 10 часов (22 часа, как он пишет) [домашними] тушится электричество. Но его семья сейчас на даче, и Ваня Классон пишет, что слава богу: никто не может хронометрировать его разговоры по телефону. Ужасная у него жена (эта – вторая), украинская крестьянка, с психологией как у [домработницы Некрасовых] Гани. Нет, Ганя кажется культурнее.

<...> Ты знаешь, по-моему наши родственники, и Гельшерты и Классон Иван, скуповаты. Помнишь, какая скупая была М-те Кристиани? У Классона остановился в Москве сын Маши [Володиной из Тамбова, Женя] со своей новой женой, и вот его письмо: «Ну, слава богу, сегодня выкатился со своей М-те». Два дня у него прожил. Он очень боится своей жены. <...> Но главное, теперь он боялся, что жена вернется с дачи и вдруг увидит, что он принимает каких-то родственников!

<...> Через день после того, как мой «тимуровец» мне купил биографию Ногина, эту же книгу прислал из Москвы Ваня Классон. Очень он трогателен, даже всюду заложил закладки, где говорится обо мне. <...> Так что Ваня Классон – мой лучший друг и поверенный во всех моих делах! Я ему пишу так же часто и так же подробно, как и тебе. Но он на все реагирует. Сам он страшно занят, пишет переводы, рефераты, работает у себя на даче, они все там строили. Его старший сын отбывает теперь воинскую повинность как матрос, ушел в какое-то дальнее плавание. Другой кончает школу. <...> Бедный Классон ложится в больницу на операцию, такую же, как была у Ульянова недавно. Говорит, пролежит в больнице недели три. Он так близко к сердцу принимал передачу моих рукописей в рукописный отдел Библиотеки Ленина.

<...> Нас с Зиной очень насмешил Ваня Классон, он таки [пошел] в свою Женевскую тетку – скуповат. Я его запрашиваю, отчего он не был у Зины [в этом году]. Он отвечает: «Не было лишних денег на проезд». Я удивляюсь: «Да ведь проезд стоит 4 копейки». Отвечает: «Я езжу на метро, и это [обходится] в 5 копеек!». Вроде [скупого нашего родственника, покойного] Сережи Эрна.

<...> Вчера [(13 ноября)] было письмо от Вани Классона. Он наконец зашел к Зине [(на квартиру Лунгиных в Москве)], просидел у нее больше часа. Вику, пишет, видел мельком, и Вика сказал ему, что насчет печатания Викиных вещей ничего еще неизвестно. Их вот уже два года и не печатают – новые, и не перепечатывают – старые.

<...> Пришла открытка [к Новому году] от Андрюши Классона, внука тети Сони.

«Итальянская внешность» И.Р. Классона

<...> Как меня коробит то, что биограф Ногина пишет про меня, хоть это никакого значения не имеет, и как злит Ваню Классона сценарий Берггольц о встрече Крупской с Лениным [на охтинской квартире Р.Э. Классона], о раскладывании [Крупской] блинов, о том, что Классон [якобы] говорил «солидно (!)». И главное возмутительно то, что есть же описание [встречи у] самой Крупской, о том как это было [на самом деле], есть биография Классона, его переписка с Лениным, его статьи, где она могла уловить, каким достойным языком Классон всегда говорил!

<...> К дню моего рождения Иван Робертович Классон прислал мне книгу воспоминаний о Лермонтове. Я еще не кончила книгу «Грибоедов – дипломат», присланную мне писательницей Поповой, но начинаю читать и эту, интересную для меня книгу.*

* Попова О.И. Грибоедов – дипломат, М., 1964.

Ольга Ивановна Попова (1888—1973), литературовед, писатель, специалист по зарубежным рукописям и автографам.

<...> Вот что пишет Иван Робертович по поводу желания Ульянова, чтоб его статьи доходили до русских геологов: «Я бы посоветовал (хоть я не ручаюсь за эффективность моего совета) послать на адрес ВИНТИ, редакция реферативного журнала «Геология» – Москва, Л-219, Балтийская ул., 14 или послать Ленинской библиотеке (она ведь иностранные книги получает далеко не полно) по адресу Москва, Центр, Государственная библиотека им. Ленина». Дело не в том, что этих книг в библиотеке может не быть. Вероятно есть, но они не обрабатываются. Нет карточки в каталоге – это я так думаю.

В ноябре 1964-го И.Р. Классон получил открытку от З.Н. Некрасовой:

Милый Ваня! Я уже знаю, что Вашего сына перевели куда-то в другое место! из Киева и к тому времени, что он сможет к нам приходить по выходным дням, он не будет в Киеве! Очень жаль, что мы с ним не познакомимся! Могут его и «кадрировать», если он будет «подавать надежды». Чем черт не шутит!

Все же, как сообщил автору старший брат Андрей Иванович, он таки сподобился один раз побывать у Некрасовых во время увольнительной «на несколько часов». Однако особого контакта у него с Виктором Платоновичем не получилось, тот был пьян. Выходит, Зинаиды Николаевны в это время не было в квартире?

В конце 1965-го у киевского корреспондента произошла «маленькая трагедия»:

А тут еще у меня несчастье: разрыв сношений с Классоном. Ты и Зина на мое ведь ни на что не реагируете, а Иван Робертович все-таки иногда реагировал. А тут он вдруг написал, зачем я пишу о Лене [Игнатович] (тети Анютиной внучке), которой он не выносит и все – то же.

Во-первых, вовсе не то же, а много неожиданно нового. Затем, что он не может выполнять моих поручений, это у него отнимает слишком много времени. Я его просила купить книгу о Покровском А.А.* Ну она, конечно, вся моментально была раскуплена, и ему пришлось ездить в какой-то отдел снабжения, чтоб ее купить.

И в другом письме:

Ты знаешь у меня разрыв сношений с Классоном. У него ужасная жена, украинская баба. Скупа, по-моему, сверх меры и глупа. Когда он купил «Новый Мир» с моими воспоминаниями, она страшно возмутилась, как он позволил себе такую трату – 70 копеек! Журнал у него отобрала. Сыновья ходили и подглядывали, что она с ним сделает, оказалось – сама читает. Ну, кажется, потом сообразила, что мои воспоминания им только выгодны и можно затратить 70 коп.

Классон мне написал тогда: «Мне было приятно, что имя моей матери (тети Сони) наконец появилось в печати». Об отце его писали много, а о тете Соне никогда.

В другой раз (я тоже тебе об этом писала) я запросила его: «Отчего Вы не заедете к Зине?» – когда она была в Москве. Он отвечает: «Нет времени и денег». Я удивилась, пишу ему: «Да ведь троллейбус стоит 4 копейки!» Он отвечает: «Я езжу на метро, а это 5 копеек!»

Чтоб купить мне книгу о Покровском, ему пришлось потратить много времени, ездить в какой-то склад, очевидно, не один раз тратить по 5 коп. на метро, терять время. Деньги-то я, конечно, ему верну. Одним словом, он написал, что больше никаких моих поручений выполнять не будет. А я его уже больше года прошу заказать в Ленинской библиотеке снимок со статьи об Н.А. [Ульянове] в «Who is who».

* «Очень интересны были для меня [в 1915 г. на Библиотечных курсах] лекции Александра Александровича Покровского. Сам он был очень симпатичный, такой типичный русский интеллигент и так предан своей работе». – Из воспоминаний С.Н. Мотовиловой (ф. 321 отдела рукописей РГБ).

Правда, С.Н. Мотовиловой оставалось жить лишь несколько месяцев, но все равно «разрыв сношений», пусть и заочный, всегда неприятен – для обеих сторон. Что касается жены И.Р. Классона, матери автора этих строк, то в оправдание отметим, что ей приходилось вести хозяйство на 120 рублей в месяц (пенсию мужа) и на небольшой его приработок рефератами и переводами. И на эти деньги, скажем 150-160 рублей, нельзя было особенно разгуляться в семье из четырех человек (хотя старший сын с 1963 года, служивший на флоте, требовал уже значительно меньше трат).

В мае 1967-го Иван Робертович в письме к старому своему знакомому Федору Алексеевичу Рязанову вспомнил:

Когда Каменецкий в 1959-60 гг. присылал мне по частям рукопись своей книги, я как-то высказал ему, что не понимаю, зачем в историческом изложении в прошлом времени вдруг переходить на настоящее время. Он мне объяснил, что для большей живости и что это очень принято, это я воспринял с кротостью. Но с тех пор у меня характер испортился, и когда я читаю некрологи и др. жизнеописания в газетах, меня иногда «коробит» (выражение моих родителей со времен Баку) от таких переходов на настоящее время.

Итак, вот еще одно сочное выражение Роберта Эдуардовича (в союзе с Софьей Ивановной) – «коробит» (от того-то)!

Продолжим тему обстоятельности, деловитости И.Р. Классона, уважения к знакомым и малознакомым людям. Сохранился черновик его единственного, по-видимому, письма к В.П. Некрасову, которое тоже весьма ярко говорит об этом (отметим, московскому корреспонденту в это время было уже семьдесят лет):

Москва, 14 февраля 1970

Дорогой Виктор Платонович!

Сердечный привет Зинаиде Николаевне и Вам,

В середине декабря мне позвонила Зинаида Алексеевна Левина из Института марксизма-ленинизма (она узнала мой № телефона и вообще о моем существовании от Вас) и спросила, нет ли у меня сведений о № дома на ул. Маурас в Лозанне, где в 1895 г. жила семья Алины Антоновны, когда у них побывал В.И. Ульянов.

<...> На днях я нашел два документа о моей старшей сестре Соне, которую наша мать родила, временно живя у Алины Антоновны в Лозанне, 9 октября 1892 г., а затем, уезжая с мужем Робертом Эдуардовичем Классоном в Петербург в 1893 г., оставила у Алины Антоновны на год или два из-за слабого здоровья Сони, считая, что петербургские климат и (тогдашняя) вода для нее были бы опасны. Эти два документа – справка о рождении (для предъявления при крещении) и разрешение Соне (Mademoiselle Sophie) – полуторагодовалой девочке на временное проживание (очевидно, продление) с 1 марта 1894 г. по 28 февраля 1895 г. у M-me Motoviloff, Mouras, 55.

Фотокопии обоих документов (вместе с оригиналами) я сегодня передал Левиной, а также прилагаю обе фотокопии к этому письму Вам. Может быть, Вам интересно будет на них посмотреть и может быть и сохранить в Вашем «личном архиве» (очень модное теперь слово).

Я оставил фотокопии и себе и негативы переснимков. Левина была очень довольна: она ведь, между двумя ее письмами Вам, ездила с Ираклием Андрониковым в Швейцарию (см. Литературную газету, 1970, в двух №№ в январе), совершенно по другому поводу: повидала в Лозанне Николая Алексеевича Ульянова (и только там от него узнала, что он зять Алины Антоновны). Он ей назвал Маурас, 55, она сделала снимок этого дома, но не была все-таки уверена, что это тот дом.

Прилагаю к этому письму также два экземпляра увеличенного (и более четкого чем выцветший оригинал!) переснимка групповой фотографии 1892 г. «Русские в Швейцарии». Оригинал я получил от Зинаиды Николаевны в 1964 г. в Киеве, давал переснимать, но очень неудачно. Только недавно нашел действительно искусного фотографа. На обороте одного экземпляра я написал имена и возраст [персонажей].

Позволим себе небольшой комментарий. Во-первых, скорее всего, «маститый писатель» В.П. Некрасов И.Р. Классону ответить не удосужился (по крайней мере, после смерти последнего в его бумагах такового письма обнаружить не удалось). И, во-вторых, остается лишь пожалеть, что оригиналы ценных для Мотовиловых-Классонов документов ушли в Институт марксизма-ленинизма (а не, например, в ЦГАНХ СССР, теперешний РГАЭ). И лишь для того, чтобы подтвердить один малозначительный эпизод Ленинианы. В то же время эти документы не утрачены и доступны исследователям-историкам.

Как уже упоминалось, в 1951-м И.Р. Классон получил 8 соток от Гидроэнергопроекта недалеко от ст. Крюково и платформы Алабушево Октябрьской железной дороги. Здесь «под его чутким руководством» младший сын, автор этих строк, приобрел много полезных навыков: копал в суглинке-глине большие ямы под яблони и наполнял их компостом, покупал с отцом саженцы и высаживал их, потом обрезал взрослые деревья, собирал яблоки, выкорчевывал засохшие деревья, пилил и рубил их на дрова.

В 1960-м мы построили с отцом и братом Андреем под домом погреб, по всем правилам: яму обложили гидроизоляцией, сделали монолитные железобетонные пол и стены, потолок – из брошенных на стройках Зеленограда бетонных плит, положенных на стенки и на установленный посередине проема обрезок рельса, который подобрали на железнодорожной ветке Крюково – Зеленоград.

В 1978-м, я уже один, выстроил из бревен и досок сарай, поскольку материнский глинобитный сильно обветшал. С тех пор могу работать мастерком, пилой, топором, рубанком, молотком, стамеской, кистью, напильником, отверткой, пассатижами, лопатой, граблями и т.д. В общем, делать почти все (кроме водопроводных) строительные и садоводческие работы.

Так что ненавязчивое отцовское трудовое воспитание было весьма плодотворным. И не только в части навыков, но и воспитания характера – пока не сделаешь определенную работу, не можешь бросить ее. И делать любую работу всегда на совесть.

Кстати, некоторые инциденты в Алабушеве иллюстрируют нашу взаимную заботу друг о друге. А как же иначе? Один раз, когда мне было лет десять-двенадцать, я напоролся на гвоздь у соседей: отчим моего друга детства надстраивал дом, а старые доски с не вынутыми из них гвоздями бросал где попало.

Мать, хотя и была в курсе того, что ногу у меня начало нарывать, дотянула этот неприятный эксцесс до приезда отца на выходные. И мы сейчас же отправились с ним в Москву, отец даже какое-то время нес меня на закорках – на ногу уже нельзя было ступить. В больнице я впервые узнал, что для лечения нарывов применяется весьма пахучая, но очень эффективная мазь Вишневского. Нога, слава Богу, зажила.

В свою очередь, когда в 1970-х у отца в очередной раз защемило грыжу в Алабушеве, то я тут же бросился его выручать. Позвонил в Зеленоград, в «скорую помощь», однако тамошние эскулапы ехать к нам отказались, сославшись на то, что мы к ним не приписаны. Тогда я помчался на велосипеде на железнодорожную платформу Алабушево, где мне посоветовали обратиться в «скорую помощь» в Крюкове. Добрался до Крюкова, где местная «скорая помощь» пообещала приехать. И таки приехала. Не помню уже, забирали отца в больницу или на месте вправили грыжу, но квалифицированная медицинская помощь была оказана более или менее оперативно.

Здесь уместно привести суровый диагноз, вынесенный И.Р. Классоном убогой советской медицине, которая обслуживала не людей, а «истории болезни» (высокопоставленные пациенты и 4-е Главное управление Минздрава СССР – это отдельная тема, ее мы здесь касаться не будем):

*Я много болел, но в нескольких серьезных случаях попадал к замечательным врачам, которые меня правильно и успешно лечили. Самым замечательным врачом-терапевтом, к которому я обращался много раз в 1930-50-х гг., был Максим Абрамович Бурштейн. Он был сыном владельца аптеки на Москворецкой ул. (от Москворецкого моста вверх до Варварки), снабжавшей лекарствами еще с 1890-х гг. приемный покой Раушской электростанции. Эта аптека конкурировала с недалеко расположенной знаменитой аптекой Ферейна на Никольской.**

Бурштейна призвали как врача во время Первой мировой войны, а с 1917 г. он работал в приемном покое Раушской станции. В 1931 г. он очень хорошо лечил меня от острого суставного ревматизма, который, по его словам, отразился тогда только на мышце сердца, но не на его клапанах. Он, несомненно, принадлежал к числу врачей, иногда вылечивавших больного уже после первого осмотра. В 1938 г. я приглашал его к своему зятю Гарденину, которого уволили из Госплана.

Он несколько месяцев оставался без работы, так как с любого места, куда он пытался поступить, запрашивали отдел кадров Госплана, и его начальник накладывал вето.

*Ко всему этому добавилось, что Гарденин заболел, причем у него высокая температура бывала только ночью. Бурштейн заподозрил у него малярию. Правда не нашел у Гарденина увеличения селезенки (это свойственно при малярии), но спросил – сможет ли он сам взять у себя кровь для анализа во время ночного приступа. Я съездил с Бурштейном в его приемный покой и привез Гарденину ланцет и трубки для забора крови. Однако у него приступы больше не повторялись. Вскоре после этого ему позвонил товарищ из Гидроэнергопроекта, который до этого безуспешно пытался устроить его на работу, и сказал, что начальник отдела кадров Госплана арестован и что Гарденин теперь может спокойно приходить в отдел кадров института**.*

Когда у моей жены Анны Гавриловны очень поздно обнаружили рак грудной железы, я сказал Бурштейну, что не понимаю, почему врачи, у которых по поводу ревматизма и тому подобного она бывала, не обнаружили опухоли раньше. Он смог ответить лишь за себя: у своих пациенток, по какому поводу они ни обращались бы, всегда ощупывает молочные железы и в двух случаях весьма своевременно обнаружил опухоли.

Бурштейн лечил еще в 1920-х гг. Р.Э. Классона и, измеряя однажды давление, вспомнил, что у него нижний предел был на нуле – из-за очень расширенной аорты. Однажды, когда я сказал, что недавно два часа переносил [в [Алабушеве](#)] тяжелые бревна и у меня на другой день ломило спину, но я чувствовал себя бодрее, Бурштейн напомнил: вот почему Роберт Эдуардович так любил охоту – это большой моцион.

* Речь идет об аптеке «А.Е. Бурштейн», находившейся, по-видимому, как и ее владелица Клара Яковлевна Бурштейн в 1915 г., по адресу Москворецкая ул., д. 27/29. Сам же врач Максим Абрамович Бурштейн (сын владелицы?) проживал по Кадашевской наб. в д. 36 (см. «Вся Москва» за 1915 г.).

** Как утверждал А.С. Гарденин, доктор дал его отцу Сергею Федоровичу, на всякий случай, хину – противомаларийный препарат, который его, по-видимому, и вылечил.

Нашей семье не везло с советской системой здравоохранения. Соня умерла в тридцать семь лет (в 1930 г.) в московской больнице им. Клары Цеткин* – от послеродовой инфекции (еще не открыли пенициллин и другие антибиотики). Ее гимназическая подруга, врач Иловайская советовала Соне рожать дома и обещала, что сама ей поможет, но моей сестре не захотелось «разводить грязь» в тесной квартире (из двух маленьких комнат) <...>.

Таня умерла осенью 1943 г. в возрасте сорока семи лет, когда я был в командировке на восстановлении Баксанской ГЭС. Она была очень истощена от плохого питания в эвакуации. Я договорился со своими знакомыми по Гидроэнергопроекту М.А. Лебедевым и А.Н. Вознесенским, чтобы они оформили ей вызов на возвращение в Москву. В дороге она заболела воспалением легких. Ее деверь, доцент МЭИ Александр Данилович Свенчанский, бывший уже в Москве после эвакуации, поместил Таню в больницу, предлагал принять, кажется, сульфадин, который у него случайно был и который ее вероятно вылечил бы, но врач в больнице посчитал, что у нее брюшной тиф.

Когда я после Баксана увидел Бурштейна и сообщил об этом трагическом случае, он мне ответил, что надо было обратиться к нему. А так Таня попала в больницу просто как «больной за таким-то номером [истории болезни]». Так что я на будущее усвоил: в сколько-нибудь серьезных случаях родным надо обязательно разговаривать в больницах с врачами, а может быть и использовать врачебную протекцию.

Анне Гавриловне сначала не повезло в том, что когда у нее только еще начиналась опухоль молочной железы, нашим участковым врачом в поликлинике была молодой врач Севригина, которая сама вообще не обследовала молочные железы у пациенток. И просто не обратила внимания на жалобы жены, что у нее покалывает под мышкой. В 1955 г. она даже прошла стандартное обследование после направления по поводу [якобы] ревматизма в Цхалтубо.

Но этот курорт был ей уже противопоказан, как сказали позже онкологи. До операции [резекции] молочной железы в 1956 г. ни один врач никогда не предостерегал ее, как и других пациентов, об опасности чрезмерного солнечного загара.

Кате в шестьдесят один год не повезло с участковым терапевтом, которого вызвали на другой день после заболевания, не совсем похожего на ангину, и он не заподозрил и не распознал дифтерит (что наверняка сделал бы хороший детский врач). И только дня через три ее сын Шура повел мать в платную поликлинику на улице Кирова, где сразу предположили дифтерит (хотя сделанный так поздно анализ уже не дал результатов). Катя, к сожалению, не выполнила предписание врача платной поликлиники – пройти амбулаторный курс инъекций витамина В₁, чтобы предупредить возможные дифтерийные осложнения. Например, такое тяжелое осложнение как паралич глотательного центра. Что и случилось, лишь тогда ее поместили в соответствующую больницу, а районная поликлиника получила выговор.

Затем у Кати при первом переломе шейки бедра и вызове врача на дом временный участковый врач-хирург (sic!) не диагностировал его. И только через девять дней, когда вернулась из отпуска штатная участковая, она определила перелом. И поместила Катю в больницу – предупредив, чтобы она до осмотра в приемном покое больницы ни в коем случае не сообщала врачам скорой помощи о девятидневной давности переломе, иначе они могли бы отказаться ее везти. Хотя через семь лет, когда Катя сломала шейку бедра на другой ноге, врачи в больнице очень внимательно к ней относились.

* Это престижный советский роддом, в котором до большевистского переворота 1917-го располагалась Морозовская богадельня (Шелапутинский пер., 3 – ныне Б. Полуярославский пер.).

И.Р. Классон, став в 1959-м пенсионером, каждый год обязательно отрабатывал два месяца на прежней службе или в других местах, много занимался техническими переводами и привлекал меня к подсобной работе – считать и править напечатанные на машинке тексты.

Между прочим, из случайно уцелевших вторых машинописных экземпляров рефератов обнаружилось, что он начал заниматься ими еще до выхода на пенсию (по-видимому, сразу после перехода в 1955-м из «передового» ОАТН в «отстойный» технический отдел). Например, в 1957 г. за реферат объемом 3 тыс. знаков ему причиталось около 100 руб. (10 руб. после денежной реформы 1961 года).

За каждый проверенный лист отец платил мне, кажется, по 1 «новой» копейке. И дело здесь не только в небольшом заработке, хотя мальчишке карманные деньги никогда не помешают, а в привитии усидчивости, внимательности. К сожалению, его попытки научить меня немецкому и французскому языкам (в школе я проходил английский) оказались малопродуктивными. Мы с ним изучали в основном грамматику, заучивали слова, читали тексты, т.е. делали ровно то же, что и в школе, а потом и в институте. Здесь же важнее, как я позже осознал, получить разговорные навыки, а остальное само собой приложится.

Кстати, вспомнил иногда цитировавшийся отцом антипример – как не должен говорить образованный человек: «Инженерá лóжат договорá в портфеля».

Как утверждал И.Р. Классон, в 1920-х Демьян Бедный (Е.А. Придворов) написал стишки «на злобу дня», поэтому они, будучи «антисоветскими», никогда не публиковались. А «злоба дня» заключалась в том, что советские ученые, ввиду дефицита зерна даже на хлебопекарные нужды, якобы придумали способ, как получать спирт высокой очистки из человеческого дерьма.

И якобы на это Демьян Бедный откликнулся следующим стишком:

*Ну, настали времена,
Что ни день, то чудо,
Спирт мы гоним из г..на –
Четвертуху с пуда.
Русский ум изобретет,
К зависти Европы,
Так что водка потечет
Прямо в рот из ж..ы.*

В Интернете я потом нашел:

В 1921 г. В. Ленин в записке в Совнарком писал: «Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно и должно делать из торфа».

<...> Ученые предлагали рецепты изготовления спирта даже из навоза и фекалий. Демьян Бедный откликнулся следующими стихами: «Вот настали времена: / Что ни день – то чудо. / Водку гонят из г..на, / По три литра с пуда. / Русский ум изобретет / В зависть всей Европы: / Скоро водка потечет / В рот из самой ж..ы. / Будем мы повелевать, / Властвовать над миром. / Будут люди водкой ср.ть / И пе.деть эфиром».

Так это или не так, пусть разбираются исследователи жизни и творчества пролетарского поэта и вообще – «условий выживания советского народа под большевиками».

Однако уже после смерти отца автор этих строк, работая в РГБ, с изумлением обнаружил, что в августе 1919-го на заседании Совнаркома обсуждался доклад представителя Научно-пищевого института о состоянии работ в этом distinguished заведении, в частности об успешных опытах по получению сахара и спирта из древесных опилок, и в «Ленинском сборнике» были напечатаны следующие документы:

Записка Л. Красина. Плодовый сахар (глюкоза) получен из древесных опилок (1 пуд опилок дает 18 фунтов этой патоки).

Записка Ульянова-Ленина. Невероятно: на 1 пуд – 18 фунтов!! 45%??? Содержание сахара? %?

Ответ Л. Красина. Клетчатка действием серной кислоты превращается нацело в декстрин (род крахмала) и далее в глюкозу, притом с увеличением веса, ибо глюкоза есть декстрин плюс частица воды. Реакция эта известна 100 лет, но технически была невыгодна: не было простого способа удалять взятую для реакции серную кислоту. Наш химик нашел простой способ удаления серной кислоты, и вот в этом вся суть дела. Выход 45% получен уже при опытах в заводском масштабе (производство – 3 пуда в сутки). Способ будет иметь мировое значение, ибо, помимо значения для питания, глюкоза – исходный материал для спирта, который будем делать не из картофеля, а из опилок.

В общем, как заметил потом английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, большевики оказались большими мечтателями. Разрушив сельское хозяйство царской России, они вознамерились получать, в частности, отмеченные выше продукты из опилок – действием серной кислоты. Кислота, как известно, нейтрализуется щелочью. Значит, в глюкозе наверняка останется или немного серной кислоты, или щелочи, а также немало – какой-либо соли (не обязательно поваренной).

И всю эту хрень большевики мечтали навязать покоренному ими населению! Главное – килокалории и спирт!! А что будет с желудками и вообще с организмами людей – мелочи!!! Объективности ради стоит отметить, что у животных желудок при переваривании пищи выделяет немного соляной кислоты – но ее необходимые объемы и концентрации оптимизировались за миллионы лет эволюции сих организмов.

В 1972-м И.Р. Классон получил письмо с неожиданными для него сведениями о своем отце: «Это вам пишет один из ветеранов энергетики, инженер-технолог Константин Прокофьевич Пруденский. В годы учебы в 1-м Ленинградском Народном Университете с 1920 по 1924 год у нас несколько раз читал лекции по электротехнике ваш папа Роберт Эдуардович, и мы с большим удовлетворением вспоминаем те азы наших наук, которые так четко конспектировались однокурсниками». По-видимому, Ивану Робертовичу стало весьма тепло на сердце от этой весточки.

В середине 1970-х сестра Екатерина написала брату на открытке с изображением картины Федора Васильева «После дождя» (в очерке «Жизнь после жизни» мы уже упоминали это послание, но только в части отношения их отца к живописи):

Дорогой Иван, позвони мне, когда будешь в Москве [(а не в Алабушеве)], у меня после того как ты ушел, возникли некоторые «конструктивные» предложения по поводу этой главы и еще некоторые подробности о внешнем виде [будущей книги]. Я записала, но это очень много, так что писать в письме очень долго. <...>

Скорее всего, речь шла о главе «Мотовилы – семья нашей матери», по поводу которой И.Р. Классон оставил такое подстрочное примечание:

Я начал печатать на машинке свои воспоминания – по мере составления их – в конце 1976 года. Однако, при крайней недостаточности этой главы, я тогда отложил ее печатать до розыска дополнительных данных и перешел к печатанию следующих глав – о нашем отце и собственно моих воспоминаний и в апреле 1977-го дошел в них до 1912 года. Моя сестра Екатерина считает эту главу очень важной для средних и младших поколений наших потомков и родных – читателей настоящих воспоминаний – и опасается, что я могу не успеть написать эту главу полнее и она останется пропущенной в машинном тексте. Отсюда решение о предварительной редакции.

Иван Робертович всю жизнь переписывался с Татьяной Васильевной Лунц, дочерью Василия Васильевича Старкова и Антонины Максимилиановны, урожденной Розенберг (родной сестры Г.М. Кржижановского, несмотря на разные фамилии). В июне 1976-го он вынужден был отправить Т.В. Старковой-Лунц свои нелицеприятные впечатления относительно ее «нехорошего» дяди (см. очерки «Опять в Первопрестольной» и «Под большевиками») и отметил в черновике: «В письме Тате я написал, что прошу меня простить – мои соображения ее наверняка огорчат, даже если она мне, возможно, не поверит!» Уже после смерти своего киевского корреспондента С.Н. Мотовиловой и, понятное дело, невозможности с оной переписываться И.Р. Классон оставил такие черновые размышления «с самим собой», датируемые 1978-м, как [[«Удачные моменты в моем образовании и не только...»](#)]:

Я рано (5-ти лет) научился грамоте, счету и цифрам до 100 (в 6 лет), вовремя начал учиться немецкому (в 5 лет), а потом и французскому языку (в каком году?). В реальном училище учение немецкому и французскому языкам (только немцы – с балтийским выговором) дополнительно к занятиям с домашними учителями (французскому и с мамой в Гельсингфорсе) укрепило мое знание этих двух языков.

Хорошо меня учили математике, физике, «естествознанию» (ботаника, зоология, химия, кристаллография, анатомия и физиология человека, общей истории (кроме средних веков, по которым я чуть не провалился), очень короткому, по окончании русской литературы с Сережниковым, но основательному знанию по теории словесности (эпитет, синекдоха, метонимия, сравнение и т.д.). Конечно, зряшная трата времени и памяти (!) на «закон божий»! Отец, дополнительно к школе, где его вовсе не было, научил меня счету на логарифмической линейке, а раньше черчению – проекциям, потом это было в реальном училище. Рисованию все же больше учили, чем теперь в школе. В школе, главное, у меня создалась привычка очень плотно ежедневно «готовить уроки», т.е. вместе со школьными уроками 6 раз в неделю в сумме около 9-10 час [[ежедневно](#)] умственных занятий.

В высшей школе ценно было: 1) занятия в лабораториях, например, со снятием индикаторных диаграмм паровых машин; 2) упражнения (решение задач), которые по основным, главным предметам обязательно надо было решать в школе и сдавать на проверку (исключениями были физика, химия, которые я списал у китайцев); лекции (я ходил не на все, но на все главные) давали, и основательно, тем более что и упражнения вдабливали в понимание и в память, главное.

Большой недостаток – отсутствие полового воспитания в семье и школе! Я уже приводил примеры: в Лиханьеми про непонятное тогда мне слово «целомудрие» – мама объяснила, Александра Карловна [[Шлезингер](#)] – о теленке в брюхе коровы, энциклопедия – уже гораздо позже, А. Форель – Половой вопрос^{*}.

^{*} Август Форель. Половой вопрос. Из аннотации (www.erlib.com/Август_Форель/Половой_вопрос/0/):

Второе, исправленное и дополненное издание. С.-Петербург, 1909. Книгоиздательство «EOS». Естественно-научное, психологическое, гигиеническое и социологическое исследование для образованных. Как ученый, Форель составил себе имя не только работами по психиатрии и нервным болезням, но и поразительно тонкими наблюдениями над общественной жизнью муравьев и пчел. Как врач, Форель известен своим удивительно гуманным отношением к самым «извращенным» больным и своей редкой способностью лечить их путем гипноза и психического внушения. Как общественный деятель, Форель выделяется как фанатический борец с алкоголизмом и в «Половом вопросе» устанавливает связь между алкоголизмом и ненормальностями половой жизни. Форель защищает гражданский или государственный брак, между тем его книга полна фактами, доказывающими, что нет ничего более непримиримого, чем любовь и принуждение. Постоянство любви, неразрывность заключенного союза представляется идеалом человеческого счастья, но прийти к нему можно лишь путем полной свободы без всякого обязательства перед государством или церковью.

Что было полезно и вредно от учения в Высшей технической школе в Берлине, а не в Советской России, в Москве? В личной жизни вредно, т.к. задержало создание семьи с детьми у меня и испортило с 1940 г. жизнь Марии Ивановне [Лисовской]! В Москве я, вероятно, женился бы раньше и с более правильным соотношением возрастов [у меня и у жены]. Если бы я учился в МВТУ в Москве, я, вероятно, получил бы высшее образование раньше, чем в 1930 г. Возможно стал бы, параллельно с инженерной работой, преподавать в МВТУ/МЭИ, стал бы доцентом и может быть к.т.н. Но для здоровья в конечном счете это могло бы быть вредно (переработка в умственных занятиях, позже ушел бы на пенсию). Трудно оценить, но наверняка в Москве я бы никогда не пил так регулярно (почти ежедневно) пиво, как это происходило в Берлине (и в Германии вообще).

Совершенно ненормальным, я бы сказал, для пребывания, в т.ч. и учения в ВУЗах, в Германии в 1920-х было отгораживание от иностранцев – немцев (было ли это и раньше и позже 1920-х, не знаю). Отношение немцев к иностранцам различалось: к русским (как эмигрантам, так и советским гражданам) лучше, чем, особенно, к французам, которые рассматривались вообще как враги (в начале 1920-х французы еще оккупировали Рурскую область). В Высшей технической школе студенты-немцы как можно меньше общались с иностранцами.*

* Приведем здесь в pendant цитату из письма российского преподавателя о советском студенчестве, опубликованного в парижских «Последних новостях» 24 февраля 1925 г. (вынужденно обкорнав в нем развернутый пассаж о таком омерзительном советском явлении как «чистки» в вузах):

<...> Физиономию новому студенчеству сообщают рабфаковцы. В течение 3 лет своего пребывания на рабочих факультетах они ведут борьбу за существование. Оторвавшись от обычных условий жизни, от сохи или от станка, они не приспособлены к студенческому образу жизни. Столовые и общежития хотя и помогают, но не в достаточной степени. Поэтому мечта каждого – попасть в университет на хорошую стипендию. Иногда эти стипендии лучше профессорских окладов. Так, в Петровско-Разумовской Академии студенты-коммунисты получают 80 руб./мес., а профессора – лишь 40 руб. Большинство рабфаковцев интересуется не гуманитарными науками. В их представлении лучше всех материально обеспечены инженеры разных специальностей. Поэтому все они готовы идти в «инженера». Перед самым поступлением в ВУЗы происходит изменение планов в соответствии с наличием мест и другими условиями. И в рабфаке и затем в ВУЗе студенты все время слышат, что истинная философия – материализм. Правда, им очень трудно усвоить какую бы то ни было философию, т.к. за 3 года обучения [на рабфаке] грамотности очень трудно подойти к ней. Но, как известно, с этой трудностью справляются просто. Существует официальное мировоззрение, давно уже уложенное в определенные рамки, разного рода коммунистические азбуки, политграммоты и т.п. Чего только в них нет! Кто усвоит их, тот становится всезнайкой. Происходит машинное производство мировоззрений, марксистское штампование мозгов. И борьба за существование с одной стороны, и официальная теория с другой различными путями приводят к одной и той же цели: к пренебрежению идеализмом, к конкретности в обыденном мышлении, к утилитаризму в жизни.

Правда, приходится иногда среди рабфаковцев наблюдать проявления товарищеских чувств в наилучшем смысле слова. В болезни, в беде друг другу помогают. Но это – отнюдь не общечеловеческое, соборное чувство. Это групповая этика, помощь «своим», попавшим в неблагоприятные условия; чувство солидарности к себе подобным. К тем, кого они считают «чужими», они относятся иначе.

Происходившая летом 1924 г. «чистка» университетов была вдохновлена коммунистическим студенчеством, главные кадры которого дают рабфаковцы. «Чужие» для них – дети врачей, педагогов, инженеров, адвокатов и даже часто просто служащих. Обе эти группы (рабфаковцы и остальное студенчество) держат себя обособленно. Не только в частной жизни, но даже в помещении [высшей] школы. Споров (даже дружеских) не ведется. Их избегают, т.к. немедленно содержание их становится известным наблюдательному аппарату над высшей школой – комячейке. Все же выучка молчания дается с трудом. Кое-кто проговаривался. И такие терпели из-за своей неопытности. Коммунисты доносили на них в коммунистическую ячейку, и их выкидывали из стен высшей школы.

Конечно, в этом случае имело значение, прежде всего, стремление коммунистов и вообще рабфаковцев защитить свои шкурные интересы.

Продолжение примечания

Сын или дочь интеллигента имеют преимущество развития интеллекта по наследству. Затем они проходят курс средней школы не в 3 года как рабфаковцы, а в 8 лет, и уже по одному этому развитие и больше их знают. При таких условиях по окончании университета рабфаковцы имеют меньше шансов на жизненный успех, чем остальные студенты. Выкидывая интеллигенцию из ВУЗов, коммунисты защищают свои прямые интересы. С другой стороны, в не меньшей степени сказывается здесь так же озлобление против интеллигенции, против пиджака, против бритого лица – довольно распространенное и до настоящего времени во всех слоях простого люда. Чем оно объясняется, трудно сказать; может быть, сыграла свою роль большевистская пропаганда классовой ненависти. Может быть, корни лежат еще глубже, в социальной группировке в императорский период, в нерасположении к чиновничеству вообще, в каковой роли теперь интеллигенция по большей части выступает, и т.д. Но это – факт. Для нерабфаковского студенчества лето 1924 г. было периодом тяжелого испытания, больше того – трагедии. Комиссии, созданные для проверки состава студенчества, не только вникали в социальное происхождение студента, что составляло их прямую задачу, но и в то, что каждый думает. <...> «Чистка» создала крайне тягостную общественную атмосферу. Везде только об этом и говорили. Те, кто не потерял чувствительности к общественным явлениям, находились под таким впечатлением, как если бы кого-нибудь убивали на их глазах, и они не могли помочь: их руки и ноги были связаны.

<...> Самоубийства и волнения [среди студентов из-за «чисток»] произвели некоторое впечатление на власть, и был издан декрет о том, что чистка не распространяется на студентов последних курсов при условии, если они сдадут выпускные экзамены не позже 1 января 1925 г. На практике это правило не везде соблюдалось. <...>

28 февраля 1925 г. берлинский «Руль» пересказал эту публикацию и добавил еще один повод для преследования рабфаковцами детей интеллигентов и служащих, из «Правды»:

Отчетные данные об академической успеваемости по отдельным вузам показывают эту успеваемость для коммунистов ниже среднего. По отдельным вузам и курсам одного и того же вуза она колеблется от 20 до 60% неуспевающих коммунистов. <...> Часто бывают такие факты, что беспартийные кончают вуз хорошо, а коммунисты – плохо. <...>

А вот потрясающая публикация «Руля» от 13 июня 1925 г.:

А.С. Изгоев. О душе рабфаковцев

Мне пришлось побеседовать с лицом, недавно прибывшим из России и намеревающимся туда вернуться. Последнее заставляет, конечно, вносить в суждения некоторую поправку. Моему собеседнику доводилось близко сталкиваться с фабрично-заводскими рабочими и с рабфаковцами. Вопросы, которые я ему ставил, касались преимущественно духовного состояния русской учащейся молодежи как из среды бывшей интеллигенции, так и из среды рабфаковцев.

Сущность ответов и сообщений можно вкратце свести к следующему: Интеллигенция и дети интеллигентов довольно быстро оттираются и от высшего, и от среднего образования. Попасть в высшую школу («вуз»), не будучи или не числясь рабочим или не имея хоть соответствующего документа от профсоюза, невозможно. Дети интеллигентов стараются поступить на 1-2 года на заводы и оттуда уже пробраться в университет или высший техникум. Образование для большинства платное. Вообще, как заметил мой собеседник, даже рабочие «привыкли платить». Социалистический сон всеобщей даровщины развеялся как дым. Очень тяжело положение девушек из интеллигентских семей. Для них двери высших школ крепко закрыты. Большинство таких барышень старается пристроиться в продавщицы в мелких розничных магазинах и ларьках полуправительственных розничных торговых обществ. Университеты захватываются рабфаковцами.

– Что же, от этого сильно понижается образовательный уровень?

– Конечно, он вообще значительно уже понизился. Но в последнее время заметна некоторая перемена. Начинается отбор среди самого пролетариата. Через школы 1-й ступени (фабзавуч) стараются провести всех детей рабочих, но из этих «фабзайчат» в «рабфаки» пускают только наиболее способных. Таким образом рассчитывают подготовить для высших школ наиболее способных слушателей.

– Каково же настроение этих студентов-рабфаковцев?

– Стоят за советскую власть...

– В каком смысле – ненавидят интеллигенцию, стоят за коммунистов?

– Нет. Ненависть к интеллигенции сильно поблекла. Защищая советскую власть, должны были бы, казалось, отстаивать и коммунистов. Но нет, к ним отношение холодное, а иногда и враждебное. А вместе с тем они духовно живут только тем, что им дают коммунисты, чем их накачивают. В деле пропаганды и агитации коммунисты и теперь непревзойденные мастера. Молодежь, конечно, малознающая и сырая, ими точно загипнотизирована: говорит их словами, других слов не имеет.

Окончание примечания

– Неужели эта молодежь действительно верит в социализм и коммунизм?
– Какое?! Каждый думает о себе, о том как самому пробиться, заработать кусок хлеба. Жизнь-то ведь очень трудной стала. В этом смысле все они, и партийные, и непартийные – индивидуалисты. Но слов и понятий других, кроме данных им коммунистами, не имеют.
– Заметен у них национализм, патриотизм, любовь к России?
– Что вы! России нет, и слова такого не употребляют, есть СССР и Интернационал...
– Значит, верят в международную социальную революцию?
– Раньше, может быть, и верили, но теперь этой веры что-то незаметно. Торжественные собрания и теперь, по-прежнему, заканчиваются провозглашением близости мировой социальной революции, но под рукой [?], по-видимому, даже сверху дано указание приучать к мысли о «стабилизации в Европе капитализма». Наверху, как будто, всерьез готовятся к пришествию иностранцев, и многие боятся, как бы тогда жизнь не стала еще тяжелее, чем теперь...

– В чем же душа современного советского рабфаковца?

Мой собеседник ответил шуткой:

– Душа – это устарело, теперь души не полагается, одна материя...

Мне показалось, что эта шутка прикрывала в моем, бесспорно умном, образованном и наблюдательном, собеседнике невозможность охватить явление в целом, определить духовную физиономию подрастающей в Сов. России русской молодежи. Выходило так, что коммунисты вытравили из ее души старые понятия и представления и вложили туда целый ряд книжных слов, содержание которых частью никогда не было жизненным и отчетливым, частью уже выветрилось. Что же осталось? Ничего, вытертая доска, на которой каждая сила, новая или старая, может написать свои слова или свои чувства?! <...>

Что касается возможной учебы И.Р. Классона конкретно в МВТУ, в середине 1920-х, то кроме верховодства рабфаковцев над другими студентами там еще в 1921 г. произошел конфликт преподавателей с коммунистической ячейкой и начальством Главпрофобра. Вот что писал об этом «Руль» 30 апреля 1921 г.:

Профессора и весь преподавательский состав Московского технического училища, вследствие конфликтов с коммунистической «ячейкой» училища и руководителем технического образования в сов. России Герштейном, объявили забастовку. Мотивы забастовки они изложили в записке Ленину, Калинин, Луначарскому и Рыкову. Нарком просвещения Луначарский сделал профессорам за эту забастовку строгий выговор, пригрозив им арестом и судебным преследованием в случае, если забастовка не будет немедленно прекращена. Вместе с тем Герштейн уволен за непригодностью. Административный комитет, заведовавший делами училища, распущен, и коммунистической ячейке указано, что ее задача состоит не в борьбе с отсталым преподавательским персоналом, а в пропаганде коммунизма среди студентов.

На ресурсе (sites.google.com/site/lunacharskyfund/lib/lenin-i-lunacharskij/196) можно прочитать «телегу» А.В. Луначарского В.И. Ульянову-Ленину от 13.4.1921. Тов. Н. Герштейн заведовал отделом технических ВУЗов в Главпрофобре. А подробности борьбы преподавателей училища за некую независимость приведены в «Очерках истории МВТУ, составленных на основе подлинных документов инж.-механиком И.Л. Волчкевичем», а именно в 21-м очерке «Борьба за академическую автономию» (www.bmstu.ru/~vil/kniga/o21.htm). И все эти дразги не могли не волновать студентов МВТУ...

И еще одно немаловажное соображение насчет возможности для Ивана Робертовича выучиться на классного специалиста в советских технических вузах – даже в середине 1920-х. Сия ситуация обрисована «весомо, грубо, зримо» в публикации берлинских «Дней» за 3 мая 1925 г.:

Состояние высших школ

Комиссия Наркомпроса закончила обследование специальных технических вузов Петербурга и Москвы. Комиссия установила недостаточное оборудование лабораторий, учебных кабинетов и мастерских, перегруженность профессуры и отсутствие достаточного количества лаборантов и младших преподавателей. Вузы не имеют свободных средств для ведения хозяйства и на содержание служительского персонала. Профессура имеет нищенские вознаграждения труда и страдает от несвоевременной выплаты жалованья. У студентов-госстипендиатов 50% получаемой стипендии уходит на различные взносы [«Добролет», «Доброхим», «Доброфлот», «Доброкнига», «Добродети» (Общество помощи беспризорным детям), «Общество помощи инвалидам войны» и пр. и пр. до МОПРы включительно (Междунар общество помощи революционерам)], и они вынуждены жить впроголодь, питаясь горячей пищей в лучшем случае через двое-трое суток. Лаборатории, прекрасно оборудованные в дореволюционное время, теперь находятся в жалком состоянии: аппараты и приспособления расхищены в период военного коммунизма [учащимися и низшим служительским персоналом]; в таком же положении находятся учебные пособия и библиотеки.

<...> Кажется, в 1918-м Сергей Иванович Преображенский (детский врач приемного покоя электростанции на Раушской набережной) сказал нам, что в «Подростке» Достоевского есть замечательное предвидение социалистической революции.

Сейчас, меньше чем за 1 час, мне удалось найти это место:

“О том, как кончатся современные государства и мир и чем вновь обновится социальный мир. <...> – Я думаю, что все это произойдет как-нибудь чрезвычайно ординарно. <...> Просто все государства, несмотря на все балансы в бюджетах и на «отсутствие дефицитов», un beau matin [(в одно прекрасное утро)] запутаются окончательно и все до единого пожелают не заплатить, чтобы всем до единого обновиться во всеобщем банкротстве.

Между тем весь консервативный элемент всего мира сему воспротивится, ибо он-то и будет акционером и кредитором, и банкротства допустить не захочет. Тогда, разумеется, начнется, так сказать, всеобщее окисление; прибудет много жиды и начнется жидовское царство; а затем все те, которые никогда не имели акций, да и вообще ничего не имели, то есть все нищие, естественно не захотят участвовать в окислении... Начнется борьба, и, после семидесяти семи поражений, нищие уничтожат акционеров, отберут у них акции и сядут на их место, акционерами же разумеется.

Может, и скажут что-нибудь новое, а может и нет. Вернее, что тоже обанкрутятся. <...>”*

А вот [«Раздумья о «развитом социализме»]:

Если вспоминать за несколько десятилетий или наблюдать и пытаться объективно анализировать советские экономические и организационные условия работы, то поражает, что именно у нас в течение долгих периодов у руководящих хозяйственных работников было полное непонимание или забвение самых элементарных экономических понятий. Хотя, казалось бы, марксизм с постоянными ссылками в статьях, докладах и т.д. на Ленина должен был бы как раз придавать огромное значение именно экономическим факторам (и результатам)!

Примеры:

1) омертвление капвложений, недооценка значения запчастей. При определении потребности в грузовиках на строительстве гидростанций заявки составлялись, с учетом дефицитности покрышек, в таких объемах, что фактическое их количество вдвое превышало потребности, т.к. из-за отсутствия шин половина будет простаивать;

2) оплата труда шоферов грузовиков по тонно-километрам, накручивание счетчиков, получение лишнего бензина и слив его в канавы.

Еще до 2-й мировой войны в экономических расчетах проектировщиков принимались 5% социалистического накопления (соответствующие проценты на капитал в капиталистических странах), что было мало (в начале 1920-х при твердой валюте и НЭПе по крестьянскому займу платили 12%, как в слаборазвитых странах – 10-12%, а в Швейцарии в 1920-х годах по текущим счетам вообще не платили процентов).

* Нам показалось важным еще одно место в «Подростке» Ф. Достоевского – про «предвидение социалистической революции» и роль российского дворянства в оной: «Ныне, с недавнего времени, происходит у нас нечто совсем обратное изображенному выше. Уже не сор прирастает к высшему слою людей [(русскому родовому дворянству)], а напротив, от красивого типа отрываются, с веселой торопливостью, куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завидующими. И далеко не единственный случай, что самые отцы и родоначальники бывших культурных семейств смеются уже над тем, во что, может быть, еще хотели верить их дети. Мало того, с увлечением не скрывают от детей своих свою алчную радость о внезапном праве на бесчестье, которое они вдруг из чего-то вывели целую массой. <...> Уже множество таких, несомненно родовых, семейству русских с неудержимой силой переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе».

До предложения доцента Ваага (ныне д.т.н.?) в 1950-х, значит, в течение 30 лет никаких процентов на капитал в экономических расчетах не было, а чтобы не брать чрезмерно толстой меди в расчетах электрических линий и сетей, по предложению П.Г. Грудинского, вводился «коэффициент дефицитности», в сравнениях проектов гидравлических и тепловых станций применялся «срок окупаемости» (вроде обратной величины по отношению к процентам на капитал). И.А. Сыромятников сразу очень оценил предложение Ваага и будучи уже не в Министерстве, а в Комитете по науке и технике указывал на убыточность колхозных электростанций и т.д.

В начале 1960-х в экономической реформе была введена плата за фонды, но с подчеркнута различными ставками для разных отраслей, с невзятием их за время строительства и т.п. Почему-то отсутствует понимание того, что одними из основных экономических стимулов должны быть – угроза потери работы, значительно меньший заработок (или пособие по безработице) для плохих работников, прогульщиков, пьяниц и т.д. Этот стимул надо восстановить!

Почему-то систематически, много лет планы составляются так, чтобы не хватало основных материалов для их выполнения, в результате затягивается и очень значительно строительство, процветает штурмовщина (см. статью Анатолия Аграновского о строительстве в Орле в «Известиях» от 31 мая 1974 г.).

Производственные мощности машиностроения выше, чем фактическое использование их, т.е. дефицитности нового оборудования и запчастей нет, а раз так, то вывод из эксплуатации старых установок может определяться только экономическим расчетом, т.е. действительно экономически оптимально, а не из условий дефицитности.

Особая тема: почему-то (честность, как в Финляндии?) в Эстонии в 1970-м столовые работали настолько доброкачественно, что студенческий отряд (МЭИ – [сын] Миша) не организовал своей собственной столовой. На Днепрострое была замечательная фабрика-кухня, которой в начале строительства пользовались даже семьями.

Совершенно непонятно, совсем экономически не оправдывающее себя, продолжающееся привлечение горожан на ручную работу в колхозах и совхозах, а можно было бы организовать копку картофеля, например, силами колхозников, рабочих совхозов и вообще местного населения, вероятно всего 10-15%, исходя из получения «на руки» каждого 10-го или 7-го мешка.

Еще существует много материалов, которыми государство не торгует или торгует в совершенно недостаточном количестве – цемент, лес, доски, песок (для бетона), навоз и другие удобрения (из совхозов). Все это создает условия для широкой системы «доставания слева», причем шоферы грузовиков в значительной степени просто крадут государственные материалы.

Следует торговать всеми материалами (ведь есть дачники, садоводы, колхозники и жители поселков с собственными домами и т.д.), причем по коммерческим ценам, т.е. настолько высоким, чтобы покупать было просто, чтобы продавали, а не «давали». Как в Москве и Ленинграде годах в 1933-34-х были открыты «коммерческие магазины».

Мне пришли в голову следующие мысли.

При капитализме предприниматель отнимает у рабочих прибавочную стоимость и эти их эксплуатирует, причем в домонополистическом капитализме потребители-покупатели не считались эксплуатируемыми: рынок поддерживал цены на основе спроса и предложения.

В наших, советских условиях – в послевоенные десятилетия и чем дальше, тем хуже в этом отношении, особенно после перехода в 1961-м на новые деньги и в результате неофициальной частичной инфляции (масло, мясо, колбасы кроме шпика, молочные продукты – отмена летних цен; вздорожание стройматериалов – паркета на 50% и т.д.) – слесаря-газовщики, плотники, печники, водопроводчики, шоферы-леваки, домашние уборщицы, няни (в гарнизоне Воздвиженка приходящей няне надо было бы платить столько же, сколько геолог с высшим образованием – горный инженер, мл. научный сотрудник НИИ мог бы заработать) ударились в изымание «прибавочной стоимости». То же, насколько известно, относится к частным репетиторам, учителям языков и т.д.

Слесаря-газовщики норовят сделать частную работу (со спертым казенным материалом) – проводка горячей воды от поставленной ими («бесплатно» – Мосгазом) новой газовой колонки в ванной; одновременно норовят получить «на чай» столько, сколько попросят (судя по газетам – грузчики при перевозке мебели и т.д. и т.д.).

Кто же получает прибавочную стоимость? Часто – государство, т.к. прибыль идет ему, иначе у него не было бы накоплений для новых капитальных вложений, для обороны, управления и т.д.

Но потребители постоянно вынуждены платить нечто вроде прибавочной стоимости: чаевые, обшчеты кассирами, полукопейки за полубатоны ($13/2 = 7$), $\frac{1}{4}$ буханки ($18/4 = 5$), неправильные расчеты стоимости ремонтов мастерскими и т.д., а кроме того левакам (в Алабушеве) за торф, навоз, песок и т.д.

В 1977-78 годах И.Р. Классон предпринял попытку вернуть на родину, как уже упоминалось, часть архива лозаннских Ульяновых (основную долю которого занимали письма С.Н. Мотовиловой-«графоманки»).

Из его обстоятельного письма зав Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина А.П. Кузичевой за февраль 1978-го:

16 декабря 1977 г. я предложил Отделу рукописей принять часть архива умершего 3 июня 1977 г. в Лозанне (Швейцария) в девяносто шесть лет профессора геологии Лозаннского университета Николая Алексеевича Ульянова, зятя Софьи Николаевны Мотовиловой. Речь шла: о письмах С.Н. Мотовиловой своей сестре и зятю – за несколько десятилетий; об авторской рукописи (машинопись!) воспоминаний С.Н.; о документах семьи Мотовиловых.

Сотрудница Отдела рукописей К.И. Бутина при мне нашла в указателе, что в Отделе уже хранятся рукописи нескольких глав воспоминаний С.Н., но может быть не все, имеющиеся в архиве Ульянова, и предложила мне написать в Лозанну просьбу выслать указанную часть архива Ульянова в Отдел рукописей на Ваше имя – через советника по культурным связям Посольства СССР в Берне (Швейцария).

Я тогда же написал об этом в Лозанну Нине Сигизмундовне Пфистер, у которой хранилась эта часть архива Ульянова. Она ответила мне, что по договоренности с Посольством ее муж Ханс Пфистер 3 января отвез в Берн и сдал советнику Посольства т. Г. Шкурду упаковку с указанными материалами – для отправки Вам в Москву. Но советник сначала отказался выдать расписку в получении этой посылки – до разбора ее содержания, а потом сказал, что не может отправить ее в Москву без официальной просьбы об этом Библиотеки имени Ленина. Я тогда, в конце января, хотел сказать об этом К.И. Бутиной, но оказалось, что и она, и В.В. Огаркова длительно больны. Тем временем 30 января я получил новое письмо от Н.С. Пфистер от 23 января, что т. Шкурд переслал им расписку. Но я не знаю, получена ли Отделом рукописей посылка или Шкурд ждет запроса Библиотеки имени Ленина. 15 февраля я узнал, что К.И. Бутина была на работе, но мне не удалось связаться с ней по телефону.

Прошу Вас:

- 1. Поручить кому-либо сообщить мне по телефону или прилагаемой открыткой, получена ли Отделом рукописей посылка из Швейцарии с письмами и рукописями С.Н. Мотовиловой и документами семьи Мотовиловых.*
- 2. Если посылка не получена, послать официальное письмо Посольству СССР в Берне с просьбой об отправке ее Вам.*
- 3. Сообщить мне, если часть материалов посылки из Лозанны по своему характеру не подходит для хранения в Отделе рукописей.*
- 4. В будущем известить меня, когда я смогу взглянуть на материалы или их опись.*

И.Р. Классон был настолько обстоятелен, что в этом письме привел адрес посольства СССР в Берне, перевод с французского расписки, которую советник посольства тов. Г. Шкурд выдал госп. Хансу Пфистеру при получении от него картонной коробки весом около 6 кг, и даже открытку со своим адресом!

Автору этих строк в 2008-м так и не удалось установить, чем закончилась эта история: отдел рукописей РГБ весь год был закрыт, потому что переезжал в дом Пашкова. И обещал возобновить свою деятельность только в 2009-м... Но читателю и без того ясно, насколько равнодушны были советские служащие – что дипломаты, что библиотекари.

Лишь в мае 2009-го мне, наконец-то, удалось попасть в столь пафосно открывшийся, после многолетнего ремонта и реставрации, дом Пашкова. В каталоге отдела рукописей имелось несколько карточек по С.Н. Мотовиловой (на ее письма Н.А. Рубакину, В.Д. Бонч-Бруевичу, Е.Б. Хавкиной и некоторым другим персонажам).

Однако швейцарских следов (т.е. архивов Н.А. и В.Н. Ульяновых) в этом каталоге обнаружить не удалось. И лишь через две недели, совершенно случайно, сотрудница отдела бальзаковского возраста посоветовала мне: «Вот, Вы интересуетесь Мотовиловыми – посмотрите в картотеке, нет ли там следов. Я помню, что когда мы закрывались на ремонт и переезд, то к нам поступили из другого отдела материалы, где вроде бы были и Мотовиловы. Но мы пока не успели разобрать их и разнести по каталогу». Я тут же стал перебирать два ящичка этой пресловутой картотеки, которые, совершенно неприметными, стояли на передних столах в читальном зале. На «Мотовиловы» ничего не нашлось, а вот на «Ульяновы» значился как раз ф. 786 «Ульяновы Н.А. и В.Н. (1856-1978)», т.е. «посылка из Швейцарии». Так что эти материалы тоже вошли в соответствующие очерки.

В 1980-е тогдашний директор ГРЭС №3 Мосэнерго (бывшей «Электропередачи») Николай Иванович Устин затеял организовать на станции музей, посвященный Роберту Эдуардовичу. Вполне благородный почин.

Сохранилось начало информационного письма отца в Совет старейших энергетиков за август 1978-го:

По приглашению директора ГРЭС им. Классона в Электрогорске тов. Н.И. Устина я вместе с членом президиума Центрального Совета старейших энергетиков проф. П.Г. Грудинским 18 августа с.г. приезжали в Электрогорск для участия в обсуждении руководством и активом ГРЭС вопросов организации к 60-летию Плана ГОЭЛРО исторического музея станции.

Нам были показаны:

- 1) три старых паротурбинных агрегата на торфяном топливе, работающих в базе нагрузки;*
- 2) новое здание ГРЭС на 3 пиковых газотурбинных агрегата на нефти по 100 МВт, из которых один уже работает, а второй монтируется;*
- 3) клуб имени В.И. Ленина;*
- 4) комната В.И. Ленина с историческими экспонатами;*

Закрытый с 2009-го музей ГРЭС-3

5) библиотека клуба;

6) детские ясли и сад ГРЭС – во многих отношениях образцовые;

7) место перед зданием ГРЭС, где намечена установка бюста Р.Э. Классона.

19 августа, когда П.Г. Грудинский уже уехал в Москву, мне показали летний пионерлагерь у Светлого озера.

Сейчас не помню уже, в какой последовательности Иван Робертович передал в музей (открытый в декабре 1981-го) ряд ценных экспонатов: портрет, написанный маслом, добротный письменный стол, два книжных шкафа с соединяющей их полкой. Правда, от этой передачи у меня остался неприятный осадок. Дело в том, что уникальная мебель была сделана из дуба, а взамен отец получил от станции потасканный стол из древесно-слоистых панелей (ДСП). Но как воспитанный и деликатный человек отец не сказал по этому поводу ни слова – ни директору, ни нам.

Следом я довез охотничье ружье (то ли дедово, то ли подаренное Робертом Эдуардовичем сыну, когда ему исполнилось пятнадцать лет) и трость. В ружье мне пришлось спилить бойки и просверлить стволы, чтобы сделать его безопасным музейным экспонатом.*

* В 2015-м ставший главным инженером ГРЭС-3 В.Е. Орлов сообщил автору сих очерков, что обнаружил на ружье клеймо «1903 годъ», т.е. оно было приобретено в Баку.

И.Р. Классон (в центре) в 1983-м в Электрогорске, слева – директор ГРЭС-3 Николай Иванович Устин и кузен, академик Анатолий Петрович Александров (трижды Герой соцтруда!), справа – младший сын Михаил

Надо здесь отметить, что после приобретения Газпромом Мосэнерго, включая и ГРЭС им. Р.Э. Классона, музей в 2009-м был закрыт для посетителей и даже для потомков Роберта Эдуардовича. Ружье же и трость Р.Э. Классона были спрятаны в сейфе директора электростанции, чтобы уберечь их от возможного переезда в Москву в «объединенный музей энергетиков», создававшийся по «завиральной инициативе» газовиков.

Зато власти Электрогорска решили организовать свой музей, в бывшем доме правления (доме Р.Э. Классона) и пытались «переманить» туда ценные экспонаты станционного музея (в сентябре 2012-го, в День города, я побывал в нем). По официальной же информации директора ГРЭС Евгения Александровича Михеева за март 2014-го, экспонаты находятся на прежних местах и переживают завершения кампании газовиков по «консолидации музейных экспонатов».

В мае 1983-го я съездил с отцом (которому было уже восемьдесят четыре года) на «открытие» бюста деда на подмосковной ГРЭС №3 (строилась как «Электропередача»). До этого он стоял в машинном зале, а теперь руководство электростанции решило перенести его на открытый воздух. Несмотря на то, что все это происходило на территории предприятия, потребовалось специальное разрешение то ли горсовета, то ли горкома партии. Н.И. Устин смог заманить не только нас с отцом, но и племянника Р.Э. Классона – президента АН СССР А.П. Александрова, тоже не молодого (ему исполнилось восемьдесят лет).

Анатолий Петрович приехал в Электрогорск прямо из кубинского посольства, где ему за какие-то заслуги вручили орден Хосе Марти, если не ошибаюсь. Приехал и скульптор Ласточкин, который ранее выполнил бюст.

*Возложение цветов к бюсту Р.Э. Классона –
внуком Михаилом и племянником Анатолием*

«Открытие бюста» прошло пафосно, с возложением цветов не только с нашей стороны, но и пионерами, которые потом застыли в почетном карауле. А затем избранный круг причастных к этому торжеству уехал в местный пионерский лагерь (поскольку дело происходило в мае, то пионеры еще учились, поэтому мы не могли помешать им, или они – нам), где и стали обмывать бюст. Но для начала академик А.П. Александров обмыл свой орден – в буквальном смысле: опустил его в рюмку с водкой и затем выпил ее. Здесь отец и познакомил меня с именитым двоюродным дядей (тогда – президентом Академии наук СССР). Лишь в 2010-м я узнал от его родственников, что А.П. Александров был крестником Р.Э. Классона! И потому всегда с особым почтением относился к нему и к памяти о нем.

Расскажу здесь же и про последующие визиты на станцию имени дедушки. Отец становился все немогущее, поэтому мне пришлось заменить его по случаю всяких торжеств, проходивших в Электрогорске. В 1984-м я побывал на 70-летию станции. Тогда, с подачи генсека Ю.В. Андропова, власти уже закрутили гайки по поводу выпивок на работе. Поэтому нам после торжеств пришлось с Н.И. Устиным и узким кругом его подчиненных запереться в кабинете партполитпросвещения, где водку стали разливать из чайника (маскировка, понимаешь!).

Приглашали потом, уже при следующем директоре Евгении Александровиче Михееве, и на 80-летие, и на 90-летие станции. Возил я туда и своих родственников.

Если была экскурсия в машинный зал, то я каждый раз наблюдал одну и ту же картину: некоторые газовые турбины разобраны, а их роторы с лопатками отправлены в капитальный ремонт на Ленинградский металлический завод. К сожалению, в советское время наши энергомашиностроители так и не смогли или не успели довести до ума такие перспективные машины как ГТ-100 и ГТ-150.

Лишь при А.Б. Чубайсе (конец 1990-х – начало 2000-х) РАО «ЕЭС России» потратило немало денег на сооружение испытательного стенда на Комсомольской ГРЭС в Ивановской области и на доводку ГТ-110 производства «Рыбинских моторов».

А про станцию в Электрогорске сами же энергетики стали острить, что у них турбины – «три по сто и две по сто пятьдесят», намекая на соответствующие дозы спиртного. Сейчас они весь год стоят в «холодном резерве», на случай небывалых морозов в декабре-январе и соответствующего взлета потребления электричества в столичном регионе.

Важно в «электрогорском сюжете» то, что отец приохотил своих сыновей поддерживать связи с электростанцией (в 2004-м на нее приезжал и Андрей Иванович Классон со своим сыном Сергеем).

И.Р. Классон, как мы уже упоминали, был не очень доволен вышедшей в 1963-м книгой Марка Каменецкого (под редакторством Ивана Робертовича) о своем отце и после этого пытался издать новую книгу, в значительно более дополненном виде. Автор сих строк, например, долго возился в РГАЭ с многочисленными вариантами «Указателя имен», которые печатал и перепечатывал на машинке отец. Издать «свою книгу» при большевиках ему не удалось.

Возможные причины этого можно, похоже, найти в двух письмах давнего знакомого И.Р. Классона Петра Григорьевича Грудинского*.

Первое:

30 января 1983 г.

Дорогой Иван Робертович!

Должен сознаться в своей большой ошибке: я понял Вас так, что стоит вопрос о переиздании биографии Р.Э. Классона, что Вы подготовили такой материал, что о нем нужно дать отзыв и получить отзыв кого-либо из видных энергетиков – я назвал Н.А. Доллежалея.

Виноват – я невнимательно Вас слушал, думал о своем и свое принял за Ваше.

Вашу рукопись прочел, в ней поправки к изданной биографии, на мой взгляд – не очень существенные. Вы предлагаете читать их параллельно с чтением книги [Каменецкого] – мне такое предложение представляется неудачным. Будет потерян эффект книги из-за трудностей такого чтения, а эффект даже в том виде книги, как она была издана, остается значительным.

В чем я вижу недостатки книги и что, мне кажется, следовало бы исправить.

1. На меня производит большое впечатление начало деятельности Р.Э. Представляется, что оно слабо освещено. Думаю, его можно и нужно осветить так, что оно заиграет.

2. Считаю, что Р.Э. Классон создал не только лучшие энергетические установки в старой России и лучшие электрические сети, но и людей – энергетиков. Имена последних многократно перечислялись, но люди, стоящие за ними, не раскрываются. Раньше читатель их помнил, а теперь они для него – пустой звук. Люди, которых Р.Э. привлек, воспитал, поднял – дали стране не меньше (точнее – Р.Э. через них дал), чем те установки и сети, которые он оставил.

* Инженер МОГЭС П.Г. Грудинский был в 1930-м арестован как «член низовой террористической ячейки» «Промпартии»; после пересмотра «дела МОГЭС» вместе с В.Д. Кирпичниковым работал на «шарашке» (Особое конструкторское бюро) в Бобриках Тульской обл. по проектированию и строительству электростанции (см. очерк «Жизнь после жизни»); с 1928-го доцент, а затем проф. П.Г. Грудинский начал читать курс техники релейной защиты на электротехническом факультете МВТУ (выделенного затем в МЭИ), с 1940-го – новый курс «Автоматизация электрических систем» в МЭИ. Автор и соавтор многочисленных трудов, в т.ч. Электротехнического справочника в 3 томах.

3. Р.Э., отойдя от партийной работы, не порвал личных связей с большевиками (бывшими и будущими). Красин, Кржижановский, Воровский, Смидович, Радченко, Винтер, Аллилуевы и многие другие, названные в биографии, – привлекались, уверен, не случайно. В.Д. Кирпичников – бывший видный большевик, как показал [инженер МОГЭС] Ф.А. Рязанов. Даже [инженер МОГЭС Б.А.] Барсуков – как мне рассказывал следователь – был большевик и теоретик.

Вряд ли случайно Р.Э. подбирал таких людей, давая им передышку, многих сохранил для последующей революционной деятельности. Может быть, уже нет прямых документов, воспоминаний, но не следует проходить мимо.

Я думаю, что кроме техники очень большое значение имеет для характеристики жизни и дел Р.Э. общественная сторона его деятельности. В биографии она практически не освещена, чуть приоткрыта. Ваши дополнения касаются большей частью деталей быта. Я восхищаюсь вашей работой по сбору материалов, но Ваша рукопись – это материал, который мог бы ожить под пером писателя-биографа. В том виде, как я его читал, он вряд ли поможет раскрытию дел и личности Р.Э., и может быть Вы напрасно упрекаете редактора-литератора за то, что он опустил подобный материал.

И второе:

26 февраля 1983 г.

Дорогой Иван Робертович!

Я нисколько не покушался на соавторство Каменецкий-Классон и ничуть не в восторге от Б.Г. Кузнецова*. Но как добиться переиздания книги о Р.Э., которое я считаю очень полезным? Нужно содействие одного из тех, от кого это зависит, и нужен убедительный довод. Я не вижу, от кого может быть содействие одного из тех, кроме как от Б.Г. [Кузнецова], все остальные члены [редсовета издательства? – МК] – других специальностей.

Я не вижу другого довода, как внесение общественного звучания в освещение технической деятельности Р.Э. С последней точки зрения, в прошлом издании, по моему мнению, все очень хорошо. Ваши уточнения касаются деталей, преимущественно жизненных и бытовых. Но, как мне кажется, они не могут служить доводом для переиздания. Я вовсе не считаю свои советы бесспорными. Но ищу ответа на вопрос: что сделать, чтобы добиться переиздания? Пока не вижу иного пути.

Почему не переговорить или не написать Б.Г. [Кузнецову], даже в том случае, если он не безупречен? Хуже не будет!

Ваш ПГ

Скорее всего, «не безупречный» Б.Г. Кузнецов не смог или не захотел поспособствовать в переиздании книги. Так что сии биографические очерки в какой-то степени восполняют пробелы книги М.О. Каменецкого, в основном, в «деталях быта» и особенностях натуры Роберта Эдуардовича. Что касается «общественной стороны» его технической деятельности, то рамки биографических очерков не позволяют сильно распространяться на эту тему.

* Борис Григорьевич Кузнецов (1903-1984). Отечественный историк естествознания, специалист в области методологии и философии науки. С 1944 г. занимал пост заместителя директора Института истории естествознания и техники АН СССР. Автор многих книг по истории, методологии и философии науки. Большую популярность имели его трилогия о развитии физической картины мира в XVII-XX вв., одно из лучших в мировой литературе жизнеописаний Альберта Эйнштейна, книги о жизни и научной деятельности Исаака Ньютона, Галилео Галилея, Джордано Бруно, а также многие другие работы о становлении современной научной картины мира. – Из Интернета

В то же время, автор привел достаточно много развернутых отзывов практикантов и сотрудников, работавших с Р.Э. Классоном, а его огромная роль в продвижении отечественной техники трехфазного тока и воспитании российских инженерных кадров вроде бы не должна теперь подвергаться сомнению.

Хотя периодически в отечественной печати всплывают сомнительные публикации, принижающие эту роль и возвышающие, например, значение Г.М. Кржижановского, который, повторим, был до большевистского переворота инженером средней руки, а после одного – партийно-советским деятелем, прежде всего.

Автор, по мере своих слабых сил, пытается разоблачать эти жалкие попытки, например, откликнулся резкой репликой в своем блоге в «Живом журнале» на публикацию «одного из ведущих аналитических журналов» «Эксперт» – «Двести электриков и один мечтатель» в номере за август 2011-го. В этой статье «некий журналист» Сергей Журавлев ничтоже сумняшеся заявлял:

Первый шаг к созданию новой структуры энергетики, основанной на сети районных станций, работавших на местном топливе и обеспечивавших электроэнергией крупный промышленный регион, был сделан в 1914 году под Москвой, на Богородской торфяной электростанции «Электропередача», проектировщиком и директором которой, как уже упоминалось, был Глеб Кржижановский.

А с параллельным подключением другой электростанции — Московской — возникла первая в России энергосистема. Тем самым закладывались основы инфраструктуры энергетики как естественной монополии, требующей государственного регулирования и каких-то форм общенационального планирования.

И сей, с позволения сказать, «журналист» ни словом не упоминал Р.Э. Классона, инициатора сооружения этой станции, немало повоевавшего, за право прокладки линии электропередачи в Первопрестольную и впуск дешевого «торфяного» тока в оную, с «передовыми» земскими, губернскими и мосгордумовскими деятелями! Прежде чем оставить реплику в «ЖЖ», я пытался списаться с главным редактором «Эксперта», но сей тип высокомерно промолчал...

А в июле 2012-го я нарвался на подобную же хрень уже в провинциальном журнале «Самарские судьбы»:

В 1910 году Кржижановскому поручают новое важное дело и переводят в Москву заведовать кабельной сетью города. Его задача – соединить электростанции города в единую электрическую сеть, и Кржижановский блестяще справляется с ней! Его карьера начинает набирать обороты. В 1912 году его назначают директором строительства новой станции, которую называли «Электропередача». И с этой задачей он справится успешно!..

На мою недоуменную реакцию главный редактор моментально откликнулся:

Уважаемый Михаил Иванович! Спасибо Вам за письмо. Оно немедленно будет рассмотрено на заседании редколлегии и в случае Вашей правоты (а я в ней почти не сомневаюсь) будет опубликовано в нашем журнале. С уважением, главный редактор журнала Виталий Добрусин.

Прошел август, заканчивался сентябрь, я вспомнил наконец об этом провинциальном журнале, зашел на его сайт, посмотрел последние номера – ни следа от обещанного опровержения. Пришлось этому самому главному редактору «Самарских судеб» послать резкое письмо:

Г-н Добрусин, вы не сдержали свое слово – опубликовать опровержение своей лживой информации о [якобы] решающей роли Г.М. Кржижановского в сооружении "Электропередачи", без упоминания даже участия в этом регионального директора "Общества электрического освещения 1886 года" Р.Э. Классона.

Поэтому вынужден продернуть в "Живом журнале" и вашу лживость (журнала) и вашу необязательность (г-на Добрусина).

К сему М.И. Классон

И что же я получил в ответ (причем в тот же день)? Даже не знаю, как классифицировать его, приходит на ум лишь расхожее выражение «дурдом по ним плачет»...

В общем, пусть это письмо останется на совести руководства «Самарских судеб»:

Уважаемый г-н Классон! Ваше письмо рассмотрено на редколлегии, оно сочтено несправедливым и оскорбительным в адрес героя нашего очерка Г.М. Кржижановского, являющегося одним из самых почитаемых в городе самарцев. Его имя носит локомотивное депо Куйбышевской железной дороги. В Самаре гордятся музеем Кржижановского. Поэтому его [(ваше письмо)] единогласно решено не публиковать. В случае размещения Вами оскорбительной информации про проект «Самарские судьбы», журнал или главного редактора В.А. Добрусина наш юрист немедленно обратится в суд с иском. Генеральный директор О.Л. ДРАНКИНА

Но мы опять немного отвлеклись. Иван Робертович прожил девяносто один год, на своей шкуре испытал в полной мере перипетии большевистского переворота, гражданской войны, эвакуации, жизни по карточкам, идеологического прессинга большевиков.

Всю свою жизнь он, тем не менее, сохранял бодрость и оптимизм. Лишь в последние годы начал сильно сдавать – и умственно, и физически, у него постепенно развивался склероз мозга. И, как многие пожилые люди, страдал бессонницей.

Помню, как мы жили в Измайлове в одной комнате, и он перед сном читал газеты. Через какое-то время его веки смыкались, газета накрывала лицо или падала на пол, а лампа продолжала гореть. Это мне не нравилось, я вставал и выключал лампу, отец просыпался... Кстати, Роберт Эдуардович читал на сон грядущий французские романы, засыпал и ронял книгу на пол. Правда, детям это не мешало, поскольку он спал в отдельной комнате.

Лет за пять до смерти отец в последний раз решил съездить в Алабушево. И, никого не предупредив, отправился в Первомай (уже днем, а не утром) на электричке до Крюкова. Здесь он решил не дожидаться поезда до Алабушева (а автобусы через Зеленоград в это время перестали ходить из-за первомайской демонстрации) и пошел пешком вдоль путей. Хотя правильнее было пойти по железнодорожной ветке, соединяющей Крюково и Зеленоград и проходящей как раз рядом с нашим садоводческим товариществом.

Когда мимо стал проходить скоростной поезд, отец понял, что его, из-за сильного движения воздуха, может затянуть под него, и сообразил, что надо лечь на землю. Все-таки он добрался сначала до Алабушева, а затем и до садового участка. Правда, обессилев, он около железнодорожной платформы оставил в кустах авоську с продуктами. Я потом поехал за ней на велосипеде, но не нашел – по-видимому, мужики, выпивавшие в этих же кустах, обнаружили авоську и радостно закусили ее содержимым.

Андрей Сергеевич Гарденин так задушевно вспоминал о своем дяде:

Он был, можно сказать, членом нашей семьи. Мы были очень близко знакомы, постоянно друг у друга бывали, контактировали, переписывались, все знали о семейных делах. Когда дядя Ваня отмечал восемьдесят пять лет, мы были на этом юбилее. Его решено было справить в Беляеве, на квартире младшего его сына Михаила. Потом дяде Ване пришлось ехать к себе в Измайлово, и мы с женой Верой Андреевной провожали его.

И.Р. Классон в Электрогорске, на станции?

Я помню, как его бывшие сослуживцы (по Гидроэнергопроекту и Энергосетьпроекту) очень тепло отзывались о нем. Я тоже вспоминал, как мы вместе жили в Кургане в эвакуации. Он заботился о нас постоянно и помогал нам. Хотя часто дяде Ване приходилось уезжать в командировки – в Челябинск, например. Кстати, у него в Челябинске вскочил какой-то фурункул, и его даже пришлось оперировать.

Здесь автор может добавить, что на поминах отца в 1991-м его прежние сослуживцы тоже весьма тепло отзывались о нем. Они с умилением вспоминали: Иван Робертович, посылая подчиненных в командировки, обрисовывал им подробнейшим образом весь маршрут – как лучше доехать и где пересечь, в каких гостиницах или общежитиях остановиться и, самое важное, где и какие продукты и товары можно купить (желательно подешевле). Последнее обстоятельство, при перманентном голоде и нехватке одежды и обуви, было жизненно важным для «строителей социализма».

Это подтверждают и письма И.Р. Классона жене (которые мы уже цитировали). Первое – еще довоенное (из Москвы в Батуми):

<...> Третья просьба – улучшить свое питание. Купи и пей какао – пользуйся тем, что оно в Батуми есть, а в Москве сейчас нет. Пей виноградный сок – он в Батуми не очень вкусный, но он полезен – витамины. Ешь сырую морковь – тоже витамины. Напиши мне подробно, что ты делаешь в смысле улучшения питания – вот тебе и тема для письма. Откуда ты знаешь, что потеряла три килограмма? Когда взвешивалась раньше и когда теперь?

Продолжение «продовольственной темы» (из Кондопоги в Москву):

Пожалуйста ешь мандарины, потом они исчезнут. Не забудь, что это первая твоя зима на севере без фруктов. Пользуйся, пока есть мандарины, они сравнительно с яблоками и виноградом дешевы. Я очень люблю клюквенный кисель, каково клюквенное варенье – забыл. Купи на пробу одну банку.

Последнее – военной поры, из столицы в Курган:

В Москве многие живут почти исключительно на паяк, но я со своим авитаминозом и колитом не мог бы. Ты – тоже, кроме того тебе опасен холод. Один я смогу прожить, если ты пришлешь масла (в первую очередь) и м.б. пшеницы (во вторую очередь), муки (в третью очередь). Картошку, изредка мясо буду покупать. Жду от тебя денег от продажи в первую очередь моих костюмов. Одни кальсоны, из присланных мной, пожалуй задержи – очень у меня рвутся старые. Питаюсь главным образом бульоном с картошкой и лапшой и т.п. До сих пор была еще Гидэп'овская капуста, но кончилась. Обещают зимой понемногу давать квашеную капусту. <...> Может быть, если ты выручишь порядочные деньги за продажу барахла, у тебя еще будет пшеница. <...> Почему ты не поняла, что я велел бухгалтерии уплатить Гарденину 150 руб. Ведь он получил для тебя [\[в Кургане\]](#) водки, масла и т.д. на 100 руб. и должен был получить еще. Как у тебя с деньгами – напиши точно! Обязательно покупай молоко, хоть немного, но регулярно, или мясо или яйца! Смотри, не подорви здоровье! Начинай продавать барахло, [\[чтобы покупать продукты\]](#).

Екатерина. Согласно церковной книги Николаевского собора в Баку за 1901 год, «2 ноября [\[ст. ст.\]](#) родилась Екатерина, дочь инженера-технолога Роберта Эдуардовича Классона, евангелическо-лютеранского исповедания и Софии Иоанновны, православной. Крестили 16 декабря. Восприемники – инженер-технолог Леонид Борисович Красин и дочь Р.Э. Классона девица София – оба православные. Крестил настоятель собора протоиерей Александр Юницкий и диакон Алексей Никольский». (Азербайджанский исторический архив, фонд 1044, оп. 1, д. 14, № записи 559, стр. 148)

По семейной легенде, Роберт Эдуардович был несколько разочарован, когда в 1901-м у него родилась третья девочка, а не второй мальчик. Но позже Катю он очень полюбил, считал ее достаточно умной. Екатерина Робертовна потом вспоминала, что как дочка обеспеченного инженера она позволяла себе ездить в гимназию на извозчике.

Вспоминала она также, что отец никогда не входил в ее комнату (по-видимому, как и к другим детям), не постучавшись предварительно. Когда Екатерина в более взрослом состоянии, по-видимому, уже в советское время, возвращалась со своей учебы в университете, то отец всегда встречал ее на Москворецком мосту. По-видимому, Р.Э. Классон опасался приставаний и грабежей со стороны хулиганов.

29 июля 1923 г. берлинский «Руль» упоминал: «Убийства и грабежи в Москве не прекращаются. Бандиты неоднократно вступают в перестрелку с милиционерами. Около 200 строк «Известий» №152 посвящены перечислению уголовных походов». А 24 марта 1926 г., т.е. уже после смерти Роберта Эдуардовича, тот же «Руль» сообщил:

Московский суд начал слушанием дело о 19 хулиганах. В 1925 г. в Замоскворечье появились 2 хорошо организованные хулиганские шайки: одна называла себя «Татарской», другая – «Болотной». «Болотная шайка» останавливала прохожих и избивала их иногда до потери сознания. К концу 1925 г. шайка перешла от прохожих к проезжим, и на Кадашевской наб. была объявлена хулиганская блокада. Члены этой шайки – преимущественно ломовые извозчики. «Татарская шайка» подвизалась в клубах. Хулиганы рвали электрические провода, портили водопровод и заливали помещения водой. В клубе Карла Маркса хулиганы устроили настоящий погром

Александр Парнах так описывал свою мать:

Она была страшно запуганным человеком, запуганным временем. И не всегда можно было понять, как она относится к определенным эпизодам. Например, она рассказывала, что когда училась в гимназии, то директриса (девочки между собой звали ее Самсонию) требовала от них любви. Когда Самсонию ругала гимназисток за какие-то, на ее взгляд, преступления, то она приговаривала: «Девочки, вы наверное меня не любите». Потом маменька довольно равнодушно сообщила о том, что после революции за участие в каком-то белом заговоре Самсонию расстреляли...

Сергей Голицын. Записки уцелевшего:

Один за одним издавались декреты с угрозами расстрелов, публиковались [в газетах] списки расстрелянных. Взрослые, читая эти списки, находили своих знакомых, известных в Москве общественных деятелей. Назову бывших сослуживцев отца: Щепкина и Астрова, супругов Алферовых – начальницу гимназии Александру Самсонову и ее мужа учителя Александра Даниловича.*

* Александр Данилович Алферов // Н.Ю. Козлова, Зав. отделом исторических документов с научным архивом Российской академии образования, ФНПБ им. У.Д. Ушинского РАО:

<...> ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ул. Большая Лубянка, д. 2, 101000

27.03.2013 г. № 10/А-1361

На Ваш запрос от 23 февраля 2013 г. сообщаем, что в материалах многотомного архивного уголовного дела о раскрытии в Москве контрреволюционных организаций и их деятельности в 1918-1919 гг., хранящегося в Центральном архиве ФСБ России, имеются следующие сведения. Заключение следователей Особого отдела ВЧК от 12 сентября 1919 г. Алферов Александр Данилович и Алферова Александра Самсоновна (без указания анкетных данных) обвинялись в том, что они являлись членами белогвардейской шпионской организации [«Всероссийский национальный центр»], на основании чего в отношении них предлагалось применить высшую меру наказания – расстрел. В архивных материалах имеется приказ о приведении в исполнение постановления Президиума ВЧК (без указания даты) о немедленном расстреле Алферова А.Д. и Алферовой А.С. Заключение Главной военной прокуратуры от 12 сентября 2000 г. указанные лица реабилитированы. Каких-либо следственных материалов, показаний Алферова А.Д. и Алферовой А.С., решения по делу и сведений о приведении приговора в исполнение в деле не имеется.

Начальник архива Ю.А. Трамбицкий

Из Интернета:

23 сентября 1919 года ВЧК опубликовала обращение «Ко всем гражданам Советской России!», в котором сообщалось о раскрытии контрреволюционной организации «Национальный центр» (НЦ) и о том, что ВЧК были расстреляны: член ЦК партии кадетов Н.Н. Щепкин, А.Д. Алферов и его жена А.С. Алферова, Н.А. Огородников и другие.

Все же кое-какие улики в «материалах многотомного уголовного дела» имелись, например:

Примерно в это же время в ВЧК поступило заявление учительницы школы №76 о том, что к директору А.Д. Алферову часто приходят какие-то подозрительные лица. В результате наблюдения за Алферовым и допроса [задержанного с 1 млн. «керенок» офицера колчаковской разведки Н.П.] Крашенинникова Особый отдел ВЧК выяснил, что в Москве имеется крупная заговорщическая организация под названием «Национальный центр», действующая в общероссийском масштабе. Она признана и субсидируется Колчаком.

Екатерина, Выборг, ≈1906 г.

В то же время Сергей Михайлович Голицын, после большевистского переворота учившийся в школе №11 им. Льва Толстого Хамовнического района (бывш. Алферовской женской гимназии), цитировал и такую трогательную записку, которую бывшая начальница гимназии ухитрилась переслать из тюрьмы на волю:

Дорогие девочки! Участь моя решена. Последняя просьба к вам: учитесь без меня так же хорошо, как при мне, ваши знания нужны будут Родине, помните постоянно об этом. Желаю вам добра, честной и интересной жизни. А. Алферова, август 1919 г.

Здесь мы приведем отрывок из письма Л.Б. Красина, касающийся его крестницы Екатерины, жене Любове Васильевне (отосланной с дочерьми, как уже ранее упоминалось, за границу) от 9 февраля 1918 г.:

Окончание примечания

Во главе организации стоит кадет Н.Н. Щепкин. В ее состав входят кадеты, правые эсеры. Кроме «Национального центра» в Москве имеется еще политически возглавляемая им центральная военная организация, готовящая вооруженное восстание. <...> 28 августа ВЧК с помощью Московской ЧК произвела обыски на квартирах А.Д. Алферова и Н.Н. Щепкина. У Алферова изъяли из тайника список заговорщиков.

Е.Р. Классон, 1932 г. (из «Папки с рисунками»)

Из других знакомых – Классон живет по-прежнему, ребята уже почти все большие, самому младшему [Павлуше] 15½ лет, а моя крестница Катя выглядит совсем взрослой барышней. Очень хорошая из нее выходит девушка. Как-то был у них и видел всех в сборе, включая Сонечку, которая тоже стала как-то ровнее и симпатичнее. Работает где-то в отделе металла* и скоро перейдет, вероятно, в Комиссариат внешней торговли.

Сын Александр Парнах так продолжал свои воспоминания:

Потом мать, без какого-либо осуждения, рассказала, как она после войны была в каком-то магазине – а в советское время многие словосочетания любили сокращать – и вдруг увидела непонятное название отдела – «П.О.С.У.Д.А.», лишь потом она сообразила, что это «Посуда»! Кстати, когда я подрос и начал ходить по магазинам, то один раз увидел, что продаются «палочные изделия» – очевидно, палки разных размеров и толщин. После окончания гимназии маменька, не понятным для меня образом, училась одновременно в университете и во ВХУТЕМАСе. В последнем заведении она постигала художественное дело. Потом она достаточно глухо объясняла, что так и не получила диплом – «потому что не пошла за этой бумажкой, по молодости» [(т.е. по глупости)]. Но оказалось, что бумажка все-таки нужна. Тогда маменька сдала все необходимые выпускные экзамены на отлично. Но оказалось, что кроме экзаменов надо было выполнить дипломную работу. Она ее так и не сделала – время было трудное, требовалось не только написать какую-то композицию красками, но и угодить начальству**.

* В отделе металла Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

** Типа – изобразить бодрый сюжет про счастливую жизнь советских людей.

Уже после смерти мамы дядя Ваня принес откуда-то акт обследования группы художников, которая называлась «Цех живописцев». Там было такое место: «Все участники этой группы имеют правильное рабоче-крестьянское происхождение, но секретарь группы Классон Е.Р. происходит из семьи [буржуазного] инженера, а два ее брата учатся за границей». Хотя о том, что маменька ведет какую-то «не такую» деятельность в этом акте не говорилось, тем не менее он мог испугать ее до смерти.

Из письма С.Н. Мотовиловой сестре Вере в Лозанну:

Вот [мой] «мальчишка»[-тимуровец Александр Ефимович Парнис] встретил [в Киеве] какого-то художника, а оказалось, что он был когда-то влюблен в Катю Классон. «Мальчик» приходит и спрашивает: «У Вашей кузины был брат Павлик?» – «Был». Это младший тети Сони сын. Я написала об этом Ване Классону, а он ответил, что когда Катя училась в каком-то Вхутемасе, к ней приходили ее товарищи-художники, и Павлик (ее брат) возмущался: «Опять твои дегенераты пришли». Это был, очевидно, период всяких футуристов, кубистов и прочих.

На сайте «Масловка – городок художников» удалось найти дополнительные подробности по Екатерине Робертовне Классон – художнику (www.maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1284):

С 1919 г. училась в I ГСХМ [(Первые Свободные государственные художественные мастерские, буд. Вхутемас)] у А.В. Шевченко и на историко-филологическом ф-те I МГУ [(с осени 1919 г. по весну 1921 г.)]; в 1920-23 – во Вхутемасе у А.Д. Древина и И.А. Удальцовой. Диплом не защищала. С 1926 – в оргбюро, с 1929 – секретарь «Цеха живописцев». Тяжко пережив ликвидацию «Цеха» – крушение ее главного дела, уничтожила все свои картины, в т.ч. «Мать с ребенком», «Оплакивание поэта», «Женский портрет» (репрод., см. Советское искусство, 1927, №2; Красная нива, 1927, №6; Печать и революция, 1927), высоко оцененные в прессе. В Союзе художников не состояла. <...> Случайно уцелела найденная после смерти художницы папка с рисунками из серии «Борьба» (1930), «Композиции на черном фоне» (1931), на темы «Вступления» Ю. Германа.

Между прочим, «дегенераты», по сочному выражению Павла Классона, обосновались в самом центре Москвы и дали о себе информацию в справочник «Вся Москва на 1927 год»: «Цех живописцев» Телеграфный пер., 6, кв. 4, тлф. 5-75-70. Заседания Об-ва происходят в Центр. Доме Работников Искусства (ул. Герцена, 19) по воскрес., 1 раз в месяц. Правление – председ. Каптерев Валериан Всеволодович, отв. секретарь Классон Екатерина Робертовна, член Правления Фролов Николай Федорович.

Выходит, уже в 1926 году, когда готовилась к печати «Вся Москва на 1927 год», Екатерина Робертовна занимала должность секретаря «Цеха живописцев» (а не с 1929-го, как это обозначено на сайте «Масловка – городок художников»).*

В отмеченных статьях давались некие характеристики художникам «Цеха живописцев», которые мы здесь приведем в выдержках (чтобы дать читателю почувствовать «аромат эпохи»).

* «Цех живописцев» существовал с 1926-го по 1930 г., организовал 3 выставки (1926, 1928, 1930). Как видно из публикации Федорова-Давыдова «Художественная жизнь Москвы» в журнале «Печать и революция» (см. ниже), его предтечей было «Общество станковых художников», на выставке которого, правда, Е.Р. Классон свои работы не выставляла (была еще незрелым художником?):

1-я ВЫСТАВКА СТАНКОВЫХ ХУДОЖНИКОВ. Открыта в 1923 г. в Москве, в Музее изящных искусств. Участвовало 19 художников, экспонировано 144 произведения. Издан иллюстрированный каталог: «Каталог первой выставки станковых художников. Живопись. Скульптура. Графика». (Музей изящных искусств). М., 1923. Участники выставки: Быков Г.Н., Голованов А.С., Голополосов Б.А., Гончаров И.Д., Зернова Е.С., Каган О., Каптерев В.В., Копчугов А.А., Медведников Е.С., Нагорская Н.Н., Николаев Н.И., Новиков М.В., Ромм М.И., Сирвент З.М., Суряев К.Н., Царьков И., Цельковский М.А., Шегаль Г.М., Шор С.М.

Е.Р. Классон. Оплакивание поэта (картина уничтожена)

Из мира чересчур устойчивых традиций и сложившихся навыков [группы «Жар-Цвет»] выставка «Цеха живописцев» переводит внимание зрителя в мир еще не устоявшегося творчества совсем юных художников. «Цех» – новая группировка, насчитывающая лишь несколько месяцев фактического существования. Выставка этого объединения юных и безвестных художников, вчерашних учеников Вхутемас'а, претендующих на единство художественной физиономии и на общий «символ веры», должна решить гамлетовский вопрос – «быть или не быть» новому содружеству равноправным отрядом действующего искусства.

У этого отряда есть свой вожатый и свое (пока программное) знамя. Вожатым группы является [проф.] Шевченко, доминирующий (конечно!) на выставке двумя интересными портретами. Остальные живописцы «Цеха» – его бывшие ученики, отнюдь, однако, не обезличенные авторитетом учителя, – подражатели. Своим знаменем «Цех» провозглашает культуру станкового искусства на основе «возврата к природе», к реальному миру явлений в его чувственно-конкретных образах.

В попытке утвердить и усвоить эту линию чувствуется стремление группы придать своим исканиям некую значительность широкого синтеза в противовес живописному формализму, с одной стороны, и спекуляции на сюжет – с другой. Против такой концепции искусства возражать, конечно, не приходится.

По существу здесь провозглашается принцип того самого «художественного реализма», который стал «мудрой», но весьма широкой формулой, своего рода жупелом нынешнего этапа нашего искусства, уже осознающего никчемность как голой публицистики, так и социально-безразличного погружения в отвлеченный формализм.

Художники «Цеха» настаивают (и выставка их работ подтверждает это), что принцип «художественного реализма» ни к какой общей для группы манере живописи не обязывает, предоставляя каждому члену объединения искать ключ к этому реализму вполне индивидуальными путями.

Е.Р. Классон. Портрет (картина уничтожена)

И действительно, общей манеры выставленные работы не обнаруживают, являя довольно широкое разнообразие приемов выразительности живописного языка.

<...> Острота мысли и глубина переживания более, чем у других заметны у Екатерины Классон. В ее рисунках – своеобразно-яркое и порою жуткое углубление в «психологию». То же наблюдается в ее живописи («Мать с ребенком»), выразительность которой построена на контрасте черного и белого. Эта несколько мрачная экспрессия сопровождается явным уроном для живописных достоинств художницы. В менее экспрессивной вещи (портрет) эти достоинства засвидетельствованы вполне убедительно. <...>

В работе над овладением живописным мастерством большинство членов «Цеха» обнаруживают весьма заметный «уклон»: заботясь о тоне и философствуя по поводу тональной живописи, члены «Цеха» явно пренебрегают значением цвета, как средства построения формы. Этот чересчур поспешный прыжок молодых через голову Сезанна не остается безнаказанным: при обилии и густоте красок цветное их использование остается заметно беспомощным.

<...> При всей молодости участников группы выставка обнаруживает подкупающую серьезность и вдумчивость отношения их к своему искусству, отсутствие крикливости и барабанного боя в погоне за быстрым эффектом. Эта черта при несомненной одаренности большинства «цеховиков» сулит медленное, но верное созревание... О плодах этого созревания по выставке судить, конечно, рано. «Цех» – весь в будущем, потому что его прошлое, это – прошлое поколения, которое вступило в революцию в отроческом возрасте, а это уже само по себе недурной социальный залог для образования «ума и сердца» художника... (Игнатий Хвойник. Три выставки //«Советское искусство», №2, 1927)

Е.Р. Классон. Портрет, масло
(сохранился лишь фрагмент – голова матери)

На наших снимках – несколько экспонатов двух различных выставок: одной – чисто живописной, другой – чисто графической. Обе выставки объединены однако одним – это выступления по преимуществу молодежи. Так, «Цех живописцев» – главным образом молодежь, группирующаяся вокруг проф. [А.] Шевченко и тяготеющая к традициям французских мастеров. («Красная нива», №6, 6 февраля 1927 г., 1927)

<...> Выставка «Цеха живописцев», среди живописных выставок этого сезона, пока наиболее интересная. Это группа молодежи, первый раз выставлявшаяся в 1923 году под названием «Об-во станковых художников». Большинство из них – ученики А.В. Шевченко, возглавляющего теперь эту группировку. Неизменно «правеющий» А.В. Шевченко дошел теперь в своих пейзажах до увлечения Коро. Увлечение это, быть может, и не случайное, поскольку лиризм пейзажей Коро совпадает с присущей Шевченко сентиментальностью цвета и соответствует его теперешнему идейному настроению. Но как бы то ни было, в этом году Шевченко выставил гораздо более крепкие и в цветовом отношении удачные вещи, нежели в прошлом году на «Маковце».

<...> Молодежь можно разделить на две группы. Одна, более близкая к Шевченко. Ее представители или прямо, как Н.И. Николаев, С.С. Стрелков, С.Д. Изумнов подражают своему учителю или как Р. Барто и Г.А. Башкиров воспринимают и трактуют внешний мир в том же живописном и идейном плане, что и он. Тот же сентиментальный романтизм, упор на свет и воздух. Они более формально зрелы и уравновешены, но зато менее оригинальны и идеологически молоды. Среди них наиболее крупной и многообещающей фигурой является Р. Барто, выставивший превосходный в живописном отношении портрет и хорошие, вполне грамотные рисунки.

Другая группа более самостоятельна и ориентируется скорее на немцев и на сюжетный экспрессионизм. Они менее уравновешены в формальном отношении, зачастую, как, напр., А.С. Голованов или Е.Р. Классон, не справляются с задачами, которые себе ставят, и в некоторых деталях обнаруживают малую выучку. Но зато они гораздо живее, острее и интереснее. Они ищут новых сюжетов (И.Д. Гончаров «Рабочие», Б.А. Голополов «В поле») и психологической насыщенности (Е.Р. Классон «Портрет»).

<...> Трудно сказать, что будет в дальнейшем с этой группировкой и как разовьется творчество ее молодежи. Пока это в общем только первые самостоятельные шаги со всеми присущими им недостатками: малым техническим умением, особенно в отношении рисунка и формы, частыми срывами и т.п. Молодежь из «Цеха» еще не дошла до настоящего сюжета, порою словно отворачивается от действительной сегодняшней жизни, порою же идет по пути дешевого эффекта и бульварщины, как, напр., К.Н. Суряев в своих рисунках или В.В. Каптерев в портретах.

Но хорошо то, что все они в общем очень серьезно и любовно относятся к своему делу, углубленно работают над формальными проблемами и внутренне добросовестны в своих работах. Эти качества молодости, не очень часто встречающиеся в современном искусстве, есть факт весьма положительный и позволяющий возлагать на эту молодежь определенные надежды. (Федоров-Давыдов. Художественная жизнь Москвы // «Печать и революция», 1927, Книга третья, апрель-май)

Добавим от себя, что в семье Парнахов сохранилась единственная картина (маслом по холсту, без рамы, 24 х 26 см) – портрет сестры Софьи, который мы уже вывесили выше. И ему Парнахи дали юмористическое название – «Вий в уборной». В то же время Наталья Парнах элегически сообщала о картине автору сих очерков: «Бабушка подарила ее мне, потому как я была якобы похожа на Соню, а я хочу передать ее со временем своей дочери [Юлии]. Это единственное, что осталось от моей бабушки».

Изначально там, на руках у матери (как мы теперь видим), находился еще и ребенок, но за годы пребывания картины не всегда при идеальных температуре и влажности (как и вся обстановка при «Софье Власьевне») этот ребенок «был утрачен», в результате осыпания красочного слоя. Поэтому удалось реставрировать лишь часть картины (в оригинале имевшую размеры 120 х 84 см)... «Я училась в Строгановке, и у нас был факультет реставрации, студент этого факультета и перенес картину на новый холст и укрепил красочный слой», – написала мне Наталья Парнах по электронке из Чикаго.

Как можно понять из сохранившейся зачетки, в 1919-21 годах Екатерина училась в МГУ на историко-филологическом факультете (по отделению теории и истории искусства), слушала лекции известных «буржуазных» преподавателей и профессоров: Владимира Михайловича Экземплярского (психология), Александра Георгиевича Габричевского (античная керамика и введение в изучение искусства), Дмитрия Саввича Недовича (пластика великих греческих мастеров, мифология и античная иконография), Бориса Робертовича Виппера (введение в древнее искусство и методология искусствознания), Алексея Алексеевича Сидорова (Северное Возрождение – Дюрер), Алексея Ивановича Некрасова (история орнамента классического Востока), Николая Ильича Романова (итальянское искусство Возрождения), Владимира Константиновича Мальмберга (история искусств классического Востока) и других не менее интересных преподавателей.*

* Здесь мы приведем несколько более позднее описание условий учебы студентов МГУ – из 1925 г. (за 5 лет положение могло лишь несколько ухудшиться, но принципиально не измениться):

Эрвин Гониг (моск. корр. «Vossische Zeitung»). Московский университет. Новый тип студентов

Внешняя рамка университетской жизни не представляется особенно блестящей. На Моховой бок о бок стоят старое здание, построенное в 1775 г., и новое. Особые признаки разрушения замечаются в старом здании: голые стены, грязные полы. В этой обстановке невозможно себе представить немецкого корпоранта или элегантную девицу-студентку. Студенты и студентки в своей одежде доходят до крайней границы той небрежности, которую себе теперь позволяет интеллигенция. Причину этого явления надо искать, с одной стороны, в нелюбви русских ко всему корректно-педантичному, а, с другой стороны, в печальном материальном положении студентов. В районе университета более, чем где бы то ни было, господствует желание – не бросаться в глаза.

Новое здание университета позволило себе, по крайней мере, роскошь – поставить в вестибюле большой бюст Ленина, задрапированный красной материей. Из вестибюля поднимаешься по лестнице, на площадке которой находится ларек с фруктами (яблоки являются наибольшей роскошью, которую может себе позволить студент), направо помещается парикмахерская, налево – книжный киоск, в котором, однако, меньше научной, чем коммунистической литературы. На черной доске – сообщения студентов-корреспондентов, нечто вроде университетской газеты, подобно существующим на заводах сообщениям рабкоров. Тут же, конечно, бюро коммунистической ячейки: каждое учреждение, каждое предприятие обязано, прежде всего, отвести помещение для комячейки.

Аудитории – даже большая аудитория с ее галереей – производят странное впечатление. Деревянные скамьи чрезвычайно неудобны и устроены так, что нет никакой возможности записывать лекции или даже делать беглые заметки. Обычай записывать лекции и раньше пользовался в России малой популярностью. При настоящих условиях, в виду проникновения в университеты студенчества, происходящего из совершенно иной среды, он совершенно исчез. Центр тяжести университетской жизни давно уже составляют не лекции, а семинарии или «лаборатории», как тут называют практические занятия даже по гуманитарным наукам.

Здесь еще теснее, чем в аудитории. Руководитель, очень часто руководительница, не имеет даже кафедры, как в аудиториях, а должен занять место среди студентов. На стенах – многочисленные портреты всех коммунистических деятелей от Маркса и Энгельса до Троцкого и Бухарина.

Самое характерное в студенческой массе – это совместная работа прежних студентов с «рабфаковцами». Рабфак является, собственно, подготовительной ступенью для прохождения университетского курса. Рабфаковцы получают подготовку по программе средне-учебных заведений, после которой они становятся настоящими студентами. Они, однако, слушают свои лекции в том же помещении университета, в тех же аудиториях, что и действительные студенты. Партийные ячейки на фабриках и заводах посылают в рабфак для подготовки к высшему образованию более способных молодых рабочих и работниц. Условием для поступления на рабфак является 3-годичная работа у станка. Это условие имеет своей целью прекратить доступ в университеты буржуазным элементам, даже если бы им удалось приобрести краткий фабричный стаж. При недостаточных успехах рабфаковца его посылают обратно на фабрику. Не все рабфаковцы – коммунисты. Однако в интернаты, где студентам дают бесплатную квартиру и еду, принимаются только коммунисты. Самый большой из этих интернатов назван по имени Бухарина, редактора «Правды», который как один из виднейших теоретиков коммунизма тоже принадлежит к составу преподавательского персонала университета. Не надо, однако, думать, что обитателей этих интернатов ведут в университет попарно [как в царских гимназиях]. В интернатах, да и вообще среди студентов и студенток рабфаков царит полная свобода во всех отношениях.

Александр Парнах продолжал:

Потом она оставила это «чистое искусство» и стала художником-оформителем. По воспоминаниям дяди Вани, она первое время зарабатывала больше денег, чем его коллега – Александр Васильевич Винтер, ставший вроде бы уже академиком. Примерно в то же время – в 1930-е – маменька познакомилась с моим отцом Валентином Парнахом, и в 1936-м появился на свет я. К нему маменька обращалась на «вы» и называла по имени отчеству – «Валентин Яковлевич», а он ей говорил «ты» и «Катя». В ЗАГС, кстати, они не ходили, так что я, можно сказать, незаконнорожденный. При моем рождении в ЗАГСе записали: родители – Парнах Валентин Яковлевич и Классон Екатерина Робертовна. А когда я был уже взрослым, то получил повестку из военкомата на имя Классона Александра. Я им сообщил, что нет такого военнообязанного Александра Классона, как меня записали в роддоме, под материнской фамилией. Паспорт я получал по конкретному делу: 25 марта 1952 г. мне исполнилось 16 лет, а 27 марта он у меня уже был на руках. В Измайлове на Серебряно-Виноградном пруду покататься на лодке можно было только под залог паспорта – не с девушкой, а я сам тогда очень увлекся этим делом. В паспорте фамилия была записана нечетко – то ли Парнох, то ли Парнах.

Окончание примечания

Среди рабфаковцев крестьян пока мало. Однако принимаются все меры, чтобы увеличить их число. Рабфаковцы накладывают свой, принесенный с заводов, отпечаток на университетскую жизнь. Они энергично выступают на студенческих сходках [(собраниях)], на которых они уравниваются в правах с настоящими студентами. На учебный план, однако, студенчество не имеет никакого влияния. Демократического студенческого представительного органа нет. В университетской комиссии сидят, однако, вместе с представителями профессорской коллегии и правительства и представители студентов. Решающую роль играют представители правительства [(Главпрофобра Наркомпроса)]. Студенческие представители, само собой разумеется, партийные коммунисты.

При существующей системе рабфаков, студентов-корреспондентов и партийных ячеек преподавание в университете, конечно, находится под постоянным контролем. Возможность критиковать в какой-либо лекции существующий строй или даже только его основы абсолютно исключена. Недостаток профессоров, надежных в партийном смысле, так велик, что созданный правительством в спешном порядке Институт коммунистических профессоров [(Институт красной профессуры)] не может восполнить его созданием научно равноценных сил. В виду этого правительство вынуждено проявлять известную терпимость к преподавательскому персоналу, во всяком случае, по кафедрам технического и естественно-научного характера. Оно допустило даже, чтобы один известный физиолог (Павлов – Ред.) открыто заявил себя некоммунистом.

Это совпадает с господствующим течением среди рабфаковцев, которые в большинстве своем стремятся к техническим наукам. Большинство из них интересуется фабриками и машинами, хочет вернуться в свои мастерские инженерами. Они, вероятно, инстинктивно чувствуют, что эти предметы не могут быть представлены в таком одностороннем освещении, как это имеет место по отношению к философским, историческим и экономическим наукам. Студенту, изучающему эти науки и углубляющемуся в них, становится жутко от вечных тем, носящих заглавие «Маркс и ...».

Все это приводит к такому выводу: технические и естественно-научные предметы, особенно если после нескольких хороших урожаев государство сможет предоставить университетам более значительные материальные средства, будут развиваться благоприятно. Что же касается наук чисто гуманитарных, то они, кажется, обречены на застой.

(«Фоссише Цейтунг», 6 июня)

«Дни» (Берлин), 9 июня 1925 г.

Кстати, полный оригинал сего материала мог прочитать в Берлине брат Екатерины – Иван:

(zefys.staatsbibliothek-berlin.de/dfg-viewer/?set%5Bimage%5D=7&set%5Bzoom%5D=default&set%5Bdebug%5D=0&set%5Bdouble%5D=0&set%5Bmeta%5D=http%3A%2F%2Fzefys.staatsbibliothek-berlin.de%2Ffoai%2F%3Ftx_zefysoai_pi1%255Bidentifizier%255D%3Dbb8ef738-8e2e-4643-bbf8-bdfdef702729).

Разворот зачетки студентки 1 МГУ Е.Р. Классон

Фото Е.Р. Классон из зачетки

*Я так и не смог привыкнуть к новой фамилии – Парнох, так что в 21 год, когда надо было сменить паспорт, я сообщил, что моя фамилия – Парнах. Так я наконец-то утвердился с фамилией отца – Парнах.**

Прервем здесь воспоминания Александра Парнаха, чтобы привести конкретный пример по сюжету: *“Потом она оставила это «чистое искусство» и стала художником-оформителем. По воспоминаниям дяди Вани, она первое время зарабатывала больше денег, чем его коллега – Александр Васильевич Винтер, ставший вроде бы уже академиком”.*

«Литературная газета» 24 июля 1934 года опубликовала репортаж “Выставка «16 лет советской литературы»”. Он начинался так:

В последних числах июля в помещении кинотеатра ЦПКиО им. Горького откроется приурочиваемая к всесоюзному съезду писателей большая выставка «16 лет советской литературы», организованная Оргкомитетом ССП СССР.

Далее в репортаже описывался вполне советско-идеологический характер этой выставки, состоявшей из 13 больших отделов, в качестве элементов оформления упоминались 12 тыс. книг, а также рукописи, плакаты, макеты, графика, фото, книжные обложки и иллюстрации, газетные вырезки, письма, документы и т.п. А почти в самом конце репортажа давалась такая, представляющая для нас семейный интерес, информация:

Художественное оформление выставки [выполняется] по проекту главного художника выставки Е.В. Семеновой и бригады сопроектировщиков в составе тт. Наумовой, Яковлева, Левина, [Е.Р.] Классон, Назаренко, Зимина, Роскина, Лебедевой, Иорданского, Ковалева и Зданевич, каждому из которых поручено оформление различных отделов выставки.

К сожалению, из сжатого репортажа нельзя было понять, кто из 11 художников, непосредственных исполнителей (да еще обозначенных лишь одной фамилией, даже без инициалов), какие конкретно оформлял «13 больших разделов», от «Классиков марксизма – о литературе» до стенда старой литературы. Тем не менее, можно предположить, что Екатерина Робертовна оказалась в весьма «респектабельной компании» художников-оформителей, да наверное и неплохо заработала на сей «идеологической халтуре». Действительно, хотя «главный художник Е.В. Семенова» не попала ни в список «Художники России, 20 век, более 300 персон» (forum.artinvestment.ru/showthread.php?t=7305), ни на сайт «Масловка – городок художников» (www.maslovka.org), поскольку, скорее всего, служила партийным функционером, зато многие остальные оформители были достаточно известны творческой публике.

Татьяна Александровна Лебедева (1906-1980, не путать с Татьяной Алексеевной Лебедевой-Мавриной) участвовала в выставках с 1931 года, рисовала пейзажи, натюрморты, портреты, жанровые композиции. Правда, непонятно какой из Яковлевых участвовал в оформлении выставки – Борис Николаевич (1890-1972) или же Василий Николаевич (1893-1953) или еще какой художник Яковлев.

* Юноша из Таганрога, подписавший в Петербурге первые свои публикации документально-паспортным «В. Парнохъ», в дальнейшем намеренно изменил огласовку фамилии: «Парнах» тождественно библейскому имени в книге «Числа», 34:25 («Фарнах» или «Парнах» – первый звук на ивритском языке передается одной и той же буквой; конечный гортанно-придыхательный звук православно крестившейся классицисткой [его сестрой] Софией Парнок заменен нейтральным «к» <...>). – Из предисловия Е.Р. Арензона к книге: Валентин Парнах. Жирафовидный истукан. М., 2000 г.

Художницу-оформителя выставки (художника?) Назаренко совсем затмила в Интернете Татьяна Григорьевна Назаренко, но последняя родилась лишь в 1944-м. Художником-оформителем Левиным, скорее всего, был ленинградец Моисей Зеликович (1895-1946), который оформлял спектакли в местных театрах, а не ленинградец же Соломон Давидович (1907-1990), который рисовал вместе с воспитанниками в Доме художественного воспитания детей.

Валентин Валентинович Зимин (если это он подрабатывал на книжной выставке) в 1931 году поступил в Академию художеств, однако не избежал участи многих: по ложному навету его исключили из комсомола и Академии, несколько лет работал на строительстве станции «Охотный ряд» Московского метрополитена художником при шахткоме, в 1934 г. был восстановлен в комсомоле, в 1943-м погиб на войне.

Борис Вячеславович Иорданский (1903-1983) в начале своей карьеры работал преимущественно как художник-оформитель – оформлял павильоны «Центросоюза» на ВСХВ (1923), «Печать» на международной выставке прессы в Кельне (1927–1928), «Дальний Восток» на ВСХВ (1939), магистрали «Центр – Сокольники» к 1 Мая (1930), отдела «Животноводство СССР» на выставке в Филадельфии (1931), зала «Конституция СССР» на Всемирной выставке в Париже (1936–1937, Гран-при), колонны физкультурников СССР и РСФСР на физкультурном параде в Москве (1945), а также улиц и площадей Москвы к революционным праздникам.

Кирилл Михайлович Зданевич (1892-1969) больше жил в Тбилиси, где оформлял спектакли в театре им. Шота Руставели, но наведывался и в Москву.

Владимир Осипович Роскин (1896-1984) занимался почти исключительно художественным оформлением выставок – от международной выставки печати в Кельне (1928 год) до советского павильона в Нью-Йорке (1938 год).

Забавно, что сие престижное мероприятие «Софьи Власьевны» удостоилось лишь одного упоминания в Интернете, в отличие от Съезда совписателей, да и то в отрицательном ключе:

Не так давно тов. Горький писал в приветствии по поводу 30-летия литературной деятельности Исаака Гольдберга:

“Мне кажется, что я довольно четко и живо могу представить, что значит и сколько сил требует 30-летняя работа в области литературы за пределами внимания литераторов и критиков «центра».

Известно, что критики и литераторы отличаются постыдным и непонятным безразличием по отношению к литературе областей и союзных республик”. Справедливость требует сказать, что «постыдное безразличие», о котором говорил Горький, относится не только к критикам. На выставке «16 лет советской литературы», открытой в дни съезда советских писателей, не было ни одной книги, изданной в краях и областях. – Из критической статьи сибирского писателя Вивиана Итина (1893-1938)

Екатерина – художник, ≈1926 год

Вернемся к воспоминаниям Александра Парнаха:

Главное в профессиональной успешности маменьки было то, что она (не имея диплома) могла полноценно оформлять все то, что ей заказывали. А потом она все-таки устроилась переводчицей в Дом моделей на Кузнецком мосту. Произошло это так: мои отец и мать не ходили оба на регулярную службу и поэтому ежемесячно зарплаты не получали. Иногда отцу платили какие-то деньги за переводы зарубежных писателей (его собственные произведения в СССР не печатали), а матери так же нерегулярно платили за ее оформительскую работу. Иногда мы оказывались на мели: в издательстве застревала книга переводов, а художественную работу не принимали и за нее не платили. Поэтому мы жили то густо, то пусто.

Когда вышла 2-ым изданием книга Эмиля Золя «Разгром» в переводе отца, то ему отвалили тогда сразу 15 тысяч рублей. При этом 2 тысячи удержали в качестве подоходного налога и еще около двух тысяч мы отдали в погашение долгов. Остальные деньги тоже со временем кончились. Маменьке эта трудная жизнь, в конце концов, надоела, и она решила устроиться на постоянную работу.

В.Я. Парнах (рисунок карандашом Е.Р. Классон)

Она потом рассказывала, что отцу ее решение не понравилось, поскольку он подозревал: за ним кроется что-то еще. Но, так или иначе, маменька стала ходить в Дом моделей, где воспользовались ее знанием иностранных языков.

Она числилась то ли искусствоведом, то ли консультантом – иногда переводила, иногда делала рефераты из модных иностранных журналов. Но с постоянной работой все-таки получилось глупо – за нее почему-то мало платили. Со временем тем, кто пришел позже, повышали зарплату, но не Екатерине Робертовне. Впоследствии они стали соответственно получать пенсию больше чем она.

Вот такая советская социальная справедливость. При этом маменька не только прилично знала французский, но и английский. И когда я с него переводил, то она иногда находила у меня ошибки. В 1960-м издательство «Искусство» решило выпустить новое издание «Мастера искусств об искусстве». Тогда влиятельный искусствовед Нина Викторовна Яворская вспомнила про маменьку (они были знакомы с 1919-го, времени ее учебы в университете). И она дала маме заказ переводить с французского, а мне – через некоторое время – с английского.

Это была необыкновенно приятная работа, но плату задерживали. Маменька тогда остроила, что эти деньги пойдут на ее надгробие. Потому что было абсолютно неясно, когда книга выйдет и когда за нее нам заплатят. В результате оплатили нам эти переводы не раньше 1967-го, а может быть и гораздо позже.

Потом в издательстве «Искусство» нам дали другие заказы – перевести интервью с самими художниками и воспоминания о них. Так вышли книги о Сезанне, Писсарро, Дега. Последняя книга – о Матиссе вышла с большой задержкой: мама все перевела, но надо было написать предисловие и подготовить справочный аппарат (примечания). Это поручалось составителю, у которого основная работа была в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Она (составитель) постоянно ездила за границу, поэтому «сесть за халтуру» ей было некогда. Я деликатно говорил маменьке, что надо бы поскорее книгу о Матиссе закончить, она обращалась к Н.В. Яворской, которая в свою очередь торопила составительшу, а та отнекивалась... Наконец-то она написала предисловие, из которого следовало лишь, что она почему-то любит Матисса. Больше никакого смысла в нем не было.

В результате книга вышла после смерти маменьки, а мне оплатили не только мою работу, но и частично то, что сделала Екатерина Робертовна (правда, предварительно был выплачен аванс).*

Следом сын вспомнил такой эпизод, относящийся, правда, не к Екатерине Робертовне, а к своей переводческой, профессиональной деятельности:

Когда я работал в Институте проблем управления, то там было много талантливого народа, с соответствующим самомнением. И многие из них брались переводить на английский свои статьи. Я указывал на очевидную нелепость: из 52 недель в году 6-8 недель вы находитесь в отпуске, остальное время – 42-44 недели – вы «гениальные ученые» и лишь 2 недели – «гениальные переводчики». Может такое быть? Они разводят руками. Так вот член-корреспондент АН СССР Гаврилов (или кто-то из его подчиненных) перевел свой труд на английский.

А я был недоволен качеством перевода и пошел с ним разговаривать. Привожу ему какие-то неудачные примеры перевода и, в конце концов, говорю: «В обществе произошло разделение труда – появилась профессия переводчика, поэтому многие и стали пользоваться услугами таких специалистов».

Гаврилов ответил: «Вы знаете, я эту мысль уже слышал, вы наверное этого человека не знаете, мне об этом говорил директор электростанции Роберт Эдуардович Классон». Мне пришлось признаться в родстве: «Так это мой дедушка, и если он не смог вас убедить, то может быть я смогу это сделать?».

Далее Александр Парнах приводил такие характерные эпизоды из отношений Екатерины Робертовны с советской властью:

В доме в Телеграфном переулке жили в основном инженеры-электротехники. В 1937-м около четверти из них арестовали [по-видимому, за антисоветскую агитацию, а затем навесили вредительство и шпионаж – МК]. Маменька навещала жен арестованных, выражала им сочувствие, несмотря на свой страх перед советской властью. У нас в семье появились фотокопии запрещенной тогда повести Александра Солженицына «В круге первом». Мы с женой Тамарой Ивановной сидели на кухне и читали ее. Потом отнесли эту вещь маменьке. Она поддержала ее один день и сказала, чтобы я немедленно забрал, выходит, испугалась.

* Переводы Е.Р. Классон (с сайта WIKI-2):

Поль Сезанн. Переписка, воспоминания современников. – М.: Искусство, 1972. – 368 с.

Камиль Писсарро. Письма. Критика. Воспоминания современников. – М.: Искусство, 1974. – 352 с.

Сера Жорж, Синьяк Поль. Письма. Дневники. Литературное наследие. Воспоминания современников. – М.: Искусство, 1976. – 335 с.

Анри Матисс. Статьи об искусстве. Письма. Переписка. Записи бесед. Суждения современников. – М.: Искусство, 1993. – 416 с.

Хотя к тому времени пик [большевистского] террора миновал. Чтобы сесть в тюрьму, надо было сделать какое-то [весомое антисоветское] деяние. А страх остался.

Тем не менее, Екатерина Робертовна, похоже, уже не боялась рассказывать, хотя лишь в узком семейном кругу, «антисоветские анекдоты» типа:

Председатель Совнаркома Ульянов-Ленин говорит посетителю: «Товарищ, я уже где-то вас видел. Нет, нет, не говорите. Я сам вспомню. В Париже? Нет. В Стокгольме? Нет. В Лозанне? Нет. В Лондоне? Нет». Еще долго он перебирал разные города и, наконец, с радостью сообщил: «О, вспомнил. В Цюрихе, именно в Цюрихе, в общественной уборной. Вы попросили у меня бумажку, а я вам так ловко листовочку подсунул».

И этот «политический сюжет» постоянно выплывал при совместной работе матери и сына:

Маменька переводит, а я затем вычитываю письма [французского живописца] Писсарро сыну. Он то и дело пишет, что нужно упорно работать над собой, постоянно рисовать, чтобы что-то получилось. И каждый раз, доходя до этого места, мы с маменькой смеемся – опять листовочка!

И еще один «кирпичик» от Екатерины Робертовны в «анти-Лениниану». Парнахи рассказали, с ее слов, разумеется, такой эпизод про коллегу Р.Э. Классона:

Леонид Борисович Красин был крестным отцом Кати, родившейся в Баку. Она вспоминала о нем с нежностью. Приходя к Классонам в гости, он обычно просил приготовить ему «голубую антилопу» – отбитую свинину, вымоченную в лимонном соке, с перцем и петрушкой. Как-то Красин передал крестной свой разговор с Лениным, состоявшийся после того, как последний несколько пришел в себя от первого удара (инсульта). До этого у него отнялась речь, и он мог выговаривать только «Черт!» и «Нельзя!». Красин на это ответил Ленину, по-видимому, искренно: «Вполне достаточно, чтобы управлять государством».

Тут поневоле напрашивается историческая аналогия с градоначальником города Глупова Дементием Варламовичем Брудастым. Он тоже мог выговаривать только две решительные фразы: «Разорю!» и «Не потерплю!».

Правда, по М.Е. Салтыкову-Щедрину, у градоначальника в съемной голове имелся небольшой органчик, могущий исполнять эти две нетрудные музыкальные пьесы!!*

Сюжет с В.И. Ульяновым-Лениным выглядит здесь как некая пастораль, если вспомнить другой эпизод из жизни вождя большевиков. В 1904-м уже упоминавшаяся ранее известная журналистка и будущая писательница Ариадна Тыркова-Вильямс, симпатизировавшая кадетам, вынуждена была нелегально выехать из России. Поселилась она под Штутгартом у видного деятеля партии кадетов П.Б. Струве.

Через какое-то время госпожа Тыркова-Вильямс решила съездить в Швейцарию полечить воспалившийся еще в России сустав на руке. А заодно повидать свою подругу по петербургской гимназии княгини Оболенской Надежду Крупскую, жившую с матерью и мужем в предместье Женевы. После теплого приема, оказанного госпожой Крупской и ее матерью, жена В.И. Ульянова-Ленина попросила его проводить свою подругу до трамвая.

* <...> Обеспамятев от страха и притом будучиотягощен спиртными напитками, стоял я [(часовых и органичных дел мастер Василий Иванов сын, по прозванию Байбаков)] безмолвен у порога, как вдруг господин градоначальник поманили меня рукою к себе и подали мне бумажку. На бумажке я прочитал: «Не удивляйся, но попорченное исправь». После того господин градоначальник сняли с себя собственную голову и подали ее мне. Рассмотрев лежащий предо мной ящик[-голову], я нашел, что он заключает в одном углу небольшой органчик, могущий исполнять некоторые нетрудные музыкальные пьесы. Пьес этих две: «разорю!» и «не потерплю!». – М.Е. Салтыков-Щедрин. Органчик // История одного города

По дороге к остановке они подискутировали на партийно-революционные темы, и под конец «кавалер» сказал даме: *«Вот, погодите, таких, как вы, мы будем на фонарях вешать»* (sic!). В 1904-м эти слова прозвучали в отношении госпожи Тырковой-Вильямс как грубая, но нелепая шутка. Однако в 1918-1920-х они обернулись жуткой реальностью: в России были замучены и расстреляны сотни тысяч дворян, интеллигентов, белых офицеров, священников, панов, крестьян и других не согласных с большевистским режимом людей. И все это происходило при полном одобрении председателя Совнаркома, который зачастую требовал от своих соратников самых жестких мер подавления «классовых врагов».

Находясь во время войны в эвакуации, в Чистополе, Екатерина Классон отправила брату такое подробное письмо (август 1942 г.):

Дорогой Иван, прости, что давно не писала, – нам ввели 11-часовой рабочий день на фабрике, с семи до семи (с перерывом на часовой обед), с непривычки было утомительно, так что, когда приходила домой, то сразу засыпала. Все воскресенья работали на фабричных полях. Я переехала еще раз, теперь как будто окончательно: ул. Вахитова, д. 56а.

Такая же маленькая отдельная комната напротив кухни с занавеской вместо двери – очевидно для тепла. Была тоже без форточки и электричества, но электричество уже провела (по благу с фабрики), форточку сотворила сама, сдвинув стекло. На этой квартире кроме хозяев живет заведующая той столовой, откуда все пошло, она (т.е. заведующая Лидия Михайловна) и приглашала меня на житье.

Так что я живу в самых недрах питания и совсем без еды не останусь. Беру по-прежнему кое-какую (не очень вкусную) еду из столовой, вечером еще пьем чай, и Лидия Михайловна принудительно выдает что-нибудь. Кроме того, если только у меня будут дрова (а на них я записалась в Литфонде), то на новой квартире обеспечена их перевозка (что очень трудно вообще) и квартира ультра теплая (была прошедшей зимой на ней). Все это, если вообще будем зимовать.

Самая большая новость, что Валентин Яковлевич поехал в Москву. Отбыл он 11-го числа в Казань, там должен получить разрешение на въезд в Москву. У него есть вызов из Союза писателей. Рассчитывает пробыть в Казани не более недели, но все неизвестно, конечно. Может быть, даже и вернется обратно.

<...> Думаю, что если доедет до Москвы, то там ему будет легче с заработком. Картошку свою я окучила, но участок у меня небольшой. Скоро буду наверное вырывать, пока не разворовали. Все твои предписания, таким образом, исполнены.

Получила опять письмо от Любви Петровны [Классон]. С Павлом опять какие-то нелады – он не выполнял норм, и ему грозят какие-то кары (штрафное строительство или отдадут под суд?). Его адрес [в трудовую армию]: Челябинск, почт. ящик №48. Конечно, сделать ничего нельзя, может быть все и обойдется.

Целую тебя, пиши. Целую Аню. Катя.

Брат Иван молодой жене Анне поставил в пример свою образцовую сестру: работает по 11 часов на галантерейной фабрике, а все равно пишет ему, а ты, вернувшись с сельскохозяйственных работ в Курган и не очень обременительно служа машинисткой в Гидроэнергопроекте, не можешь мне регулярно писать в Москву, каждые три-четыре дня!

Оказывается, согласно записи в трудовой книжке, сестра Екатерина в это время числилась старшим художником игрушечного цеха, а в марте 1943-го она (беспартийная!) была даже назначена начальником художественного цеха. А брат Павел погибнет, после августа 1942-го, всего через несколько месяцев (см. ниже)...

*Убогий быт советской интеллигенции, Москва, март 1951 г.
(слева направо – Е.Р. Классон, Нина Викторовна Яворская,
Елизавета Яковлевна Парнах-Тараховская, Александр Парнах, И.Р. Классон)*

После войны Е.Р. Классон работала в Общесоюзном доме моделей (Главшвейпром Министерства легкой промышленности СССР) – пару месяцев художником-зарисовщиком под оформление альбома «Румынская народная одежда», а затем референтом-переводчиком, консультантом технической библиотеки, искусствоведем, методистом.

В августе 1951-го Екатерина Робертовна отправила из Ленинграда брату восторженную открытку (с изображением одной из конных скульптур Клодта на Аничковом мосту):

Дорогой Иван, я в полном восторге от Ленинграда. Хожу в Эрмитаж без очереди, по улицам – без [московской] давки и сутолоки. Я спутала числа, на самом деле должна выходить на работу 22-го в понедельник, поэтому имею еще время [наслаждаться Ленинградом]. Целую, Катя.

Наконец, приведем из воспоминаний Парнахов такую характеристику «Е.Р. Классон как человек»:

Больше всех своих сестер и братьев она любила Соню и считала ее самой красивой и умной. Однажды Екатерина Робертовна кричала во сне, а потом объяснила, что ей приснилась Соня с детьми и то, что в ее комнате обваливается потолок.

Ее многие обстоятельства приучали держаться в тени: революция и советская власть, упомянутый акт обследования группы художников «Цех живописцев», яркий муж. Она знала живопись, французский, немецкий, разбиралась в литературе. Валентин Яковлевич часто с ней советовался по поводу переводов.

Советскую живопись ценила невысоко, а проходя через соответствующие залы Третьяковки, снимала очки, чтобы не замечать картины [(написанные в духе социалистического реализма)]. Считалось, что у нее не было слуха, но, говоря о музыке, проявляла глубокие знания и вкус. Страдала от хамства и невежества [«хороших советских людей»]. Подмечала дурацкие особенности и расхожие выражения тогдашнего общества. В эвакуации в Чистополе одна литфондовская дама любила приговаривать: «Я мотаюсь, как соленый заяц». По мнению Екатерины Робертовны, окружающие неверно считали, что это очень оригинально и образно.

Разговоры в этом «интеллигентном» обществе затрагивали в основном три темы: положение на фронтах, любовные романы (у кого – с кем) и тряпки (одежда).

Екатерине Робертовне из Дома моделей регулярно приносили для перевода журналы мод. Мы их смотрели и обсуждали, а затем маменька говорила: «Настоящие модницы не покупают модные журналы, они их просто смотрят». Она писала нам записки на художественных открытках (с картинами Фонтена Латура, Ван Гога, Моне). Если на открытке не было обозначено, где находится картина, кто ее автор и какого она размера, то Екатерина Робертовна все эти сведения давала сама, в конце записки.

Литературные герои, иной раз, приводились в обоснование того, как с них надо (или не надо) брать пример. Екатерина Робертовна как-то сказала невестке, что ее сын, обучая свою дочь Наташу английскому, не должен обращаться с ней [так строго], как старый князь Болконский поступал со своей дочерью Машей, обучая ее математике.

Однажды к Саше пришла дама, которая попросила его перевести ей статьи с английского. Пришла и положила свой портфель на кровать. После ее ухода Екатерина Робертовна сказала: «Ложe – это святое место. На него нельзя садиться и класть вещи». И еще цитата от нее: она как-то сообщила, что не перебирает гречку (чтобы отделить неочищенные зернышки): «Я Вам не Золушка!».

Она не возражала, когда дамы из Дома моделей передавали ей модные, хотя и ношенные вещи. А когда ее знакомые ездили за границу и привозили ей в подарок модные кофточки, она передавала их невестке. Когда мы с дочкой Наташей должны были поехать куда-то в поезде, маменька вспомнила, что ее мать брала для детей в поезд котлеты, и это было очень вкусно.

Однажды она [(Екатерина Робертовна)] очень хорошо придумала делать для Наташи, у которой был плохой аппетит, бараньи котлеты по примеру жены Лаврецкого из «Дворянского гнезда» Тургенева.*

Как-то все дети Р.Э. Классона пошли в кафе. После еды Соня оставила на столе не только полагающиеся по счету деньги, но и чаевые, и пошла на выход первой. За ней потянулись остальные дети. Катя, выходя последней, забрала чаевые назад.

* Варвара Павловна [(после бурной сцены с мужем, Федором Ивановичем Лаврецим)] постояла некоторое время на месте, слегка повела плечами, отнесла девочку в другую комнату, раздела и уложила ее. Потом она достала книжку, села у лампы, подождала около часу и, наконец, сама легла в постель.

– Eh bien, madame? [(Ну как, сударыня?)] – спросила её ее служанка француженка, вывезенная ею из Парижа, снимая с нее корсет.

– Eh bien, Justine [(Да так, Жюстина)], – возразила она, – он очень постарел, но, мне кажется, он все такой же добрый. Подайте мне перчатки на ночь, приготовьте к завтрашнему дню серое платье доверху; да не забудьте бараньих котлет для Ады... Правда, их здесь трудно найти; но надо постараться.

В январе 2016-го Александр Валентинович припомнил еще такие «милые подробности»:

Когда Наташа Гарденина была маленькая, Е.Р. приходила в гости к Софье Робертовне, влезала в Наташин манеж и играла с ней. Е.Р. играла с внучкой в пуговицы, как в фантики. Еще она вырезала для Наташи из бумаги девичий хоровод и снежинки.

А Андрей Сергеевич Гарденин вспоминал о добрейшей Екатерине Робертовне так:

Когда Валентин Парнах женился на тете Кате, он иногда приезжал к нам, а мы – к нему, еще до войны. И после войны я заглядывал к тете Кате в Телеграфный переулок. Она была у нас на свадьбе с Верой Андреевной в 1974-м. Помню, когда мои девчонки родились [в 1954-м], тетя Катя подарила нам облигацию внутреннего займа на 200 рублей. И в первом же тираже погашения она выиграла – 400 рублей! Мы на эти деньги потом купили первую нашу разборную лодку – «Неву». Сначала я переоборудовал ее из двух- в четырехместную, чтобы всей семьей плавать. А потом – в байдарку, использовав каркас и оболочку «Невы».

Поясним здесь, что Вера Андреевна Башкатова – это вторая жена А.С. Гарденина. Первая – Лидия Васильевна Прибылова в 1973-м, возвращаясь из командировки, погибла в авиационной катастрофе. А близняшки Людмила и Татьяна родились в 1954-м. Кстати, Александр Парнах припоминал и такой эпизод: когда в 1969-м умерла от рака жена Ивана Робертовича – Анна Гавриловна, то последний обнаружил у нее в шкатулке припрятанные на черный день деньги, и большую часть из них отдал своей уже «малоимущей» сестре.

А вот реакция Н.С. Тумановой-Гардениной (из письма И.Р. Классону в ноябре 1962-го):

С чувством глубочайшего огорчения узнала из Вашего письма о болезни Кати. <...> Если будет нужно, я возьму отпуск и приеду, чтобы ухаживать за ней, когда ее выпишут из больницы. Катя для меня роднее всех родных (не обижайтесь!). Она столько для меня сделала, что я готова хоть сейчас бросить все и ехать в Москву, если бы это помогло ей выздороветь.

Дальневосточная родственница, когда приезжала в Москву (пользуясь бесплатным проездом раз в три года), то останавливалась у тети Кати. Как уже упоминалось, Е.Р. Классон будучи взрослой заболела детским дифтеритом. Настолько тяжело, что из-за паралича глотки ее пришлось кормить через трубку, введенную в разрез в горле и пищеводе. В другом письме Н.С. Туманова-Гарденина сообщала, что условилась с тетей Катей провести вместе лето 1963-го на ст. Фирсановка Октябрьской ж.д. В Фирсановке у мужа Люции Олеговны Вихман (тоже работавшей в Доме моделей и переводившей с немецкого) была трехэтажная дача. Летом здесь жили Екатерина Робертовна, ее давняя подруга Нина Викторовна Яворская с сестрой Галиной Викторовной, приезжала с Дальнего Востока Наталья Сергеевна Туманова-Гарденина с дочкой Лёкой, а Парнахи бывали в гостях.

Автор этих строк со своей стороны может вспомнить о Екатерине Робертовне, к сожалению, лишь один, но весьма трогательный сюжет: в середине 1970-х я иногда ездил к ней в гости со своей маленькой дочкой Наташей, и она обучала нас играть «в пуговицы». Такой игры я в своем детстве не знал: необходимо было, надавив на борт пуговицы другой, заставить ее подпрыгнуть и загнать в любую подходящую коробку. Кстати, свою внучку Наташу она научила складывать несколько раз лист бумаги и вырезать из него снежинку (а также делать бумажные гирлянды из забавных человечков).

Меня вырезать снежинки тоже в детстве научили, но не помню кто – отец или же в школе. Дальнейшим развитием своей внучатой племянницы Наташи (обучению иностранным языкам или чем-то еще таким же интеллектуальным) тетя Катя заняться не успела. Она заболела мудреной болезнью (облитерирующим энтеритом или проще – медленно развивающейся гангреной ног) и слегла, как потом оказалось, насовсем.

*Н.С. Туманова-Гарденина с дочкой Лёкой в гостях у Классонов,
Алабушево, июнь 1960-го*

Что же заслужила Е.Р. Классон от советской власти за свои искусствоведческие и переводческие труды? Оказывается, нищенское пособие по старости.

В 1967-м И.Р. Классон пытался выхлопотать персональную пенсию оставшимся в живых двум детям Р.Э. Классона (т.е. и себе тоже) и подготовил в соответствующую комиссию Совета министров СССР ходатайство от имени Министерства энергетики и электрификации СССР с такой справкой:

1. Его дочери Екатерине Робертовне Классон, родившейся 15 ноября 1901 г. в Баку, учившейся во ВХУТЕМАС, работавшей с 1927 по 1961 г. художником-графиком, оформителем, искусствоведом и референтом-переводчиком, с 1961 г. получающей частичную (неполную) пенсию по старости в размере 51 рубль 65 коп. – без права работать даже 2 месяца в году.

2. Его сыну Ивану Робертовичу Классону, родившемуся 13 марта 1899 г. в Москве, проработавшему в советской энергетике 33 года инженеру-электрику, с 1959 г. пенсионеру по старости с пенсией 120 рублей, имеющему на иждивении жену 55 лет. (ф. 9508 РГАЭ)

Е.Р. Классон, 1970-е

Насколько автор помнит, персональные пенсии Екатерина Робертовна и Иван Робертович от советской власти так и не получили и поэтому чуть ли не до смерти вынуждены были постоянно подрабатывать. Так, в 1960-м издательство «Искусство» решило выпустить новое издание «Мастера искусств об искусстве». Тогда влиятельный искусствовед Нина Викторовна Яворская вспомнила про свою давнюю подругу (они были знакомы с Е.Р. Классон с 1919-го). И дала ей заказ переводить с французского, а ее сыну – с английского.

Плату за книгу, как водится, задерживали. Екатерина Робертовна тогда остряла, что эти деньги пойдут на ее надгробие. Потому что было абсолютно неясно, когда книга выйдет и когда за нее заплатят. Лет через восемь-десять это, наконец, произошло, поэтому на надгробие полученные деньги все-таки не пошли.

А потом в «Искусстве» дали другие заказы – перевести интервью с художниками и воспоминания о них. Так вышли книги о Сезанне, Писсаро, Дега. С последней – об Анри Матиссе – произошла большая задержка. Екатерина Робертовна все перевела, но требовалось еще написать предисловие и подготовить примечания. Это должна была сделать составительница книги, у которой основная работа была в Музее изящных искусств, основанном Иваном Владимировичем Цветаевым (и глупо переименованном большевиками в Музей изобразительных искусств им. Пушкина).

Она постоянно ездила за границу, поэтому «заняться халтурой» ей было все некогда. Но наконец-то написала предисловие, из которого следовало, что она почему-то любит Матисса (какой-либо другой смысл в этом предисловии найти было трудно). В результате книга вышла после смерти Екатерины Робертовны (в 1980-м), и гонорар получил уже ее сын Александр. Но для изготовления надгробия он все-таки не потребовался.

Оказывается, перед смертью мать запретила сыну забирать ее прах после кремации. Она была против того, чтобы ее хоронили в могиле (или замуровывали прах в колумбарии) и сажали цветочки. Этот процесс она неодобрительно называла – «разводить хозяйство».

Секция №100 колумбария Новодевичьего кладбища

Хотя прах ее мужа в 1951-м и был помещен в колумбарий Новодевичьего кладбища. А сын мог туда же поместить и прах матери (несмотря на ее запрет), ведь Екатерина Робертовна, как и все «Классонята», была крещеной...

Павел. Появился на свет в Карлсбаде под Ригой, хотя был зачат в Баку (семейные обстоятельства сего мы уже приводили).

Приведем соответствующие отрывки из воспоминаний старшего брата Ивана:

В Карлсбаде мама несколько лет нанимала одну и ту же довольно большую двухэтажную дачу у поляка Каэтана Александровича (забыл его фамилию, его жену звали Магдалина Осиповна), занимавшего какую-то должность в тюрьме в Риге. В Карлсбаде мы жили и летом 1904 г., когда 5 июня старого стиля родился младший ребенок в нашей семье – Павел. У него крестной матерью стала наша сестра Таня, а отцом – Сережа Веревкин, второй сын детского врача.

Каэтан Александрович иногда привлекал подчиненных ему тюремных надзирателей для работы в его довольно большом саду при даче. Наш отец, когда приезжал к нам, в разговоре с мамой называл их «каторжниками», как если бы хозяин дачи эксплуатировал на ней заключенных.

<...> Ранней весной 1905-го Катя заболела скарлатиной. На время тогдашнего карантина – шесть недель – Штраухи приютили Соню, так что она продолжала учиться в гимназии. А для Тани и меня мама срочно пригласила (м.б. телеграммой) Ольгу Николаевну Тимохович. И мы с ней поселились в гостинице «Боярский двор», эту гостиницу маме рекомендовала ее старая знакомая Анна Павловна Цветкова.

Мама еще кормила грудью Павла и оставила его с няней при себе, только перед каждым кормлением дезинфицировала себя и переодевалась.

<...> Осенью 1910-го мы переехали в Гельсингфорс, а няня съездила в Москву отобрать наши вещи для отправки в Гельсингфорс. Там мы несколько дней прожили в гостинице. Павлу было шесть лет, в ресторане при гостинице ему впервые стали давать общую для всех еду. До этого его кормили только жидкими или протертыми кушаньями, т.к. иначе он давился.

*Грудной Павлик на руках у матери, 1904 год
(на фото еще присутствуют Софья, Татьяна и Иван,
а малолетняя Екатерина в кадр не вошла – была на руках у няни?)*

Павлик (справа) с братом Ваней и сестрами Катей и Таней, 1912 г.

<...> Павел в Гельсингфорсе учился французскому языку у пожилой француженки, тоже не знавшей русского, казалось, успешно: он мог рассказывать наизусть по-французски, что изображено на картинках в любимом в нашей семье учебнике «Алэс». Но он, показывая на индюка на картинке «La basse-cour» («птичий двор»), сказал: «le dindon fait la roue» и на вопрос, что это значит, ответил: «индюк». То есть Павел не понимал, что это целое предложение: «индюк распускает хвост колесом». Вынужденная система Берлица у нас в семье не привилась. Француженка говорила Павлу: *Pauvre enfant, comme on à mal appris!* [(Бедный ребенок, как ты плохо учишься!)].

<...> 2 мая старого стиля 1912 года мама умерла в лечебнице. Ей было сорок восемь лет. Мы получили телеграмму о маминой смерти вечером. Соня посадила Катю и меня с собой на диван и сообщила нам об этом. Мы плакали. На другое утро Павел сказал: «Ах да, мама умерла. Как интересно!». Ему было почти восемь лет.

О пребывании Павла на «Электропередаче» мы уже упоминали, в ряду всех «Классонят». Из заграничного письма Роберта Эдуардовича детям на «Электропередачу», от 3/16 июня 1913 г.:

Дети, вы не дети, а скверные поросята! Я живу уже 8 дней за границей и не получил еще ни строчки от детей, ни от старых, ни от молодых. Как только приеду назад, буду обучать Ваню плавать, это скандал, что Вы не умеете плавать. Купил ли Иван Иванович [Радченко] лошадь для Вани? За корм для [Павлушиного] осла надо будет платить, я забыл об этом сказать. Здесь дети ездят на ослах, но вместо седел – какие-то тюфяки, это некрасиво.

Про осла упоминал и Иван Робертович в своих черновых записях (воспоминаниях) и даже сообщал, что его и няню снимали (вместе с детьми, разумеется) на пленку, но сия пленка была, к сожалению, утрачена.

Согласно записям И.Р. Классона «летом 1925 г. Павел приехал в Берлин. Он отрабатывал год у Siemens (и жил где-то на северо-западе города поближе к Сименсштадту) учеником слесаря или практикантом и осенью 1926 г. поступил в техникум в Констанце». Этот, первоначально чешский, город Костниц располагается у истока Рейна из Боденского озера. Технология обучения студентов техникумов и технических вузов в Германии была описана его братом Иваном в статье «Техника и НОТ. Об инженерном образовании в Германии», опубликованной в 1925-м (см. выше).

Остается загадкой следующее обстоятельство. Брат Иван почему-то упоминал, что Павел учился не в техническом вузе, а в техникуме. Возможно потому, что тогда было принято называть эти самые технические вузы – политехникумами.

Между двумя этими учреждениями, как мы уже видели, в своей статье в берлинском торгпредском бюллетене Иван Классон все же проводил терминологическую границу:

В России довольно распространено представление о постановке инженерного образования в Германии, значительно расходящееся с действительностью. Обычно не различаются высшие технические школы <...> с 4-летним курсом и техникумы с 2-2,5-годовым курсом.

На самом деле П.Р. Классон «в техникуме» в Констанце получил полноценное образование инженера-механика, специалиста по двигателям и турбинам.

В мае 1928-го Павел написал в Берлин две открытки. Одну – из германского Линдау: «Дорогой Ваня, пишу тебе из Линдау, куда мы приехали втроем (я, Юра [Кирпичников], Durst) на мотоцикле, это по случаю воскресенья».

А вторую – уже из швейцарского Люцерна: «Дорогой Ваня, по случаю Pfingsten я нахожусь в Люцерне, приехал на своем В.М.В. Пиши мне в Констанц. Здесь прекрасная погода».

Похоже, студенты, закончив очередной курс, устроили себе неплохое путешествие по Европе. Поясним: Pfingsten – это праздник католической Святой Троицы, отмечается 27 мая. А «В.М.В.» – вовсе не «крутой автомобиль», а все тот же мотоцикл с коляской.

В начале сентября того же года последовала открытка из швейцарского Цюриха с видом этого прекрасного города (летние каникулы заканчивались, надо было возвращаться на учебу в Констанц):

Дорогой Ваня, открытку твою получил, напишу тебе подробно из Констанца, где я буду послезавтра. Я был в St. Mauritz. Твой Павел

Цюрих

А под самый конец 1928-го Павел оказался в немецком Зерматте, у подножия знаменитого горного пика Маттернхорн:

Дорогой Ваня, сегодня приехал сюда. Погода хорошая, но Matterhorn все же отсюда не так эффектен как на фотографиях. Зермат – это маленькая деревушка, хотя и высоко лежит (1 600 м). В первом отеле нет текущей воды. Твой Павел

Горный пик Маттернхорн

В 1968-м И.Р. Классон получил письмо от инженера Василия Ивановича Константинова. Оказывается, последний в 1921-23 гг. учился вместе с Павлом в Московском практическом электротехническом институте (позже он был преобразован в Московский энергетический техникум Министерства энергетики и электрификации СССР). В 1970-м это учебное заведение отмечало солидный юбилей, и В.И. Константинов просил «черкнуть пару строк» о судьбе брата, чтобы поместить их в намечавшийся к изданию сборник «Московскому энергетическому техникуму – 100 лет».

Иван Робертович ответил, как всегда, довольно оперативно и обстоятельно:

<...> Судьба моего брата Павла вряд ли подойдет для юбилейного сборника МЭТ'а.

Павел Робертович Классон родился в 1904 г. В 1925 г. он получил заграничный паспорт и уехал учиться в Германию. Год проходил обязательную для немецких техникумов практику на заводе Сименса в Берлине, затем учился в техникуме в Констанце <...>, получая стипендию от Правления МОГЭС. После окончания техникума по теплотехнике вернулся в 1932 г. в СССР, работал в Ленинграде на двух больших заводах.

В марте 1938 г. он был арестован и приговорен к 10 годам по 58-й статье. Но затем, по его заявлению, дело было пересмотрено, и Павла приговорили к трем годам за «антисоветские высказывания». Он говорил мне в 1941 г. после освобождения, что одним из ставившихся ему в вину «высказываний» было: «мюнхенское пиво лучше ленинградского» и т.п. Весной 1941 г. он был освобожден, работал в г. Луге, оттуда в начале войны эвакуировался – сначала пешком, потом поездами и пароходом на Волгу, а оттуда его выслали на Алтай. Затем в 1942 г. был в трудовом лагере на Урале.

В конце 1942 г. почтовая связь с ним оборвалась, после его письма, что он вскоре будет призван в армию. Попытки навести справки о нем – ничего не дали. Значительно позже жена Павла получила справку райвоенкомата (по ее новому месту жительства), что Павел пропал без вести в июле 1944 г.

Об учении Павла в Московском практическом электротехническом институте я ничего не знаю или не помню (я учился тогда в Высшей технической школе в Берлине). Но Вы, по-видимому, основываетесь не только на памяти, но и на старых списках и т.п.

Здесь мы имеем уникальную возможность дать подробную «линию жизни» младшего брата И.Р. Классона – со слов самого героя. Дело в том, что в ноябре 2008-го в руках автора этих строк, после запроса в Центральный архив ФСБ, оказалось следственное дело на П.Р. Классона. Оно было привезено в Москву из Петербурга и любезно предоставлено мне, как его родственнику, для просмотра, выписок и даже фотографирования (но под неусыпным присмотром сотрудницы ФСБ по Москве и Московской обл.)! Предварительно отметим здесь трагическое решение П.Р. Классона – по возвращении из Германии в августе 1932-го и при получении советского паспорта записаться немцем (как будто бы по отцу, который советского паспорта, с указанием национальности, получить не успел), а не русским (по матери, умершей еще до октябрьского переворота 1917-го).*

К советским немцам большевики меняли свое отношение синхронно с отношением к Германии: от дружбы и сотрудничества до подозрительности и ненависти. Это трагическое решение и послужит основой для заведения уголовного дела...

О сути уголовного дела мы расскажем в очерке “Павел Классон – «советско-германский шпион»?“. А здесь приведем, для иллюстрации «линии жизни» нашего героя, лишь фрагменты из поразительных по откровенности записей, которые подследственный сделал в марте 1939-го на бланках протоколов допроса, в ответ на предложение начальника Управления НКВД по Ленинградскому округу «дать точные и правдивые показания о своей деятельности и настроениях за период времени с 1925 года».

Итак, об учебе в Германии:

В апреле 1925 года я получил в Москве советский загранпаспорт. <...> Мой брат Иван Робертович Классон, который на пять лет старше меня, находился уже в это время в Берлине, где он учился в Высшей технической школе. За границу он выехал тоже по советскому паспорту осенью 1922 года. В конце 1924 года уехал по советскому паспорту в Германию мой приятель Юрий Викторович Кирпичников.

Таким образом, мое желание получить инженерное образование в Германии было вполне естественным, тем более что в 1925 г. в СССР не было гигантов машиностроения, которые появились в годы первой пятилетки. Поэтому у меня было сильное желание попасть для стажировки на крупные машиностроительные заводы за границы.

Мой покойный отец написал личное письмо директору Тоннемахеру, одному из директоров фирмы Сименс-Шуккерт в Берлин с просьбой устроить меня практикантом на заводы этой фирмы, так как для поступления в технические учебные заведения Германии требовался одногодичный практический стаж.

* До 1933 г. советские граждане, как это ни странно, обходились без паспортов, документом служила, например, трудовая книжка, обо всем этом можно узнать в подробностях на ресурсе

(lawtheses.com/pasportnaya-sistema-i-pasportnyy-rezhim-v-sovetskom-gosudarstve-v-30-e-gg-xx-v):

Принципиальным отличием советской паспортной системы от дореволюционной стало то, что в тех местностях, где она вводилась, получение паспорта объявлялось обязанностью всех граждан, достигших 16-летнего возраста. Этот принцип закреплялся в постановлениях ЦИК и СНК СССР, принятых 27 декабря 1932 г.: «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов», «Об утверждении Положения о паспортах». <...>

А у меня в это время был лишь практический стаж нескольких месяцев работы в одной авторемонтной мастерской в Москве. Кроме того, облегчался вопрос с визой на въезд и пребывание в Германии.

В двадцатых числах июня 1925 года я выехал из Москвы в Берлин через Себеж и Ригу. По приезде в Берлин я первое время жил вместе с братом, а затем – отдельно от него.

С 1 июля 1925 г. я приступил к работе в качестве практиканта на заводах фирмы Сименс-Шуккерт [\[под Берлином\]](#). Тогда же я посетил по службе директора этой фирмы Тоннемахера. <...>

Проживая в Берлине, я бывал на дому у следующих лиц:

- 1) в семье покойного [\[зам\]](#) Торгпреда СССР в Германии В.В. Старкова;
- 2) у служащего Торгпредства Иосиф Иосифовича Фейникеви, венгерского подданного;
- 3) у служащего Торгпредства Борис Абрамовича Кревера, иностранного подданного, в конце 1926 или в начале 1927 года он уволился из Торгпредства и уехал во Францию, после чего я его не видел и связи с ним не поддерживал;
- 4) у приятеля моего покойного отца, австрийского подданного, доктора химии Эрнеста Ленера, проживавшего в то время в Берлине.

<...> В 1926 году, 11 февраля, умер на заседании в ВСНХ мой отец, технический директор Московского Объединения Государственных Электрических Станций (МОГЭС), изобретатель гидравлического способа добычи торфа. Особым постановлением Совнаркома РСФСР одна из электростанций, построенных моим отцом, была названа «Электростанцией имени Классона», а я и мой брат получили для продолжения образования за границей персональные стипендии в размере 200 рублей золотом в месяц каждому*. <...>

По окончании одногодичной практики на заводах Сименса и после соответствующей подготовки по ряду предметов я поступил на машиностроительный факультет Инженерной школы в Констанце на Боденском озере (Южная Германия). Необходимо отметить, что я и мой брат не состояли в союзе советских студентов в Германии, вследствие его засоренности лицами, не имевшими советского гражданства.

В 1927 году я впервые посетил Швейцарию и познакомился с моими родственниками в Женеве, которых до тех пор не знал. В Женеве проживала моя тетка, сестра покойного отца, уехавшая из России задолго до [\[I мировой\]](#) войны и революции в конце прошлого столетия. Она замужем за профессором медицины Женевского Университета и [\[ее\]](#) фамилия по мужу Кристиани.

В то время ей было около 60-ти лет, у ней взрослая дочь, моя кузина, которая замужем за служащим Международного бюро Труда при Лиге Наций, ее фамилия по мужу Артюс. У нее трое детей. Все перечисленные лица швейцарские подданные. Я посещал их в Женеве в 1927, 28, 29, 30 и 31 годах.

В 1928 году в июне месяце я разбился при езде на мотоцикле, задавив большую собаку**. Я упоминаю об этом инциденте лишь потому, что на следствии [\[в Управлении НКВД по Ленинградскому округу\]](#) был разговор, что я при этом мог войти в соприкосновение с германской полицией. Однако претензии ко мне предъявляла не полиция, а владелец собаки, с которым я позднее помирился.

* Эти стипендии выплачивало не государство, а МОГЭС (Московское объединение государственных электростанций).

** Эта собака, по-видимому, выскочила на шоссе.

Время каникул я использовал также для повышения квалификации и расширения своего кругозора, для чего посещал различные машиностроительные заводы в Германии и Швейцарии. Так, например, я посетил 5 турбостроительных заводов в разных местах Германии, пользуясь содействием Берлинского торгпредства СССР, а также личными знакомствами.

Во время моего пребывания за границей я читал советские газеты (там, где мы их доставали) и, кроме того, германскую демократическую газету «Берлинер Тагеблатт». Германские националистические газеты я никогда не читал и никакого интереса к фашистской литературе не проявлял. В 1930 году, весной я окончил Инженерную школу и получил звание инженера.

Как я уже указывал ранее, в мои намерения, которые покойный мой отец одобрял, входило не только получение мною за границей инженерного образования, но и приобретение практического стажа на зарубежных заводах.

С этой целью я предпринял шаги для прохождения годичной стажировки на ведущем европейском Турбостроительном заводе фирмы Браун Бовери и К^о в Бадене в Швейцарии. Мне оказали содействие директор этой фирмы Пфау, директор Шультхейс и инженер Арнд, проживавшие в Цюрихе, так как они знали ранее моего покойного отца. Я проработал на заводе Браун Бовери до весны 1931 года, при этом никакой зарплаты не получал и числился волонтером, работающим для повышения квалификации.

В общем, отец, а затем и его доброе имя обеспечили Павлу за границей «зеленую улицу» в учебе и получении практического стажа. И, по-видимому, из него мог бы выйти классный турбинист-машиностроитель, в любой стране. Но только не в сталинском СССР, как мы увидим дальше. Об опасностях жизни «под большевиками» П.Р. Классон стал задумываться еще в Германии:

В декабре 1930 года я встретился в Цюрихе (20 минут езды на поезде от Бадена, где я жил) с директором Эдуард Рейнгольдовичем Ульманом, который был в это время директором электростанции в Лодзи в Польше.

Я его знал, так как он бывал у нас на квартире в Москве до революции, после которой он уехал за границу. Он говорил со мной об арестах в Москве, в связи с процессом Рамзина, в частности об аресте Виктор Дмитриевича Кирпичникова, который в свое время был ближайшим сотрудником моего отца. Ульман развивал в разговоре ту мысль, что при таких условиях мне не стоит возвращаться в СССР, так как я могу быть тоже арестован. Этот разговор, хотя произвел на меня большое впечатление, но никаких практических выводов я из него не сделал.

Весной 1931 года по окончании стажировки на заводе Браун Бовери и К^о я покинул Швейцарию и вернулся в Берлин. Срок действия советского паспорта, по которому я проживал за границей, истекал каждый год 1 апреля, и я каждый год возобновлял срок его действия в консульской части Полпредства СССР в Берлине, мотивируя каждый раз мое дальнейшее пребывание за границей.

Поэтому в 1931 году я представил удостоверение фирмы Браун Бовери и К^о о том, что я на заводе этой фирмы в Швейцарии прошел годичный стаж и мотивировал мое пребывание за границей целесообразностью прохождения моего стажа у фирмы Сименс-Шуккерт. Срок действия паспорта был продлен.

В это время в Берлине находился в командировке инженер А.В. Винтер (строитель Днепростроя), я говорил с ним, и он одобрил намечаемый мною план стажировки у фирмы Сименс. Вскоре я приступил к работе в теплотехническом отделе проектного бюро фирмы Сименс-Шуккерт. Работал я аналогично тому как и в Браун Бовери, то есть для повышения квалификации и не получая зарплаты.

Содействие в этом мне оказали упомянутый выше директор фирмы Сименс Тоннемахер и прокурисст фирмы Кандлер. Во время моей работы я имел дело главным образом с следующими работниками фирмы Сименс: Доктор-инженер В. Штендер, старший инженер Г. Зауэр, инженер Шредер, инженер Бирзак, инженер Борк, прокурисст Крюгер, Доктор-инженер Г. Мелан.

Весной 1931 года я видел упомянутого выше инженера И.И. Фейникеви, работавшего ранее в Торгпредстве [СССР] в Берлине. Он вернулся из Москвы, где работал в Нарком-внешторге как иностранный специалист, но бросил работу и спешно покинул Москву после арестов, в связи с процессом Рамзина, ряда русских специалистов, с которыми он был в близких отношениях.

По возвращении в Берлин он предлагал свои услуги Торгпредству, но на работу принят не был; после чего он уехал в Испанию, взяв на себя представительство Витковицких заводов (Чехословакия). В 1931 году в Берлине я его видел последний раз.

В том же 1931 году я видел в Берлине еще раз директора Ульмана, он вел со мной такой же разговор как и в декабре 1930 года в Цюрихе, указывая мне на невозможность моего возвращения в СССР. Им была сказана фраза о том, что «твой отец вовремя умер, так как он не избежал бы участи других специалистов и был бы арестован».

Под влиянием всех этих разговоров я заколебался в вопросе возвращения в СССР и был на службе у директора Виктора Брюнига (Акц. О-во Лихт унд Крафт) с целью выяснить, окажет ли он мне содействие в случае моего перехода в германское подданство. Никаких антисоветских разговоров с ним при этом не вел. С его точки зрения подобное намерение было вполне естественным и никакой мотивировки не требовало. При этом был разговор о политическом положении в Германии и перспективах на будущее. Из разговора выяснилось, что он не стоял на правых позициях и к фашистскому движению не примыкал. У него на дому я никогда не был и никого из его домашних не знаю. Он мне обещал оказать содействие и просил прийти через две недели, и я был у него вторично. Однако от дальнейших шагов в этом направлении я отказался, так как мои колебания в вопросе возвращения в СССР были временными, и причины этого указаны мною выше.

О моем решении я и довел до сведения В. Брюнига, хотя он и указывал, что я могу и в дальнейшем рассчитывать на его содействие. С директором Виктор Брюнигом я познакомился осенью 1922 года в Москве, куда он приезжал по делам. В то время он руководил в Германии предприятием по добыче торфа по способу, изобретенному моим отцом [и рядом его сотрудников] (Гидроторф). В связи с этим он и приезжал в Москву. Это предприятие закрылось несколько позднее ввиду его нерентабельности в условиях капиталистической Германии.

Что касается директора Э. Ульмана, то он умер в 1935 г. в Германии, что я узнал из некролога, который был помещен в немецком электротехническом журнале (E.T.Z.)

В 1932 году я закончил мою стажировку у фирмы Сименс и получил об этом соответствующее удостоверение. Когда я прощался с моим техническим руководителем, инженером В. Штендером, он спросил меня в полушутливом тоне: не думаю ли я, что меня поставят в России к стенке потому, что я так долго был за границей. Я ответил, что я считаю, что это совершенно исключено.

В конце 1931 или начале 1932 года я познакомился с инженером [советской] Котлотурбины Мечиславом Рымша, находившимся на работе в Торгпредстве в Берлине. Я помогал ему ввиду его недостаточного знакомства с немецким языком в некоторых технических вопросах, например ознакомиться с немецкими нормами приемки котельного оборудования и т.п. Через него я познакомился также с инженером Котлотурбины Германом, находившимся тогда в командировке в Берлине.

Павел Классон, Ленинград, 1934-35 гг.

Отметим здесь, что, как свидетельствовал отец Павла в октябре 1922 г., действительно “представитель немецкого «Консорциума «Гидроторф» доктор-инженер В. Брюниг осматривал в сентябре месяце с/г. торфяные разработки Гидроторфа на «Электропередаче»” (ф. 758 РГАЭ).

Воспроизводя дальнейшую «линию жизни» нашего героя, мы увидим, что без протектирования знакомых Р.Э. Классона и тут не обошлось:

Весной 1932 года в СССР уехала группа советских студентов, с этой группой уехал и мой приятель Юрий Викторович Кирпичников, закончивший к этому времени свое техническое образование. Отец его В.Д. Кирпичников был в это время освобожден из-под ареста.*

Вскоре после этого я обратился по личной инициативе к уполномоченному Наркомтяжпрома в Германии (или к его заместителю), получил деньги на билет до Москвы и 31 августа 1932 года уехал из Берлина в Москву <...>.

Подводя итоги моего семилетнего пребывания за границей, я считаю, что цель, намеченная мною при отъезде из СССР в 1925 году, была выполнена, т.к. я не только получил за границей теоретическое инженерное образование, но и проработал в общей сложности почти 3 года на заграничных передовых предприятиях: Сименса в Германии и Браун Бовери в Швейцарии, также знакомился с другими заводами и электростанциями.

* Но через пять лет В.Д. Кирпичников будет опять арестован и уже расстрелян!

Основное, что стимулировало мою работу по повышению квалификации, это, наряду с живым техническим интересом, который у меня всегда был, желание оправдать те средства, которые были потрачены Советским правительством на мое заграничное образование, а также отвечать тем, возможно повышенным ожиданиям, которые я мог предвидеть в связи с тем, что я был персональным стипендиатом, тем, что мой отец был выдающимся инженером.

Как я уже указывал, к фашистскому движению в Германии я относился резко отрицательно, среди моих знакомых не было лиц, примыкавших к этому движению. Кроме того, что я к фашизму относился отрицательно, я никогда не интересовался фашистской литературой, например книгу Гитлера [*«Майн Кампф»*] я никогда не держал в руках, хотя она была выставлена во всех магазинах в Берлине. Как я указал выше, я уехал из Германии в августе 1932 года, то есть за полгода до прихода фашизма к власти.

Приехав в сентябре 1932 года в Москву, я посетил моего старшего брата Ивана Робертовича Классона, который в то время работал на Каширской электрической станции под Москвой. Он инженер-электрик, окончил свое образование в Берлине и вернулся в СССР в 1930 году. Желая работать в области паротурбостроения, я поехал в Ленинград, получив рекомендательное письмо от А.В. Винтера, к Василию Ивановичу Андрееву, тогдашнему руководителю Котлотурбины. А.В. Винтер знал меня с 1912 года и видел меня неоднократно за границей.

В Ленинграде я разговаривал с В.И. Андреевым, он спросил меня, какое у меня подданство, узнав, что я подданный СССР, сказал, что в таком случае мне не могут быть предоставлены преимущества, которыми пользуются иностранные специалисты, и что многие русские приезжают работать в СССР, имея иностранные паспорта, и работают на правах иностранных специалистов. Мою годовую стажировку на заводе Браун Бовери в Швейцарии он одобрил, указав, что эта фирма стоит в техническом отношении выше английской Метро-Виккерс, с которой в то время Котлотурбина имела договор о технической помощи.

Кроме того я говорил с инженером Германом, тогдашним директором Научно-Исследовательского Котлотурбинного института (НИКИ), с которым я познакомился в 1932 году в Торгпредстве в Берлине. В результате я поступил инженером в паротурбинный сектор НИКИ с месячным окладом в 500 руб.

Работал я под непосредственным руководством начальника сектора инженера Владимир Федоровича Рорбах. Территориально работа протекала на заводе имени Сталина, там я и познакомился с некоторыми работниками этого завода. В конце 1932 года или в начале 1933 г. Рорбах уехал, будучи швейцарским подданным, за границу.

В феврале 1933 года произошло слияние НИКИ с ленинградским областным теплотехническим институтом. Вся администрация была новая, которая меня не знала. Были проведены большие сокращения технического персонала. В том числе и я был уволен по сокращению штатов 1 марта 1933 года.

Это было для меня большим разочарованием, так как ровно через полгода после моего возвращения в СССР я оказался без работы, вопреки уверениям Уполномоченного НКТП в Берлине о том, что буду иметь в СССР большую и интересную работу.

Поясним, что в 1930 г. ВСНХ СССР создал в Ленинграде союзное объединение (трест) «Котлотурбина», получившее позднее название – «ЦентроэNERгомонтаж». А заводом имени Сталина назывался тогда бывший дореволюционный Металлический завод и будущий ЛМЗ, выпускавший гидравлические и паровые турбины, но не только их, как будет видно дальше.

В своих «чистосердечных показаниях» Павел не указывает, почему был сокращен именно он, учившийся в Германии и стажировавшийся на лучших европейских турбостроительных заводах. Кроме того, что «администрация была новая, которая меня не знала». Рискнем предположить, что основной причиной избавления от «лишнего специалиста» было его непролетарское происхождение, «неправильная национальность» – советский немец и беспартийность.

Такую уж кадровую политику проводили большевики, какой ущерб она нанесла экономике СССР, подсчитать точно конечно невозможно, но наверняка немалый.

Продолжим «линию жизни» Павла Робертовича:

Я обращался к Проф. М. Шателену, которого еще знал до отъезда за границу, однако в тот момент он не мог мне содействовать в получении работы в Ленинграде. Не имея здесь знакомых, я поехал в Москву, где обратился к Иван Ивановичу Радченко, который работал вместе с моим покойным отцом и знал меня с 1912 года, а также видел меня за границей, приезжая в командировки в Берлин (например, в 1926 году).

В 1933 году И.И. Радченко занимал какой-то пост в области торфяной промышленности. Узнав, что я проживаю в Ленинграде и нахожусь без работы, он мне дал рекомендательное письмо к Иван Ивановичу Кондратьеву, тогдашнему начальнику Главка Судостроительной промышленности. При этом Ив. И. Радченко указал, что я найду работу по специальности, как турбинщик, на заводе Северная Верфь, где раньше работал его сын Алексей Иванович Радченко.

Вернувшись в Ленинград, я предварительно обратился в НИИ Военного Кораблестроения, так как предпочитал работать не в цеху на заводе, а в Лаборатории, а еще ранее на заводе им. Сталина слышал, что в этом Институте будет хорошая паротурбинная Лаборатория. Однако там на работу принят не был, хотя моя стажировка на заводе Браун Бовери была соответственно оценена. После этого я обратился с вышеуказанным письмом из Москвы к И.И. Кондратьеву и был действительно направлен в турбинный цех завода Северная Верфь (ныне завод им. Жданова).

17 апреля 1933 года я приступил к работе в турбинном цеху, в бюро подготовки производства. По указанию тогдашнего начальника бюро инж. Зельдича мне была поручена работа с иностранным специалистом Германом Кобелем, германским подданным, что объясняется плохим знанием им русского языка и тем, что я немецким владел в совершенстве. Летом этого же года Кобель уезжал на время своего отпуска в Германию. После его возвращения из отпуска он продолжал работать совместно со мной. Поступив на Северную Верфь, я получил оклад 350 руб. (вместо 500 руб., которые я получал в НИКИ в 1932 году). Иностранный специалист Кобель получал больший оклад и пользовался всеми преимуществами инспециалиста.

Я воспринимал это как некоторую несправедливость по отношению ко мне, однако никаких антисоветских выводов из этого не делал и высказываний у меня по этому поводу не было. Поскольку я все время работы (7 часов в день плюс иногда сверхурочные) проводил совместно с Г. Кобелем, у нас, естественно, установились дружеские отношения. Он пригласил меня к себе на квартиру, желая познакомить со своей женой. Жена его – русская еврейка (это указывает на то, что он не был фашистских убеждений), женился он на ней в Ленинграде.*

* В то время в СССР была рабочая пятидневка, при шестом выходном дне.

Я был у него на квартире раза три. По моей просьбе он мне достал в «Инснабе» мыло, калоши и еще какие-то вещи, за которые я ему заплатил советскими деньгами указанные им суммы. Вероятно, указанные им цены были выше Инснабовских, так что, оказав мне услугу, он еще на этом заработал. По убеждениям своим он отнюдь не был фашистом. Об этом я сужу на том основании, что он часто не одобрял мероприятия в Гитлеровской Германии, о которых он узнавал из газет (советских на немецком языке).

В начале 1934 года мы с Кобелем, не помню, по какой причине, связанной с нашей совместной работой, не ладили. Это обстоятельство послужило толчком к моему уходу с Северной Верфи. Основная же причина была в том, что тогдашний начальник турбинного цеха инженер Кравченко, принимая меня на работу, обещал мне, что я буду заведовать турбинным стендом (после окончания расширения турбинного цеха), а временно определил меня в вышеуказанное бюро, где я и проработал все время.

Работа меня не удовлетворяла, а в начале 1934 г. начальник цеха уже отказывался от своего обещания, относительно моего использования на стенде. В результате я подал заявление о увольнении по собственному желанию и уволился с 31 марта 1934 года.

Как мы увидим далее, Павел смог трудоустроиться после увольнения с Северной верфи, но развивалась ли его карьера как ценного специалиста? На этот вопрос отвечают все те же исписанные собственноручно бланки протоколов допроса (а заодно и вполне бесхитростно – про «подозрительную переписку с границей»):

Еще осенью 1933 года я случайно встретил на проспекте Володарского зав. бюро паровых турбин завода им. Сталина Марк Иосифовича Гринберга, он знал меня по моей работе в НИКТИ, где он работал по совместительству. Он предложил мне перейти в лабораторию паровых турбин завода им. Сталина. Однако выяснилось, что там мой оклад будет еще меньше (325 руб.), что удержало меня тогда от перемены места работы, так как я считал принципиально неправильным переходить с понижением оклада. Но, уволившись с Северной Верфи, я **[вынужденно]** пренебрег этим и поступил с 1 апреля 1934 года на должность инженера в лабораторию паровых турбин Ленинградского Металлического завода им. Сталина. Примерно в это же время, то есть в начале 1934 года, я женился на Любовь Петровне Фомичевой, с которой познакомился в 1932 году.

Перехожу к вопросу о моей заграничной корреспонденции. Перед отъездом из Германии я слышал мнение о том, что советские граждане, уехав из СССР, не пишут своим знакомым и даже родственникам за границей, потому что боятся, так как на это советские органы косо смотрят. Я счел нужным опровергнуть это в разговорах (в Германии) и обещал написать из Советского Союза хотя бы открытки, показав, что мне бояться нечего, и я в этом отношении ничего криминального не вижу.

По приезде в СССР я написал из Москвы или Ленинграда открытки с приветами немецким инженерам у Сименса, а также писал моей тетке в Женеву и еще нескольким лицам. Я получал ответы и тщательно сохранял всю получаемую мною корреспонденцию, не уничтожая ни одного письма или открытки с тем, чтобы я мог всегда доказать – в корреспонденции не содержится ничего предосудительного.

Все письма и открытки, полученные мною из-за границы после моего возвращения в Советский Союз, были взяты у меня при обыске 4/III 38 г. В числе лиц, которым я писал из СССР, был доктор химии Эрнест Ленер, которого я посещал на дому в Берлине, он был приятелем моего покойного отца. При моем отъезде из Берлина он просил меня в случае какой-либо нужды обращаться к нему, так как он считает себя обязанным по отношению к моему покойному отцу и хочет что-нибудь сделать для его сыновей.

Петр Иванович и Александра Васильевна Фомичевы и их дочь Любовь, 1913 г.

Во время моего пребывания за границей я к нему ни с какими материальными просьбами не обращался, будучи вполне обеспечен стипендией Советского правительства.

Находясь в СССР, я обратился к нему в 1932 году с просьбой прислать мне одну вышедшую в Германии книгу по паровым турбинам, что он и сделал, и в письме снова напоминал, что просит и в дальнейшем обращаться к нему со всякого рода просьбами без всякого стеснения. Зная, что Ленер левых демократических убеждений (это доказывается тем, что после прихода Гитлера к власти он покинул Германию), я написал ему в начале 1934 года (или в конце 1933 г.) просьбу прислать мне небольшую сумму на Торгсин, что он и сделал. Вызвано это было тем, что у меня сложилось тяжелое материальное положение. Кроме того, я знал, что этот факт не будет использован Ленером для какой-либо антисоветской агитации, в противном случае я этого не сделал бы. Еще раз он мне прислал деньги в начале 1935 года, а позднее, после того как я стал больше зарабатывать, я ему сообщил, что в связи с этим я в дальнейших переводах не нуждаюсь.

В эти же годы (1934-35) я получил два или три раза переводы на Торгсин, на очень небольшие суммы (100 французских франков), от моей тетки из Женевы. В этом случае я так же вполне уверен, что это обстоятельство не было использовано для каких-либо антисоветских высказываний.

Как я указал, с 1 апреля 1934 г. я работал на заводе им. Сталина в лаборатории паровых турбин, работа меня в основном удовлетворяла, лишь мое материальное положение было весьма неудовлетворительным, так как я получал оклад 325 руб. в месяц при почти полном отсутствии приработков. В мае 1935 г. за успешную работу я был премирован администрацией командировкой в Москву, в Теплотехнический Институт им. Дзержинского и в вентиляторную лабораторию ЦАГИ.

Примерно к этому же времени относится и моя изобретательская деятельность в области газовых турбин, проблеме, меня всегда очень интересовавшей. По формальным причинам (ссылки на иностранные патенты) авторского свидетельства я не получил. В связи с этим в 1935 г. я взял из технической библиотеки завода им. Сталина книгу Г. Зотикова о газовой турбине, и, хотя на книге был штамп «не подлежит оглашению», я выписал некоторые данные (например, коэффициент теплопередачи), считая их спорными и желая проверить в иностранной литературе. Эти данные я никому не показывал.

Сей незначительный факт я упоминаю лишь в связи с тем, что написал об этом в своих показаниях от 11 марта 1938 г., не разъяснив однако там, зачем я делал выписки. Эта книга была получена мною в технической библиотеке, так как я был наиболее активным читателем технической литературы. Во время моей работы в лаборатории я написал в газету[[-многотиражку](#)] «Сталинец» заметку о постановке лабораторно-исследовательской работы на зарубежных заводах, о чем я знал по собственному опыту.

В сентябре 1934 г. в моей семье родилась дочь [[Маргарита](#)], а жена моя после этого не работала по состоянию здоровья, так что с тех пор на моем иждивении находились жена, дочь и теща. Насколько мой заработок в то время был очень низкий, то и мое материальное положение было малоудовлетворительное.

В связи с этим в 1935 г., заплатив пошлину, я получил разрешение ленинградской таможни на продажу пишущей машинки, которую привез из-за границы, и продал ее за 2 500 руб. В том же году я некоторое время (около месяца) замещал зав. лаборатории, который был в командировке.

Забегая вперед, отметим, что у Павла Классона при обыске 4 марта 1938 г. было изъято 227 писем и 101 открытка, однако в августе того же года «вся переписка, как не имеющая отношения к следственному делу, была уничтожена путем сожжения».

Значит, из этой обширной, но вполне легальной переписки доблестным чекистам не удалось выудить никаких подтверждений шпионской деятельности нашего героя!

Об этом мы расскажем в другом очерке, а сейчас вернемся к его «линии жизни»:

В конце 1935 г. в лабораторию пришел инженер Шарухин, только что перед этим окончивший институт. Я к этому времени был назначен инженер-бригадиром, и мой оклад был увеличен до 550 рублей. С момента поступления в лабораторию Шарухин начинает вести против меня борьбу, пользуясь тем, что он был вскоре назначен профоргом лаборатории. До этого времени отношения у меня с начальством были вполне нормальные, и моей работой были довольны, что подтверждается тем, что оклад [[у меня](#)] был наивысший в лаборатории, если не считать ее заведующего.

Летом 1936 г. я обнаруживаю однажды, что токарь и слесарь лаборатории в рабочее время выполняют на заводе частный заказ инженера Шарухина по изготовлению частей для какого-то замка. Будучи возмущен таким нечестным отношением Шарухина к работе, я сообщил об этом зав. лаборатории, и эти частные работы были немедленно прекращены.

Маргарита Классон, 1936 г.

После этого мы были с ним окончательно в ссоре, так что его показания [против меня] не могут считаться объективными. Так он указывает на то, что я якобы злоупотреблял сверхурочными. Однако это не соответствует действительности, так как, уходя в сентябре 1936 г. в месячный отпуск, я получил отпускной аванс (равный среднемесячному заработку за год) около 600 руб., при окладе 550 руб. Из этого видно, что мой приработок был ничтожный, и никакой речи о «рваческом» отношении к работе, как говорит Шарухин, не может быть.

Поскольку во второй половине 1936 г. испортились под влиянием Шарухина мои отношения с лабораторией, а также в связи с тем, что мой заработок был небольшой, я решил уйти с завода им. Сталина. Так как я слышал, что на предприятиях Главморпрома требуются инженеры-турбинщики и заработки там более высокие, чем на заводе им. Сталина, и тем более, что с морскими турбинами я был знаком по своей работе на Северной Верфи, то обратился в отдел кадров Главморпрома и был направлен в Научно-Исследовательский Институт судостроения (НИИС), переименованный в начале 1937 г. в НИИ №4 Наркомата оборонной промышленности.

Там мне было указано, что я должен предоставить две партийные рекомендации от людей, которые смогут за меня поручиться. Это и было сделано: один из давших рекомендацию работал в турбинном цеху на заводе им. Сталина и кроме того знал меня, проживая вместе со мной в одной квартире в период 1933-34 гг., фамилия его Копылов Н.П., другую рекомендацию я получил от инженера Котлотурбины Мечислава Рымша, с которым я познакомился в Берлине во время его работы в Торгпредстве.

Ну что же, Павел Классон, похоже, не был отчаянным бойцом за справедливость. С другой стороны, он, хотя и порядочный, как сын буржуазного спеца, беспартийный, семь лет «проболтавшийся за границей» и записавшийся немцем при получении внутреннего паспорта, заведомо не мог одержать победу над вороватым инженером из пролетариев, коммунистом, профоргом лаборатории, русским Н.П. Шарухиным. Вполне вероятно, что этот персонаж был к тому же и сексотом Управления НКВД по Ленинградскому округу.

Например, в марте 1939-го он обнаружил отличную память в отношении деталей чужих разговоров трехлетней давности (уже зафиксировав их в доносах?):

Я лично никогда не слышал антисоветских высказываний со стороны Классон П.Р., т.к. со мной он никогда на политические темы не разговаривал, но мне известно со слов инженера Маркова (выехал в Архангельск в 1937 г.), что Классон в беседе с ним восхвалял жизнь в Германии и клеветнически отзывался о нашей прессе.

Поэтому и служебная и научная карьера Павла на Ленинградском металлическом заводе, к сожалению, закончилась. Но, может быть, в НИИС ему повезло больше? Да – и по линии заработка, и по линии научной карьеры, но тут в его судьбу бесцеремонно вмешались чекисты:

31 декабря 1936 г. я ушел с завода им. Сталина, а 7 января 1937 г. приступил к работе в НИИ №4 на должности исполняющего обязанности старшего научного сотрудника с окладом 600 руб., причем мой реальный месячный заработок вырос тоже, не превышая впрочем 1 000 руб. В этом институте мне была предоставлена возможность изучать итальянский язык.

В результате этого летом 1937 г. я перевел с итальянского одну интересную техническую статью и направил ее в журнал «Судостроение», где она и была напечатана. Так что после этого я [регулярно] просматривал техническую литературу, как советскую, так и на четырех иностранных языках.*

В НИИ №4 я проработал вплоть до дня ареста, то есть 14 месяцев, не имея при этом отпуска. Отпуск за 1937 г. был перенесен на 38 г., и я не успел его использовать. За все время моей работы в Ленинграде я ни разу не пользовался домами отдыха или санаториями и лишь незадолго до ареста мне предлагали путевку в дом отдыха.

В очерке “Павел Классон – «советско-германский шпион»?!” излагается вполне обычная для сталинских времен история о том, как чекисты «шили дело о шпионаже» нашему герою. Но не вполне обычная тем, что это дело, после смещения Ягоды и назначения Берии главой МВД, пришлось «перелицевать» на заурядную «антисоветскую агитацию». А здесь мы лишь отметим, что он был освобожден 4 марта 1941 г., ровно через три года после ареста, почему-то из Бутырской тюрьмы в Москве. Хотя, отсидев два года во внутренней тюрьме НКВД в Ленинграде, он после приговора Особого совещания был выслан в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).

Некоторые оригиналы вышеупомянутых документов размещены в очерке “Павел Классон – «советско-германский шпион»?!” , а в Приложении “Инженер-механик П.Р. Классон, его жена Л.П. Фомичева-Классон и «Софья Власьевна»” – некоторые письма отца Любови Петровны, почти полный текст документов из уголовного дела на Павла Робертовича и его публикация в журнале «Судостроение».

Сохранилась открытка, которую Павел послал брату на Телеграфный пер., где жила их сестра Екатерина (Иван в это время находился в постоянных командировках и «между двумя женщинами») из-под Архангельска (Маймаксанский район, Завод Конвейер, д. №66) в октябре 1940 г.:

* Новые идеи в конструкции паровых механических установок для [зарубежных] военных кораблей // «Судостроение», 1937, №11. Перевод статьи Prof. G. Belluzzo «Nuovi Criteri Nella Conctruzione d. apparati motori a vapore per la Navi da Guerra» // «La Marina Italiana», 1937, №5.

<...> В момент освобождения я не буду [числиться] ни в каком Наркомате, и следовательно перевести меня смогут лишь после того, как я куда-нибудь устроюсь. А здесь задерживать не будут, т.к. до сих пор вольнонаемных не отпускают с работы согласно указу, а освобождающимся заключенным давали расчет без задержки.

Если я смогу поехать отсюда в Ленинград, то очевидно сделаю это, но там могут не прописать. Вообще возможность выбора места существует, но, вероятно, с некоторыми ограничениями. На дорогу дадут деньги на билет и суточные. В Алма-Ате и Фергане должно быть очень жарко, а потому не особенно подходяще для меня.

Думаю, что переводы инженеров согласно указу будут иметь место в ближайшее время. Через четыре месяца этот вопрос будет не столь актуален, и я смогу обосноваться без того, чтобы быть опять переведенным. Что в момент освобождения я буду обладать возможностью выбрать место работы, не подлежит сомнению. Недавно я написал жалобу в президиум Верховного Совета на неправильное осуждение. Не знаю, будет ли результат. <...> Прочел Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Пусть Катя напишет, это тоже поднимает жизненный тонус.

Эта колония – Завод Конвейер сохранялась еще долгое время. Так в марте 2008 г. в СМИ появилась следующая информация: представители мэрии Архангельска посетили поселок Конвейер на острове Бревенник. Градообразующим предприятием поселка десятилетиями была исправительная колония УГ 42/7. Однако УФСИН решило закрыть ее и перевести спецконтингент в пос. Лесная речка.

В марте 1941-го Иван, находясь в очередной командировке в Кондопоге, получил открытку от жены Павла из Ленинграда: «Полик устроился в Луге, достали адрес у знакомых. За помещение надо ему платить 50 руб. в месяц. <...> Может быть, ему удастся получить там временную работу через знакомых. Послано два письма с хлопотами по Ленинграду, а затем надо [хлопотать] по Москве».

Затем Иван отписывал своей второй жене Анне: «В Ленинграде я <...> поехал к Любви Петровне, беседовал с Павлом и всем семейством, поехал в полночь уже на вокзал» (март 1941-го) и «Павел приезжал в Ленинград, он живет в Луге (160 км от Ленинграда), еще не работает» (апрель 1941-го).

Семейное предание гласит, что при получении внутреннего паспорта после учебы в Германии Павел записался немцем, а не русским. По-видимому, этот эпизод произошел в 1933-м, после того как в декабре 1932 года был издан указ «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» и учрежден внутренний паспорт для горожан и некоторых других категорий населения. С 1919 г. документом, удостоверяющим личность гражданина РСФСР, являлись трудовые книжки. С 1924 г. стали выдаваться удостоверения личности сроком на три года.

С 1927 г. юридическая сила удостоверений личности распространялась на такие документы как метрические выписки о рождении или браке, справки домоуправлений или сельсоветов о проживании, служебные удостоверения, профсоюзные, военные, студенческие билеты, документы об окончании вузов.

«Национальность» была одной из обязательных записей в паспорте, вписываемой в графу, шедшей пятой по порядку (знаменитый «пятый пункт»), после фамилии, имени и отчества, даты и места рождения, причем национальность записывалась по одному из родителей (а не по самоопределению).

Между прочим, отец Павла тоже воспринимал себя немцем (по матери Анне Карловне), а не шведом (по рано умершему своему отцу Эдуарду Эрнестовичу, которого он «почти не помнил»).

Из Сведений о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого по делу “О рассылке из С.Петербурга прокламаций, озаглавленных «15 Апреля 91 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Шелгунова” от 4 декабря 1893 г.: *«Классон Роберт Эдуардов, [родился] 31 января 1868 г. (25-ти лет) в Киеве, лютеранского вероисповедания, происхождение Сын чиновника (Коллежского Ассессора), народность немец, русский подданный»* (ф. 102 ГАРФ).

В 1941-м, согласно тому же семейному преданию, когда Павел уже вроде бы поселился с семьей в республике немцев Поволжья, все они в начале войны были высланы в восточные регионы. Это предание, по крайней мере, логично ложится на обстоятельства того, как Павел оказался сначала на Волге, потом на Алтае, а затем и в трудовом лагере на Урале.

С другой стороны, в 2008-м автор этих строк после запроса в Центральный архив ФСБ насчет «уголовного дела» на Павла Классона получил заодно и такую справку из Астрахани:

В архиве Информационного центра УВД по Астраханской области имеются сведения о том, что Классон Павел Робертович, 1904 г.р., был выслан с семьей (жена – Любовь Петровна, 1901 г.р. и дочь Маргарита, 1934 г.р.) из села Сокрутовка Владимирского района Астраханской области в Восточный Казахстан на спецпоселение на основании указа Президиума Верховного совета от 28.08.1941 г. Семья Классон реабилитирована в 1996 году.

Процитируем здесь указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», подписанный «добрым дедушкой», «всесоюзным старостой» М.И. Калининым:

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья и прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы.

Лишь в 1964 г. это несправедливое решение «Софьи Власьевны» было ею же, родной властью, отменено:

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев – советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам. Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве.

Вслед за августовским 1941 года указом президиума Верховного совета в сентябре-октябре Государственный комитет обороны издал ряд постановлений о депортации немцев из других регионов Европейской части России. В считанные дни НКВД перебросил многие сотни тысяч советских немцев в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию.

Практически все имущество, дома, домашняя утварь были конфискованы: брать с собой разрешалось только то, что могли унести в руках. На новом месте людей зачастую выгружали из эшелонов в голую степь.

Следом из «активных пособников» национал-социалистической Германии начали формировать «рабочие колонны». 10 января 1942 г. И.В. Джугашвили-Сталин подписал совершенно секретное постановление ГКО: «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет»:

В целях рационального использования немцев-переселенцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в количестве до 120 тысяч в рабочие колонны на все время войны, передав из этого числа:

а) НКВД СССР – на лесозаготовки 45.000 чел., на строительство Бакальского и Богословского заводов 35.000 чел.

б) НКПС СССР – на строительство железных дорог Сталинск – Абакан, Сталинск – Барнаул, Актюбинск – Карталы, Актюбинск – Павлодар, Сосьва – Алапаевск, Орск – Кандагач, Магандагорск – Сара 40.000 чел. <...>

2. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты Наркомата Обороны в исправной зимней одежде с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия.

<...> 6. Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу НКВД СССР.

14 февраля того же года вышел аналогичный документ – «О мобилизации немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках»:

Всех немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, постоянно проживающих в Архангельской, Вологодской, Ивановской, Молотовской, Пензенской, Рязанской, Свердловской, Тамбовской, Читинской, Челябинской, Чкаловской, Ярославской, Кировской, Новосибирской, Омской, Куйбышевской и Иркутской областях, Приморском, Хабаровском, Алтайском и Красноярском краях, Башкирской, Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской, Чувашской, Бурят-Монгольской и Коми АССР, Казахской, Туркменской, Таджикской, Киргизской и Узбекской ССР – мобилизовать в рабочие колонны на все время войны, передав НКВД СССР для использования на строительстве железных дорог.

Перед отправкой очередной «рабочей колонны» из трудового лагеря по очередному месту назначения (о чем строжайше запрещалось упоминать – прикрытием был «призыв в Красную Армию»), Павел Классон успел чиркнуть записку жене (как потом выяснилось, последнюю):

2 ноября 1942

Дорогая Любочка!

Вчера получил повестку, призывают снова в Красную Армию. Сегодня вероятно будет отправка. Куда – не знаю, напишу с дороги (продукты велели взять на 10 дней) или с места. Какие будут условия, я еще не знаю, буду ли работать по специальности или нет, какое будет питание и т.д.

Твой Полик

В Интернете имеется такая информация про фальшивые призывы советских немцев в Красную Армию:

Мобилизация проводилась военкоматами и под личную ответственность начальников НКВД, а так как постановление ГКО [от 14 февраля 1942 г.] носило совершенно секретный характер, это позволило оперативно провести первую трудовую мобилизацию немцев, под лозунгом призыва в ряды РККА, о чем имеются подтверждения с мест поселений. По местным данным, большинство немцев восприняло трудовую мобилизацию как призыв на фронт, как своеобразную реабилитацию в праве защищать страну и выполнять свой долг, как восстановление в политических правах, отнятых Указом о выселении, как повышение социального статуса среди населения СССР.

Свою роль в создании подобного отношения сыграли и сбор мобилизуемых в военкоматах, набор вещей, которые необходимо было иметь при себе, возраст призывников, а так же широко распространившиеся среди спецпереселенцев слухи, что немцы будут служить в армии.

В послевоенное время Любовь Петровна упорно добивалась реабилитации мужа и выяснения обстоятельств его гибели (получив лишь в 1949-м извещение о том, что это якобы случилось в июле 1944-го).

В первом направлении власти пошли ей навстречу (но лишь после разоблачения преступлений кровавого режима, для обозначения которого до сих пор почему-то используется пресловутый эвфемизм «культ личности Сталина»).

В 1962-м вдова получила ответ из прокуратуры Ленинграда на свою жалобу:

По делу, по которому Классон Павел Робертович был репрессирован в 1938-1940 гг., принесен протест в порядке надзора в президиум Ленинградского городского суда на предмет реабилитации Вашего мужа. Ответ о результатах рассмотрения вашего протеста получите из Ленгорсуда.

Одновременно разъясняю, что сведениями о дальнейшей судьбе Классон П.Р. после его освобождения из лагеря 4 марта 1941 г. мы не располагаем.

В том же году Любовь Петровна получила и справку о реабилитации мужа:

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 28 сентября 1962 г. постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 года в отношении Классон Павла Робертовича рожд. 1904 г. отменено и дело производством прекращено. Гр. Классон П.Р. по настоящему делу считается реабилитированным. На момент ареста работал и.о. научного сотрудника в НИИ №4.

Дата и место гибели Павла Классона неизвестны до сих пор. Вдова начала его поиски в 1949-м, они продолжались до 1972-го – по линии Минобороны СССР и Союза обществ Красного креста и Красного полумесяца СССР, но какой-либо определенности они так и не принесли. Была получена лишь справка, что призывался рядовой П.Р. Классон Кировским райвоенкоматом Восточно-Казахстанской области, в январе 1942-го или 1943-го (хотя последняя цифра в справке на плохой бумаге практически не пропечаталась)*, а пропал без вести – в июле 1944-го. Но последнюю цифру следует отнести к очередной «липе» в документообороте Советской армии и НКВД СССР – не мог человек не написать любимой жене ни строчки с ноября 1942-го по июль 1944-го!

* Согласно информации, содержащейся в «Банке данных погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны военнослужащих призванных с территории Казахстана» (mod.gov.kz/memorial) рядовой П.Р. Классон 1904 г.р. был призван 24 января 1942 г. Кировским РВК Восточно-Казахстанской обл. Казахской ССР. При этом дата выбытия («пропал без вести») обозначена следующим неопределенным образом: «между 22.06.1941 и 28.02.1949», т.е. по сути таковой не имеется!

Что-то трагическое произошло в том же ноябре 1942-го: например, в пути к месту назначения его зарезали из-за 10-дневного набора продуктов или же Павел вместе с другими «призывниками» тяжело заболел по вине «отцов-начальников» и умер в дороге. В общем, похоже, эту трагедию было решено прикрыть стандартной формулировкой (и лживой притом – и по обстоятельствам гибели, и по дате смерти): «находясь на фронте Отечественной войны, пропал без вести в июле 1944 года». Мол, война все спишет.

В августе 1945-го Л.П. Классон прислала И.Р. Классону открытку из Верхульбинского района Казахстана: *«Маргарита большая, учиться ей надо, а все не приходится. Не знаю, как бы получше устроиться. Уехать бы отсюда, уж очень здесь тяжелая жизнь. <...> Нельзя ли через Вас похлопотать о вызове. Мне жить все равно где, лишь бы с питанием было не так плохо как здесь и избавиться бы от малярии».*

В конце концов, семье удалось выбраться из Казахстана и приехать в Москву для хлопот в Министерстве электростанций (поскольку погибший Павел был сыном заслуженного энергетика) о более комфортном по климату месте проживания. Согласно сохранившейся справке Л.П. Классон затем работала архивариусом-библиотекарем на Симферопольской ГРЭС в пос. Инкерман, а при выходе на пенсию она с дочерью переехала в Севастополь. Еще одним «утешением» для вдовы стала выплата персональной пенсии. В январе 1983-го она получила такое извещение из отдела социального обеспечения исполкома горсовета Севастополя:

Решением Исполкома горсовета от 31.12.1982 г. за №23/1169 тов. Классон Любови Петровне, 1901 года рождения, получающей пенсию за заслуги умершего мужа, в связи с ухудшением состояния здоровья увеличен размер персональной пенсии местного значения. Предлагаем с 1 января 1983 года выплачивать тов. Классон Л.П. персональную пенсию в размере 75 рублей (семьдесят пять) в месяц пожизненно.

Ну что же, по крайней мере, с голоду не умрешь, а только – от неизбывной тоски по пропавшему без вести мужу (значит, и могила, куда можно было бы прийти поклониться, отсутствует).

Племянник Павла Александр Парнах (сын Екатерины Робертовны) так вспоминал о нем и его семье:

Из довоенного детства помню, что когда [в 1941-м] я лежал у себя в комнате, то кто-то открыл дверь и всунул голову – потом мне сказали, что это был Павел. Разговора с ним тогда не получилось, и я его не запомнил. Потом я узнал про его историю с арестом. Маменька рассказывала, что его арестовали за попытку купить калоши у иностранного туриста. И затем «навесили» на него еще что-то. А он не стал отпираться – все признал и подписал, чтобы его не били.

В 1930-е советские власти ввели в паспорта графу «национальность». Все сестры и брат Иван записались русскими – даже не сговариваясь между собой, а Павел – немцем.

В 1946-м мы жили – не тужили, и вдруг открывается дверь и входит его жена Любовь Петровна с дочерью Маргаритой. Вернулись они из какого-то города, где жили в эвакуации. Маргарита вынесла из этого периода сибирский или еще какой-то говор. И иногда меня дразнила: «Шурка, Шурка – пимокат, хорошо пимы катат». Дальше мы все жили в одной комнате – нас двое и их двое. Но это было достаточно обременительно, тогда они сняли комнату в соседнем доме.

И все это время Любовь Петровна ходила в Министерство электростанций. Через какое-то время ее отправили в Севастополь на местную электростанцию, дав ей какую-то несложную канцелярскую работу. Изредка она присылала письмо, что они с Маргаритой живут в городе-герое Севастополе, и маменька при этом страшно морщилась.

Потом прошло много времени, я в это время работал переводчиком на Цейлоне, и тут к маменьке явилась Маргарита. Екатерина Робертовна написала мне письмо, в котором сообщала, что теперь Маргарита стала выглядеть моложе меня . Маменька спросила ее: «А ты не думаешь выйти замуж?» и получила ответ: «Думаю». Но жениха у нее тогда не было, просто она действительно поняла, что пора подумать о замужестве. Как я ощущал, и мама и дочка были не очень умными людьми.*

Последнее умозаключение Александра Парнаха, из шибко интеллектуальной семьи, оставим на его совести. Все-таки Л.П. Фомичева-Классон в 1917-м закончила Петроградскую женскую гимназию с правом работать домашней учительницей. В гражданскую войну она была письмоводителем оперативного отделения в штабе 7-й армии красных и даже числилась журналисткой канцелярии этой же армии (вела журнал боевых действий?). А при допросе в НКВД в ноябре 1939-го у Любви Петровны вполне хватило ума не выдать следователю «круг знакомых» и «друзей и товарищей» мужа, кроме сообщения о контактах с уже известным «органам» другом детства и юности Юрием Кирпичниковым.

* Маргарита родилась в 1934-м, а Александр – в 1936-м.